КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 октября 1901 года.

„Кіевская Старина"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Письма профессора Университета св. Владиміра протоіерея Назарія Антоновича Ѳаворова къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Многія изъ печатаемыхъ ниже писемъ Н. А. Ѳаворова интересны, какъ говорящія о комитетѣ по реформѣ церковнаго суда, созванномъ въ Петербургѣ, куда по разнымъ обстоятельствамъ не могъ онъ, въ качествѣ члена его, такъ исправно ѣздить, какъ П. Г. Лебединцевъ, и посѣщать засѣданія, число которыхъ было 74. Считаю нужнымъ сказать объ этомъ комитетѣ нѣсколько словъ.

Отъ 14 генваря 1870 г. объявлено извѣстіе о Высочайше утвержденномъ комитетѣ по реформѣ духовнаго суда и о назначеніи членовъ. Обыкновенно въ разные комитеты при Синодѣ назначаются лица изъ столичнаго духовенства. Д. Г. Лебединцевъ [1]) посовѣтовалъ предложить графу Толстому, чтобы назначить также двухъ московскихъ и двухъ кіевскихъ представителей духовенства, причемъ указалъ на Петра Гавриловича Лебединцева, какъ практика, и Назарія Антоновича Ѳаворова, какъ теоретика. Съ нимъ согласились, но сказали, что за кіевскихъ вся нравственная отвѣтственность падаетъ на него.

---

[1]) Старшій братъ П. Г. Лебединцева, занимавшій очень видный постъ въ Петербургѣ.

Кіевскіе депутаты вполнѣ оправдали оказанное имъ высокое довѣріе. Въ началѣ февраля 1870 г. Петръ Гавриловичъ послалъ Даніилу Гавриловичу свою брошюру о церковномъ судѣ въ 17 вѣкѣ. Тотъ тотчасъ отослалъ ее юрисконсульту при оберъ-прокурорѣ св. Синода Василію Аѳанасіевичу Степанову, а отъ сего послѣдняго она была препровождена къ оберъ-прокурору Д. А. Толстому. Графъ Толстой возвратилъ ее чрезъ два дня при слѣдующей запискѣ: „Возвращаемая у сего брошюра протоіерея Лебединцева обѣщаетъ въ немъ полезнаго сотрудника нашего комитета". Отъ 2 сентября 1870 г. юрисконсультъ послалъ Петру Гавриловичу слѣдующее приглашеніе: „По порученію Его Преосвященства, господина предсѣдателя комитета, Высочайше учрежденнаго для преобразованія духовно-судебной части, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію пожаловать въ С.-Петербургъ для засѣданій въ означенномъ комитетѣ". Такое самое приглашеніе, очевидно, получилъ и Н. А. Ѳаворовъ. Когда именно выѣхали они изъ Кіева, не знаю. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комитетѣ былъ не архіепископъ Макарій, а П. Г. Лебединцевъ; противникомъ же его былъ профессоръ московской д. Академіи А. Ѳ. Лавровъ, получившій отъ своихъ сотоварищей по комитету прозваніе „обскурантиссимуса" и пріобрѣвшій не совсѣмъ завидную извѣстность книгою „Предполагаемая реформа духовнаго суда", изданной Н. Елагинымъ и имѣвшей значеніе призыва къ возстанію противъ предпринятой реформы, а также своими московскими апологіями, помѣщенными въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Эти апологіи несостоятельны и испещрены неделикатными, грубыми выраженіями по адресу противниковъ. Онъ представлялъ принятое въ свѣтскомъ судѣ начало отдѣленія судебной власти отъ административной—непримѣнимымъ къ суду духовному, основываясь на такихъ мѣстахъ священнаго писанія, смыслъ которыхъ ясенъ для всякаго, только не для Лаврова. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о поражающей массѣ злоупотребленій, какія допускаются въ духовныхъ слѣдствіяхъ, дознаніяхъ и благочинническихъ отзывахъ.

А между тѣмъ удивительныя вещи, въ видѣ дифирамбовъ, писались въ Москвѣ (іюньская книжка „Русскаго Обозрѣнія“ за 1896 г.) про Лаврова—о его дѣятельности въ комитетѣ, которою онъ будто оказалъ великую услугу православной церкви. Въ апрѣлѣ м. 1874 г., по случаю представленія всеподданнѣйшаго доклада о закрытіи комитета, графъ Толстой потребовалъ къ себѣ отзывы архіереевъ на проектъ, почему-либо особенно замѣчательные. Посылая эти отзывы, В. А. Степановъ въ запискѣ написалъ, что кіевскимъ протоіереемъ Лебединцевымъ написана основательная статья, еще ненапечатанная, въ которой выставляется вся нелѣпость сочиненій Лаврова. Статья эта оставлена графомъ у себя. Что сдѣлано съ нею, не знаю; знаю только, что въ 60 и 62 номерахъ „Голоса“ за 1872 г. помѣщена статья Петра Гавриловича безъ подписи—о степени судебной власти епископа, передѣланная, впрочемъ, Барсовымъ, по порученію В. А. Степанова. Въ первой книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1872 г. помѣщена статья противъ мудрованій Лаврова подъ иниціалами Л. Б. Кажется мнѣ, что эти буквы означаютъ—Лебединцевъ-Барсовъ. Архіерейскіе отзывы, по словамъ „Голоса“, написаны не только въ тенденціозномъ духѣ книги Елагина, но и ея мыслями, и ея языкомъ. Предполагавшаяся реформа церковнаго суда, клонившаяся не къ умаленію до крайней степени судебныхъ правъ архіерейской власти, а къ возстановленію праваго суда, какимъ пользуются всѣ прочія сословія Русскаго государства, отложена.

Н. А. Ѳаворовъ предчувствовалъ, что изъ этой реформы ничего не выйдетъ, но П. Г. Лебединцевъ до послѣдняго времени своей жизни не терялъ надежды: „пройдутъ годы, а все-таки будетъ такъ, какъ мы рѣшили“—говорилъ онъ.

Свящ. **Іоаннъ Гордіевскій**.

1.

Любезнѣйшій Петръ Гавриловичъ! [1]).

Вчера вечеромъ, въ 6 часовъ, я хотѣлъ было зайти къ Вамъ, но такъ усталъ послѣ служенія, что долженъ былъ отложить визитъ свой до другого времени. Здоровы еще Вы? Что-то Васъ не видно было въ прошлое воскресенье. Не совсѣмъ здоровилось и мнѣ во всѣ послѣдніе дни; съ субботы я не былъ и у Маріи Николаевны [2]). Каково ей живется въ новомъ положеніи? Если увидитесь съ нею на этихъ дняхъ до воскресенія, то пожалуйста передайте отъ меня ей поклонъ, съ извиненіемъ, что я никакъ не могъ навѣстить ее, частію по нездоровью, частію и по крайнему недосугу. Посылаю Вамъ слово при погребеніи общаго нашего друга [3]). Я самъ не совсѣмъ доволенъ этимъ словомъ: некогда было написать что-нибудь подѣльнѣе; да какъ то и состояніе души было у меня въ то время нехорошее. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось много говорить о покойномъ: образъ его стоялъ предо мною и слова какъ-то замирали на устахъ моихъ. Ну, что есть, то пусть и останется въ память его! Въ уваженіе желанія М. Николаевны, напечатайте написанное. Я хотѣлъ было назвать это рѣчью, да названіе это нейдетъ къ содержанію; не совсѣмъ идетъ и „слово“, но ужъ такъ и быть, пусть будетъ „слово“. До свиданія.

Вашъ преданный Н. Ѳаворовъ.

3 марта 1867 г.

2.

Сейчасъ получилъ я письмо ваше, мой добрый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Чтобъ отвѣчать на него сколько-

---

[1]) Письма печатаются съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ чисто личнаго характера.

[2]) Ключарева.

[3]) Тайный совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ.

нибудь посолиднѣе, нужно нѣсколько подумать и всмотрѣться въ дѣло. Въ концѣ этой же недѣли, или, по крайней мѣрѣ, не позже 1 декабря, я снова буду писать къ Вамъ и надѣюсь поговорить съ Вами подробнѣе и обстоятельнѣе, а теперь тороплюсь, главнымъ образомъ, поблагодарить Васъ за сообщенія ваши, а еще больше и даже несравненно больше за тонъ и духъ, въ какихъ они сдѣланы, ограничиваясь затѣмъ кое-какими увѣдомленіями о вещахъ изъ обыденнаго быта нашего. О соборѣ мнѣ наговорили сначала много ужастей, но, кажется, ужасти эти созданы воображеніемъ. Я не былъ еще въ Софійскомъ, но меня завѣрялъ Михаилъ Михайловичъ [1]), что шумъ поднятъ совершенно изъ пустяковъ. Онъ говоритъ по этому поводу почти тоже, что и Вы пишете, и даже просилъ меня передать Вамъ его завѣреніе, въ предупрежденіе всякихъ смущеній съ Вашей стороны. На дняхъ я обѣщалъ, однако-жъ, быть въ Софіи, повидѣть пресловутую трещину, повидѣться съ г. Иконниковымъ [2]) и съ соборянами, для того, чтобы точнѣе передать Вамъ все дѣло. Митрополитъ, при первомъ слухѣ, можетъ быть и вспылилъ, какъ это бываетъ съ нимъ, но потомъ, какъ видно, успокоился. Когда при мнѣ зашла у него съ кѣмъ-то рѣчь объ этомъ, то я не замѣтилъ въ немъ и тѣни какого-нибудь неудовольствія на Васъ. О комиссіи я еще хорошенько не знаю, но теперь поразвѣдаю, хоть напередъ увѣренъ, что серьезнаго во всемъ дѣлѣ ничего не окажется. Завтра, т. е. 24 ноября, Кіевъ ожидаетъ къ себѣ Государыню Императрицу, въ 10 часовъ утра. Дворецъ для нея отдѣланъ и уже освященъ, но жить въ немъ едва-ли еще можно: холодновато и сыро. Зданіе вышло очень пригожее, внутренность расположена и отдѣлана безъ петербургской роскоши, но красиво и, можно сказать, мило. Мнѣ думалось и чувствовалось въ немъ гораздо свѣтлѣе, пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ, помните, въ московскомъ дворцѣ. Высокая Гостья пробудетъ у насъ, говорятъ,

---

[1]) Хижняковъ, секретарь консисторіи.

[2]) Губернскій архитекторъ.

до четверга. Вслѣдъ за Государыней и митрополитъ собирается отправиться въ Петербургъ. Вѣроятно, Вы увидитесь съ нимъ 1 или 2 декабря. При новыхъ разговорахъ съ нимъ касательно дѣлъ нашего комитета, я, въ виду несообразныхъ предположеній о главныхъ пунктахъ судоустройства, выразился отъ лица насъ обоихъ такъ: ужъ лучше, по нашему мнѣнію, оставить дѣло statu quo, чѣмъ улучшать его такимъ образомъ. Оказывается, что и Вы, хотя и по иному нѣсколько поводу, высказались буквально такъ-же. Митрополитъ взялъ у меня записку Лаврова о судоустройствѣ: я ее передалъ ему съ моими примѣчаніями на поляхъ, не измѣнивъ въ нихъ ровно ничего. Не знаю, смотрѣли-ли Вы мои замѣчанія. Впрочемъ Вы и такъ знаете мнѣнія мои. На всякій случай я повторяю одно изъ нихъ касательно предсѣдательства архіерея въ судѣ. Буквально не помню своего примѣчанія, но мысль выражена такая: „Говорятъ все объ „участіи“ архіерея въ судѣ: это слово двусмысленно. По духу и ученію церкви, полнота правъ принадлежитъ въ частной церкви епископу; и такъ говорить объ его „участіи“ въ судѣ значитъ заранѣе низводить его на степень низшую. Отсюда-то и всѣ споры... Дѣло не въ томъ, принадлежитъ ли епископу право суда въ его церкви (это внѣ спора), а—какъ устроить судъ такъ, чтобы, не нарушая правъ епископа, создать достаточно самостоятельный судъ безъ непосредственнаго участія архіерея“... Не ясно что-то выходитъ, но Вы знаете, въ чемъ дѣло. Митрополитъ же не возвратилъ мнѣ записки, но—возвратитъ непремѣнно до отъѣзда. Съ Михаиломъ Александровичемъ [1]) я думалъ видѣться у Николая Дмитріевича [2]), къ которому онъ обѣщалъ придти 15-го числа обѣдать, но его не было. Не заболѣлъ-ли? Я буду у него, какъ по собственному желанію, такъ и по Вашему совѣту, что̀ и передалъ ему. Рукопись, о которой упоминаете, не тождественна съ софійскою рукописью

---

[1]) Максимовичъ М. А., первый ректоръ Кіевск. Университета, проживавшій тогда зимою въ Кіевѣ.

[2]) Иванишевъ.

о вольностяхъ малороссійскихъ. У меня остался перечень статей, составляющихъ содержаніе послѣдней; можетъ быть, я пришлю его Вамъ. О. Августинъ неохотно принимаетъ назначеніе въ Вильну и даже готовъ, кажется, и отказываться. По крайней мѣрѣ, такъ онъ говоритъ. Да, кажется, дѣйствительно назначаемое ему мѣсто не по немъ, не по его характеру. Преосвященный Макарій лучше бы сдѣлалъ, если-бы постарался предоставить это мѣсто о. Іустину. Тотъ хотя и недавно на службѣ, но уже не молодъ и, главное, человѣкъ практическій. Въ свое время я совершенно упустилъ изъ виду Іустина, не то высказалъ бы мнѣніе въ его пользу. Къ этому письму я намѣренъ приложить письмо къ Сашѣ [1]), если успѣю написать такое. Пожалуйста, потрудитесь передать ему. Онъ перемѣнилъ квартиру, но не написалъ мнѣ, гдѣ и у кого нанялъ новую, такъ что я не могу адресовать письмо прямо на его имя. Спасибо, сто разъ спасибо Вамъ за дорогое для меня участіе Ваше въ его положеніи. Хотя я немножко легче вздохнулъ послѣ того, какъ объяснилось дѣло, столько встревожившее меня, но все-таки мнѣ тяжело. Недавно я получилъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Саши, письмо и отъ г-жи Головинской. Пишетъ и умно, и хорошо, въ собственномъ значеніи этого слова, такъ что разумнѣе и искреннѣе не написала-бы мнѣ дочь моя. Говорю безъ всякаго пристрастія. Но тѣмъ не менѣе, что-жъ изъ этого, или что за тѣмъ? Я отвѣчаю и прошу прямо рѣшить мои недоумѣнія. Что касается Вашихъ совѣтовъ Сашѣ, то они совершенно справедливы и практичны. Пожалуйста, не оставляйте и на будущее время внушать ему здравыя понятія о практической жизни, особенно касательно училища и приготовленія къ нему. Повѣрьте, и одно участіе, когда оно такъ просто и искренне, какъ Ваше, весьма много значитъ для молодого человѣка. Получилъ ли Саша билетъ? Сію минуту вспомнилъ о фотографическомъ снимкѣ моей физіономіи. Что она? Вѣрно

---

[1]) Сынъ Н. А. Ѳаворова.

плоха, хуже даже оригинала. Профессоръ Славатинскій убѣдительно проситъ, нельзя-ли узнать, почему на представленіе къ ординатурѣ доселѣ не отвѣчаютъ. Разумѣется, наводить справки объ этомъ въ министерствѣ было бы уже черезчуръ. Но нѣтъ-ли какихъ слуховъ, особенно по поводу его сочиненія. Напишите хоть да, хоть нѣтъ, только не промолчите. Прошу кланяться, первѣе всего Даніилу Гавриловичу (дай Богъ ему всего добраго), потомъ доброму о. протоіерею Прохору Карповичу, затѣмъ Василію Аѳанасіевичу и наконецъ—кому знаете. Ваши поклоны раздамъ аккуратно по принадлежности. Анна Степановна усердно благодаритъ за память и проситъ къ моему поклону Вамъ приложить и ея. А мой поклонъ—до земли.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Ноября 23, 1870 г.

3.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

На этотъ разъ я намѣренъ поговорить съ Вами прежде всего о дѣлахъ комитетскихъ. Комитетъ постановилъ: „не учреждать прокурорскаго надзора въ судахъ духовныхъ“. Было ли собраніе голосовъ по этому предмету, или рѣшили огуломъ, такъ что не осталось мѣста для меньшинства? Вы не написали ничего объ этомъ. Но какъ бы ни было,—очевидно, что Вы и нѣкоторые другіе не согласны на такое опредѣленіе. Съ своей стороны, и я противъ него. Что бы ни говорили, а прокуратура—существенный элементъ въ нашемъ судопроизводствѣ. Если указываютъ на примѣръ англійскаго судоустройства безъ прокуроровъ, то или забываютъ при этомъ, что въ Англіи общины всегда имѣютъ у себя опытнаго юриста (на собственномъ, конечно, содержаніи), съ которымъ совѣтуются во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ требуются особыя юридическія свѣдѣнія. Такой адвокатъ вполнѣ замѣняетъ прокурора, хотя

онъ и не отъ правительства. Подробнѣе объ этомъ я наведу справки чрезъ Николая Дмитріевича, у котораго должны быть подъ рукою источники относящихся сюда свѣдѣній. Дальше, что и у насъ будто-бы прокуратура—только временное учрежденіе, въ этомъ я позволяю себѣ усомниться, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ въ противоположномъ духѣ говорится на счетъ этого въ общихъ соображеніяхъ о судоустройствѣ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ въ общихъ судахъ нашихъ учрежденій это признано было не необходимымъ, то и затѣмъ въ судахъ духовныхъ оно существенно нужно, потому что здѣсь въ судьи избираются не юристы. Епископъ не можетъ замѣнять прокурора съ одной стороны потому, что епископъ не есть непремѣнный юристъ (а сущность прокурорства и состоитъ въ спеціальности юридическихъ свѣдѣній и опытности), съ другой—по самому отношенію, въ которомъ онъ поставляется къ суду, протесты его должны имѣть совсѣмъ не то значеніе, какое имѣютъ прокурорскіе. Напротивъ, это-то отношеніе и предполагаетъ въ судахъ нашихъ (какъ они проектируются комитетомъ), болѣе чѣмъ гдѣ либо, прокурорскій институтъ, какъ необходимый средній терминъ. Наконецъ, главный мотивъ, который ясно, кажется, не высказанъ членами, оспаривающими прокуратуру, но пойманъ Вами, такъ сказать, на-лету,—главный мотивъ отрицанія прокуратуры въ духовныхъ судахъ крайне несостоятеленъ и даже не совсѣмъ мораленъ. Не изъ-за чего, говорятъ, учреждать судъ духовный въ полной организаціи, потому-де, что дѣлъ въ этомъ судѣ, требующихъ серьезнаго разбирательства, очень мало. Но если-бы и одно лицо въ годъ потребовало для себя суда вполнѣ праваго, то развѣ можно отказать ему въ полномъ удовлетвореніи такого требованія! Нѣтъ, если судъ духовный долженъ быть особенный, то онъ долженъ имѣть и всѣ гарантіи суда правильнаго и безошибочнаго, не говорю уже—безпристрастнаго. Да о чемъ же иначе и хлопотать бы нашему комитету? Если разсуждать въ такомъ духѣ о судебной части въ духовенствѣ, то гораздо лучше оставить все въ прежнемъ порядкѣ, потому что всѣ перемѣны въ этомъ судѣ, безъ введе-

нія въ него прочныхъ гарантій справедливости, могутъ остаться совершенно безполезными, какъ бы онѣ ни оказались благоразумными и отвѣчающими современнымъ потребностямъ судебнаго благоустройства. Читая о дружномъ отрицаніи прокуратуры, я думалъ, что когда дойдетъ дѣло до опредѣленія положенія и обязанностей секретаря, то ему придадутъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, значеніе прокурорское, хотя не по правамъ, но, по крайней мѣрѣ, по роду и свойствамъ наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Хотя и это было-бы нѣчто неестественное и ненормальное, но, въ видахъ какого-нибудь контроля судебныхъ дѣлъ нашихъ, слѣдовало ожидать подобнаго установленія. Однако жъ читаю дальше совсѣмъ не то: „Опредѣленіе секретаря зависитъ отъ предсѣдателя суда". Если бы секретарь имѣлъ значеніе только дѣлопроизводителя, то съ такимъ постановленіемъ легко было-бы согласиться; но безъ прокурора секретарь въ новомъ духовномъ судѣ останется прежнимъ секретаремъ, съ тѣмъ еще преимуществомъ для него и вредомъ для духовной юстиціи, что онъ можетъ сообща съ предсѣдателемъ задерживать и дѣлать по своимъ разсчетамъ гораздо больше того, что дѣлалось такимъ образомъ прежде. Не такъ ли? По крайней мѣрѣ, трудно видѣть въ проектированной комитетомъ комбинаціи какое-нибудь улучшеніе суда духовнаго. Итакъ я положительно на сторонѣ Вашей, и если Вы не образовали особаго мнѣнія меньшинства, то я желалъ-бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ протоколѣ не было сказано, будто комитетъ единогласно призналъ прокуратуру ненужною. Вы написали, что мнѣ высланъ будетъ протоколъ; такового я не получалъ еще, а если получу, то, вѣроятно, выскажу на поляхъ его свое мнѣніе. Касательно дѣлъ бракоразводныхъ, я, пожалуй, тоже не прочь былъ-бы подвергнуть этотъ вопросъ новому обсужденію, но, мнѣ кажется, заявлять теперь, безъ достаточнаго къ тому повода, мнѣніе, противоположное прежде высказанному, не совсѣмъ удобно. Сдѣлать это не иначе можно, какъ подвергнувъ сомнѣнію заявленное въ комитетѣ полномочіе наше—пересматривать все судопроизводство и судоустройство,

не стѣсняясь никакими предварительными постановленіями. Помните, мы и прежде слегка выразили недоумѣніе по этому предмету, но тогда намъ сказали, что такое недоумѣніе неумѣстно. Теперь, когда оказывается, что при составленіи военнаго суднаго устава заранѣе признаны были тѣ границы военной подсудности, которыя опредѣлены общими судебными уставами 1867 г., то недоумѣніе наше является не совсѣмъ неумѣстнымъ, и его можно будетъ снова заявить, когда представится къ тому случай, именно—при пересмотрѣ всѣхъ комитетскихъ опредѣленій, какой предполагается комитетомъ въ концѣ своихъ засѣданій. Но если разсматривать дѣло не съ этой точки зрѣнія, а такъ, какъ оно представляется по самому существу дѣла, то я не нахожу пока основанія и побужденій къ измѣненію прежняго мнѣнія своего о немъ. Записки Александра Ѳеодоровича я еще не читалъ, времени не достаетъ; можетъ быть, когда прочту и углублюсь въ суть вещи, то приду къ другимъ мыслямъ, которыя въ такомъ случаѣ немедленно и сообщу Вамъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что, говоря о недостаткѣ времени, я употребляю только обыкновенную отговорку. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ у меня теперь очень мало досуга. Посудите сами: въ понедѣльникъ двѣ лекціи, во вторникъ двѣ, въ среду—двѣ, въ четвергъ—одна, въ пятницу—двѣ; прибавьте къ этому совѣты и экзамены, потомъ кое-какія посѣщенія, а еще важнѣе—и гораздо важнѣе—разныя домашнія дѣла, и Вы согласитесь, что не одна лѣнь или нерасположеніе (хотя не отрицаюсь и отъ ихъ вліянія) не позволяютъ мнѣ быть во всемъ аккуратнымъ. Вотъ и теперь думалъ исписать цѣлые листы къ Вамъ, а выходитъ, что необходимо ограничиться четвертушками. Сѣлъ я за письмо въ 6 часовъ, но только успѣлъ написать странички двѣ, какъ потребовали на экзаменъ. Возвратился въ 9-ть часовъ. Теперь уже 10-ть, а надобно подготовиться къ завтрашнимъ лекціямъ. Впрочемъ, хочется еще поговорить съ Вами, и буду говорить, пока говорится. Сегодня, послѣ лекцій, я былъ у Павла Ѳеодоровича [1]),

[1]) Протоіерей Подвысоцкій.

гдѣ первовозлежащимъ былъ преосвященный Александръ. Тамъ встрѣтился съ о. Филаретомъ, которому передалъ Вашъ поклонъ и отъ котораго принялъ порученіе передать Вамъ взаимное почтеніе. Тамъ же завелъ рѣчь съ Дмитріемъ Аѳанасіевичемъ [1]) о трещинахъ соборныхъ. Новаго отъ него ничего не узналъ; трещины есть, потому что были, и тѣ-же есть, какія были, и архитекторы то-же свидѣтельствуютъ; все это, какъ видите, по старому. Но новымъ мнѣ показалось то, какъ говорилъ Д. А. объ этомъ. Онъ просто назвалъ заявленіе о мнимой опасности интригою, и это безъ всякаго съ моей стороны вызова на подобную откровенность. Тутъ же былъ ключарь, конечно, не слышавшій нашего разговора. Я кончилъ его тѣмъ, что выразилъ желаніе поближе ознакомиться съ цѣлымъ происшествіемъ при первомъ посѣщеніи въ слѣдующіе дни консисторіи. Николай Яковлевичъ [2]) что-то выглядываетъ серьезнѣе прежняго. Я ему передалъ, что смоленскій каѳедральный протоіерей просится въ монашество и можетъ поступить на ректорство, но ему самому предоставилъ подумать о смоленской вакансіи. По просьбѣ Степана Ивановича [3]), я, при прощаніи съ митрополитомъ, попросилъ у него позволенія для редакціи напечатать каталогъ рукописей Софійской библіотеки, но не получилъ рѣшительнаго отвѣта, что̀ и предвидѣлъ и предсказывалъ Степану Ивановичу. Если найдете нужнымъ, поговорите объ этомъ сами. Вѣроятно, митрополитъ теперь уже въ Петербургѣ или около Петербурга; говорятъ, впрочемъ, что въ прошлую субботу метель помѣшала поѣзду прибыть въ Курскъ въ свое время, и потому немудрено, если путешествіе митрополита нѣсколько замедлится. Онъ вызвался передать мой поклонъ Вамъ: если не исполнитъ произвольнаго обѣщанія, поручаю Вамъ потребовать должнаго. Надѣюсь, Вы не преминете сообщить мнѣ, если при свиданіи и разговорахъ съ нимъ услышите что-нибудь, что не

---

[1]) Протоіерей Ждановъ.

[2]) Ключарь протоіерей Оглоблинъ.

[3]) Пономаревъ.

мѣшаетъ знать и мнѣ, хотя особеннаго чего-нибудь, конечно, не предвидится. Просилъ кланяться Вамъ Николай Дмитріевичъ [1]) и поблагодарить за Вашъ поклонъ. А знаете ли, его обокрали, да порядочно, по меньшей мѣрѣ на 800 р. Утащили знаменитую ильковую шубу, шинели, столовое серебро и нѣсколько денегъ. Смастерилъ это собственный его лакей, оставшись одинъ въ комнатахъ въ ту пору, когда баринъ пошелъ внизъ чай пить. Поднявшись на верхъ послѣ чаю, Н. Д. засталъ лакея въ комнатахъ и, потомъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ его на покой, а тотъ поспѣшилъ убраться изъ дому и уже, конечно, не возвратился. Бумаги его остались. Полицейскій чинъ разыскиваетъ похитителя и похищенное; но кіевская полиція на многое находчива, только меньше всего на то, чтобы находить уворованное. Вчера я обѣдалъ у Николая Дмитріевича; съ отчаянія обѣдъ былъ отличный, лучше обыкновеннаго, но за то, увы, 6-го декабря именины не будутъ праздноваться, развѣ отыщется украденное. Но ждать обѣда подъ такимъ условіемъ—чуть ли не то-же, что остаться безъ обѣда навсегда. У Михаила Александровича еще не былъ, все собираюсь. Случайно нигдѣ не приходилось его видѣть. Возвратилась въ Кіевъ М. Н. Ключарева. Сегодня была у меня, но не застала дома. Остановилась на нашей улицѣ, въ новооткрытой гостинницѣ „Одесса“, кажется, въ домѣ Фрейганга, и думаетъ пробыть здѣсь зиму. Завтра надѣюсь побывать у ней. Г. П. Галаганъ хочетъ снова поселиться въ Кіевѣ и покупаетъ домъ. Я встрѣтился съ нимъ на публичной лекціи Ренненкампфа (читаетъ по субботамъ о городовомъ новомъ устройствѣ, всѣхъ 3 лекціи). Кажется, онъ уже уѣхалъ, но съ тѣмъ, чтобы къ 15 дек. совсѣмъ переселиться въ Кіевъ. Въ Липкахъ я ни у кого не былъ. Ригельмана въ Кіевѣ нѣтъ; проживаетъ, говорятъ, въ Москвѣ. У Михаила Владиміровича [2]) я какъ то стѣсняюсь бывать. Онъ теперь тоже домовладѣлецъ, ибо купилъ собственный домъ на улицѣ (не помню, какъ Вы ее прозвали, Екатери-

[1]) Иванишевъ.

[2]) Юзефовичъ.

нѣнскою, или Елисаветскою) Липской,—чей былъ онъ, не помню. Говоритъ, заплатилъ 10 тысячъ, и очень доволенъ. На дняхъ онъ былъ у меня. Соберусь ли къ нему въ пятницу, не знаю. Я писалъ Вамъ о порученіи Славатинскаго: беру назадъ мою просьбу. Онъ узналъ, что ему нужно. У насъ нѣсколько дней уже хорошая санная дорога, погода хорошая, средняя температура 2. А недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда сюда стояла чуть не лѣтняя погода. Не будь ненастья въ душѣ моей, я былъ бы отъ нея, послѣ петербургскихъ прелестей погоды, въ восторгѣ. Къ прискорбію, въ городѣ много дѣтей болѣютъ скарлатиною. Болѣзнь эта забралась и въ Институтъ, и первая больная оказалась въ тотъ самый день, когда тамъ была Государыня. Ея Величество осталась очень довольна Институтомъ и хотѣла навѣстить больную Голубцову, но ее удержали, изъ опасеній потрясенія больной. Вообще и всѣмъ Кіевомъ Государыня осталась, говорятъ, довольна и, вѣрно, на слѣдующій годъ пріѣдетъ во дворецъ, который Ей тоже понравился, а садъ съ видами изъ него—особенно.

Преискренній поклонъ мой—Даніилу Гавриловичу. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Василію Аѳанасьевичу; Прохору Карповичу, какъ увидитесь, поклонитесь. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Кіевъ, ноября 30, 1870 г.

4.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Такъ какъ скоро 17-е и затѣмъ 21 декабря, то я спѣшу поздравить дорогихъ имянинниковъ и пожелать имъ отъ всей души здоровья и счастія. Письмо мое, по разсчету почтоваго времени, должно прійти по назначенію своему какъ разъ къ 17-му, а можетъ быть, по случаю нерѣдкихъ теперь замедленій поѣздовъ, и самаго 17-го, и такъ прошу Даніила Гавриловича

считать меня въ числѣ личныхъ поздравителей его и палить за обѣдомъ лишнюю рюмочку, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы она стояла нетронутою, а чтобы выпита была имянинникомъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы я ее выпилъ. До 21-го еще далеконько, но что такое время для духовныхъ дѣйствій нашихъ? Для тѣлесныхъ оно много значитъ; вотъ, напримѣръ, написать другое письмо къ Илинскому—это, полагаю, едва-ли окажется удобнымъ, а заранѣе перенестись въ него мыслію и потомъ, когда оно наступитъ, душею быть тамъ, гдѣ хочешь, это столько-же легко, сколько выпить за здоровье добраго и уважаемаго друга. И такъ, не забудьте и Вы, любезный Петръ Гавриловичъ, въ оный понедѣльникъ, въ положенное время, совершить тотъ же знаменательный обрядъ, объ исполненіи котораго прошу прежде Даніила Гавриловича. Затѣмъ паки и паки, будьте здоровы, спокойны и счастливы на многія лѣта! Сейчасъ я намѣренъ пойти къ Павлу Ѳеодоровичу и принесть ему два поздравленія, одно отъ себя, а другое отъ васъ; потому что въ вашей записной книжкѣ, которую вы забыли въ Кіевѣ, значится, между прочимъ: 12 декабря П. Ѳ. имянинникъ. Анну Степановну не поздравлялъ отъ васъ 9 декабря, а поздравлю, если буду живъ и останусь въ Кіевѣ, 3-го февраля. О. Филарету, не бывшему дома 1 декаб., передалъ ваши благожеланія 3-го, вечеркомъ, когда мы вдвоемъ отпраздновали, вмѣсто праздника, скромное, но пріятное попразднество. Что касается Николая Дмитріевича то слышали ли вы, что съ нимъ случилось еще послѣ того приключенія, о которомъ я писалъ вамъ? 3-го декабря утромъ нашли брата его, добраго Александра Дмитріевича (царство ему небесное) задушеннымъ въ собственныхъ его комнатахъ и, притомъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ. На шеѣ него затянутъ былъ шнурокъ отъ его же халата. Потомъ усмотрѣно, что ему, безъ сомнѣнія, предварительно нанесенъ былъ сильный ударъ въ затылокъ. Можно догадываться, что злодѣяніе сдѣлано тѣмъ же мошенникомъ—лакемъ, который прежде обокралъ Н. Д., но доселѣ не отысканъ. Можетъ бытъ и вѣроятно, участвовали въ этомъ и другіе. У покойнаго заграбили немногое, потому что

многаго и не было; похищено 45 р. деньгами да кое-какое платье. Николай Д. сильно пораженъ этимъ несчастіемъ, такъ что когда я пріѣхалъ къ нему на другой день утромъ, то онъ долго ничего говорить не могъ. Потомъ, впрочемъ, мало по малу началъ оживляться и входить въ свой обычный тонъ, но только по наружности. Въ субботу, 5-го, я погребалъ покойнаго съ о. о. Дашкевичемъ и Смирновымъ. Завтра поѣду къ Н. Д., чтобы не нарушать заведеннаго порядка. Признаюсь, и на меня произвело страшное впечатлѣніе это событіе, ужасное и само по себѣ, а—тѣмъ болѣе—при близости ко мнѣ лицъ, надъ которыми оно разразилось. Извѣстіе ваше о Палисадовѣ меня удивило. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ не утвержденъ изъ-за того обстоятельства, о которомъ вы пишете? если такъ, то нельзя не опасаться за всякія мелочи. Порученія ваши всѣ исполню на слѣдующихъ дняхъ, и хотя на будущей недѣлѣ едва ли успѣю написать что нибудь къ вамъ, но во всякомъ случаѣ не замедлю новымъ письмомъ моимъ. Комитетъ нашъ или, лучше, предсѣдатель его надѣется кончить все къ великому посту? Это было-бы не худо; но мнѣ что-то представляется это не совсѣмъ вѣроятнымъ. Развѣ поможетъ дѣлу то, что Вы собираетесь не одинъ, а два раза въ недѣлю. На этотъ разъ я не вхожу ни въ какія разсужденія о предметахъ комитетскихъ, потому что спѣшу окончить письмо мое къ сроку, чтобы не опоздать отправкою его. Помогай Вамъ Богъ стоять за правое, по крайнему разумѣнію нашему. Митрополитъ предъ отъѣздомъ возвратилъ мнѣ записку Лаврова, которую я давалъ ему, и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки противъ моихъ замѣчаній. Одна изъ этихъ замѣтокъ такова: „А такое лукавство въ священникѣ неизвинительно“. Къ несчастію или, можетъ быть, и къ счастію я недавно только прочиталъ эти замѣтки, потому что записка долго пролежала у о. Филарета, которому она отдана была (запечатанною) для передачи мнѣ. Странно, предъ кѣмъ бы я лукавилъ; предъ самимъ собою? Вѣдь замѣтки писаны были для себя. Тамъ же въ одномъ мѣстѣ замѣчено митрополитомъ, что я недовольно знаю людей. Это справедливо, особенно послѣ того,

какъ я рѣшился дать Владыкѣ, по его просьбѣ, записку съ домашними замѣтками моими. Прощайте пока. Желаю Вамъ всего наилучшаго. Пишите пожалуйста по прежнему.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

12 декабря 1870 г.

5.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня день вашего Ангела. Еще разъ поздравляю Васъ съ вашимъ праздникомъ. Надѣюсь, что Вы проводите его отлично. Дай Богъ, чтобы праздникъ этотъ повторился для Васъ еще столько же, сколько повторялся онъ въ вашей жизни до настоящаго дня. Вѣроятно, Вы будете читать эти строки 25-го или около этого числа декабря; такъ примите же вмѣстѣ съ Даніиломъ Г. поздравленіе мое и съ праздникомъ Рождества Христова, да за одно уже и съ приближающимся новымъ годомъ. Кажется, теперь у комитета нашего вакація.. Отдохните отъ трудовъ. Судя по послѣднимъ сообщеніямъ вашимъ, вамъ приходится, по нѣкоторымъ вопросамъ, оставаться не только въ меньшинствѣ, но и въ одиночествѣ. Значитъ, Вы прали противу рожна, и хотя, конечно, не сокрушили его, но по крайней мѣрѣ и не отступили. Запасайтесь теперь новыми силами. Что до моего мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, то, по одному изъ нихъ, я рѣшительно—съ Вами, а по другому—рѣшительно противъ Васъ, если только я правильно понялъ самый этотъ вопросъ. То есть, о проступкахъ по должностямъ, хотя бы и не административнымъ, судитъ естественно начальство, если оно само не предастъ суду отвѣтчика, или обвиняемый, въ болѣе важныхъ случаяхъ, не потребуетъ для себя суда. Я удивляюсь, какимъ образомъ Вы оказались одинокимъ при защитѣ такого положенія. Но не меньше удивляюсь и вашему утвержденію по другому вопросу. Вы какъ будто признаете необходимымъ, чтобы всякая жалоба на духовное лицо поступала сначала къ духовному

начальству, а потомъ уже начальство, по усмотрѣнію, препровождало-бы жалобу въ подлежащій судъ. Такъ ли я понимаю предложенный на голосованіе вопросъ: необходимо ли по каждому проступку духовнаго лица возбужденіе судебнаго дѣла духовнымъ начальствомъ? Если такъ, то, повторяю, я противъ положительнаго отвѣта на него. Сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы вопросъ имѣлъ означенный смыслъ; но съ другой стороны не могу пріискать для него и другого смысла. Безъ протокола трудно угадывать настоящее значеніе разныхъ дебатовъ. Не объясните ли мнѣ подробнѣе, въ чемъ дѣло? Писчаго матеріала у Васъ теперь, какъ говорите сами, много; во времени недостатка также не должно быть теперь; а лѣность, думаю, родилась гораздо позже Васъ. Потрудитесь же написать мнѣ на полный листъ. Кстати, прошу Васъ оказать снисхожденіе къ моимъ бѣднымъ глазамъ. У Васъ шрифтъ микроскопическій, а у меня нѣтъ микроскопа. Прибавилъ увеличительное стекло,—не помогаетъ. Нельзя ли писать покрупнѣе... Николаю Д. я передалъ вашъ поклонъ съ сочувствіемъ его несчастію. Онъ просилъ меня благодарить Васъ искренно. Передалъ я ему также о предположеніи графа Уварова объ учрежденіи въ Кіевѣ археологическаго общества: мысль эта очень понравилась Н. Дмитріевичу, и онъ съ своей стороны готовъ принять живое участіе въ дѣлѣ; порывается даже написать Вамъ объ этомъ, хотя такой подвигъ съ его стороны нѣсколько сомнителенъ. Жаль, что съ Михаиломъ Александровичемъ я еще не говорилъ объ этомъ. Хилѣетъ бѣдный. Отъ описанія Кіева, по собственнымъ словамъ его, онъ рѣшительно отказывается. Но занятія по археологической части, какъ не срочныя и не требующія систематическаго изложенія, будутъ для него, думаю, гораздо сподручнѣе. На праздникахъ увижусь съ нимъ и побесѣдую. Идея о возстановленіи Софійскаго Собора въ первоначальномъ видѣ принадлежитъ самому Владыкѣ и вызвана въ немъ опасеніемъ за прочность построекъ. Комитетъ по собору имѣетъ порученіе составить въ этомъ смыслѣ записку. Не лучше ли повременить, по крайней мѣрѣ, съ такою запискою? Вы можете лично склонить къ этому митрополита.

Когда возвратитесь, увидите все сами, и тогда распорядитесь по усмотрѣнію. Анна Степановна проситъ передать Вамъ усердный поклонъ ея и поздравленіе съ Ангеломъ и праздниками. Даніилу Гавриловичу усерднѣйше кланяюсь.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ

21 декабря 1870 года.

6.

Что это Вы замолчали, любезный Петръ Гавриловичъ! Послѣднее письмо Ваше было отъ 12 декабря, а сегодня 29-ое; и такъ третью недѣлю я не имѣю отъ Васъ ни слова. Надѣюсь, впрочемъ, что это какая нибудь случайность и что Вы, во первыхъ, здоровы, во вторыхъ—не залѣнились продолжать корреспонденцію нашу. Вы писали, что преосвященный Макарій разсчитываетъ кончить комитетскія занятія къ великому посту: чтоже, насколько этотъ разсчетъ оказывается вѣрнымъ? Вамъ понятно, почему мнѣ нужно знать это. Вѣдь я обѣщалъ къ концу засѣданій комитета явиться въ Петербургъ, а теперь начинаю уже подумывать объ исполненіи своего обѣщанія. Удобнѣе всего для меня было-бы сдѣлать это предъ масляницею, но не будетъ-ли это или уже поздно, или, пожалуй, еще рано. Подъ часъ и то приходитъ мнѣ въ голову, нужна ли собственная моя явка въ комитетъ; это, кажется, грѣшная мысль. Надобно исполнить то, что требуетъ порядокъ дѣла, хотя-бы такое требованіе касалось только соблюденія одной формы. И такъ, я не хочу произвольно отказываться отъ поѣздки, но желалъ бы поѣхать на срокъ возможно короткій. Увѣдомьте меня пожалуйста, когда, по Вашему мнѣнію, благовременнѣе было-бы отправиться къ Вамъ. У насъ такая зима, какихъ я не помню въ Кіевѣ. Съ послѣднихъ чиселъ ноября начались мятели и порядочные морозы. Теперь на улицахъ столько снѣгу, что по дорогѣ образовались почти сплошные ухабы, чуть не по аршину глубины. Предъ праздникомъ заходилъ ко мнѣ Димитрій Аѳанасіевичъ и принесъ

мнѣ отъ Вашего имени 25 р. Какое назначеніе этихъ денегъ, онъ объяснить мнѣ не могъ. И я не могу догадаться, по какому случаю и съ какою цѣлію эти деньги вручены мнѣ Вами. Буду хранить ихъ, пока не скажете, какое дать имъ употребленіе. О. Августинъ, кажется, отправился уже къ своему посту; по крайней мѣрѣ, онъ собирался выѣхать еще вчера. Не знаю, откажется ли онъ на новомъ мѣстѣ службы отъ нѣкоторыхъ оригинальностей въ манерахъ; если нѣтъ, то можно опасаться, что его слишкомъ скоро сдѣлаютъ архіереемъ. Что у Васъ слышно объ адресѣ извѣстнаго Московскаго кружка? Дѣло—относительно уже давнее, но все таки интересное. Недавно я прочиталъ объ немъ въ одной нѣмецкой Zeitung, а въ русскихъ цейтунгахъ доселѣ ни полслова. Сущность адреса, кажется, я знаю, равно и лицъ, подписавшихъ его; но—судьба этихъ лицъ? Удивительно, что такіе серьезные люди прорвались такъ неблагоразумно. Но, вѣрно, дѣло было не такое легкомысленное, какъ толкуютъ его. Еще—съ новымъ годомъ Васъ, Даніила Гавриловича, нераздѣльно, хотя и несліянно. Мой сердечный Вамъ привѣтъ, по выраженію извѣстныхъ Вамъ особъ, но только не по ихъ смыслу, а по буквальному значенію самыхъ словъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

29 декабря 1870 года.

7.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ

Вы рѣшили одно мое недоумѣніе, но возбудили другое. Какъ? Вы безусловно отвергаете умѣстность и нужду учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ низшей судебной инстанціи? Кажется, Вы не были прежде противъ этого учрежденія, даже, наоборотъ, одинъ изъ первыхъ заявили потребность ближайшаго и простѣйшаго суда для духовенства; а теперь учрежденіе такого рода называете нелѣпостію. Положимъ, мнѣнія, по долгомъ и

внимательномъ обсужденіи дѣла, могутъ измѣниться, и что сначала казалось правильнымъ и нужнымъ, то потомъ можетъ оказаться и неправильнымъ и даже нелѣпымъ; но я не вижу основанія для перемѣны вашего мнѣнія въ настоящемъ случаѣ. Трудно заочно спорить, однако-жъ поспорю съ Вами немножко. Вы опираетесь на то, что всѣ проступки духовныхъ лицъ, подвѣдомые духовному суду, суть проступки должности, слѣдовательно, по общему положенію, не подлежатъ мировому суду. Но если проводить строго этотъ взглядъ, то мы должны отказаться отъ всякаго суда и остаться при одной администраціи, то есть, при прежнемъ порядкѣ дѣлъ, который въ сущности былъ весь административный, хотя въ немъ и производился судъ. При такомъ взглядѣ нечего и говорить объ отдѣленіи судебной власти отъ административной въ духовномъ вѣдомствѣ. Вѣдомство это состоитъ изъ должностныхъ лицъ, а такъ какъ особаго суда для должностныхъ лицъ не полагается, то не требуется такой и для духовенства. Если же это не такъ—вообще, то почему же такъ по отношенію къ одному низшему суду, мировому или немировому, какъ угодно назовите его? Сейчасъ я прочиталъ журналъ 19-го засѣданія и нашелъ въ немъ раскрытіе только что высказанной мною въ общихъ чертахъ мысли (стр. 9—11). Поэтому не хочу распространяться о томъ же. Прибавлю одно, что напрасно совершенно сливаютъ проступки противъ благоповеденія съ проступками противъ званія, а званіе не то-же—что должность. Напримѣръ, дворянинъ поступаетъ противъ требованій своего званія. Значитъ ли это, что онъ поступаетъ противъ должности? Точно также и духовный можетъ поступать противъ своего званія (противъ „сана“, какъ выражаются, но, думаю, не совсѣмъ правильно), не нарушая еще тѣмъ самымъ прямыхъ обязанностей по своей должности. Правда, въ другихъ званіяхъ подобные проступки не подлежатъ никакимъ взысканіямъ и судятся только нравственно, а въ духовномъ подвергаются оффиціальному суду и наказаніямъ; но потому-то, между прочимъ, и требуется особый судъ для духовенства, похожій на сословный. Итакъ, я признаю различіе между

проступками противъ должности и другими въ духовныхъ лицахъ, и думаю, что это различіе должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи подсудности духовному суду, т. е. низшей инстанціи духовнаго суда. Проступками противъ должности я почитаю проступки противъ административныхъ и священно-церковно-служительскихъ должностей, а проступки противъ благоповеденія составляютъ особую категорію. При этомъ нахожу вполнѣ основательнымъ обвиненіе или взысканіе по первымъ предоставить административной власти, а по послѣднимъ вчинаніе дѣла—истцу и судьѣ, а рѣшеніе его (до извѣстныхъ степеней наказанія) низшей судебной инстанціи. Кажется, нигилизма тутъ нѣтъ никакого и нелѣпости тоже не видится, хотя Вы implicite приписываете, конечно, и мнѣ вмѣстѣ съ другими извѣстную долю перваго, а въ послѣдней обзываете меня прямо. Вотъ если-бы уже существовалъ духовный низшій судъ, я бы и привлекъ Васъ сейчасъ же къ этому суду; а теперь приходится проглотить обиду, потому-что Благочинному жаловаться на Васъ не приходится, а выше подниматься тяжело. Видите ли, Вы фактически доказываете, что у насъ долженъ быть мировой судъ. Пусть этотъ третейскій судъ, въ лицѣ Даніила Гавриловича, рѣшитъ, кто изъ насъ долженъ вкусить грязи. Вы готовите особое мнѣніе... и надѣетесь на успѣхъ. Не знаю, право, желать ли Вамъ исполненія Вашего желанія. По совѣсти, я немножко боюсь такого успѣха. Дѣло въ томъ, что начала, изъ которыхъ Вы выходите, отзываются ультра-консерватизмомъ и, если не ошибаюсь, способны породить реакціонное движеніе, котораго мнѣ не хочется. Конечно, я могу заблуждаться касательно Вашихъ тенденцій и представлять себѣ цѣль Вашего противодѣйствія учрежденію духовныхъ судей неправильно; но пока не увижу, что предположенія Ваши нисколько не солидарны съ намѣреніемъ удержать все въ statu quo, до тѣхъ поръ не могу успокоиться. Я недавно писалъ къ Вамъ, именно 29 декабря, и, признаюсь, не думалъ посылать новаго письма въ догонку за прежнимъ; но Вы раздразнили меня. За то прошу Васъ поскорѣе отвѣчать мнѣ, хоть-бы однимъ письмомъ на два. За Вами

и такъ есть маленькая недоимка по корреспонденціи нашей, но ужъ Богъ Васъ проститъ за этотъ грѣшокъ; впредь не грѣшите. Николай Яковлевичъ приготовилъ уже мнѣ какое-то порученіе къ Вамъ, кажется—мѣрку для ризъ или иконъ,—я не разспросилъ его, потому что вовсе еще не собираюсь въ дорогу. Все это побуждаетъ меня еще разъ просить Васъ о скорѣйшемъ увѣдомленіи. Алексѣй Михайловичъ [1]) въ Кіевѣ: свѣжъ и бодръ и даже порядочно толстъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, а я еще не былъ у него. Безъ сомнѣнія, онъ кланялся-бы, еслибы зналъ, что я пишу. Пусть же... кланяется. Даніилу Гавриловичу—обычный дружескій поклонъ мой съ приложеніемъ благодарности за поздравленіе. Анна Степановна благодаритъ Васъ и проситъ кланяться. А я, хотя и не преклоняюсь предъ вашимъ мнѣніемъ, низенько кланяюсь Вамъ лично и есмь

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

2 генваря 1871 г.

8.

Вчера, т. е. 14 генваря, получилъ я послѣднее письмо ваше, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, и чтобъ не замедлить по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отвѣтомъ на него, спѣшу хоть коротенько отвѣтить Вамъ сегодня же. Совѣтъ вашъ касательно моей поѣздки въ Питеръ принимаю вполнѣ. Думаю и я, что не поздно будетъ отправиться къ Вамъ на 2-й недѣлѣ поста; боюсь даже, не будетъ ли и это еще рано. Къ тому времени, можетъ быть, и дороги нѣсколько поправятся, а теперь и про Кіево-Курскую дорогу разсказываютъ и пишутъ довольно неутѣшительнаго. При томъ же, мнѣ что-то все нездоровится; а какъ потеплѣетъ, можетъ быть, и оживу немножко. Въ случаѣ неожиданнаго замедленія или,

---

[1]) Протоіерей Колосовъ.

пожалуй, и ускоренія хода дѣлъ комитетскихъ, пожалуйста потрудитесь снова увѣдомить меня на счетъ благовременности моей поѣздки. У Васъ пошло уже дѣло на комиссіи: можетъ быть, это и къ лучшему. Такъ какъ Вы принадлежите къ кругу лицъ, которыя должны обсудить вопросъ о подсудности церковной, то я вздумалъ препроводить къ Вамъ и мое мнѣніе по этому вопросу. Прилагаю его на особомъ листкѣ при этомъ письмѣ. Сдѣлайте изъ него какое хотите употребленіе, кромѣ того, какое нѣкогда П. Д. Юркевичъ призналъ полезнымъ сдѣлать изъ записокъ, адресованныхъ къ нему по случаю публичныхъ его лекцій. Я сдѣлалъ прилагаемыя замѣтки на праздникахъ, когда удосужился прочитать и протоколы, и записку А. Ѳеодоровича. Кажется, это мое окончательное мнѣніе по вопросу о подсудности. Конечно, я могу согласиться и съ другимъ мнѣніемъ по тому же предмету, но только уступая соображеніямъ практическимъ, а не измѣняя убѣжденію своему по существу дѣла. Что до преній о прокурорскомъ институтѣ, то трудно предвидѣть удовлетворительный исходъ ихъ. Я на сторонѣ настоящей, подлинной прокуратуры; только одно затрудненіе вижу, именно—финансовое. Полное судоустройство наше потребуетъ большихъ расходовъ, едва-ли возможныхъ теперь у насъ.... Въ Кіевѣ теперь городскіе выборы. Гласные отъ всѣхъ трехъ разрядовъ уже выбраны. И я—гласный, хотя и не былъ на выборахъ. Согласился принять это званіе потому, что хочется содѣйствовать, по возможности, выбору въ головы Г. П. Галагана, который, по моему мнѣнію, единственное лицо, способное теперь занять этотъ постъ и принесть пользу городу. Выборъ головы будетъ, кажется, дней чрезъ 7 или 8-мъ. Я только случайно видѣлся съ Григоріемъ Павловичемъ и сказалъ ему то, что Вы мнѣ передали; но на дняхъ обѣщалъ быть и буду у него, и исполню—что слѣдуетъ. 13-го числа мы похоронили начальницу Института. Похороны были торжественны и не безъ умилительности. Съ Высочайшаго разрѣшенія, отпѣвали въ Институтской церкви, а похоронили покойную въ Лаврѣ, около дальнихъ пещеръ. Неизвѣстно еще, кто займетъ ея мѣсто. Князь

говорилъ, что Государыня имѣетъ въ виду достойную для этого особу, при чемъ съ грустнымъ неудовольствіемъ замѣтила, что еще при жизни покойницы уже сотни стали домогаться ея мѣста. Кажется, больше не о чемъ на этотъ разъ писать Вамъ. Развѣ прибавить, что насъ совершенно завалило снѣгомъ. Удивительный годъ! Что будетъ съ нашимъ Подоломъ, если начнетъ таять дружно? Не только повторится 1845 годъ, но, пожалуй, и съ удвоеннымъ количествомъ воды. Надобно желать, чтобы весна наступила помаленьку, а не вдругъ. Что у Васъ въ Петербургѣ? Даніилу Гавриловичу преусердный поклонъ, съ благодарностію за правый третейскій судъ. При случаѣ поклонитесь Василію Леонтьевичу и поблагодарите отъ меня за присылку протоколовъ. До свиданія!

Искренно преданный протоіерей Н. Ѳаворовъ.

15 генваря 1871 г.

9.

Я предполагалъ, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, выѣхать къ Вамъ въ воскресеніе, 14 февраля, но, кажется, долженъ буду измѣнить это предположеніе. Настоящая недѣля порядочно утомила меня, такъ что потребуется день-другой для отдыха. И такъ, по всей вѣроятности я выѣду 16 февраля. Поэтому и пишу Вамъ до отъѣзда, хотя прежде и не думалъ писать къ Вамъ, въ надеждѣ лично бесѣдовать съ Вами въ то время, въ какое, по разсчету, дойдетъ до Васъ письмо это. Чтобы не ограничиться однимъ этимъ увѣдомленіемъ, передамъ Вамъ кое-какія новости наши, хотя и не зѣло интересныя. Городскимъ головою, какъ я уже, кажется, сообщалъ Вамъ, выбранъ у насъ не Галаганъ, а Демидовъ. Предъ выборами Николай Яковлевичъ [1]) вздумалъ произнесть рѣчь, въ которой склонялъ избира-

---

[1]) Прот. Оглоблинъ.

телей къ выбору человѣка богатаго, кого именно, разумѣлось уже само собою. Признаюсь, мнѣ непріятно было слушать такое увѣщаніе. Во первыхъ, съ какой стати было говорить Н. Я? Если бы онъ служилъ молебенъ, то могъ-бы, конечно, сказать что нибудь въ качествѣ пастыря,—это не было бы неумѣстнымъ; но онъ не служилъ, а говорилъ—какъ гласный... Съ другой стороны, благоразумно ли было говорить публично въ пользу мнѣнія и желанія одной партіи, прикрывая партійскія стремленія авторитетомъ священническаго слова? Думаю, что онъ не вѣдалъ, что творилъ, но все-таки и досадно, и больно. Конечно, и безъ этой рѣчи выборъ былъ-бы тотъ же, потому что на сторонѣ Демидова составилась превозмогающая по числу партія, но вмѣшиваться въ такое дѣло и показывать открыто свое сочувствіе ему—недостойно благоразумнаго и честнаго человѣка, особенно священника. Шульгинъ отдѣлалъ оратора въ „Кіевлянинѣ“, но потомъ, по требованію его, напечаталъ самую рѣчь, съ примѣчаніемъ... Въ печати кое-что, кажется, повыпущено и смягчено, но все-таки тенденція оратора очевидна. На завтра новый голова объявилъ собраніе, въ 11-ть часовъ, для избранія членовъ управы; а завтра, извѣстно, день пріобщенія, и вотъ нѣкоторые просятъ уранить Богослуженіе, чтобы не опоздать на выборы, а того и смекнуть не могли, что не время для пріобщенія св. таинъ должно быть сообразовано съ произвольно назначеннымъ временемъ выборовъ, а—наоборотъ. Начало—не слишкомъ много обѣщающее и благоразумія и солидности... Записка Ваша, вѣроятно, уже не будетъ ко мнѣ послана. Прочитаю ее у Васъ и съ Вами. Даніилу Гавриловичу усерднѣйшій поклонъ мой. Заранѣе прошу извиненія, что снова долженъ пасть на его шею. Пусть духовникъ избавитъ его за это отъ всякой епитиміи... довольно и одной этой за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія его. Затѣмъ—спасайтесь!

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

12 февраля 1871 года.

10.

Христосъ Воскресе!

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Каково Вы встрѣтили и проводили свѣтлый праздникъ въ вѣчно празднующемъ по плоти и разучившемся праздновать по духу Питерѣ? Вѣрно, до-сыта наѣздились въ каретѣ и на ванькахъ въ первые дни праздника. А мы, по обычаю, тихо и, слава Богу, благополучно праздновали и еще продолжаемъ праздновать Пасху красную. Погода у насъ стояла большею частію хорошая; оффиціальныя поздравленія не тяготили, потому что ихъ немного, а частые визиты, разумѣется, въ волѣ каждаго. Жаль, что такъ быстро пролетѣли эти прекрасные дни. Теперь подступаетъ другого рода время: скоро—сезонъ экзаменовъ, тяжелый для меня сезонъ, впрочемъ не тяжелѣе времени комитетовъ, въ которое и Вы снова вступаете. Чѣмъ-то разрѣшится, наконецъ, комитетъ нашъ? Надѣюсь, что Вы, по прежнему, не оставите извѣщать меня о ходѣ родовъ комитетскихъ до послѣдняго процесса ихъ. Съ своей стороны желаю прилежно слѣдить за комитетскимъ дѣломъ и буду неопустительно писать къ Вамъ. На слѣдующей недѣлѣ, можетъ быть, набросаю отвѣтъ на записанные вами вопросы. А теперь пока позвольте поговорить съ Вами кое-о-чемъ другомъ. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо отъ князя Ширинскаго-Шихматова слѣдующаго содержанія. У него въ Соловьевкѣ есть лицо, которое, какъ видно, порядочно насаливаетъ ему: это тамошній діаконъ. Онъ былъ прежде сельскимъ писаремъ и, вѣрно, усвоилъ себѣ писарскія замашки. Теперь же, хотя и оставилъ тотъ постъ, однако-же пребываетъ большею частію въ волостномъ правленіи и тамъ мутитъ и сбиваетъ съ толку крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику, такъ что крестьяне, арендующіе у князя землю, оказываются постоянно не въ ладу съ управляющимъ князя. О подробностяхъ не знаю, князь не пишетъ объ

нихъ, но говоритъ, что уже не первый управляющій отказывается завѣдывать его дѣлами единственно изъ-за смутъ, возбуждаемыхъ діакономъ. Въ такомъ положеніи князь обращается ко мнѣ съ горячею просьбою дать ему совѣтъ, что дѣлать. На дняхъ я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ написалъ о дѣлѣ къ митрополиту, а съ своей стороны обѣщалъ, что напишу къ Вамъ и попрошу Васъ лично переговорить о томъ же съ митрополитомъ. Я не предполагаю преувеличеній въ жалобѣ князя, тѣмъ болѣе, что онъ ссылается на мѣстнаго священника, на благочиннаго и другихъ священниковъ, которые могутъ конфиденціально засвидѣтельствовать, что за личность такая соловьевскій діаконъ. Поэтому не благоволите ли въ самомъ дѣлѣ переговорить съ митрополитомъ о мѣрахъ къ улаженію непріятностей? Можетъ быть, митрополиту достаточно будетъ неоффиціально сдѣлать чрезъ благочиннаго внушеніе діакону, или что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ я желалъ бы, чтобы не оставлена была безъ вниманія совершенно справедливая, какъ полагаю, жалоба князя. Вѣроятно, и Вы будете того же мнѣнія и не откажетесь сдѣлать, что можно, для общаго добраго знакомаго нашего. Рядомъ съ этою серьезною просьбою примите отъ меня другую, которую хотя нельзя назвать серьезною, но, можетъ быть, несправедливо было-бы счесть и пустою. Дѣло въ томъ, что отъ меня не оказалось поздравленія Владыкѣ съ свѣтлымъ праздникомъ. Телеграмма отъ Университета была послана по обычаю въ субботу, но за подписью одного ректора. И отвѣтъ, разумѣется, полученъ на имя одного ректора. Не знаю, что подумалъ Владыка о моемъ безмолвіи: не почелъ ли онъ это грубостію или чѣмъ нибудь въ родѣ этого? А между тѣмъ дѣло было такъ. Въ субботу, въ 8 часовъ, я составилъ телеграмму и послалъ секретарю, съ тѣмъ, чтобы она подписана была, кромѣ меня, ректоромъ и отправлена по адресу. Мнѣ отвѣчали, что телеграмма уже отправлена. Полагая, что ректоръ на этотъ разъ поспѣшилъ самъ составить депешу, такъ какъ я немножко запоздалъ, и что подъ поздравленіемъ, по обычаю, подписано и мое имя, я успокоился. Но не дальше

какъ вчера ректоръ передалъ мнѣ, что до 1-го дня Пасхи онъ не зналъ о моемъ возвращеніи и потому-то отъ своего имени только и послалъ поздравленіе. Вотъ какая вышла штука. Право, мнѣ какъ-то совѣстно и неловко. Если-бы я раньше узналъ объ этомъ, я написалъ бы самъ митрополиту, но до вчерашняго дня намъ не случилось съ ректоромъ лично поговорить, и я оставался въ невѣдѣніи, а теперь писать къ Владыкѣ уже поздно. Съ Михаиломъ Александровичемъ видѣлся: болѣетъ бѣдняга крѣпко ногою. О юбилеѣ говорили; на дняхъ предложу декану историко-филологическаго факультета принять на себя починъ дѣла. О результатахъ увѣдомлю. Теперь же пока—будьте здоровы и счастливы. Даніилу Гавриловичу, вмѣсто всякихъ поклоновъ и благожеланій, братски-христіанское Христосъ Воскресе!

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

2 апр. 1871 года.

11.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Въ ожиданіи отвѣта на первое письмо мое, я положилъ было отсрочить и свое второе письмо до времени исполненія ожиданія моего. Но потомъ раздумалъ, припомнивши изреченіе, которое въ древнія времена не разъ служило темою риторическихъ сочиненій нашихъ: мщеніе есть страсть низкая и вредная. Впрочемъ, я намѣренъ на этотъ разъ больше спрашивать Васъ, чѣмъ сообщать Вамъ свое. Если Вы получили письмо мое отъ субботы пасхальной недѣли, то могли-ли Вы что-нибудь сдѣлать по нему? Видѣлись-ли Вы съ Владыкою и имѣли-ли возможность поговорить съ нимъ, о чемъ я просилъ Васъ? Не писалъ-ли къ Вамъ Ширинскій-Шихматовъ, какъ онъ намѣревался сдѣлать это еще прежде, чѣмъ написалъ ко мнѣ? Я продолжаю любить это семейство и потому желалъ-бы оказать ему

хоть маленькую услугу, лишь-бы не въ обиду справедливости. Сколько засѣданій комитета было на Ѳоминой недѣлѣ и о чемъ теперь идутъ дебаты? Есть ли надежда на окончаніе комитетской работы къ концу мая? О Кіевѣ, о кіевскихъ дѣлахъ говорить почти нечего. У насъ въ Университетѣ недавно были выборы ректора. Шары клались скупо: высшее число было 22 изъ 41, затѣмъ одному 20, двумъ 18, тремъ 17, потомъ двумъ 14, остальнымъ ниже. 14 досталось и на мою долю. Высшее число получилъ Бунге, который, впрочемъ, сначала просилъ позволенія подумать и потомъ согласился принять ректуру. Было нѣсколько засѣданій и въ Думѣ; на послѣднемъ изъ нихъ былъ и я. Рѣчь шла, между прочимъ, о застройкѣ бо́льшей части университетской площади. Большинствомъ вопросъ рѣшенъ положительно. Между отрицательными наиболѣе жалкимъ оказался А. Н. Муравьевъ. Къ концу засѣданія не обошлось безъ маленькаго скандала, состоявшаго изъ столкновенія А. Н. Муравьева съ головою, при чемъ правда была на сторонѣ перваго. Вчера прибылъ къ намъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а сегодня выѣзжаетъ, если уже не выѣхалъ. Съ новою начальницею Института я познакомился, но—сойдемся-ли, это пока неизвѣстно. Оригинальнаго въ ней довольно, но мнѣ кажется, у ней не достаетъ только такта, а умъ, свѣдѣнія и усердіе есть. Къ числу выбывающихъ изъ Института прибавляется и Шульгинъ, подавшій прошеніе объ увольненіи.

Прилагаю свое мнѣніе объ устройствѣ низшей судебной инстанціи въ д. вѣдомствѣ. Большая часть записанныхъ Вами для меня вопросовъ сведены у меня въ одно. Не отвѣчаю только на вопросы о прокуратурѣ и окружномъ судѣ. На послѣдній, признаюсь, не знаю, что сказать. Боюсь ошибиться. О прокуратурѣ можно-бы высказаться положительно, но лѣнь больше писать. Что сказано мною о мировомъ духовномъ судѣ, сказано искренно. Я не хотѣлъ распространяться, хотя нѣкоторые пункты можно-бы выяснить обстоятельно. Нѣтъ побужденій къ расширенію слова. Дѣло, кажется, само по себѣ ясно. Притомъ, я только заявляю свое мнѣніе, но не препираюсь съ

другими. Доводы Барсова и заявленія Сабурова, по моему мнѣнію, или недоразумѣнія, или натяжки. Барсовъ, кажется, недоразумѣваетъ, а Сабуровъ натягиваетъ. Пишите же, пожалуйста, что у Васъ оказывается дальше. Я загроможденъ разными дѣлами и, право, не много имѣю свободнаго времени. Сверхъ чаянія, лекціи идутъ правильно во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прибавьте къ этому разносортныя засѣданія и, что гораздо важнѣе, домашнія хлопоты. Въ Петербургѣ я по цѣлымъ днямъ домосѣдовалъ, а здѣсь постоянно бѣгаю или ѣзжу. Къ счастію, конь мой еще не подалъ въ отставку. Отъ чего умеръ о. Серафимовичъ? Даніилу Гавриловичу братскій поклонъ. Будьте здоровы.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

11 апр. 1871 года.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.[1]

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ дiяхъ и 7-мы одминахъ.

ДIЯ III.

Одмина перша.

(Середа уранцi. Покой у палаци; въ глыбыни сцены по середыни двери у каплыцю; зъ обохъ бокивъ дверей два великихъ портрета лыцарывъ у стародавнiй зброi. Наливо—двери, кудою йты до покоивъ Ядвыгы, на право—у сины, на кганокъ и до воритъ. Злива коло муру велыке кресло князя).

Ява I.

(*Зъ каплыци выходятъ Ядвыга и Тереза*).

Ядвыга. Скажы пану Рамберу, що не хочу прыйматы, не хочу й слухаты и нехай мене не турбуе. И безъ ёго тяжко (*Тереза видходытъ управо*). Маты Божа! напосылысь уси на мене: и маршалокъ, и Рамберъ... Що панна скаже, якъ панна звелыть! А що я бидна зроблю!... Тато вмырае, Яна немае (*втырае очи*). Теперъ ще козакъ отой: самъ-на-самъ, каже, зъ панною маю говорыты. Щей Рамберъ каже: треба прыйняты. Неначе вси умовылысь не даваты мени спокою.

---

[1]) См. Кiев. Стар. 1901 г., № 10.

Тереза (*зправа*). Панно, пытае Рамберъ, чы можно ёму сюды зъявытысь.

Ядвыга. Нехай иде. (*Сидае на кресло. Тереза видчыняе двери направо, Рамберъ входыть, уклоняется, выходыть на середыну сцены, Тереза стае поручъ зъ кресломъ*).

Ява II.

Ядвыга, Тереза, Рамберъ.

Ядвыга. Чого пану?

Рамберъ. Ясна панна не хоче дозволыты, щобъ сотныка передъ ii очи прывелы?

Ядвыга. Панъ Жыль добре бачыть, яке въ мене горе й несчастя, и не хоче мени навить спокою даты. Щобъ я зъ тымъ нызовцемъ, харцызомъ говорыла—та николы въ свити!... И боюсь, и соромъ...

Рамберъ. То воля яснои панны, але повыненъ я панни сказаты, що не було-бъ тутъ биды ніякои. Знаю я пана Даныла, то добрый лыцаръ, тилькы що не пляхтычъ, якъ скажемъ, и я.

Ядвыга (*насмихается*). Я й забула, що то пана Жыля товарышъ и прыятель (*гостро*). Крэще-бы панъ отакъ прыйшовъ спытаты мене перше, нижъ пана Яна зъ замку на смерть выправляты (*вытырае очи*).

Рамберъ. Ma vie!.. Выбачайте, ясна панно... Але якъ-же панна мени доси виры не йме! Кажу-жъ пани, що якъ-бы узялы хлопы пана Яна, то вже доси-бъ ёго голову вартовымъ показалы.

Ядвыга (*здригается*). Панъ жалю не мае, що отакъ прыходыть мене катуваты.

Рамберъ. Яснои панны воля на мене гниватысь, але я панни не тилькы палашемъ повыненъ служыты, але, якъ треба, то й порадою доброю. Хочъ и велыке панни горе, але найгиршого панна не знае: ще тилькы сёгодни и взавтра замку держатысь.

Ядвыга. Що панъ каже!?

Рамберъ. Взавтра хлопы зъ гарматъ браму розибьють. Доки зможемо, будемъ у проломахъ бытысь, але не багато насъ,—до вечора тильки стане. Не пустивъ-бы я пана Яна зъ замку, коли-бъ не треба було помочи. (*Ядвыга схыляе голову на руку*). Тымъ то й казавъ я ясній панни, хочъ и гнивается панна на мене, що таки треба ій Даныла прыйняты; перве, що може козакы выкупъ визьмуть,—налякаты можно, що увесь скарбець зъ малои башты у Рось покыдаемо; друге, ще хто ёго знае, объ чимъ ричъ буде,—може хочъ якый день отакъ протягнемо, а на вiйни часомъ и те дуже добре. Панъ Янъ, може, доскаче.

Ядвыга (*гирко*). Доскаче! чы жывый винъ!?

Рамберъ. И объ тимъ ясна панна навить може у Татарчука довидатысь, а зо мною не хоче винъ говорыты.

Ядвыга (*павза*). Нехай уведуть! (*Рамберъ уклоняется, видходытъ управо*)... Тяжко мени, Терезо! Якъ-бы не тато, не люде уси, що у замку, краще-бъ мени смерть у вичи побачыты, нижъ того козака. (*Зправа Даныло безъ зброи, за поясомъ маненькый перначъ; поручъ Рамберъ, позаду Дитрыхъ и два нимци. Рамберъ и Даныло выходятъ на середыну сцены, други стаютъ коло дверей. Даныло уклоняется, говорытъ съ павзамы*).

Ява III.

Ядвыга. Що скаже панъ сотныкъ... чы отаманъ... чы гетьманъ?

Даныло (*понуро*). Щырый слуга панны до вику.

Ядвыга. Зъ чымъ прыйшовъ слуга щырый?

Даныло (*пидiймае голову*). То йидній панни маю казаты.

Ядвыга. Пане Жылю!?

Рамберъ (*уклоняется*). Воля яснои панны.

Ядвыга (*махае рукою*). Нехай выйдуть уси! (*Рамберъ махае рукою Дитрыху, той зъ нимцямы йде у прави двери, Тереза за нею, Рамберъ у ливи*).

Явa IV.

Ядвыга и Данило.

Ядвыга. Що-жъ скаже панъ слуга щырый?

Данило (*ступае на крокъ блыжче*). Панночко, просты мене, не гнивайся на мене, слухай мене, слухай, що-бъ нещастя велыкого не було: рятуваты тебе прыйшовъ....

Ядвыга. Може до Рамбера у компанію просытысь хочешъ, зрадныку, щобъ и нимци пишлы за тобою, якъ надвирни?

Данило. Панно, бидна моя, не гнивайся! Не имешъ мени виры, насчасному, але нехай мене гримъ побье, нехай мене товарыство проклене, нехай мене на галери турецькій у кайданы закують, колы я до тебе зъ нещырымъ серцемъ прыйшовъ.

Ядвыга (*устае*). Козаче, зрадывъ ты мени и князю... та нехай тебе Господь помылуе; скажы тилькы правду, колы тебе спытаю.

Данило. Панно, зоре моя, славу и счастя виддамъ за тебе! Чого хочешъ?

Ядвыга. Зъ шляхты хто бувъ на передзамчу... кого узялы... що зробылы?

Данило (*сумно*). Панно... усихъ учора... Воны-жъ сами выннi,—то вiйна, панночко.

Ядвыга. А сёгодни... у ночи... никого не узялы?

Данило. Та ще йидного.

Ядвыга (*скрыкуе*). Вбылы!?

Данило (*усмихается*). Ни, жывый ще панъ пидскарбiй, здается въ Онысыма староґо у курени сыдыть (*Ядвыга хапается за кресло, опускается на ёго, мовчыть, дывыться на Данила*).

Данило (*дали*). Вирь мени, панно, нема чого мени брехаты. Та якъ-бы й не узялы ёго, якъ-бы й до обозу прыбигъ, то не поспiе вже помичъ. Ще й не знайшлы у замку кого крацого выправыты! Не до Черкасъ побигъ панъ Казымыръ,—на Кыйивськымъ шляху ёго Дигтяренкови хлопци спiймалы за рич-

кою... Панно, тилькы я тебе вызволыты можу; слухай мене, панночко!

Ядвыга (*тыхымъ голосомъ*). Спасыби тоби, козаче, за щыру правду, колы й теперъ мени не зрадывъ. Кажы чого хочешъ?

Даныло (*ступае на крокъ, пада навколишкы*). Панно, счастя мое! выйды до брамы сёгодни у-ночи, тикай зо мною (*порушення Ядвыгы*) серце мое! Слухай мене... Рятую тебе, бо смерть тоби, гирше смерти... Визьмуть замокъ взавтра у-вечори... и безъ мене визьмуть... Старый Дигтяренко полковныкомъ... на ради плакавъ, просывъ, щобъ тебе ёму виддалы за сынивъ ёго и дочку: татарви хоче виддаты, щобъ побусурманылы, душу твою згубылы... Панно, зоре моя, глянь на Бога, на мене несчасного глянь! (*устае хутко, Ядвыга тежъ*). Щыро тебе кохаю!!... Не хлопъ я бидный, лыцарь я славный по усёму Нызу, скарбы въ мене скризь по степахъ позакопувани, коня кращого и въ Тугай-бея немае. Панно, зглянься на мене!...

Ядвыга (*стыха*). Спасыби тоби, козаче, за усе добре: що не давъ мени зъ коня вбытысь, що служывъ мени вирно, що зрадывъ мени и тату (*усмихается*), що кохаешъ мене такъ щыро, що турбуешся, щобъ татары мене не узялы. Але не бійсь, козаче... не визьме мене твій Дигтяренко... (*йде до ливыхъ дверей, обертается*). Якъ будешъ взавтра зъ гарматъ браму розбываты, то я на брами стану (*видходыть уливо*).

Ява IV.

Даныло, потимъ Рамберъ.

Даныло. Що-жъ теперъ?... безъ мене визьмуть замокъ (*взявшысь за голову*) Самому до обозу лядського бигты, козакамъ зрадыты!? И часу немае!... Господы, хочъ-бы гримъ твій побывъ мене! (*злива Рамберъ*).

Рамберъ. Ходимъ, пане парламентеръ.

Даныло (*мовчыть, поглядае на ёго*).

Рамберъ. Ходимъ.

Данило. Чекай Жылю... и нимци твои, и ты за гроши служать?

Рамберъ. А то-бъ дурно?

Данило. Жылю, чуешъ... Я богатый... сичовыкъ я... та гувну тилькы у курени, то чымало вытрусять зъ чересивъ товарыши... Усе твое буде—здай замокъ... тилькы панну мени жыву виддай, та въ мене служы.

Рамберъ (*видступае*). Diable!

Данило (*пидходыть*). Жылю, самъ розумiешъ,—довго замку держатысь неможно... Шкода тебе, Жылю!

Рамберъ (*здвыгае плечыма*). Воно-бъ и ничого, тилькы шкода, що строку регыменту не выйшло. Хыба пиды та спытай пана полковныка Крейца у гетьманскимъ обози; винъ князеви служыть, а я у ёго у регыменти.

Данило (*зъ гнивомъ*). Жартуешъ?

Рамберъ (*усмихается*). Ба ни; а то ще князя спытай, може не схоче мене у замку держаты,—тоди гараздъ.

Данило (*гризно*). Взавтра штурмъ буде!

Рамберъ. Чомъ не заразъ?

Данило. Якъ бралы Кодакъ зъ Сулымою, я самъ бачывъ, якъ Марiона на спысы пидняли!

Рамберъ. Товарыши зъ нымъ булы, добрый бувъ жовниръ небижчыкъ.

Данило. Добрый бувъ жовниръ и пропавъ ни-за цапову душу!

Рамберъ. Pardieu! може хто й за Жыля Рамбера колысь отакъ казатыме. Ходимъ, пане парламентеръ (*иде у-право Данылo за нымъ*.

Зависа.

ДІЯ III.

Одмина друга.

(Середа у-вечори. Лаштунки тижъ сами. На сцени не мае свитла; двери у каплыцю видчынени; звидты дуже свитытся. Чуты подзвинъ. По сцени ходыть маршалокъ, зправа входыть пидчашій.

Пидчашій. Що, вже усе зробылы, пане Вацлаве?

Маршалокъ. А вже... однеслы князя у каплыцю и чытають.

Пидчашій. Заразъ и панахыда?

Маршалокъ. По капелана вже я послався, и панна Ядвыга заразъ прыйде.

Пидчашій. Казалы, що довидалась ясновельможна панна въ сотныка за пана Казимира.

Маршалокъ. Чувъ и я, що спіймалы, а пана Яна ни.

Пидчашій. А панъ Жыль дуже лается?

Маршалокъ. Та тому абы лаятысь, а якъ на мене, то добре що спіймалы псяюху. Чы то жъ не соромъ, пане Юліане? Що жъ тоди справди нимцямъ та пахоламъ вирыты, колы старый шляхтычъ попередъ усихъ зъ замку тикае!? Нехай провитрють хлопы вражого сына на дуби—та й гараздъ!

Пидчашій. Не дуже й гараздъ, пане Вацлаве. Якъ пишовъ сёгодни звидцы Татарчукъ, якъ кынулысь, що й справди немае пана Казимира, якъ Рамберови сказалы, то на вси заставкы почавъ лаятысь. Я, каже, цеи ночи усихъ вартовыхъ килька разъ обходывъ, нихто не спавъ, и воно-жъ мисячно: черезъ валы ніякый собака не перелизе, щобъ не побачылы. А якъ йе тутъ яки бисови потайныкы, то мени ихъ треба знаты, а не якому дидькови, колы я у замку комендантъ. Якъ насыплють, каже, козакы чортовому сыну жару въ халявы, то кудою пишовъ, тудою й ихъ прыведе, матери ёго стонадцять... У каплыцю й не прыйде,—нехай, каже, выбачыть ясна панна;

усе ходыть та стукае у замку та по баштахъ, по пидъ валамы дывыться. Вже цилый день отакъ.

Маршалокъ. И справди що не гараздъ. Йиденъ, може, йе ще у замку, що того потайныку знае, та пиды спытайся ёго (*вказуе на двери каплыци*).

Пидчашій. Сёгодни зъ нимцивъ нихто й лягаты не буде, до самого ранку уси по валахъ стоятымуть. Мало тилькы людей до стобиса.

Маршалокъ. Э, ничого, пане Юліане, може й мы ще зъ паномъ не забулы якымъ кинцемъ мушкета до себе триматы (*усмихается*). Якось може взавтра до вечора продержымось. (*Злива Ядвыга и Тереза; маршалокъ и пидчашій уклоняются*).

Ява II.

Ядвыга. Зробылы все, якъ я просыла, пане Вацлаве?

Маршалокъ. Усе зроблено, панно Ядвыго, тилькы ще отця Антоныя немае.

Ядвыга (*пидходыть до кресла; пада на кресло*). Пане Вацлаве! пане Юліане! вы жъ мене змалку зналы, на рукахъ носылы! Кажить же мени, кажить, за що мени доля така, за що мене Господь покаравъ!.. Тато померлы... Хлопы на замокъ йдуть... и йидна я, йидна зосталась у свити Божому!.. (*плаче*).

Маршалокъ. Панно Ядвыго, то грихъ панни передъ Богомъ; Ёго то воля, що поклыкавъ до себе князя Романа; може того, що дуже вже тяжко було ёму на старисть дывытысь, що теперъ робыться; а мени зъ паномъ Юліаномъ то ще тяжче, що плаче панна, а объ тимъ не думае, що йе ще въ неи вирни слугы стари.

Ядвыга (*устае, кыдается на груды маршалку*). Пане Вацлаве, то не я, то горе мое плакало (*плаче, прыпавшы до плеча*).

Маршалокъ (*пиддержуе іи*). Панно Ядвыго! Вирь старому: прыведе помичъ Дембинськый, будемъ жыви!

Ядвыга (*плаче*). Ой, Боже жъ мій, хочъ бы знала я, де винъ теперъ.

Маршалокъ. Якъ не у обози, то скоро дойиде... Не дастся такый хлопамъ у рукы; помолытысь тилькы треба Матери Божій и святому Яну.

Ядвыга (*пидходыть до Терезы, спырается на плече, втырае очи*). Ходимъ, Терезо, до тата... (*пидходять до дверей, обертаются*)... До капелана, щобъ заразъ тилькы... йдить хочъ сами (*видходыть зъ Терезою у каплыцю; та зачыняе двери; на сцени темно, маршалокъ и пидчашій видходять хутко у-право*).

Ява III.

(*Лива стинка видсувается на бикъ; тамъ пидскарбій звязаный, безъ жупана; за нымъ Онысымъ, Павло и килька селянъ зъ косамы и спысамы. По одному выходять на сцену. Купа проты дверей каплыци*).

Пидскарбій. Полковныку, ты жъ прысягався?!

Онысымъ. Не забувъ, не бійсь, ляше, ничого... (*входыть тымъ часомъ Даныло, за нымъ 1 и 2 запорозьци*).

Даныло (*стыха до запорозьцивъ*). За мною, браття! (*видходыть у-ливо*).

Пидскарбій. Дывысь, полковныку, правду тоби казавъ: варты немае, нихто не знае ходу; (*вказуе у-право*) до брамы тудою треба йты (*зъ хода показуется осаулъ, за нымъ по одному надвирни, товпляться на сцени*).

Онысымъ. Андрію, Петро! у кутокъ цёго ляха: я ёму прысягався, що винъ жывый буде (*два парубкы ведуть пидскарбія въ кутокъ, стають передъ нымъ*). А де жъ Даныло? (*поглядае навкрупы*). Винъ тутъ повыненъ ходы знаты (*Тереза видчыняе двери*).

Тереза. Маты Божа!? (*бижыть назадъ*). Панно Ядвыго! (*Онысымъ, Павло, кильо селянъ кыдаются за нею*).

Осаулъ (*раптомъ зачыняе двери, чуты прыглушеный галасъ*). Не туды, хлопци, за мною! И на подвирья не выходьте, доки вси у синяхъ не зберемось (*безъ шуму бижыть у-право, за нымъ надвирни; до кинця дiи надвирни по одному перебигаютъ зъ хода у-право*).

Ява IV.

(*Зъ каплыци Онысымъ и Павло выводятъ Ядвыгу за рукы, за нымы парубкы*).

Ядвыга (*бьется*). Рятуйте, хто въ Бога вируе! Рамберъ!, люде! рятуйте мене!

Онысымъ (*веде до потайныку*). Хлопци, якъ я казавъ, до куриня! Глядить же мени!

Ядвыга. Маты Божа, то вбыйте жъ мене, не мучте мене!

Онысымъ. Не просы дарма! (*передае Ядвыгу козакамъ у потайныкъ, ти уводять, и зъ потайныку знову перебигаютъ черезъ сиену надвирни; пидходыть до дверей каплыци, дывыться туды, стае на порози, вытырае очи*). Пане мiй мылый, пане мiй любый! Не давъ мени Господь старому счастя, щобъ ты свого хлопа вирного въ вичи побачывъ! Спы жъ, пане, спокiйненько колы мене чуешъ! Догляне твiй хлопъ твою дочку едыную ще краще, якъ ты моихъ дитей доглядавъ!

Вартовый нимець (*зправа зъ-за сцены, здалека.* Wer da? (*стриляе*).

Голосъ осаула. Гайда! на браму! (*стриляють, тупотять, галасъ за сценою, Онысымъ зъ другымы бижыть у-право*).

Зависа.

ДІЯ IV.

Одмина перша.

(Середа, за пивничъ. Майданъ у козацькимъ обози передъ Онысымовымъ куринемъ. Зъ правого боку велыкый курінь, вхидъ завишаный рядномъ. Ливоручъ берегъ ричкы. Въ глыбыни сцены таборъ, возы, коло ихъ саморобни наметы зъ рядна, курени зъ очерету и гилля. Напереду сцены догорае огныще, злива сцена освитлена пожежею).

Ява I.

Коло огныща 2 запорозьци и 3 парубкы.

1 парубокъ. А горыть замокъ! Якъ у день выдно.

1 запорожець. Горитыме до ранку.

2 запорожець. Бодай бы ти бисови хлопци згорилы, що пидпалылы!

2 парубокъ. Хыба воно ваше горыть, дядьку, чы що?

2 запорожець. Ото дурень! Було бъ тамъ чымало нашого, якъ бы не таки розумни, якъ ты... Тилькы що имъ браму видбылы, якъ ускочылы зъ Маркомъ до замку, такъ заразъ и палыты по усихъ усюдахъ, вражи сыны... Мало що й повыносылы... А якъ бы пошукаты по покояхъ, та у стини добре постукаты... (*махае рукою*). Отакъ зъ дурнямы звяжысь!

3 парубокъ (*до 1-го запорожця*). А куды звидцы, дядьку?

1 запорожець. А тоби що?

3 парубокъ. Та цикаво.

1 запорожець. Вже полюбылось замкивъ добуваты?

3 парубокъ. А вже-жъ! (*сміется*).

1 запорожець (*насмихается*). Ого велыковоинъ! Чекай, ще побачышъ, почимъ кившъ лыха (*пауза*).

1 парубокъ (*прыслухается зправа*). Ото, якъ вовкъ вые!

1 запорожець (*тежъ*). Ни... це не вовкъ.

1 парубокъ (*пауза*). Та й не собака, здается.

1 запорожецъ. Вовкулака.

3 парубокъ. Святый Боже! я николы не чувъ!

1 запорожецъ. Не прыходылось.

1 парубокъ. Чого жъ се винъ?

1 запорожецъ. Чого?.. Адже былыся сёгодни... ляхивъ, нимцивъ выризалы... та й зъ нашыхъ, хто вже дуже гришный.

3 парубокъ. Не дай Боже теперъ у лиси! (*поглядае у-право*).

1 запорожецъ. Що ще тутъ? Отъ якъ-бы у Волощыни!

2 парубокъ. А що жъ тамъ дядьку? тежъ вовкулакы?

1 запорожецъ (*стыха*). Упыри, отъ що!

2 парубокъ. А вы сами, дядьку, бачылы?

1 запорожецъ. Цуръ дурня! Бодай ты колы побачывъ, хочъ отакъ якъ Чупрына.

2 запорожецъ. Ото бъ довидався!

3 парубокъ. А розскажить, дядьку.

1 запорожецъ. Та не годытся... проты ночи.

1 парубокъ. А ну бо, дядьку Мыколо!

1 запорожецъ. Ну нехай... (*оглядается*). Вогонь горыть и люде хрещени... Ого ще, якъ Сагайдакъ старый пидъ Тягинь ходывъ у Волощыну, то бувъ нашого жъ такы куриня тытаревського козакъ Иванъ Чупрына, що теперъ осауломъ, якъ що на тимъ тыжню ёго не вбыто... Та мабуть побачымось, бо якъ ёго й вбьешъ? Такый козарлюга, куды хочъ его.

2 запорожецъ. Эге жъ!

1 запорожецъ. То ото було разъ за Сочавою, каже ему куринный чогось до обозу побигты, а воно у ночи, отъ хочъ якъ й теперъ.

2 запорожецъ. Ни, не такъ було.

1 запорожецъ. Справди що не такъ, бо таке робылось, що страхъ... нахмарыло, гримъ и блыскавка, а дощу немае... А сталы мы саме у лиси... у кинци... ще Сафаръ-агу выглядалы, що потимъ пидъ Хотыномъ вбытый.

2 запорожецъ. Це такъ було.

1 запорожець. Сталы ото, сховалысь у лиси, у поле выглядаемъ, вогню палыты не можно... А витеръ ажъ гилля ламае... у лиси щось гуде, та стогне, та часомъ плаче (*стыха*)... неначе та панна, що сюды сёгодни прывелы (*вказуе на куринь*).

1 парубокъ. Сердешна!—просыла, щобъ вбылы.

2 парубокъ. Эге, вбывъ бы; старый Дигтяренко казавъ, щобъ ii якъ ока стереглы.

1 запорожець. Такъ треба було ото Иванови до обозу. Сидае на коня, але пидходыть до ёго старый волохъ, що въ насъ за калауза бувъ, та й пытае: „Ты самъ, козаче, пойидешъ?“ А той: „И безъ тебе, каже, втраплю“. Той соби й пишовъ, а винъ пойихавъ... колы ранкомъ вертается, каже, що ему було.

3 парубокъ. Побачывъ!?

1 запорожець. Йиду, каже, лощыною, що разъ то блыскавка, выдно якъ у день... И прыйшлося зъ лощыны саме выйизжаты, де тры шляхы лисомъ розходятся... и хреста немае,—звисно бусурмены!

2 запорожець. Ще, вдается, у тій лощыни того-жъ саме ранку васюрынци чамбулъ ногайськый побылы?

1 запорожець. Ни, то зъ билогородськои орды татары булы... такы жъ Сафаръ-ага мабуть ихъ тоди напередъ выправывъ. То йиду, каже, а кинь якъ жахнется... бо воно часомъ и кони ту нечысть бачуть... те бувае. Винъ якъ подывывся, а воно зъ земли й вылазыть... и пидіймается.

1 парубокъ. Що жъ воно? яке?

1 запорожець (*стыха*). Голе, казавъ, сыне, очи горять, губы червони... и кровъ зъ губывъ бижыть!.. ажъ на грудяхъ запеклась. Якъ не завые: ала-ла! той у ходъ; та ще ёго счастя, що кинь у ёго тоди добрый бувъ, буланый. Якъ подався, каже, по дорози, а воно верхомъ по деревахъ, та навпереймы бижыть, ажъ гилля ламае! Мало, каже, не спіймавъ, тилькы шапку ухопывъ; такы втикъ видъ ёго.

3 парубокъ. Господы!—ото жъ бува!

1 запорожець. Та й лаявъ того волоха Чупрына, якъ прыбигъ у-ранци. Чомъ ты мени, каже, такый сякый сыну не

казавъ, що таке мисце? А той: „эге, каже, отакъ скажы: то що воно мени потимъ зробыть?

3 парубокъ. Боявся выходыть самъ?

2 запорожець. Отакый-бы вражый сынъ боявся! Не хтивъ сказаты, та й годи. Тымъ-то й багато тои нечысти у Волощыни, що усякый волохъ якъ помре, то заразъ упыремъ робыться.

1 запорожець. Якъ усяка кыивська жинка видьмою.

3 паробокъ. Невже?

1 запорожець. А чого жъ ихъ тамъ такъ багато, хочъ и таке свяге мисто и печеры?

3 паробокъ. А вы дядьку и у Кыиви бувалы?

1 запорожець. Ще й не разъ.

2 запорожець. Бреше, не слухай.

1 запорожець. Брехалы твого батька сыны.

2 запорожець. Колы жъ ты бувъ: тоди саме якъ и я, якъ старого Сагайдака ховалы?

1 запорожець. А забувъ, якъ пидъ Кумейкамы лейстровыкы чортови зъ лису выхопылысь, що нашому куриню у обозъ не можно було вернутысь, а гусарыя якъ поперла, то куды мы пишлы?

2 запорожець. Та хто куды вростичъ.. тымъ то й жывыхъ найбильше у нашому курини зосталось.

1 запорожець. Эге, хто куды, а я такы у Кыиви опынывся; цилый рикъ бувъ за рыбалку у Межыгорськымъ, годувалы свяги ченци и переховалы и грихы замолывъ... може хочъ зъ половыну.

2 запорожець. На церкву було бъ даты... тоди чымало зъ того гусарына здобувся.

1 запорожець. А вже жъ було бъ даты, то й добре булобъ... Колы бачъ, якъ прыйшовъ, то закопавъ усе пидъ дубомъ надъ Десною, а якъ у манастыри бувъ, то й забувся якось... И шкода, бо уси ти грошы такъ по шинкахъ и позоставалысь у Кыиви, якъ пишовъ зъ манастыря (*зправа Данылo и Марко*).

Ява II.

Данило. Добра ничъ, панове товарыство!

Вартови (*устаютъ, парубкы здіймаютъ брыли й шапкы*). Добра ничъ, пане отамане!

Данило. Годи вже вартуваты, втомылысь мабуть сёгодни, гайда лягаты, вже други будуть на варти (*запорозьци, 1 и 3-ій парубкы беруть зброю и помалу видходять у-право по-за куринь*).

2 парубокъ. Не можно, пане отамане; казавъ панъ полковныкъ, щобъ до ранку видъ цёго куриня не рыпалысь, покиль воны съ цвынтаря повернутся.

Данило (*пидходыть до ёго, гризно*). Трясця твоій матери и зъ полковныкомъ твоимъ. Я видъ Хмеля тутъ, никому чуты не можно, объ чимъ мени треба у бранкы довидатысь! Геть звидцы, гайда!

2 паробокъ (*видходыть у-право, на бикъ*). Ого лыха годына, хыба заразъ до старого бигты?

Данило (*до Марка*). Зъ товарыства хто жывый?

Марко. Шпакъ та Потебенька, та ще оцихъ двое (*вказуе направо*); хочъ и не нашого куриня, а добри козакы; ще й ихъ беры, якъ хочешъ, я вже казавъ имъ; та воны за-для того й на варти тутъ булы... гляды тилькы, брате, щобъ кіямы тебе не быто.

Данило. Годи объ тимъ... а ти двое вже зибралысь?

Марко. Шпакъ кони сидлае, а Потебенька зъ твоимъ перначемъ побигъ до обозу, щобъ панни того гнидого узяты. Божывся, що на горилку й дывытысь не буде... А Хмеля якъ побачу, то що казаты?

Данило. Замокъ, скажешъ, узялы, загинъ добрый привedешъ... та й я незабаромъ... кажу жъ тоби, тилькы у той зимивныкъ, що за Самарою, та й до війська.

Марко. Ну, ще туды будешъ, може, квапытысь, а звидты? (*регоче; Данило пидходыть да куриня, пидіймае рядно*).

Даныло. Панночко!.. чортякы ще й звьязалы! (*выймае кынджалъ, кыдается въ куринь*).

Марко. Щобъ такого лыцаря, та баба... (*маха рукою*). Хочъ и гарна жъ, иродова дочка! (*видходытъ у-право*).

Ява III.

Даныло выводытъ зъ куриня Ядвыгу, зрывае зъ рукъ вирёвку.

Даныло. Панно, серце мое, не бійсь ничого... заразъ пойидемъ зъ сичовыкамы у степъ шырокый... ни ляхъ не знайде, ни татарынъ. Служывъ я тоби вирно, якъ собака теперъ буду служыты, у очи дывытысь (*Ядвыга мовчытъ, поглядае на ёго*). (*Пауза*). Панночко, счастя мое, не гнивайся, промовъ хочъ слово... Рятую тебе. Заразъ тикаты треба, бо зъ ясыремъ до Крыму поведуть... не помылуе Онысько; у неволи бусурменськый пропадешъ и душу занапастышъ.

Ядвыга (*видступае стыха*). Даныло! йидна я тутъ, кого мени просыты!.. Кохаешъ мене, кажешъ... Може, добре въ тебе серце, то порятуй мене.

Даныло (*ступае до неи*). Панночко, заразъ на коней!

Ядвыга (*видступае, протягае руку*). Козаче, не ты хыба выненъ, що я теперъ у неволи? На що прыйшовъ ты сюды, на що порятувавъ мене, на що зрадывъ мене? Що я тоби зробыла? що я Оныськови зробыла? чимъ я кого скрывдыла?—якъ маешъ серце и совисть, то вбый мене (*пада навколишкы*).

Даныло. Панно! Господы! (*хоче пидняты*).

Ядвыга (*вырывае руку, видступае знову на колинахъ*). Убый мене, козаче, на цимъ мисти убый, бо у Крымъ жыва не пиду и зъ тобою не пиду... Або крыныцю глыбоку знайду, або скелю высоку, то сама себе занапащу... Убый мене заразъ, козаче, змылуйся, то за все тебе прощу... и за зраду твою, и за батька мертвого, и за смерть свою; душу мою порятуй, козаче добрый, то на тимъ свити за тебе мотытысь буду... Ой Боже, Боже, несчасна я! (*закрывае лыце рукамы*).

Данило (*сумно*). Серденько мое, що робышъ зо мною? Життя й душу виддавъ бы за тебе!

Ядвыга (*протягае руки*). Якъ маешъ трохы жалю, козаче, дай ножа, дай заразъ!

Данило (*усмихается*). То такъ... больше мене боишся, якъ гриха?

Ядвыга (*схылывшы голову*). Простыть Господь милосердный...

Данило (*дывыться на огныще*). Панно ясна... не плачъ, не гнивайся, и Бога не гнивы: не пидешъ зо мною, а ни до Крыму—пидешъ, куды схочешъ.

Ядвыга (*поглядае на ёго*).

Данило (*дывыться на огныще*). До Лубенъ хочешъ... чы до обозу коронного?

Ядвыга (*хоче устаты*). Що кажешъ, що? Данило!?

Данило (*дывыться на огныще*). До Лубенъ, кажу, чы до обозу коронного хочешъ? Не гай часу.

Ядвыга. Маты Божа! (*хытается, пада*).

Данило (*кыдается, пиддержуе, ставшы на колино*) Зомлила бидна! (*дывыться, цилуе, гука по-за кинъ*). Марку!

Ява IV.

Зправа Марко и 2 запорозьци.

Марко. Хыба це довго? вже й Потебенька прыбигъ (*виддае Данылови перначъ*).

Данило (*до запорозьцивъ*). Берить панну браття (*козакы несуть Ядвыгу у-право у слидъ*). Не дуже гнидого затягайте, бо быты буде (*до Марка*). По-надъ ричкою надвирни вартують, тудою зъ обозу й выбырайся; ось перначъ (*виддае перначъ*).

Марко. А ты жъ що?

Данило. До лядського обозу бижы... перву корогву якъ зустринешъ, виддай панну, вона вже тебе оборонить... Чекай, може ще не послухають ии вражи ляхы... Змійчука беры, та

якъ побачышъ, що тоби лыхо, промовъ тилькы ёму на вушко: орда!—то й куля не дожене.

Марко. Отакои!.. Ну гараздъ, якъ на мене, ще воно й краще... Тилькы я бъ казавъ, що треба й тоби йихаты, бо якъ прыйде у ранци Онысько, то гвалту наробыть.

Даныло. Боюсь я ёго, що винъ Онысько!.. А йихаты не можно мени... Не зрадь тилькы, щобъ панну довизъ.

Марко (*сердыто*). Оце бачу, що таки божевильный, колы побратымови не вирышъ.

Даныло. Просты брате... Не гай часу... гнатысь не будуть, бо я тутъ на варти... Гайда! (*маха рукою, Марко видходыть у-право, у слидъ*); везы обережно!

Ява V.

Даныло, потимъ Онысымъ.

Даныло (*ходыть по сцени*). Тяжко... Йе тоби, Даныло, и слава, и воля, та немае щастя... (*выймае ладанкы, дывыться*). Одуривъ нимець проклятый... Ни, може й не все брехавъ... Кулею ёго сегодни вбыто... Може це, Даныло, доля твоя щербатая... Оце Маркови виддамъ, нехай здоровъ носыть, а цей.. ни, не кыну... нехай буде... Тилькы вже годи по замкахъ бавытысь, взавтра до товарыства, та у перву лаву... може дасть Господь мылосердный смерть козацьку (*зправа зъ глыбыны сцены вбигае Онысымъ, Даныло стае коло входу у куринь*).

Онысымъ (*неспокійно*). Отамане, що се ты, на що вартовыхъ прогнавъ?

Даныло. Чого, диду, турбуешся, я самъ на варти.

Онысымъ (*тупае*). На що прогнавъ, пытаю!?

Даныло. Диду, не твого полку я козакъ, щобъ мавъ тебе слухаты.

Онысымъ (*зъ гнивомъ*). Геть звидцы!

Даныло. Чого сердышся старый? Сидай, та будемъ вартуваты.

Онысымъ. Геть звидцы!—пусты у куринь!

Даныло. Не йды, диду... спыть ляшка... на що тоби?

Онысымъ. Геть, кажу тоби, вражый сыну, бо звьязаты звелю!

Даныло (*стрымуючысь*). Чого гвалтуешъ диду?.. Иды, тоби кажу, не треба.

Онысымъ (*скажено*). То не пустышъ!?

Даныло (*пауза, дывыться на ёго, нескоро*). Та йды, про мене (*дае дорогу, Онысымъ кыдается у куринь, Даныло, выхопывшы кинджалъ за нымъ*).

Онысымъ (*зъ куриня*). Зрада! (*чуты якъ пада Онысько, потимъ тыхо*).

Зависа.

ДІЯ IV.

Одмина друга.

(Четвергъ у-ранци. Лаштунки тнжъ сами. Ливоручъ товпа селянъ, праворучъ невелычка куна надворнихъ козакивъ. Мижъ нымы коваль зъ спысомъ. Въ глыбыни сцены Павло безъ шапкы зъ перначемъ пидъ бунчукомъ. Передъ нымъ на авансцени звьязаный Даныло. Коло его 2 парубкы. Кинець рады. Галасъ).

Ява I.

Коваль. Люде хрещени! козацтво! хыба можно такъ?

Голосы (*злива*). Годи, годи! Постановылы... за що старого бидного вбывъ?.. Зрадныкъ... закопаты... ще й мовчыть!.. Выкупъ, мабуть, узявъ за ляшку... пошукаты отутъ треба... Гаспыдъ... закопаты, закопаты!.. Старого й диты за насъ голову зложылы!

Коваль (*сылуется перекрычаты*). Панове громадо! Нехай нызове вийсько судыть.

Селянынъ (*злива крычыть*). Панове громадо, ото Грыцько репетуе, що винъ ёго зъ аркану пустывъ!

Коваль (*крычыть*). Не вирьте, козацтво, иродови! Це винъ такъ, що его Даныло нагаемъ бывъ на гребли, ще на Велыкдень, та то жъ ёму князь звеливъ.

Селянынъ (*крычыть*). А хочъ бы й такъ! Наймытъ панський, та вильныхъ козакивъ быты! Де винъ узявся на нашу голову!?

Надвирный козакъ (*зправа*). Закозакувався, вражый сыну! Якъ бы не панъ отаманъ, то й доси бъ уси вы гречкосіи... (*галасъ злива*).

Павло (*надивае шапку, пидіймае перначъ*). Ради кинець!

Гоминъ (*злива*). Ради кинець! закопаты зъ Онысымомъ! (*зправа вбигають Марко и 4 запорозьци, кыдаются до Даныла, видпыхають парубкивъ. Марко выхопывшы кынджалъ риже вирёвку*).

Ява II.

Тижъ, Марко и запорозьци.

Марко. Панове громадо! товарыство! що се!?

Галасъ (*злива*). Де цей узявся!? Ачъ якый!.. Чого прыбигъ!? Геть звидцы!

Павло (*выступае наперед и пидіймае перначъ*). Тыхо! (*уси мовчать*). Геть звидцы, козаче! У-ночи сёгодни побратымъ твій полковныка вбывъ, и оце на ради вильнымы голосамы его судылы, и сёгодни, по старому звычаю, его жывого зъ полковныкомъ закопають... Иды соби.

Марко (*выхопывшы шаблю*). Товарыство, рятуйте! Хто въ Бога вируе, за шабли! (*Запорозьци, надвирни и Грыцько оточають Даныла, де-котри берутся за шабли й рушныци; гвалтъ и галасъ злива*).

Даныло (*хапае за рукы Марка*). Брате! збожеволивъ! (*до товпы*). Тыхо! (*пидходыть до селянъ, трымаючы Марка за*

праву руку). Отаманы-товарыство, гришныкъ я велыкый, и слидъ мене караты! Позвольте тилькы панове зъ побратымомъ попрощатысь.

Павло. Добре.

Гоминъ (*злива*). Гаразды... нехай.

Данило (*рукою дае знакъ козакамъ видступыты у-право*). Идить хлопци! (*выводыть Марка на авансцену, увесь часъ тыхый гоминъ на сцени*).

Марко. Брате, що то...

Данило (*перепыняе*). Мовчы! Зъ панною що зробывъ, що вже повернувся? кажы заразъ!

Марко. Та зъ тобою що тутъ?

Данило (*тупае*). Що зробывъ? кажы, не катуй!

Марко. Та ничого, Боже жъ мій! Мыли зо тры тилькы пробиглы, у-ранци ляхивъ зустрилы на Корсунськимъ шляху... Корецькый ротмыстръ и Дембинськый панъ. Виддалы та й сюды.

Данило (*хутко*). Сюды йдуть?—то гукны заразъ на козакивъ.

Марко (*перепыняе*). Та ни бо! Бачывъ я добре... Кинныхъ ихъ килька сотъ; жаднои цилои корогвы нема. Зъ легкыхъ де-хто, та гусарыи трохы, та рейтаривъ. Кони потомлени, стриламы покаличени, пораненыхъ багато, до сиделъ ихъ вьязано... десь ихъ добре побылы... Ротмыстръ спытавъ мене тилькы за замокъ та за князя, та рукою махнувъ, та й подалысь на Кывськый шляхъ... Мы сюды, а тутъ у брамы Щербаченко... бижыть зъ майдану, плаче та лается... Убывъ, каже, собаку старого... судылы на ради.

Данило. Спасыби, брате, за послидню службу.

Марко (*стыха*). Трывай брате, не можно такъ; ще пыстъ насъ товарыства и надвирни за тобою...

Данило. Грихъ тоби, брате: доволи, що вже на мени кривъ хрыстыянська. Та подывысь, що зъ сотни лышылось: Рамберъ добре бывся (*усмихается*); та й байдуже мени!..

Марко. То тоби байдуже... а мени?.. Брате, не кыдавъ я тебе ни въ степу, ни въ мори,—памьятаешъ?..

Данило (*усмихается*). А то жъ?

Марко. Брате Даниле! (*вытырае чоло, глухо*). Погана тоби смерть... не козацька... Якъ хочешъ, вызволю (*трохы видступае, килька разъ тыхо вдаряе кинцемъ шабли по земли*).

Данило. Спасыби, брате ридный, оце гараздъ. Не такъ тилькы, щобъ ще тебе отутъ у пень не зарубалы... Трывай! (*выймае 2 ладанкы, видчеплюе йидну*). Оце тоби: це видъ кули носы (*виддае, дывыться на другу*), а це... нехай вже зо мною у землю пиде (*усмихается*),—не помага воно... Слухай брате, сидай на Змійчука; нехай твій буде, бережы. Заразъ мене въ майдану поведуть, мабуть, до церквы; янчарка въ тебе добра, та й стрилець ты не абы якый, а на мене вже теперъ срибнои кули не треба. Гляды, щобъ добре влучывъ, бо вылаю (*усмихается*).

Марко (*ховае шаблю, обіймае Даныла*). Брате мій ридный!

Данило (*обіймае его, дали видводыть рукамы*) Не плачь, Марку брате! разъ маты родыла. На тимъ свити побачымось, розскажешъ мени тамъ, чы йе ще Ляхы на Вкраини, чы стоить славне Запорожжя... Бижы хутко, беры коня. (*Марко бижыть у-право*).

Данило (*уклоняется запорозьцямъ*). Панове товарыство! Простить мене, якъ скрывдывъ кого... Якъ повернется хто зъ васъ до Сичи—зброя въ мене дорога, въ осавула: визьмить, та на церкву Божу виддайте, щобъ за мене гришного молылысь.

1 запорожець (*до селянъ*). Панове громадо, треба намъ теперъ до Хмеля вертатысь. Здорови бувайте! Скажемо товарыству, що добре насъ прыймалы, хлибомъ силлю прывиталы и найкращого лыцаря у сыру землю закопалы (*видходыть у-право, за нымъ други запорозьци и килька надвирныхъ*).

2 запорожець (*одвертаетея*). Щобъ вамъ и дитямъ вашымъ!.. Ярема на васъ! (*видходыть за другымы*).

Павло. Ведить до церквы! (*килька селянъ пидходять до Даныла*).

Данило. Не треба вязаты, пиду й такъ! (*Ступае килька крокивъ у-право, селяне за нымъ; дывыться пыльно за сцену, кывае; звидты выстрилъ,—Данило пада*).

Голосы. Ловы, ловы! (*де хто бижыть у-право, де-хто до Данила.*

Ѳ. Пильченко.

Зависа.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

44. Кража въ чумацкой дорогѣ.

Среди необозримыхъ Запорожскихъ степей, по извѣчному Муравскому «шляху», въ августѣ 1690 года медленно двигалась чумацкая валка, возвращавшаяся съ солью изъ Перекопа. То были козаки изъ Сокологорской сотни, [2]) полтавскаго полка, въ свободное отъ походовъ время занимавшіеся чумацкимъ промысломъ. У передней „мажи“ шелъ „ватàгъ“, или отаманъ, а за нимъ безконечною линіею тянулись воловьи и конные возы „товарыства“. Всѣ чумаки были вооружены, потому что въ безлюдной степи имъ на каждомъ шагу грозила опасность со стороны шнырявшихъ здѣсь ногайцевъ. Впрочемъ, пока путь шелъ че-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 10.

[2]) *Сокологорка*, бывшій сотенный городокъ—нынѣ м. *Соколка*, кобел. у., на р. Ворсклѣ.

резъ запорожскія паланки, чумацкая валка могла себя чувствовать сравнительно безопасной: въ каждомъ зимовникѣ, расположенномъ обыкновенно на берегу рѣки, въ уединенной балкѣ, или у вырытаго колодца, она находила защиту и пристанище, а если было нужно, то и провожатыхъ. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; безопасность „ватагъ“ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется по всей Украинѣ. Но перешагнувъ у Конскихъ-Водъ границу запорожскихъ владѣній, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ изъ предосторожности отъ „чумы и гадины“, заряжалъ „рушницю“, добывалъ изъ воза „списа“, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ „гаманъ“, въ которомъ хранился „ярлыкъ“. Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской „башты“ не увидятъ уже чумаки ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, такими же дикими, какъ и ихъ лошади. Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого, и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько прижимокъ и вымогательствъ въ „баштѣ“ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ, каймакановъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ! [1])

Но наша „ватага“ сокологорцевъ благополучно миновала уже всѣ эти мытарства. „Повернувши“ отъ Молочныхъ-Водъ, [2]) она „простовала ку домивкамъ“ и уже вступила снова на территорію Коша Запорожскаго. Но нерадостный видъ имѣлъ теперь

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, т. 6, стр. 133—134.

[2]) *Молочная*, или *Молочныя-Воды*, рч. въ Таврич. губ., течетъ на границѣ Мелитоп. и Бердянскаго уѣздовъ.

этотъ «степъ широкій, край веселый». Въ томъ году лѣто выпало дождливое, и когда наши чумаки шли въ Крымъ, ихъ круторогіе волы буквально тонули въ буйной степной травѣ; но въ іюлѣ прилетѣла отъ Азовскаго моря саранча и въ двѣ недѣли превратила цвѣтущую степь въ безотрадную пустыню. А новыя полчища все еще продолжали нестись съ юга, закрывая солнце и наводя ужасъ на все живущее. Отъ ихъ гніющихъ труповъ появился моръ—сначала на скотѣ, а потомъ и на людяхъ, и когда наши чумаки стали приближаться къ р. Самари, встрѣчные запорожцы сообщали имъ тревожныя вѣсти, что Самарскій монастырь, а равно и оба новопостроенные московскіе городки на Самари, Новобогородицкъ и Сергіевъ, на половину или и совсѣмъ опустѣли отъ мора, и воевода тамошній князь Ржевскій „тіеи жъ смертной не уйшовъ плягы“. Слыша эти нерадостныя вѣсти, чумаки обильнѣе смазывали дегтемъ свои сорочки и усерднѣе подгоняли круторогихъ, поспѣшая къ недалекимъ уже предѣламъ родного края. Вдали уже синѣла гора Калитва, надъ Орелью, а тамъ рукой подать и до Сокологорки.

Но тутъ встрѣтилась неожиданная задержка. Одинъ изъ „товарыства“, сокологорскій козакъ Васыль Башлаенко заявилъ всей „ватазѣ и старшому“, что у него случилась пропажа: украдено изъ воза „убранье (платье) синее и грошей талярей девять“. Что тутъ было дѣлать? Не помочь товарищу въ бѣдѣ считалось у чумаковъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ; съ другой стороны, нельзя было оставить безъ разслѣдованія происшедшую кражу, иначе—подозрѣніе могло падать на каждаго изъ «товарыства». И вотъ „ватагъ, по звычаю, товарыство зъ ватагою спынывъ и у всихъ возахъ струсывъ“, т. е. сдѣлалъ обыскъ, причемъ у молодого козака Кирика Дмытренка „вытрусили“ въ возу поличное,—„штаны тилько Васылеви, що зъ гришмы булы“, а остального платья и денегъ не нашли. „Ватагъ“ немедленно подвергъ Кирика допросу, и тотъ „при товарыству при всемъ, у ватази, заразъ ся прызнавъ“:

— А що жъ, мои ласкавіи панове, зъ убраня гроши я вынявъ и въ прыкмети (въ замѣченномъ мѣстѣ), подле шляху, на Кильчени [1]) въ бурьянъ кынувъ.

„Ватагъ“ призналъ необходимымъ провѣрить это показаніе и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ „товарыства“, отправился на Кильчень и велѣлъ Кирику указать „тую прыкмету“; но послѣдній такъ былъ взволнованъ страхомъ ожидавшей его кары, что никакъ не могъ указать мѣста, куда онъ припряталъ украденное, и сколько ни искали всѣ по бурьянамъ, ничего не нашли. Случись подобное дѣло въ глубокой степи, вдали отъ поселенныхъ мѣстъ, ватагъ, пользовавшійся въ пути почти диктаторскою властью, обязанъ былъ произнести формальный приговоръ и подвергнуть провинившагося должному наказанію; но завтра вся валка должна вступить въ предѣлы своего полка, и всѣ полномочія атамана должны окончиться; ктому же провинившійся и потерпѣвшій были односельцами. Поэтому ватагъ „не прикрылъ ихъ декретомъ“, а ограничился тѣмъ, что отобралъ у Кирика Дмитренка коня съ возомъ и солью „и зъ рушныцею“ въ качествѣ „вины“, предоставивъ Башлаенку судиться съ нимъ дома, передъ сотеннымъ урядомъ, а „лице“, т. е. отысканное у Кирика платье, обязался самъ представить сотнику.

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи домой, Василь Башлаенко предъявилъ сокологорскому сотенному уряду жалобу на Башлаенка о кражѣ. Онъ не добивался наказанія для провинившагося и впередъ заявилъ, что если Башлаенко „вси мои утраты нагородитъ, то отъ мене вольнымъ станетъ, а вины панскои не заступую, и овшемъ (напротивъ) повиненъ будетъ Кирикъ платити за свое проступство, якъ явный злодій“. Дѣло было настолько безспорное, что присутствующій на судѣ отецъ Кирика, „старый Дмитро, не вдаючися въ жадную контроверсію“, немедленно изъявилъ готовность удовлетворить истца и тутъ же, на урядѣ, „во всемъ его погодилъ“. На судѣ предсѣдательствовалъ

---

[1]) *Кильчень*—рѣчка въ теперешнемъ новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

въ это время бурмистръ полтавскій Олекса Рымарь, присланный отъ полковника въ Сокологорку для какой-то судебной ревизіи. Онъ согласился на мировую потерпѣвшаго съ Кирикомъ и здѣсь же отобралъ отъ Дмитра „вину панскую за тотъ крадижъ его сына при явномъ лицу“: воловъ три, яловицъ двѣ и „яловка“ (молодого бычка). Протоколъ по данному дѣло былъ вписанъ „до книгъ мѣскихъ сокологорскихъ“, а засвидѣтельствованная копія его была взята Олексой Рымаремъ для предъявленія полковому суду, которому принадлежало право окончательнаго рѣшенія настоящаго дѣла. Послѣдній, принявъ во вниманіе молодость Кирика Дмитренка, „даровалъ его назначенямъ члонку, якъ явного злодія“, а велѣлъ его „скарати виною панскою и врядовою“, которая впередъ была взыскана.

---

45. Попытка утаить деньги, взятыя на храненіе.

Осенью 1698 года супруновскій шинкарь Петро Максименко ходилъ по селу Гуджуламъ, что близъ Полтавы, и правилъ долги, „за напой урослыи“, такъ какъ въ то время шинковые напитки рѣдко продавались на наличныя деньги, а больше въ долгъ („наборгъ“), и лучшимъ временемъ для сбора этихъ долговъ была осень. Обошелъ Максименко много дворовъ и собралъ немало денегъ, но это стоило ему большого труда, такъ какъ въ рѣдкомъ дворѣ ему не приходилось браниться съ хозяевами, отказывавшимися платить или оспаривавшими сумму долга, записанную углемъ на стѣнкѣ его шинковаго дома. Желая отдохнуть и подкрѣпить силы, зашелъ онъ къ мѣстному шинкарю Ничипору Юрченку, потребовалъ конву меду и сѣлъ пить съ хозяиномъ. Вскорѣ „въ той же компаніи згодывся“ давній пріятель Максименка, мѣстный козакъ Иванъ Безсусидненко, любившій ежедневно навѣщать шинковый домъ въ видахъ неожиданной встрѣчи съ друзьями. По этому поводу была потребована другая конва, за нею и третья. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и хотя до Супруновки было рукой подать, но

Максименко чувствовалъ себя охмелѣвшимъ и не рѣшился ѣхать домой „по́ночи“, а согласился принять радушное приглашеніе хозяина переночевать у него. Послѣ этого пріятели пили еще немалое время, а затѣмъ окончательно охмелѣвшій Максименко вынулъ изъ-за пазухи „тхорыкъ“ (родъ кошелька) съ деньгами и, отдавая его Безсусидненку, сказалъ:

— Брате Иване! Чомусь на мене люде ропотятъ. Прыймы ты въ мене, пидпылого, тіи гроши и заховай, щобъ въ мене ихъ хто не выдравъ по́ночи.

Безсусидненко и Юрченко взяли эти деньги и тотчасъ уложили гостя спать на лавѣ, и хотя къ комнатѣ долго еще продолжался шумъ и гамъ пьянствовавшихъ здѣсь посѣтителей, но Максименко былъ привыченъ къ подобному шуму и спалъ какъ убитый.

Проснувшись поутру, онъ обратился къ хозяину съ просьбой возвратить взятыя на сохраненіе деньги,—тотъ притворился, что не понимаетъ даже, о какихъ онъ деньгахъ говоритъ. Побѣжалъ къ Безсусидненку—тотъ такъ же „ротился и клялся“, будто не бралъ отъ него никакихъ денегъ. Тутъ несчастный Максименко взвылъ благимъ матомъ: пропала немалая сумма, сорокъ золотыхъ, а главное—это были деньги чужія, такъ какъ онъ состоялъ лишь наемнымъ шинкаремъ у значнаго козака Романа Гоярина, въ Супруновкѣ, и въ его пользу собиралъ долги въ Гуджулахъ. Явился сельскій атаманъ, собрались старые козаки изъ числа мѣстныхъ жителей, судили-рядили, а дѣла рѣшить не могли, такъ какъ Юрченко и Безсусидненко упорно стояли на своемъ и клятвенно утверждали, что не брали отъ Максименка на храненіе никакихъ денегъ и вовсе не видѣли у него таковыхъ. Наконецъ имъ удалось отвести отъ себя подозрѣніе и свалить его на нѣкоего Процыка, извѣстнаго пьяницу, наканунѣ дольше всѣхъ оставшагося въ шинкѣ Юрченка и даже заночевавшаго подъ столомъ, въ одной хатѣ съ потерпѣвшимъ. Несчастный Процыкъ съ похмелья рѣшительно ничего не помнилъ, что происходило наканунѣ, тѣмъ не менѣе на него „зложили злодійство“, посадили въ колоду, боемъ хотѣли выму-

чить отъ него сознаніе въ кражѣ, наконецъ взяли его веревкой за шею и хотѣли вести въ Полтаву, на судъ къ полковнику. Но въ эту минуту пріѣхалъ въ Гуджулы „самъ акторъ тои шкоды", панъ Романъ Гояринъ,—и дѣло приняло другое теченіе.

Этотъ „панъ" Гояринъ представляетъ собою интересную, хотя и загадочную личность. Онъ не занималъ никакого уряда, и мы ничего не знаемъ ни о его происхожденіи, ни объ уровнѣ его образованія; но изъ всего видно, что это былъ очень умный человѣкъ, вѣроятно не лишенный и школьнаго образованія, а главное—одаренный выдающимися судебно-слѣдовательскими способностями. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ онъ, дѣйствуя безъ всякаго оффиціальнаго полномочія, проявилъ эти способности въ постороннемъ для него дѣлѣ—объ убійствѣ Степана Лесенка [1]).

Такую же слѣдовательскую опытность обнаружилъ Гояринъ и въ настоящемъ случаѣ, близко касавшемся его личныхъ интересовъ. Онъ сразу же разгадалъ, что пьяный Процыкъ непричастенъ воровству, и тотчасъ настоялъ на его освобожденіи. Затѣмъ онъ разслѣдовалъ, кто именно изъ жителей с. Гуджуловъ находился въ шинкѣ Юрченка въ тотъ вечеръ, когда тамъ пьянствовалъ Максименко,—и ему удалось отыскать между ними троихъ важныхъ свидѣтелей, которые почему-то не рѣшались уличить Юрченка и Безсусидненка при разслѣдованіи дѣла, произведенномъ атаманомъ и громадою. Заручившись этими данными, Гояринъ обратился за судомъ къ владѣльцу с. Гуджуловъ, полтавскому полковому судьѣ Петру Буцкому, находившемуся въ то время въ своей „маетности". И Буцкій не отправилъ истца въ Полтаву, въ полковой судъ, а немедленно открылъ судебное засѣданіе въ своемъ домѣ, допустивъ къ участію въ немъ „многихъ особъ", очевидно изъ числа мѣстныхъ жителей. Это—единственный извѣстный намъ случай, что полковой судья су-

[1]) См. выше очеркъ подъ № 43.

дитъ безъ участія полковой и магистратской старшины и, притомъ, не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій полковаго суда, а у себя въ имѣніи.

Гояринъ, въ качествѣ главнаго истца, выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ Юрченка и Безсусидненка въ утайкѣ взятыхъ ими „до спряту“ денегъ у Максименка и „на доводъ своеи справы“ ставилъ трехъ свидѣтелей. Первымъ изъ нихъ допрошенъ былъ житель с. Гуджуловъ Сидоръ Зинычъ. Онъ такъ показалъ:

— Бачывъ я, панове, тое, що Максыменко, вынявшы гроши зъ пазухы своеи у тхорыку, давъ Ивану Безсусидному до спряту. Безсусидный и Нычыпоръ Юрченко заразъ пишлы у сины и личылы оныи гроши.

— Неправда то есть, панове,—возражали обвиняемые: присягою и клятвою себе заслоняемъ, що не знаемъ и не видаемъ о тыхъ грошихъ; а колы бъ тое на насъ мило перевестыся, то мы самы на себе мылосты не просымъ и горло свое ставымъ.

Тогда истецъ, „на досконалый доводъ тои жъ справы“, поставилъ еще двухъ „свидковъ“, Ивана Петренка и Дыныса Сергіенка, которые „у очи“ стали говорить обвиняемымъ:

— Шкода билшъ и людей добрыхъ турбоваты! Не тайтеся: у васъ гроши—верните, бо Максыменко, пидпылый будучы, давъ вамъ зъ тхорыкомъ гроши до спряту, якіи взявши, и личылы-сте въ синяхъ.

Послѣ этого судъ, „уважаючы тое“, что хотя обвиняемые и продолжали упорно отрицать приписываемое имъ преступленіе, „але же (такъ какъ) при трёхъ или двохъ свѣдителяхъ всякъ глаголъ станетъ“, призналъ Юрченка и Безсусидненка виновными въ утайкѣ денегъ и, „давши ихъ до вязеня, велѣлъ ихъ домы и худобу арештовати“.

Приговоръ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что истецъ, вмѣстѣ съ атаманомъ и понятыми, прямо изъ суда отправился описывать имущество обвиняемыхъ. И когда пришли въ домъ Безсусидненка, то его жена, убѣдившись, что

запирательство мужа не привело ни къ чему, и желая выгородить себя, призналась предъ всѣми:

— А що жъ, панове, въ мене тыи гроши не булы: въ Ивана воны и теперъ за пазухою вси есть.

Гояринъ тотчасъ вернулся къ судьѣ и потребовалъ, чтобы Иванъ Безсусидненко былъ подвергнутъ допросу и обыску. Когда послѣднему предложили добровольно возвратить полученныя отъ Максименка деньги, онъ продолжалъ увѣрять:

— Немашъ у мене жадныхъ грошій, кромъ пяты золотыхъ.

Но когда его „велено струснути“ (обыскать), за пазухою у него нашли въ цѣлости сорокъ золотыхъ, только не въ „тхорику“, а въ калытци“. Тутъ только Безсусидненко, „будучи покопаный лицемъ“, пересталъ запираться и сказалъ:

— Гроши твои, пане Романе; а тхорыка я тогди жъ покынувъ на улыци, щобъ хто взявъ, а гришмы милы-сьмо зъ Нычыпоромъ подилытыся,—въ тимъ наша вына.

Послѣ этого судъ приступилъ къ составленію окончательнаго декрета. Въ законѣ не оказалось параграфа, прямо относящагося къ случаямъ, подобнымъ настоящему, поэтому пришлось по аналогіи примѣнить 7-й арт. 14-го разд. Статута, предписывающій казнить смертью „приличного злодія“, укравшаго на сумму болѣе четырехъ копъ [1]). Хотя въ данномъ случаѣ не было прямой кражи, а была лишь попытка утаить чужія деньги, но (продолжаетъ декретъ) „поневажъ оныи злочынци взывали имя Божое надаремно и сталыся крывопрысяжцямы, бо за свидоцтвомъ трёхъ особъ мусилы тыи гроши лицемъ шкодуючому вернуты“,—то судъ, увольняя ихъ „отъ горловои карности“, объявилъ ихъ „безецными“, т. е. лишенными чести, въ силу чего они, согласно праву Магдебургскому [2]), „до кождого такъ достоинства, яко жъ и свидоцтва не маютъ быти припу-

---

[1]) Литовская копа равнялась двумъ золотымъ и 15-ти грошамъ; слѣдовательно, сорокъ золотыхъ составляло 16 копъ.

[2]) Jus Municipale, изд. Щербича, 1581 г., артык. IV, п. 7 и 8.

щоны". Сверхъ того, они обязаны были уплатить суду „звыклую вину" и „вси утраты шкодуючому нагородити".

---

46. Раскаявшійся воръ-утайщикъ.

У полтавскаго мѣщанина Стефана Бутка, зятя извѣстнаго въ то время богатаго „купца" Стефана Козельскаго, лѣтомъ 1699 года случилась покража: изъ его „коморы" (лавки), стоявшей на рынку, кѣмъ-то была похищена значительная сумма 596 золотыхъ. Огорченный этой потерей, Бутко просилъ и родныхъ, и пріятелей, и всѣхъ „добрыхъ людей" помочь ему въ розыскѣ украденныхъ денегъ, но и самые энергичные розыски не привели ни къ чему: ни вора, ни денегъ не отыскивалось. Такъ прошло около мѣсяца. Бутко никакъ не могъ примириться съ постигшимъ его несчастьемъ и продолжалъ „журиться". Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, вышла его жена въ сѣни и увидѣла на полу какой-то свертокъ; развязала—тамъ оказались деньги 92 таляра [1]), очевидно кѣмъ-то вброшенные въ оконце. Скоро послѣ этого объявился и похититель.

Былъ у Бутка въ Полтавѣ шинокъ, куда часто заходилъ „на пидпытокъ" его сосѣдъ Якимъ, „Пороховниковъ зять". Это былъ бѣдный ремесленникъ, какъ и его тесть, занимавшійся выдѣлкой пороха. Однажды онъ засидѣлся въ шинкѣ дольше обыкновеннаго и, увидя зашедшаго сюда хозяина, сталъ униженно просить его выпить съ нимъ меду, обѣщая за то сообщить ему нѣчто очень важное. Заинтересованный этимъ обѣщаніемъ, Бутко присѣлъ къ подвыпившему гостю и велѣлъ подать конву съ медомъ. Якимъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, былъ необыкновенно говорливъ, безъ всякаго повода пустился увѣрять Бутка въ своей необыкновенной якобы преданности и расположеніи къ нему, и всѣ эти изліянія неожиданно закончилъ слѣдующимъ признаніемъ:

---

[1]) Таляръ равнялся тремъ золотымъ.

— Знай, брате, що твоимъ грошимъ, за якіи журышся, я есть прытомнымъ. Бо въ той часъ, якъ ты, маючы утрату, спрошуваръ людей для розыску шкоды, и я на прошеніе твое пишовъ и тіи гроши у сини на комори знайшовъ и въ пазуху зъ мишкомъ вложывъ, а прынисшы, въ господи своій сховавъ у землю и накрывъ бочкою. А не за довгымъ часомъ моя сестра и сусидка Марья товклы порохъ, и метучы сины, знайшлы пидъ бочкою тіи гроши. Сестра жъ взяла соби золотыхъ десять, а сусида пивсорока золотыхъ. Я, узнавшы про тое, поотбиравъ отъ ныхъ тіи гроши, хочай не вси, и вже по розныхъ мистцяхъ ховавъ. И стало мени нудно вельмы, и не знавъ, где ся зъ нымы подиты,—вкынувъ въ сины тоби оконцемъ, где двери отчыняютъ.

Разумѣется, Бутко не замедлилъ на другой же день представить откровеннаго Якима въ полковый судъ и „просить на него святои справедливости“. На допросѣ судебномъ Якимъ не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ прежнее „самохотное“ признаніе:

— Гроши подъ синомъ въ комори я взявши, въ дому своимъ сховавъ и доброволне прызнаю, що Степанови прытомніи гроши, мною не краденыи, тилко найденыи и схованыи въ дому моимъ, подкынувъ я у Степанови сины, до которыхъ и теперъ, якъ насамоти, выннымъ ставаю себе Степанови, чого недостаетъ ёго суммы, отплачоватыся, покы мого здоровья и худобы станетъ.

Судъ, вмѣсто декрета, велѣлъ прочесть въ слухъ 7-й арт. 14-го разд. Статута, гласящій: „кождый злодій, зъ лицемъ приведеный и правомъ переконаный при лыци его, которое бы стбяло вышей чотырохъ копъ грошій, маетъ быти горломъ каранъ“, и затѣмъ выдалъ обвиняемаго „на волю шкодуючой сторонѣ“, предоставляя ей „якъ хотиты зъ злодіемъ поступыты“. Степанъ Бутко заявилъ, что онъ „не инстигуетъ шкодцу своего на смерть“, а желаетъ, чтобы Якимъ выплачивалъ ему недостающіе 320 золотыхъ, истраченные имъ изъ общей суммы 596 золотыхъ. Судъ объявилъ Якима „вольнымъ отъ смерти“

и обязалъ его „во всемъ погодити“ истца. Здѣсь же, на судѣ, сдѣлана была разцѣнка убогаго имущества отвѣтчика, которое должно было поступить на пополненіе „утраты“ Бутковой: хата съ дворомъ была оцѣнена въ 8 копъ, конь въ 10 таляровъ, двадцать смушковъ въ 10 золотыхъ, полкаменя пороху въ 10 копъ, три плахты съ полотномъ въ 5 золотыхъ, поясъ шелковый въ ту же цѣну. Недоставало еще около 200 золотыхъ, но Бутко согласился, чтобы Якимъ выплачивалъ ему эту сумму по мѣрѣ своего заработка.

---

47. Возстановленіе опороченной чести.

Одну изъ многочисленныхъ категорій судебныхъ дѣлъ въ старой Малороссіи составляли дѣла „о заданю ущипливыхъ словъ“, „о зелженю въ дотклівости чести“, т. е. о поношеніи, клеветѣ и диффамаціи. Здѣсь, на ряду съ серьезными обвиненіями, встрѣчается много и мелочныхъ претензій, нерѣдко возникавшихъ изъ-за такихъ же маловажныхъ обидъ, какъ и та, изъ-за которой поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Но какъ въ повѣсти Гоголя неправильно было бы видѣть лишь забавный фарсъ, комическое изображеніе чрезмѣрной обидчивости или страсти къ тяжбамъ, такъ и въ старинныхъ тяжбахъ о безчестьи ясно сказывается вовсе не мелкое сутяжничество, а сознательная заботливость людей того вѣка—безъ различія ихъ званія и общественнаго положенія—объ охранѣ чести, объ огражденіи добраго имени отъ малѣйшаго нареканія. Такая заботливость вообще свойственна характеру малоросса, который какъ огня боится худой о себѣ славы, „людскои поговирки“. Ему совершенно чужда и непонятна мысль пословицы: брань на воротѣ не виснетъ,—напротивъ, его больно задѣваетъ малѣйшее оскорбительное слово, пустая сплетня, и онъ готовъ отважиться на крайнія средства, чтобы очиститься отъ несправедливаго нареканія и возстановить опороченную честь. Въ XVI—XVII вв. среди южно-русскаго дворянства

правобережной Малороссіи, знакомаго съ рыцарскими понятіями о чести, дѣла объ оскорбленіи весьма часто разрѣшались формальными поединками, запрещенными (и то не безусловно) лишь третьей редакціей Лит. Статута. Въ козацкой Малороссіи дуэль не практиковалась, но общественное мнѣніе требовало, чтобы всякій, кто считалъ себя невинно обезчещеннымъ или опороченнымъ, непремѣнно обращался въ судъ, приговоръ котораго одинъ имѣлъ силу возстановить его доброе имя. Кто этого не дѣлалъ, тотъ создавалъ для себя крайне опасный прецедентъ, которымъ могъ безнаказанно воспользоваться любой изъ его недруговъ. Предполагалось, что только тотъ терпѣливо сносилъ безчестье, чья репутація была не совсѣмъ безупречна. Поэтому, едва заводилась въ шинкѣ, на „бѣседи“ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ ссора и кто-либо „публиковалъ“ другого воромъ, прелюбодѣемъ или „наволикавъ“ на него иной безчестный поступокъ, обиженный тотчасъ обращался въ судъ съ жалобой за клевету и съ требованіемъ, чтобы клеветникъ доказалъ свои слова. Часто обидчикъ, одумавшись или протрезвившись, спѣшилъ примириться съ обиженнымъ и просилъ у него прощенія при свидѣтеляхъ; но потерпѣвшій не могъ удовлетвориться этимъ: соглашаясь на мировую, онъ все-таки требовалъ, чтобы „угода“ и „помиркованье“ непремѣнно были заявлены передъ урядомъ и записаны въ судебныя книги. И судъ въ такихъ случаяхъ, по просьбѣ невинно опороченнаго, постановлялъ декретъ, въ которомъ „приписовалъ ему зацность (честь), якъ и передъ тымъ цнотливымъ зоставалъ“, и выдавалъ ему форменную копію этого декрета; а чтобы кто иной не посмѣлъ вновь взводить на него ту же напраслину, ссылаясь на то, что первый клеветникъ остался безнаказаннымъ, судъ въ томъ же декретѣ налагалъ денежную „заруку“ (штрафъ) на всякаго, „хто мѣлъ бы тое поновити“. Если же обидчикъ не успѣвалъ до суда примириться съ обиженнымъ или же упорно стоялъ на своемъ, судъ требовалъ отъ него доказательствъ, выслушивалъ его свидѣтелей, и когда его обвиненія не подтверждались, объявлялъ его „потварцею“ (клеветникомъ), присуждалъ къ вы-

полненію позорнаго обряда „ревокаціи“, взыскивалъ „вину“ и „навязку“ въ пользу потерпѣвшаго, съ возвратомъ понесенныхъ имъ по веденію дѣла издержекъ, а иногда подвергалъ виновнаго и тюремному заключенію. Въ дѣлахъ о поношеніи женской чести, сверхъ всего этого, практиковался еще (какъ мы не разъ упоминали) обычай, въ силу котораго невинно оклеветанная имѣла право, въ судебномъ присутствіи, бить по щекамъ своего клеветника.

Была, однако, категорія лицъ, которыхъ можно было безнаказанно поносить и злословить всякому, а они не имѣли права обращаться къ судебной защитѣ. Это были, прежде всего, неисправимые воры, которыхъ судъ съ позоромъ изгонялъ изъ мѣста ихъ жительства и „одъ чести людскои отлучалъ“ [1]), а равно и тѣ, кого онъ за мошенничество и ложную клятву, увольняя „одъ горловои карности“, объявлялъ „безецными“, т. е. лишенными чести [2]); во-вторыхъ, приговоренные къ смертной казни, но помилованные судомъ по просьбѣ потерпѣвшихъ или по ходатайству „зацныхъ людей“; въ-третьихъ, потерпѣвшіе наказаніе у позорнаго столба, „цехованные на тѣлѣ“, т. е. подвергшіеся отсѣченію руки, ноги, уха, подвергшіеся пыткѣ и вообще побывавшіе „въ катовскихъ рукахъ“; захваченные на „мерзкомъ учинкѣ“ и подвергшіеся обрѣзанію полъ платья; уличенные въ воровствѣ, хотя бы они успѣли примириться съ потерпѣвшимъ и тѣмъ избѣгли положеннаго въ законѣ наказанія; уличенные въ лжесвидѣтельствѣ, ложной присягѣ и т. под. [3]). Всѣ такія лица, по выраженію Магдеб. права, „терпятъ змазу на славѣ и почтивости и право свое втратили“, именно—они

---

[1]) Для примѣра укажемъ на такой приговоръ въ очеркѣ № 41.

[2]) Такой приговоръ см. въ очеркѣ № 45.

[3]) Магдеб. право къ этой же категоріи „безецныхъ“ причисляетъ, сверхъ того, незаконнорожденныхъ („бенкартовъ“), ростовщиковъ („лыхварей“), шулеровъ („костыровъ“), опекуновъ-расточителей и др.; но въ практикѣ козацкихъ судовъ мы не нашли указаній на то, чтобы такія лица почитались лишенными чести.

не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не имѣли права занимать общественныхъ должностей, лишались права „довести присягою своей невинности“ въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволялось закономъ; „таковымъ жаденъ отповѣдати не повиненъ“ (въ судѣ), но они „всякому обязаны справляться“, кто бы ихъ въ чемъ-либо обвинялъ [1]). Какъ видимъ, положеніе подобныхъ лицъ было въ высшей степени тяжелое. Это нужно принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того безпримѣрнаго милосердія, съ какимъ малороссійскіе суды сплошь и рядомъ освобождали приговоренныхъ отъ смертной казни и другихъ суровыхъ наказаній. Очевидно, потому и освобождали, что помилованный преступникъ все равно не оставался безнаказаннымъ: надъ нимъ до конца его жизни тяготѣлъ позоръ лишенія чести, тѣмъ болѣе ужасный, что онъ передавался по наслѣдству и его потомкамъ, ибо, по смыслу Магдеб. права, „срамота предковъ простирается до третьяго поколѣнія“ [2]). О степени тяжести этого позора краснорѣчиво говорятъ такіе факты, какъ домогательства невиновныхъ супруговъ относительно расторженія ихъ брачнаго союза съ мужьями или женами, опозорившими себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. Вспомнимъ, напримѣръ, съ какою страстною мольбою обратилась къ суду жена бывшаго кишиньскаго атамана Раецкаго: „Мылостывіи панове! И я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна, бо винъ мене, при моій старости, до вичной ганьбы и неславы прывивъ“ [3]). Или припомнимъ отвѣтъ бориспольскаго козака Лукьяна Лихолапа на вопросъ судей: согласенъ ли онъ продолжать брачный союзъ съ женою, хотя и обвиненною въ незначительной кражѣ, но получившей прощеніе отъ потерпѣвшей стороны и потому „дарованной жадною карностью“?—„Пане вряде! Я не хочу єѣ мѣти собѣ за жону, коды вона съ тыхъ злыхъ речий выводу не дасть (не

---

[1]) Jus Municipale, изд. Щербича 1581 г., арт. IV.

[2]) Тамъ же, арт. IV, п. 5,

[3]) См. выше, очеркъ № 29.

оправдается): болше неславы не хочу на собѣ носыты“ [1]). И судъ, вопреки всякому писанному закону, расторгалъ браки въ такихъ случаяхъ, а чтобы преступленіе виновной стороны не падало и малѣйшею тѣнью на репутацію невиннаго мужа или жены, выдавалъ имъ особое письменное удостовѣреніе, въ родѣ того, какое истребовалъ себѣ Лихолапъ: „Якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона; якъ зацнымъ передъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ“. Очевидно, даже разводъ не вполнѣ гарантировалъ невиновнаго супруга отъ возможныхъ нареканій, и требовался особый документъ для огражденія его чести. Тѣмъ болѣе необходимъ былъ такой документъ лицамъ, привлекавшимся къ суду хотя бы по самымъ маловажнымъ дѣламъ. Мнѣніе толпы не могло точно разбирать, за какія именно преступленія законъ каралъ лишеніемъ чести, и готово было предавать позору чуть не всякаго, кто вообще подвергался суду, хотя бы и не былъ осужденъ. „Ты—нецнота: тебе въ чорныхъ книгахъ написано“!—это была наиболѣе обычная форма диффамаціи. „Чорными книгами“, по Статуту (разд. XIV, арт. 12), именовались особыя актовыя книги въ судахъ, куда для памяти вносились спеціально „справы злодійскія“, т. е. дѣла о воровствѣ. Въ актахъ малороссійскихъ судовъ такія „справы“ не выдѣлялись изъ числа другихъ уголовныхъ дѣлъ и на ряду съ ними вносились въ однѣ книги. Отсюда, вѣроятно, возникло ошибочное представленіе, будто всякая судимость сопровождалась внесеніемъ въ „чорныя книги“ и, слѣдовательно, влекла за собою лишеніе чести.

Въ предыдущихъ очеркахъ разсѣяны многочисленныя фактическія подтвержденія высказаннымъ здѣсь положеніямъ; въ дополненіе приведемъ еще нѣсколько характерныхъ процессовъ.

—

[1]) Очеркъ № 14.

Нѣкій Павло Жукъ, полтавскій „швець“ (сапожникъ), имѣлъ за что-то злобу на хорунжаго Кузьму Воскобойниченка и, „не шануючи“ нимало его старшинскаго званія, поносилъ его всенародно въ іюлѣ 1689 г. среди базарной площади, „подъ часъ торгу“, обзывалъ „злодіемъ“, а когда вели на казнь осужденнаго вора, то Павло Жукъ, завидѣвъ среди старшины пана хорунжаго, кричалъ ему: „И ты такый же розбойныкъ!“ Хотя всѣ видѣли, что „швець“ былъ въ это время пьянъ, но Воскобойниченко не могъ простить публично нанесеннаго ему поруганія и позвалъ Жука въ судъ.

— Мылостывыи панове! жаловался онъ при разборѣ дѣла: великое зелженя одержавъ я на слави моій. Прошу васъ, нехай оный Жукъ того злодійства мени доводыть, а я о своимъ цнотливомъ мешканю дамъ слушный выводъ.

Судьи приказали „шевцеви на тую зелживость отповидаты“; но что онъ могъ отвѣтить, когда у него болѣла голова съ похмелья и онъ плохо понималъ событія вчерашняго дня?

— А що жъ, панове,— винился онъ,—пьяный то я бувшы, пащековавъ на цнотлывого чоловика. Моя въ тимъ вына.

Судъ, „прыхыляючися до рады товарыскои“, примѣнилъ къ данному случаю 28-й артыкулъ 3-го разд. Статута, относящійся собственно къ опороченію женской чести и чьей-либо законнорожденности, и приговорилъ Жука къ уплатѣ пану хорунжему „навязки“ сорока копъ грошей и къ „ревокаціи“. Обрядъ ревокаціи состоялъ въ томъ, что клеветникъ былъ обязанъ здѣсь же, въ судебномъ присутствіи „тую примовку очистити и тыми словами отмовити: „що я на тебе менывъ, яко бы ты бувъ злодій, то на тебе я брехавъ якъ песъ“. Когда Павло Жукъ выполнилъ этотъ обрядъ, судъ обязалъ его еще разъ „перепросити пана хорунжого и нагородити ему вси правные выклады (судебныя издержки)“, уплативъ сверхъ того „вину панскую“.

Такъ не дешево обошлась Жуку „примовка на зацную персону“.

—

Впрочемъ, тогдашній судъ одинаково оберегалъ честь и доброе имя всякаго.

Въ ноябрѣ того же 1689 года жаловался въ полтавскомъ полковомъ судѣ обыватель села Мачохъ, Остапъ Кгуліянъ:

— Панове, мію неменшое зелженя (не малое безчестье) отъ Васыля Слынченка въ дотклявости чести моеи: задаетъ мени злодійство, одъ чого рачъ мя Пане Боже вароваты!

Судьи спросили Слынченка:

— Якъ бы ты могъ злодійство Остапови прыректы?

Слынченко не растерялся и смѣло отвѣтилъ:

— Не тилько я скажу злодійство Остапови, але мію людей зацныхъ старынныхъ: Грыцуна Росошенка, зъ Мачохъ, Петра Золоченка,—тыи могутъ посвидчыты, що Остапъ есть злодій.

Названные свидѣтели оказались на лице,—ихъ очевидно привезъ съ собою отвѣтчикъ,—и судъ, „обязавши впередъ ихъ сумненямъ и боязню Божою, абы по самій истыни сказалы о злостехъ Остаповыхъ“, подвергъ допросу. Но каково было негодованіе Слынченка, когда первый изъ нихъ, Грыцунъ, „зацная персона“, показалъ такъ:

— Варуй Боже, панове, не знаю я о найменшихъ злостехъ Остаповыхъ. А то вамъ правдыве повидаю: Слынченко Васыль дававъ мени таляра, абы я на Остапа злодійство наволикавъ, то я того таляра, варуй Боже, не бравъ. Очне (въ глаза) тое Васылеви мовлю.

Позвали другого „свидка“, Петра Золоченка, но и онъ показалъ то же:

— Варуй того Боже, на Остапа я ничого не знаю, а тое одъ тебе, Васылю, чувъ, що ты Грыцунови дававъ таляра, щобъ винъ на Остапа злодійство наволикавъ.

Слынченко все еще не сдавался и, обращаясь къ истцу, сказалъ:

— Уже ты, Остапе, въ чорныхъ книгахъ злодіемъ написанъ.

Судъ велѣлъ „въ чорныхъ книгахъ шукаты, и не знайдено тои справы, бо и немашъ“. Тогда судъ призналъ Василя Слын-

ченка „за власного потварцу“ (настоящимъ клеветникомъ) и примѣнилъ къ нему 109 арт. 4-го разд. Статута, гдѣ сказано, что „потварца“ за первымъ, вторымъ и третьимъ разомъ обязанъ заплатить невинно оклеветанному вины шесть копъ грошей, а за четвертымъ разомъ ему должны быть вырваны ноздри, и онъ, какъ безчестный человѣкъ, не можетъ впредь свидѣтельствовать на судѣ. Такъ какъ Слынченко впервые былъ изобличенъ въ клеветѣ, то его присудили только къ тому, чтобы онъ испросилъ прощеніе у Остапа, вознаградилъ его за судебныя издержки и заплатилъ „панскую вину“.

Конечно, теперь Остапъ (и всякій другой) могъ съ полнымъ правомъ колоть глаза Слынченку, что онъ „въ чорныхъ книгахъ потварцею написанъ“.

—

А вотъ интересный процессъ о безчестьи, возникшій изъ гражданскаго иска.

Кобеляцкій житель Романъ Петличный продалъ Герасиму Пивовару часть своего лѣса надъ р. Ворсклой. На границѣ обоихъ участковъ росъ дубъ, который былъ затѣмъ срубленъ Петличнымъ, а Пивоваръ предъявилъ къ нему искъ, обвиняя, что онъ „того клейненого и проданого дуба, потаемне зрубавшы, ку своему пожыткови прывлащилъ“. Это крайне оскорбило Романа Петличнаго, „старинную и заслную персону“. Явившись въ сотенный судъ, онъ „прекладалъ жаль немалый“, что „при старости своей“ терпитъ столь тяжкое безславіе, и просилъ произвести тщательное разслѣдованіе относительно того, кому именно принадлежало срубленное дерево. Сотникъ Андрей Хилецкій и прочая старшина, близко принимая къ сердцу огорченіе почтеннаго старца, немедленно отрядили четырехъ „вѣры годныхъ“ людей, мѣстныхъ козаковъ, „и при нихъ, за-для лѣпшои певности, чужостороннего человѣка“ Дмитра запорожца, козака куреня Каневскаго. Посланные осмотрѣли пень срубленнаго дуба и пришли къ рѣшительному заключенію, что онъ стоялъ на части, принадлежащей Петличному. Основываясь на этомъ, сотенный судъ призналъ Романа Петличнаго правымъ и приказалъ Пиво-

вару „во всемъ его погодити, правные наклады нагородити и честь оного удостоити". Герасимъ Пивоваръ, убѣдившись, что онъ легкомысленно опорочилъ невиннаго человѣка, испросилъ у Петличнаго прощеніе, отдалъ ему, въ удовлетвореніе за убытки, у него же купленный лѣсъ и въ видахъ полнаго возстановленія его чести выдалъ ему такую запись: „Я Герасимъ Пивоваръ, житель кобеляцкій, чиню вѣдомо: которую шкоду мѣлъ Романъ Петличный въ зрубаню въ своемъ лѣсѣ дерева, теды о томъ изъ нимъ вѣчне примирье взявши, и сіе мое письмо даю, варуючы того, ижбы (чтобы) жаденъ якъ зъ товариства, такъ и зъ поспольства не мѣлъ нихто ему, Романови Петличному, нѣчого зректи, або тежъ домовити и на честь наганити. А мѣлъ бы хто неуважне що прыкре ему въ томъ домовити, таковый подпадаетъ сроктой карности на здоровью, яко тежъ и заруки выполнитъ: на пана полковника полтавского талярей двадцать, а на врядъ нашъ мѣскій кобеляцкій девять таляровъ; задля чого тежъ и сіе мое письмо ему, Петличному, даю, съ подписомъ руки писарскои и съ притисненемъ печати городовои. Року 1691, декабря 17 дня.

Послѣдняя угроза была бы умѣстна въ судебномъ декретѣ, а не въ частной записи; но такъ какъ самая запись была составлена въ судебномъ присутствіи и утверждена урядомъ, то заключающуюся въ ней угрозу нужно было понимать, какъ исходившую отъ сотеннаго уряда.

—

Еще одно характерное дѣло о безчестьи, происходившее въ томъ же Кобелякѣ, въ октябрѣ 1682 года.

Священникъ никольской церкви о. Михайло обозвалъ своего ктитора Ивана Хведчуна „злодіемъ". А надо знать, что въ ктиторы избирались люди безусловно честные, пользовавшіеся общимъ почетомъ и уваженіемъ. Опорочить такое лице—значило нанести ему смертельную обиду. Такъ какъ духовную особу нельзя было позвать въ свѣтскій судъ, то Хведчуну, если онъ не хотѣлъ сносить безчестье, оставалось ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту и у него просить суда. Хведчунъ такъ и поступилъ. Въ то время, за отсутствіемъ митрополита, администраторомъ

кіевской митрополіи былъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, по распоряженію котораго былъ присланъ въ Кобелякъ іеромонахъ Амвросій „на инквѣзицію“ по жалобѣ Хведчуна. Онъ открылъ формальное засѣданіе „духовного суда“ при участіи мѣстнаго протопопа Павла Заславскаго и священниковъ—спасскаго Демяна Филиповича и покровскаго Іосифа Василевича. А кобеляцкій сотенный урядъ, „для прислуханія тои справы суду духовного“, назначилъ 16 человѣкъ „своихъ товариства, людей зацныхъ“, въ томъ числѣ ктиторовъ: пречистскаго, михайловскаго, пятницкаго и церкви Рождества Богородицы. Священникъ о. Михайло брался доказать, что Иванъ—„злодій“, но не доказалъ. Духовный судъ призналъ, что „самъ отецъ Михайло во всей винѣ зостаетъ, якую на Ивана зринулъ“, а „за такое ущипливое слово, ижъ онъ Ивана злодіемъ называлъ, повиненъ о. Михайло ктитора своего во всемъ, якъ пристоитъ, погодити и годнымъ учинити, вернувши ему вси правныи выклады“. Со словъ присутствовавшихъ на судѣ свѣтскихъ делегатовъ это рѣшеніе немедленно было записано въ сотенномъ урядѣ, скрѣплено подписями и приложеніемъ городовой печати и выдано Ивану Хведчуну въ удостовѣреніе его полной реабилитаціи. Впослѣдствіи онъ внесъ эту запись „задля певнои виры и правного попертя“ (судебнаго доказательства) въ актовыя книги полтавскаго полковаго суда.

---

48. Запорожецъ съ откушеннымъ ухомъ.

Если Хведчунъ и ему подобные были готовы искать суда у самого гетмана, истратить на это хотя бы все состояніе, лишь бы добиться возстановленія опороченной чести, то каково было положеніе козака славнаго войска Запорожскаго, котораго опорочили не на словахъ, „задавши ему злодійство“ или другой „злый учинокъ“, а запятнали на тѣлѣ, какъ обычно клеймили въ то время воровъ и разбойниковъ,—отняли ухо! Такое несчастье постигло въ февралѣ 1683 года запорожца Якова Гу-

сака, товарища сотни Иванининой. Въ ту пору сотня эта зимовала въ полтавскомъ полку. Якову Гусаку пришлось квартировать въ Диканькѣ, гдѣ онъ часто пьянствовалъ и однажды затѣялъ въ шинкѣ ссору съ мѣстнымъ жителемъ Василіемъ Вовкомъ, который въ дракѣ откусилъ ему ухо. На судѣ Вовкъ чистосердечно каялся въ томъ, что „за наущеніемъ бисовскимъ“, будучи пьянымъ, „зъ запальчивости гниву“, причинилъ Гусаку такой непоправимый изъянъ. Судъ присудилъ ему „еднати“ потерпѣвшаго, и Вовкъ не отказывался предложить ему какую угодно „нагороду“. Но чѣмъ можно вознаградить человѣка за отнятое ухо? Дѣло было не въ томъ, что потеря такого виднаго члена безобразила козака или что ему не за что было завернуть своего „оселедця“, а въ томъ: какъ онъ покажется безухимъ на славномъ Запорожьи? Тамъ все „товарыство“ навѣрное заподозритъ, что онъ „збувся“ уха за дурныя дѣла, и потребуетъ его удаленія изъ Сѣчи, чтобы онъ не чинилъ безславія всему войску. И всюду, куда бы онъ ни удалился, его ждетъ позоръ и отчужденіе, ибо преступники съ тою цѣлью и карались „назначеньемъ членовъ“, чтобы всѣ ихъ остерегались, какъ людей явно безчестныхъ, способныхъ на все дурное. Какъ же ему оградить себя отъ этого ужаснаго подозрѣнія? Какъ доказать добрымъ людямъ, что не отъ руки палача лишился онъ уха, а потерялъ его въ пьяной ссорѣ? И вотъ Гусакъ потребовалъ, чтобы виновникъ его злосчастія выхлопоталъ для него такое урядовое „письмо“, которое онъ могъ бы предъявить въ Сѣчи и вездѣ въ удостовѣреніе своей неопороченной чести и для огражденія отъ несправедливаго подозрѣнія. Исполняя это требованіе, Василь Вовкъ явился въ засѣданіе полковаго суда съ такою просьбою:

— Панове маистрате полтавскій! Поневажъ то я, за наущеніемъ бисовскимъ, выкрочывъ бувъ (провинился) Яковови Гусакови, товарышови сотни Иванынынои козаковъ запорожскихъ, а то въ подпилости, зъ наважденія бисовского, а до того зъ запалчивости гниву, оному ухо зубами откусывъ, що зъ суду вашого декретомъ прыкрыто и велено мени Гусака една-

ты, я того, варуй Боже и не одмовляюся: повыненъ буду, якъ змогу, еднаты. А що бѣлшая ричъ, абы Яковъ одъ товарыства войска Запорозского безчестя и наруганя и въ потомныи часы не поносывъ, прошу—рачте мылость ваша ему, Якову, пысьмо врядовне даты".

Судъ призналъ просьбу Вовка заслуживающей уваженія и постановилъ: „Выдячы мы склонность (покорность, раскаяніе) Васылеву Вовкову и помиркованя межи обома сторонамы, выдаемъ сие пысьмо врядовне Яковови Гусакови для имовирности, ижъ (что) онъ той членокъ втерявъ презъ выступокъ Васыливъ, за нестатокъ и злость не отъ кого иншого, тилко одъ власного Васыля Вовка, и тое шкодыты Якову не міетъ на слави его такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко тежъ на поляхъ и где-колвекъ (гдѣ бы то ни было) въ станахъ козацкихъ и при войскахъ, везде, абы оному наганы на честь не роблено и добрій слави его не нарикано, але и овшемъ при стародавній братерскій любви яко зацного товарыша хозано, на що для липшои виры и певности и задля увиреня кождому, хотячому о томъ видаты, сие наше пысьмо выдаемъ и тутъ въ книги мѣскіе полтавскіе велилысьмо вписаты. Дѣялось въ Полтави, въ дому судовомъ, 1683 року, февраля 28 дня".

Кромѣ полковой старшины и войта, удостовѣреніе это скрѣпили своими подписями участвовавшіе въ составѣ суда представители Запорожья, въ то время находившіеся въ Полтавѣ: Иванына, „сотникъ товарыства войска Запорожского", непосредственный начальникъ Якова Гусака; Матій, писарь куреня Щербинина, и рядовые запорожцы: Миско Брижаха, Грицко Мовчаненко, Иванъ Шульга и Петрикъ изъ куреня Васюрина [1]).

---

[1]) Текстъ этого документа напечатанъ въ апрѣльской книгѣ «Кіев. Старины» 1890 г. изъ полт. актовой книги, находящейся въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, но мы нашли этотъ же документъ въ болѣе исправной редакціи въ другой актовой книгѣ, принадлежащей А. М. Лазаревскому.

49. Сынъ, ложно опорочившій отца и брата.

Не диво, когда чужіе люди, ссорясь между собою, по злобѣ взводили одинъ на другого небывалыя преступленія. А вотъ предъ нами случай, что сынъ „задалъ злодійство“ родному отцу, брату и зятю, и самъ вызвался быть на судѣ ихъ уличителемъ.

Такимъ „опачнымъ удавцею“ (ложнымъ обвинителемъ) оказался старосанжаровскій обыватель Стецько Мосуренко—человѣкъ, по отзыву мѣстнаго сотника, нрава крайне дерзкаго и задорнаго. Поссорившись за что-то съ родней, онъ сталъ разглашать, что его отецъ Антонъ Мосуръ, братъ Миско и зять Василь „много шкодятъ людемъ въ крадежахъ“: у такого-то они украли „лемишъ“, у иного „чересло“ и тому подобныя хозяйственныя мелочи. Нашлись потерпѣвшіе, которые, основываясь на показаніяхъ Стецька, привлекли его родичей къ суду, и послѣдніе были приговорены къ вознагражденію жалобщиковъ и къ уплатѣ судебной „вины“. Считая себя невинно опозоренными, Антонъ Мосуръ, его сынъ Миско и зять пришли въ полковый судъ и „плачливе просили святои справедливости“:

— Милостывіи панове! Опачне (ложно) той Стецько наволикъ на насъ безчестя, яко бы мы милы бути шкодцамы людемъ въ крадежахъ. Але мы дамо слушный выводъ о своимъ мешканю; тилко, презъ ласку вашу панскую, нехай бы зослана була въ Старый-Санжаровъ якая зацная персона для прислуханя тоеи справы.

Судъ „изволилъ на ихъ жаданя“ и послалъ своего делегата козака Миска, а полковникъ полтавскій Ѳедоръ Жученко, сверхъ того, велѣлъ написать старосанжаровскому сотнику, чтобы онъ принялъ особое участіе въ этомъ явно несправедливомъ дѣлѣ и побудилъ Стецька Мосуренка взять назадъ свое обвиненіе, испросить у отца, брата и зятя прощеніе и „честь онымъ нагородити“.

Но Стецько пренебрегъ внушеніемъ сотника, и слѣдствіе было произведено. О результатахъ его козакъ Миско такъ доложилъ полковому суду:

— Панове! За опачнымъ вданямъ Степановымъ, неслушне обвинено було Антона старого и сына его и зятя.

При этомъ онъ представилъ „атестацію одъ старшины старосанжаровскои“ въ формѣ нижеслѣдующаго письма сотника къ полковнику:

„Мосци пане полковнику полтавскій, мій милостывій добродію! На росказаня ваше панское, заразъ Степана Мосуренка призвавши передъ себе, вычытали вашъ поважный листъ, ижбы (чтобы) погодывъ отца и брата и зятя, наклады правныи поворочавши, и честь онымъ нагородывъ, который Мосуренко, не слухаючи важного вашого письма, еще идетъ молестовати (утруждать) вашу мудрую голову. Змылуйся, добродію, такому плутови не повирай, бо винъ якыйсь характернык: много нашымъ жителемъ пакости почынывъ черезъ свою неуважную губу. Вси люде ёго якъ недоброго оббигаютъ: хочъ за малную (малую) справу, то заразъ до суду енералного вдается. О которомъ вашій панскій милости ознаймывшы, зостаю вашмости пану найподлійшымъ слугою Никифоръ Мазанъ, сотныкъ наказный старосанжаровскій. Року 1690, мая 8 дня“.

Въ письмо была вложена особая „цедулка“, въ которой собственно и заключалось донесеніе о результатахъ разлѣдованія дѣла. Здѣсь стояло: „Милостывій добродію! У першомъ ихъ заводи передъ намы Стецько подвоивъ соби мову: перше казавъ—„у Цопенка лемишъ потай узялы“, а Цопенко мовытъ: „въ мене чересло, а не лемишъ пропавъ“; ажно наопосли вже ставъ мовыты: „у Васька Бовы лемишъ узялы“. То першое его обмылное слово. Цопенко казавъ (обѣщалъ) Мосуру передъ правомъ ревиковаты“ (взять назадъ обвиненіе).

Судъ призналъ Стецька Мосуренка виновнымъ въ томъ, что онъ „на отца своего, на зятя и на рожоного брата наволикъ велыкое безчестя и прывивъ ихъ до утраты“, а потому декретомъ постановилъ, „абы оный опачный вдавца“ выполнилъ

обрядъ „ревокаціи“, „упросилъ и во всемъ погодилъ“ невинно опороченныхъ родственниковъ, возвратилъ понесенные ими „правные выклады“ и заплатилъ „вину панскую и врядовую“.

---

50. Ссора между родственниками.

Въ октябрѣ 1694 года богатая полтавская мѣщанка Цыганчучка выдавала замужъ дочь. Свадьба была пышная и „бучная“ и продолжалась цѣлую недѣлю. Въ числѣ ежедневныхъ гостей бывалъ тамъ родственникъ невѣсты, сынъ бывшаго полтавскаго войта Лукьянъ Максимовичъ и его „швагеръ“ (братъ жены) Андрей Ваценко. Несмотря на близкое родство, оба они были въ давней ссорѣ другъ съ другомъ, и сколько ни старались родственники примирить ихъ, ничего изъ этого не выходило. Лишь на третій день свадьбы, среди ночного пира, сильно охмелѣвшій Ваценко неожиданно загорѣлся желаніемъ выпить мировую съ „швагромъ“, но его уже не было среди гостей: незадолго передъ тѣмъ Лукьянъ, тоже изрядно пьяный, незамѣтно удалился. Тогда Ваценко изъявилъ намѣреніе отправиться къ Лукьяну въ домъ. Напрасно его отговаривали отъ этого, указывая на позднюю ночную пору; Ваценко не послушался и, пригласивъ себѣ въ спутники двухъ тоже не вполнѣ тверезыхъ пріятелей, отправился мириться къ Лукьяну.

Результатомъ этого несвоевременнаго визита было то, что Лукьянъ на другой день пришелъ въ полковый судъ и заявилъ такую жалобу:

— Мылостывый пане уряде! Будучи мени вчорашнёго вечера у Цыганчучкы на весилю, одколь южъ пизно прышедши до господы моеи, положылемся спаты. Ажъ опивночи Андрій Ваценко, швагеръ мій, знаты зъ непрыязни и особлывого гниву, якый винъ на мене здавна маетъ, прыйшовъ зъ Щербаченкомъ и зъ Иваномъ Дрыжденкомъ до господы моеи, и жаднымъ одозвомъ а ни словомъ мене не звистывшы, якая була ёму до мене потреба, почавъ першъ мене Дрыжденко клыкаты: „вставай,

мовытъ, Лукьяне, одчиняй намъ"! Я жъ, панове, самъ не одмовлявся до ныхъ, бо бувъ пидпылый, а господыня (т. е. жена) моя одказала имъ: „Для чого, мовытъ, вставать? И Лукьяна самого дома не маешъ; не намагайтеся"! Потимъ зачувъ я, що и Щербаченко тамъ же бувъ, бо виконыцею кимнатною трусячы такъ, що мало онои изъ зависокъ не позрывавъ, тежъ будывъ мене. Про те я и до ёго не обзывався, а господыня моя знову нарикала имъ, що такъ неслушно середъ ночи чынятъ галасы; правди, и не ганыла имъ. Ажъ въ той часъ заразъ не видаю хто зъ ныхъ, знаты, обухомъ по тому викну кимнатному почавъ быты, що ажъ оконныци шматъ зъ середыны вылупылося и въ оболони и една шыба не осталася, кримъ самыхъ рямъ; а потимъ и до остатку тую жъ оконныцю хтось побывъ, де и мене, лежачого на постели, скризь тое жъ викно кимнатное мало не обезвичывъ. Того вже я не могучы билшъ терпиты, а обизвавшыся до ныхъ, ставъ пытаты: „для якои миры и одъ кого неслушная такъ надъ домомъ моимъ вщынается руина середъ ночи"? Ажъ Ваценко тогди обизвався противъ мене яростно: „Отъ пизнаешъ, одъ кого, бо ще достанется и тоби"! Выдячи ёго, Ваценка, що не въ добрій мысли противъ мене, и не маючы общого (сторонняго) чоловика, кымъ бы можно мени освидчытыся, тилко самымъ Богомъ и ёго жъ, Ваценковымъ, товарыствомъ свидчывся я, що такая негидность и розореня домивци моій одъ Ваценка строится. А до того Ваценко и на здоровя мое чынывъ похвалкы, повидаючы: „маю тебе самого и жону твою обухамы трепаты, не тилко твои викна быты". Що мылостямъ вашымъ освидчаючы, прошу зъ ёго, Ваценка, въ тій мири святои справедлывосты".

Спросили свидѣтеля или, точнѣе, участника этого происшествія, Ивана Дрыжденка, какъ происходило дѣло. Онъ далъ показаніе:

— Правда, панове, булы-сьмо вкупи зъ Ваценкомъ на весилю у Цыганчучкы, тилко вкупи зъ Лукъяномъ не сыдилы, одкиль вже й надто пизно одишедшы, прыйшлы-сьмо зъ нымъ же, Ваценкомъ, и до двору Лукъянового. Я, правди, тилко що

клыкавъ Лукъяна, щобъ вставъ; также и Щербаченко хочъ трусывъ оконныцею, але не учынывъ жаднои шкоды. А Ваценко—чого, не видаю: чы зъ жарту, або зъ гниву,—взявшы у выростка школного (подростка—школяра) обухъ, почавъ быты по оконныци, зъ якои за первымъ ударомъ и шматъ середины одлетивъ, а потимъ и оболону (раму) всю на дризкы побывъ. Лукъянъ зась тогди, обизвавшыся зъ кимнаты, мовывъ: „для чого вы такъ домови моему чыныте збытки, и хто власный злый сынъ тому есть дійця"? и свидчывся намы. А Ваценко на Лукъяна зъ фуріею одказувавъ: „не тилко, мовытъ, оболону твою одну выбывъ, и вси ще повыбываю, а самого тебе, овакый сыне, забью". А такъ, по тимъ ростырку, розійшлысьмося по домахъ. Тое, панове, що знаю и видаю, по истыній правди, пидъ прысягою Божою, и мылостямъ вашымъ повидаю".

Спросили и „сторону прыпозваную", т. е. отвѣтчика: „Для якои прычыны такъ важывся на чужый домъ ночною порою найты и кгвалтъ строиты"? Ваценко отвѣтилъ:

— Панове! Жадного на Лукъяна ренкору (злопамятства) не милемъ, тилко за любовъ прыйшолемъ бувъ зъ людьмы до ёго дому; а поневажъ такъ ся стало, що, за жартъ того не прыймуючы, теперъ мене позываетъ и хочетъ худобы позбавыты, гребай вже ёго песъ, сякого овакого сына! Нехай позываетъ: скоро выдхнетъ тое, що батько ёго, бувшы войтомъ, надравъ зъ миста! А я ёго за тое перепрошу: вына моя въ тимъ.

Судьи поспѣшили унять забывшагося отвѣтчика. „Знаты", замѣтили они, „що на те и походытъ, якъ Дрыжденкове объявыло свидоцтво, колы ты и передъ судомъ Лукъяна ганышъ, яко ся не годытъ и слухаючымъ брыдко".

Затѣмъ судъ призналъ нужнымъ послать изъ своей среды бурмистровъ Семена Иляшенка и Олексу Рымаря для осмотра поврежденій, причиненныхъ Ваценкомъ дому жалобщика. По возвращеніи посланные доложили суду:

— Такъ есть, панове: викно кимнатное зъ улыци выбыто и виконыця на прахъ побыта, а въ оболони и еднои шыбы (стекла) немашъ, тилко сами ряма".

Въ это время Лукьянъ Максимовичъ, въ опроверженіе оскорбительныхъ для памяти его отца словъ, произнесенныхъ на судѣ „запамяталымъ“ Ваценкомъ, „презентовалъ“ суду документъ съ просьбою о прочтеніи его вслухъ всѣмъ присутствующимъ. Это была „квитанція“, выданная „мѣйскимъ“ урядомъ его отцу въ 1688 г., когда онъ оставилъ войтовскую должность. Мѣщане удостовѣряли, что бывшій войтъ Максимъ Попенко представилъ имъ „слушный рахунокъ“ (правильный отчетъ) по своей должности. Квитанція была посвидѣтельствована бывшимъ тогда полковникомъ Ѳедоромъ Жученкомъ, снабжена двумя печатями, полковою и „мѣйскою“, и внесена въ актовыя книги.

Судьи признали Ваценка подлежащимъ наказанію „за найстя домовое (нападеніе на домъ), за кгвалтъ поры ночнои и за безчестя на Лукъяна“ и выписали изъ Статута 1-й артыкулъ 11-го раздѣла, по которому виновный въ первыхъ двухъ проступкахъ долженъ подвергнуться штрафу въ 12 рублей грошей и сверхъ того „седѣня утерпѣти дванадцять недѣль у вязеню“. Но принимая во вниманіе родственныя отношенія тяжущихся и то обстоятельство, что Ваценко совершилъ проступокъ въ пьяномъ состояніи, судъ освободилъ его отъ положеннаго въ законѣ наказанія, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ „пана Лукъяна, яко ображоного, во всемъ поедналъ, шкоду оправилъ и правные наклады (судебныя издержки) отъ мала до велика поворочалъ и конечне нагородилъ, при заплаченю вины панскои и врядовои“. А если бы Ваценко или, по его подговору, кто-либо иной впредь „важился“ Лукьяну „якый кгвалтъ або безчестя задавати“, въ такомъ случаѣ виновный долженъ уплатить „вину“—пану полковнику полтавскому 100 таляровъ и на урядъ мѣйскій 50 таляровъ.

---

51. Споръ изъ-за наслѣдства.

Старосанжаровскій козакъ Гаврило Саранда, умирая (въ 1693 г.), завѣщалъ замужней дочери своей Параскѣ Гонтарихѣ

почти все свое состояніе—и млынки, и гаи, и сады, и нивы, и проч., а единственному сыну Максиму и зятю, старосанжаровскому священнику о. Григорію, оставилъ очень мало. Считая себя обиженными, оба они явились въ полтавскій полковый судъ и занесли жалобу:

— Ласкавыи панове! Небожчыкъ отець нашъ Гаврыло Саранда, передъ кончиною живота своего роспоряжаючи тестаментомъ набытые (пріобрѣтенныя) добра свои, мало що на нашу сторону зъ тыхъ добръ лекговавъ (завѣщалъ), а все Парасци, сестри нашій старшій а дочци своій, отказавъ, въ чомъ намъ дѣется немалая крывда одъ сестры. Просымо въ томъ у мылостей вашыхъ слушнои справедливости.

Позванная Параска явилась въ судъ со свидѣтелями, присутствовавшими при составленіи отцемъ ея „духовныци“ (завѣщанія), и такъ показала:

— Мои ласкавыи панове! Небожчыкъ славнои памяты отець нашъ Саранда, споряжаючы тестаментъ, уразывся на мого брата а свого сына Максыма за лотерство (негодяйство), що винъ есть немирный (безмѣрный) пьяныця и зъ запалчивости гниву духовныцю отцевскую подравъ, и подравшы, у пичъ вкынувъ и спалывъ. А отцу Григорію, зятеви своему, небожчыкъ зъ тыхъ миръ ничого зъ добръ своихъ не лекговавъ, що отець Григорій зъ небожчыкомъ черезъ тры роки, ажъ до кончыны ёго, гнивъ міючы, колы небожчыкъ и кончався, и въ той часъ на очи не явывся и прощенія, подлугъ заховалости (обычая, долга) хрыстіянскои, не учынывъ зъ родычомъ.

Свидѣтели подтвердили, что Максимъ Саранденко, узнавши, что отецъ тестаментомъ завѣщалъ ему меньше, чѣмъ старшей сестрѣ, въ ярости „тую отцевскую духовныцю подравъ и спалывъ“, а о. Григорій до смерти тестя оставался съ нимъ въ ссорѣ.

Судъ постановилъ: „поневажъ Максымъ Саранденко, такъ малоумный, зъ пьянства, легце поважывшы родителское роспоряженя, шарпаты и палыты отцевскій тестаментъ важывся, наказуемъ декретомъ, абы въ потомныи часы якъ оный Максымъ,

такъ и отецъ Григорій, сестры своеи Параскы за вышпысаныи добра не важылыся турбоваты, подъ зарукою ста таляровъ, що вѣчне варуемъ и для твердости сторони позваной сей нашъ декретъ, зъ подпысомъ руки нашои полковнычои и зъ прытисненіемъ печати полковои, выдати росказуемъ".

Помимо исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, рѣшеніе полковаго суда вообще не противорѣчило существовавшему въ Малороссіи обычаю, въ силу котораго родители были въ правѣ распорядиться остающимся послѣ нихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь предписаніями Лит. Статута или Магдебурскаго права.

---

52. Мировая при участіи суда.

Въ числѣ многихъ патріархальныхъ обычаевъ старой Малороссіи слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „угоду", „помирковане" или „добровольное прощеніе". Это не была теперешняя мировая, когда тяжущіяся стороны по взаимному соглашенію прекращаютъ тяжбу на извѣстныхъ, точно выговоренныхъ условіяхъ. „Угода" состояла въ томъ, что примирившіеся шли въ судъ и заявляли о своемъ намѣреніи больше не ссориться и жить въ прежней любви и согласіи. Судъ принималъ это къ свѣдѣнію, налагалъ денежную „заруку" на того, кто первый нарушитъ „угоду", и все это для памяти записывалъ въ актовыя книги. Иногда „угодѣ" предшествовала судебная тяжба, но часто ея вовсе не было, а просто люди враждовали между собою и потомъ приходили въ судъ и заявляли о состоявшемся примиреніи.

Вотъ для примѣра—„угода и прощеніе добровольное промежъ" двумя полтавскими „паніями". Пани Пелагея Яковыха Тандитнычка и невѣстка пана Андрея Будянскаго Педка (Ѳеодора) Грицыха жили въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорились изъ-за разныхъ пустяковъ. Въ іюлѣ 1688 года пришли онѣ обѣ въ полковый судъ и заявили:

— Панове! По неуважныхъ пóсварахъ нашыхъ сусидскыхъ, прыйшлысьмо теперъ зобополне до вичыстои угоды, хотячы въ першій любви сусидскій жыты и пóсваровъ промежъ собою понехавшы одъ сёго часу. Просымо, панове, нехай то буде видомо милостямъ вашымъ и задля ствержения можетъ буты вписано въ книгы мискіи полтавскіи.

Судъ сдѣлалъ постановленіе: „Слышачи тую доброволную угоду, варуемъ и твердою зарукою ствержаемъ: колы бъ отъ сёго часу найменшіи ущыплывіи слова мила узнаты пани Яковыха отъ паніи Грицыхы, такъ тежъ и пани Грицыха отъ паніи Яковыхы, повынна будетъ сторона, протывная сій угоди доброволной, вины войсковои платыты до скарбу войскового тысячу золотыхъ, а особлыве пану полковникови полтавскому сто таляровъ, на що для памяти и въ потомныи часы велилысьмо угоду сію въ книги мѣскіи вписаты“.

Послѣ этого обѣ паніи должны были всѣми мѣрами сдерживать свои языки, такъ какъ малѣйшее „ущипливое слово“ обошлось бы для нихъ слишкомъ дорого.

—

А вотъ „згода и поеднаня честного отца Григорія Горуновича, пресвитера переволочанского, съ паномъ сотникомъ переволочанскимъ Иваномъ Ковальчукомъ за посваръ“, состоявшаяся въ іюлѣ 1699 года. Этой „згодѣ“ предшествовала продолжительная „контроверсія“ между обоими почтенными лицами, „въ якій контроверсіи вчынылося побытья и головы пробытья и волосовъ вырваня, а тое побытья и турбація сталася за дорыканя и оболженя отцемъ Горуновичемъ Ивану Ковальчуку“. Теперь обѣ стороны заявили полтавскому полковому суду, что „взялы межи собою прощеніе вѣчное“, и просили судъ, „абы тое было на врядѣ запысомъ обваровано, щобъ одъ сего часу едынъ другому не чынывъ перехвалокъ якъ въ словахъ безчестныхъ, такъ и въ дили на здоровя, а не тилко черезъ себе, але и черезъ иншыхъ людей. А мила бъ одъ якои рукы початкомъ статы вражда и посваръ, або побытья, любо похвалка

(угроза), таковая сторона будетъ повынна платыты—честный отець Горуновичъ на преосвященного его милость отца архыпастыря (митрополита) талярей сто, а Ковальчукъ на пана полковныка талярей сто вины".

Судъ „ствердилъ помиркованя сеи згоды" и для памяти велѣлъ все это записать въ книги.

Ор. Левицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повисть.*)

XIII.

По пьятныцяхъ у панивъ Рыбалкыныхъ не варылы николы обидаты. Диты нышпорылы цилый день по закуткахъ, шукаючы по полыцяхъ та судныкахъ якои зйижы, але даремно, бо, причъ жытнёго хлиба та вчорашнёи картопли, не знаходылы ничого. Самъ панъ Рыбалкынъ не мавъ тежъ у ци дни свого снидання и не прыходывъ зъ суду ажъ до вечирнёго чаю.

Кожна копійка, кожна краплына масла, булкы—все сберегалося для тихъ бенкетивъ, що завелыся зъ того часу, якъ старша дочка, Катруся, скинчыла гымназію.

Легко сказаты: доросла дочка! Шо зъ нею робыты, куды подиты, якымъ чыномъ збутыся ій, покы не змарнила? Видома ричъ, що безъ порады та допомогы добрыхъ людей, ничого самъ не вдіешъ. „А де найкраще зибраты тихъ людей та запобигты ихъ ласкы, якъ не у себе за зеленымъ столыкомъ, або доброю

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 10.

вечерею?“—доводыла пани Рыбалкына своёму чоловикови, колы винъ иноди було зважытся запытаты своеи жинкы: „навищо збуватыся такъ швыдко своеи дытыны та неволыты іи замижъ, и чы не краще було-бъ, якъ-бы іи подержаты рикъ-другый дома, абы вона встыгла прыдывытыся до людей, до жыття, та выробыла самостійни погляды?“

— Ни, ни! Не згадуй мени, не кажы про ту самостійнисть!—сыдыть вона вже й такъ мени у печинкахъ. Хыба, думаешъ, Катруся дивувала-бъ доси, колы-бъ не ота проклята самостійнисть іи? Мало я мукы та горя прыйму, покы вытягну іи куды-небудь въ гости, або умовлю выйты до людей? Або оци книжкы! Навищо воны здалыся, на якый кинець та безличъ книжокъ?—пытала зъ одчаемъ пани свого чоловика.

— Книжкы, певна ричъ, пидуть ій на корысть,—заспокоювавъ панъ жинку.

— На яку корысть? Що ій дадуть ти книжкы, причъ тыхъ идей, що тилькы голову забывають та молоде чоло зморшкамы нивечать? Скинчыла гымназію—и досыть наукы: ніяка освита не дасть щастя. Я сама жинка и краще за тебе розумію, що дійсно потрибно за-для щастя жиночого. Едынымъ бажаннемъ, едыною метою панночкы йе и буде—думка збудуваты, яко мога швыдче, свое гниздечко.

— Не легка ричъ збудуваты те гниздечко!—завважавъ панъ.—Спочатку треба ще навчытыся, якъ будуваты ёго, потимъ якъ пидтримуваты ёго, якъ захыщаты видъ недобрыхъ вплывивъ, якъ прыстасуваты ёго до умовъ сучасного жыття,—це цила наука...

— Наука? Яка тамъ наука?—дывувалася пани.—Господь надилывъ кожну жинку особлымъ инстынктомъ, и того инстынкту завжды досыть за-для будивли свого гнизда. Ніяка наука, ніякы книжкы не заминять жинци того Божого дару...

Колы доходыло до инстынкту, панъ Рыбалкынъ завжды пассувавъ. Того особлывого инстынкту, що заминяе жинци на протязи всёго жыття и досвидъ, и науку, и принципы—того инстынкту панъ Рыбалкынъ ніякымъ чыномъ не мигъ зро-

зумиты, але винъ бувавъ не разъ свидкомъ, якъ жинка ёго, колы обступалы ихъ злыгодни, покладалася на голосъ того инстинкту, якъ выпростовувалась, дякуючы ёму, зъ мицныхъ тенетъ,—и вже не суперечывъ.

— Робы якъ знаешъ: може ты й справди краще за мене розумієшъ у цихъ жиночыхъ справахъ? Колы справди ци пьятныци неодминно потрибны за-для щастя нашои донькы, то я не перечу: хай збираются люде. Тилькы чы не можна було-бъ у ци дни не залышаты насъ безъ обиду?—пытався несмилыво панъ.

Робыты у одынъ день и обидъ и вечерю—ричъ, звычайно, неможлыва при тихъ достаткахъ, яки мала пани Рыбалкына. Диты та чоловикъ повынни булы поступытыся однымъ обидомъ на тыждень, и пьятныци справлялыся що-разу.

Приська нагодылася саме у пьятныцю. Вже була обидня пора, колы молодыця увійшла у кухню, але пичъ ще не топылася. Пани розхрыстана, нечисана, въ якыхъ-сь патынкахъ на босу ногу, прыймала рахунокъ видъ куховаркы.

У кухни стоявъ гармыдеръ; видъ повнои, мало не черезъ верхъ, помыйныци йшовъ негарный духъ; неповымывани горшкы, сковороды та мыскы валялыся пидъ лавою. У велыкому кошыку лежалы прынесени зъ торгу покупкы, и пани, вытягнувшы звидтиль шматокъ яловычыны, накынула ёго на безминъ.

— Скилькы хвунтовъ купыла?—запыталася вона, прыдывляючысь до безмина.

— Пьятнадцять—видмовыла куховарка, прыдывляючысь и соби до безмина.

— Брешешъ! тутъ тилькы чотырнадцять: хыба я не бачу? Злодійко! Що-дня крадешъ! Вчора за крашанкы грывенькъ показала, а воны висимъ копіёкъ коштувалы, сёгодни хотила за хвунтъ мыса украсты.

— Спытайтеся Ганны,—вона бачыла, якъ я вчора й крашанкы купувала, скилькы сёгодни й ризныкови заплатыла,—мовыла куховарка.

— Що мени до тіеи Ганны? Твоя Ганна така-жъ сама злодійка, якъ и ты! Вси вы однакови!—закрычала пани.—А за рыбу скилькы дала?—звернулася вона изнову до куховаркы.

— Пьятдесятъ копіёкъ.

— Пьятдесятъ копіёкъ? Ахъ, ты-жъ, калико остогыдла! Ця рыба и трыдцяты копіёкъ не коштуе. Такъ це панъ служытыме за-для того, щобъ я ёго заробитокъ, злодійко, на поталу виддавала? Шкодá, не надійся! не подарую я тоби ціеи крадижкы!—запышу десять копіёкъ за мьясо, двадцять за рыбу, та дви за крашанкы. Про мене хочъ зразу и розсчотъ беры, а грошей пановыхъ я даруваты не стану.

Куховарха опустыла очи до-долу. Весь ій скаличеный станъ зигнувся ще дужче, немовъ хтось несподивано кынувъ на плечы ій пьятыпудовый лантухъ. Легко сказаты: беры розсчотъ! А що потимъ робыты? Куды подитыся горбатій накрытци зъ малою дытыною на рукахъ?

Господь зъ вамы! Запысуйте, колы гриха не боитеся,—видповила куховарка, утыраючы слёзыну на щоци.

А рыночку хто розбывъ?—накынулася изнову на неи пани.

Дытына... якось упустыла... ненарокомъ,—мовыла куховарка стуляючы, не знать для чого, черепья до купы.

— Такъ я годую твою дытыну для того, щобъ вона мени шкоду робыла? Маты краде, дытына бье... Ни, якъ хочъ соби, а я прыпышу ще шисть копіёкъ...

— Рыночка, панійко, коштуе чотыры копійкы. Вы самы ій и купувалы,—несмилыво нагадала куховарка.

— На ярмарку чотыры, а теперъ шисть,—одризала пани и чоркнула у своій книжечци ще шисть копіёкъ.

Приська стояла не въ тыхъ не въ сыхъ. Де-килькы разивъ перебигала думка утекты заздалегидь зъ цёго пекла, алежъ... не дурно Степанъ шукавъ ій такъ довго мисця та выбиравъ найкраще. Винъ-бы не порадывъ ій цихъ панивъ, колыбъ не певенъ бувъ, що тутъ ій буде гарно. Лейби—абы кудынебудь наймычку вперты хочъ на одынъ день та выдурыты кар-

бованця за свои клопоты, а Степанови яка корысть обманюваты ій? Въ кухни, правда, нечепурно та неохайно; сама пани... якась чудна та недобра,—але може справди и куховарка лукава, може вона краде, якъ и Тытьяна, та не доглядае панського добра? До того: куды мае вона теперъ и тикаты? До Сохвіи Трохымовны вона не вернется, поки ажъ не пойиде звидтиль дядько Максымъ, а бильше нема ій пристановыща.

— Ты хочешъ нанятысь?—звернулася нарешти пани до Приськи. Покоянка повынна у мене прыбираты горныци, пыты, праты—одно слово робыты все, що загадаю. Плата—чотыры карбованци на мисяць.

— А чай та сахаръ?—запытала молодыця.

— О! чай та сахаръ—зайви прымхы за-для наймычкы,—видповила пани.—Колы ты справди така роскишна та ласа до чаю, то купуй за свій коштъ.

— Плата мала, до того безъ сахарю та чаю... Скризь покоянкы беруть не меньше пьяты карбованцивъ.

— Ну и служы „скризь“. Чого-жъ ты до мене прытёпалася, я тебе не знаю и не клыкала. Зпоконъ вику платыла я по чотыры карбованця, чаю та сахарю николы не давала и рады тебе своихъ порядкивъ не зминю!—розсердылася пани.

Молодыця повагалася трохы, подумала-подумала, але згадала дядька Максыма, Сохвію Трохымовну и ришуче скынула платокъ та заходылася прыбираты горныци. Горныци здывувалы молодыцю ще дужче, нижъ кухня. Корридоръ роздилявъ вподовжъ увесь будынокъ на дви половыны, и здавалося, що у кожній половыни жывуть люде зовсимъ несхожи ни звычаямы, ни потребамы, а ни достаткамы. На схидній половыни, де була гостынна та столова, убрання горныць було пышне, навитъ роскишне: цинни лампы, дзеркало, аксамытови канапы та стульци господаривъ; на захидній-же, де жыла симья Рыбалкыныхъ, навить у кабинети пана, бракувало стульцивъ, подушокъ, покривли на лижкахъ и другыхъ найголовнишыхъ за-для кожнои людыны ричей. Що пьятныци захидни кимнаты замыкалыся на замокъ, и пани мала багато турботъ черезъ ныхъ зъ Катрусею,

що наче навмысне що хвылыны видчыняла двери то въ дитську, то въ спальну кимнату и божылася, що поклыче туды гостей.

На цей разъ у тыхъ кимнатахъ було ще неохайнише, нижъ завжды, бо горнышнои не було, и все було запущене та непомыте.

Самій пани було не меньше клопоту за Приську. Вона выймала посудъ, бигала то у лёхъ, то у лёдовню, лагодыла одягу, важыла та одмиряла куховарци—одно слово бигала не прысидаючы; проте ци клопоты та биганына не пособылы ій розважытысь видъ одніеи думкы, що засила ій у голову, немовъ той гострый цвяшокъ у дубову дошку, и не давало весь часъ спокою. Наймычкы зверталыся до неи то за тымъ, то за иншымъ, диты тежъ разъ-у-разъ лизлы у вичи; вона давала всимъ порядокъ, гримала на дитей, але думка: якымъ чиномъ та якымъ робомъ здобуты соби такый кылымъ, якъ у пани Лыстовськои, не покыдала ій ни на хвылыну.

Кылымъ коштуе не меньше видъ двадцяты карбованцивъ, а у кышени зисталося всёго симъ, и на ныхъ треба прожыты ще десять день!

— Не дасть, не дасть, проклятый крамарь у набиръ,— клопоталася сама соби пани.—Не дасть, не повирыть, бо вже набрала чымало,—зитхала вона, пораючысь биля судака. Лышалася ій едыная надія—надія на той самый жиночый инстинктъ, що вызволявъ ій стилькы разивъ зъ лыхои прыгоды. Питы хыба, спробуваты?

Пани накынула ротонду и майнула въ городъ. Не дали, якъ черезъ пивъ-годыны вона повернулася, а за нею прынеслы зъ крамныци кылымъ, ще кращый, нижъ навить той, що бажала соби пани здобуты.

— Мамо! що ты робышъ? Опомьятуйся! Де ты визьмешъ грошей, щобъ оплатытыся по крамныцяхъ? Мыколи чобитъ бракуе, ни въ чимъ ходыты у гимназію; батько ходыть у драному пальти, у мене сорочкы путящои немае, сама ты босисенька!—навищо тоби той кылымъ? Чы то-жъ не соромно було тоби прохаты крамаривъ, уклонятыся, божытыся та прысяга-

тыся имъ, що завтра-пислязавтра прынесешъ грошы, колы сама знаешъ, що то неправда?—напалася на матирь Катруся.

— Грубіянко невдячна! геть зъ очей моихъ!—крыкнула не своимъ голосомъ пани.—За-для кого пнуся я, якъ не за-для тебе, божевильна! Хыба я можу запрохаты Мыколу Мыхайловыча, або Васыля Мыколаевыча на злынялый кылымъ? Чы зважуся я показаты тебе людямъ у полатаній сукни? Хыба хто зверне увагу на тебе, задрипанку? Хыба ты не будешъ тоди останнёю помижъ панночкамы?—Але Катруся вже не чула останнихъ ричей,—вона побигла до своеи кимнаты и тамъ дала волю слёзамъ. О! якъ боляче щемило ій серце, якъ тяжко було на души!

Цей кылымъ, ци сукни шовкови, куплени коштомъ брехни, ци пляшкы дорогого, неоплаченого ще зъ тамъ-того року, вына,—въ кожній склянци того вына, въ кожному шматочку ласои зйижы гости ковтають краплыны крови, здоровья, навить доброи славы ій безталанного батька.

Невже все жыття, все счастя ій залежыть видъ цихъ выпроханыхъ кылымивъ, видъ цёго выдуреного оксамыту, видъ цёго вына, за-для чого доводыться старенькому та недужому батькови такъ гирко працюваты, залышуваты меньшихъ бративъ та сестеръ безъ найголовнійшыхъ потребъ?

— Изнову плачешъ? Подывысь на себе въ дзеркало! Навищо ты походышъ? Черезъ яку годыну прыйдуть гости, и якъ ты выйдешъ до ныхъ? якъ покажешся на очи людямъ?—мовыла стурбовано пани, увиходячы у кимнату своеи доньки.—Ты изнову розпустыла карсетъ?—додала вона въ жахомъ угледивши на стульци розпоротый по всихъ зшыткахъ карсетъ.

— Вы такъ зашылы ёго, що мени никуды було и дыхаты,—видмовыла утыраючы слёзы панночка.—Я не хочу шнуроватыся.

— Изнову свавольство!—скыпила пани.—Изнову перечышъ мени! Я не можу бачыты твого стану, колы ты не зашнуруешся, якъ слидъ. Я не хочу, щобъ мою дочку перекупкою прозывалы!

Пани ухопила голку та нытку и знову зашила карсетъ.

А тымъ часомъ почало вже смеркаты. Зъ хвылыны на хвылыну можно було сподиватысь гостей. Пани кынулася до другыхъ дитей: треба було ихъ ще порозчисуваты, поумываты, и Приська надывувалася вволю, дывлючысь, якъ пани спокійно, зъ легкымъ серцемъ, натягала на чорни сорочкы своихъ дитокъ новомодни сукни, на боси ноженята—дороги полусапожкы. „Колы немае спроможности одягтыся гараздъ видъ самои сорочкы,—чому не початы зъ верхнёи одягы? Колы немая снагы задовольныты и себе й людей заразомъ,—чому не запобигты попередъ людськои хвалы"?—завжды казала було пани Рыбалкына Катри. Катруся николы не погожувалася зъ тымы доводамы, а Присьци немовъ ажъ шкода стало дитей. Мымоволи прыгадалася ій теперъ ненька, сестра, ятривка—вси селяне, що пидъ заплатаною свытыною малы завжды билу, якъ снигъ, тенетку, що дбалы насамперед про шматокъ хлиба, що потрачалы свои лита та здоровья за-для справы найпотрибнишыхъ у жытти ричей,—и вперше запытала себе: за-для чого побываются та гирко такъ працюють таки недужи паны, якъ оцей панъ Рыбалкинъ, напрыкладъ, колы диты та симья можутъ ходыты и голодни и голи?

О девьятій годыни почалы зйиздытыся гости, а черезъ пивъ-годыны вже зибралысь уси.

Чоловикы понудылыся трохы, але ось вынеслы карты, и воны оточылы зелени столыки, незабаромъ одирвалыся одъ земли и полынулы вкупи зъ дымомъ цыгарокъ, полынулы думкамы... полынулы... выбачайте, далеби не знаю, у яки земли, у яки страны, чы на яки зирки лынуть думкамы освичени люде, за картамы сыдючи!.. Хай я краще поведу васъ до жинокъ—до круглого столыка, навколо якого розмистылыся по канапи та стульцяхъ панiи та дви панночкы. У ныхъ вже почалася жвава розмова про боляче, пекуче пытанне—про наймычокъ. На превелыке счастя мое мени не доведется спысуваты тiеи розмовы, бо це пытання, хочъ и не легке, тутъ розришалось по-простому: вси погожувалыся, що наймычкы останнимы часамы по-

гиршалы, що потребы ихъ шыршаютъ, що працю свою воны цинять дуже высоко, и тилькы одна частына того питання—чы слидъ наймычку вчыты грамоти, чы не слидъ?—счынила маленьку незгоду, бо панны обурылыся проты пани Рыбалкыной и сталы въ одынъ голосъ доводыты, що наймычокъ повынно вчыты грамоти. Пани Рыбалкына, звычайно, мала що имъ видказаты, бо ни у кого напевне не перебувало стилькы наймычокъ, якъ у неи, ни у кого не було стилькы досвиду у цій справи, нихто не мавъ такого велыкого жиноцькаго инстинкту, якымъ надилывъ ии Господь,—але на цей разъ вона спереча-лася неохоче и все поглядала занеспокоена чимъ-сь у бикъ...

По хати ходывъ взадъ та впередъ вже годыну Мыкола Мыхайловычъ—молодый парубокъ и завжды прыемный гисть у господаривъ, де йе доросла донька. Винъ очевыдячкы страшенно нудывся та сумувавъ, але-жъ чы вгадаты кому, що дiется у серци ёго? Може кучеряву голивоньку ёго посилы думкы про гирку недолю робитныка на цукроварни, може серденько его нетерпляче трипается видъ щырого бажання пособыты тому сиромаси? Але хто ручатымется, що того смутку, того жалю не навiяла непрыемна звистка, що облюбована посада, зарады котрои зменьшався та уклонявся винъ не разъ, зарады котрои встыгъ поступытыся и де-якымы принципамы, дисталася не ёму, а комусь иншому? А може то винъ досадуе, що Катруся доси не выходыть до гостей? Якъ знать? Може винъ въ ци сами хвылыны складае въ мысли свою промову про кохання и здатенъ теперъ виддаты Катруси свое закохане серце? Може винъ хоче попрохаты теперъ саме у неи соби доли? А вона наче навмысне гае часъ у своiй кимнати? Необачна, нерозумна та невдячна дытына! Погукаты на неи—нарочыто барытымется; то-бъ то терпиты та сподиватыся ии мовчкы? А що якъ Мыкола Мыхайловычъ розсердыться, пойиде и николы вже не навернется до ныхъ? Вона, Катруся, зневажае, дратуе ёго, вона такы дочекается, що вси панычи одвернутся видъ неи. О! будь вона проклята та самостiйнисть жиноча!!. Слава Богу—ось нарешти й Катруся йде! Але пани глянула на доньку, и весела

ухмилка раптомъ зчезла зъ ii облыччя; пани закусыла губу и нервово посунулася до бильця канапы: Катруся напьяла на себе чорну сукню, що такъ не лычыла ii худенькому стану, зачисала гладесенько свое роскишне волосся и замисть того, щобъ розважаты Мыколу Мыхайловыча, протыскалася ажъ у самый куточокъ и сила побиля панночокъ. Треба було маты незвычайну миць, незвычайни нервы, щобъ знесты мовчкы ту пекучу досаду, що обурыла Рыбалкыну, якъ побачыла вона свою доньку,—але пани вытрымала себе до кинця вечера. Вона жартувала, сміялася, безперестанно зверталася то до панночокъ, то до паній, видбула вечерю, и нихто, причъ Катруси, не спостеригъ, що дiялося у серци господарки.

— Подобався тоби, Приська, нашъ сёгодняшній бенкетъ?— запытала панночка покоянку, колы розйихалыся гости.

— А якъ же!—видповила молодыця.—Такъ весело було! А надто вже наша пани булы балакучи та весели.

— Не ймы виры, молодыця, тому смиху: ти ухмилкы не зъ веселощивъ, а зъ досады, той смихъ не для своеи души, а за-для чужыхъ людей. Кылымы, шовкы, оксамыты, веселощи, ухмилкы—все про людей, а про себе—чорный хлибъ, чорна тенетка та чорни, якъ осинни хмары, думкы,—мовыла панночка, видкреслюючы кожне слово.

Приська гаразд не зрозумила цихъ сумныхъ речей, але запамьятала ихъ мымоволи добре. Може колысь и спадутся на думку воны ій!

XIV.

Гасъ догорявъ, и маленька кухнянська лампа почала мыготиты. Приська що хвылыны видтягала гнитъ и проклынала ни у чимъ неповынну лампу. Насупроты неи сыдивъ Степанъ.

— Ну якъ ёго служыты тутъ?—поскаржылася молодыця Степанови, видтягаючы зъ серцемъ трохы не весь гнитъ у маленькій лампи.

— Це гирше за село! Гасу у дю мыгалку шкода отій поторочи! И де ваша совисть, Степане Павловычу, що вы мене у таке пекло вперлы?

— Не докоряйте мени: ій-же Богу, я шукавъ вамъ скризь мисця, и оце, на мій поглядъ, було найкраще зъ тыхъ, що траплялыся: тутъ прынаймни хочъ яка-небудь воля йе. Вчора, напрыкладъ, пани выйшла, побачыла мене и ни словечка не сказала, а инша-бъ зразу поригъ показала.

— Онъ яка воля!—засміялася молодыця.—Хай ій всячына! На такій воли швыдко захлянешъ. Я-бъ здатня краще васъ николы не бачыты, абы голодній та у темряви не сыдиты.

— Цёму горю пособыты легко; зъ-за такои дрибныци не варто и клопотатыся: дайте мени пляшку—я заразъ прынесу гасу,—мовывъ Степанъ и, ухопывшы зъ викна якусь пляшку, метнувся зъ хаты.

Приська обиперлася объ стилъ и почала лузаты насиння. Въ кухни стало тыхо та сумно...

Пани пойихала зъ усіею симьею до кого-сь въ гости и замкнула горныци; куховарка хропла вже видъ самого смерку на печи... Чорни тараканы повылазылы зъ усихъ закуткивъ и пишлы гуляты на простори. Каганець ледве блыкавъ.

Приська кыдала въ ротъ насиння и такъ хутко розлузувала ихъ, такъ якось нетерпляче видкыдала лушпыння геть, що здавалося, нибы-то молодыця не йисть того насиння, а все шукае тіеи насинины, де повынна лежаты замисть зернынки видповидь на пытання, що вже не разъ спадало ій на думку и непокоило іи. Часъ вже зрозумиты свои видносыны до Степана. Парубокъ кохае іи, разъ-у-разъ стежыть за нею, нанявся у якого-сь поганенького полупанка, абы буты поблызу, биля неи. А вона?—вона не кохае ёго. Серце іи ще ни разочку не тёхнуло, не обизвалося на ёго ласкави речи; щоденна розмова зъ нымъ тилькы розважае іи. Але вона чуе, що вже якась нытка заснувалася мижъ нымы, що вона вже звязала, зъеднала ихъ до купы, що вона перша не схоче перерваты іи и що ій навить шкода буде, якъ та нытка увирвется, або перегорыть.

Ось вона вже третій мисяць товчется у цёму пекли, що-ранку, що-вечора збирается покынуты, а прыйде Степанъ, умовыть ii, пообища незабаромъ знайты иншу посаду—и вона терпыть, не зважуется зробыты ёму наперекиръ. Що воно за знакъ? Приська долузала останню насиныну, пидвелася зъ досадою зъ лавы и струсыла у помыйныцю лушпыння зъ попередныка: певнои видповиди на свое пытання вона не знайшла. Степанъ прынисъ, кримъ гасу, пляшечку горилкы, булку та оселедця. Приська налыла въ каганець гасу, очыстыла оселедця, наризала булку, стала вечеряты, и сумный настрій почавъ потроху зныкаты.

— Вы не вынуватьте мене за це мисце: я шукавъ вамъ саме-найкращыхъ панивъ, та кращыхъ за Рыбалкыныхъ не знайшовъ ниде,—казавъ Степанъ, зайидаючы оселедцемъ чарку горилкы.—Самъ я теперъ у такому пекли, що, повиряте, иноди и пообидаты николы... Зрòду-вику не бувъ водовозомъ, а теперъ довелось и воду возыты.

— Яка-жъ вамъ неволя?—здывувалася Приська.—Кыдайте—тай край!

— Охота гиршъ неволи, якъ-то кажуть. Неволи немае, та охота велыка буты побиля васъ. У мене и думкы немае кыдаты хазяина, и колы-бъ винъ, гаспидськiй, догадався мени ще яку спокуту накынуты, то й тобъ я перенисъ зарады васъ, а вы ось тилькы й думаете про те, якъ-бы видъ мене дали.

— Правда,—згодылася Приська.

— Отъ бачыте!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ.—Хыба вамъ мое обчество недовподобы?

— Чому? Причъ васъ у мене немае ни однои знаёмои душы въ городи; про те, колы-бъ лучылося гарне мисце за сто верстовъ видъ васъ, то я не вагаючысь пойихала-бъ туды,—засмiялась молодыця.

Степанъ тяжко зитхнувъ и налывъ чарку.

— За ваше здоровья! Хай Господь посыла вамъ и счастя, и здоровье, и кращыхъ за мене сусидивъ!—мовывъ винъ, пере-

хыляючы соби у ротъ чарку.—А соби я вже ничого у Бога не прохаю, причъ смерти,—додавъ винъ наливаючы другу чарку.

— Хай Господь васъ пидкрепыть у вашому гори!—ехыдно усмихнулася молодыця, прыгублюючы чарку.

— Наврядъ: моему горю вже й Господь не пособыть. Пропаща я людына, на вики пропаща! Ни сна, ни спокою, ни счастя, ни надіи... За ваше здоровья!

— Чы не багацько часомъ буде?—спынила Приська и одставыла пляшку зъ горилкою дали.

— Ни, не багато! Щобъ залыть мое горе, не постачыть горилкы и у всёму городи. Нищо вже не зличыть цёго горя, хыба тилькы одно, едыне слово зъ вашыхъ устъ...

— Яке-жъ то слово?—запытала Приська.

— Вы сами добре знаете,—зитхнувъ Степанъ.

— Ни, не знаю.

— Ни, знаете.

— Ни, не знаю.

— Объ закладъ, що знаете!—мовывъ Степанъ, протягаючы свою руку.

— Добре, объ закладъ!—ударыла Приська его по руци.

— Объ закладъ на вашъ поцилунокъ!

— Добре, бо я не знаю.

Не встыгла молодыця и вымовыты своеи згоды, якъ цупки рукы Степана вже обвылыся кругъ іи стану, палки поцилунки покрылы и губы и щокы молодыци.

— Вы не выгралы, не сміете цилуваты!—крычала Приська, бигаючы по хати та затуляючы свій выдъ то попередныкомъ, то долонямы.

— Выгравъ, выгравъ: вы давно знаете те слово, вы давно знаете, що я васъ кохаю,—шопотывъ Степанъ, одрываючы Присычыны рукы одъ выду й покрываючы ёго ще палкишымы поцилункамы.

— Не выгралы, не сміете,—крычала молодыця.

— Выгравъ, выгравъ,—уперто казавъ парубокъ, мицно прыгортаючы до свого серця молодыцю.

Горбата куховарка прокынулася и звела голову. Степанъ одскочывъ видъ Приськы и сивъ на свое мисце. Приська червона, важко дыхаючы, стояла биля печи та вытырала попереднымъ выдъ писля немовъ непрыемныхъ та образлывыхъ поцилункивъ.

— Вы, колы хочете, вдруге не сикайтеся зъ поцилункамы вашымы, бо я або очи заплюю, або по морди дамъ,—мовыла Приська суворо.

— Выбачьте на цей разъ!—попрохавъ пошепкы Степанъ.—Колы бъ вы зналы тилькы, якъ я васъ кохаю... колы-бъ вы булы на моёму мисци!.. Ій-Богу я—якъ дурный... Ну, дайте мени и по морди, колы я заробывъ, а тилькы не гнивайтеся на мене... Ударьте нарочыто!

— Балакайте! Що вы ще не куштувалы! У мене рука замашна: разъ, ще у генеральшы, одынъ панычъ добре опикся.

— И якъ вамъ не грихъ ривняты мене до паныча якогось? Я васъ видъ щырого серця, а той панычъ... Эхъ! що вже и казаты? Закохався я въ васъ такъ, що хочъ у Сибиръ за васъ здатенъ питы...

— Велыка мени корысть зъ вашого Сибиру? Пошукайте краще мени мисця...

— Далеби не знайду кращого,—видмовлявся Степанъ.

— Годи, годи брехаты. На цій самій вулыци, у пани Штейнмильхъ бракуе покоянкы.

— У пани Штейнмильхъ? Хай вона лусне та сама пани! У неи и собака не вдержыться! Хыба я іи не знаю.

— Годи, годи! Я знаю, чого вона вамъ недовподобы: немае за-для васъ мисця поблызу?—зареготалася Приська.

— Правда, я не таюся: не хочу я розризнятыся зъ вамы, не хочу кыдаты васъ помижъ чужыхъ людей. Хыба я не знаю, якъ тяжко жыты на самоти одынокій, безъ порады та допомогы добрыхъ людей?

— Въ городи та самотній? Оце выгадалы! Мало тутъ людей!

— Ось вы въ городи вже бильшъ пивроку, а чы багацько траплялося вамъ такыхъ щырыхъ та прыхильныхъ людей до васъ, якъ я?—запытавъ Степанъ.

— Де-бъ я тыхъ людей и знаходыла, якъ все по такыхъ недолюдкахъ служу? У пани Штейнмильхъ, вси кажуть, дуже добре. Оця куховарка служыла тамъ колысь,—такъ не нахвалытся. „Колы-бъ, каже, мени не оця дытына, то я бъ у неи до смерти була".

— А вы вирыте ій?

— Не тилькы вона це каже; я чула и видъ другыхъ,— мовыла Приська.

— Брешуть воны вси. Я тыхъ панивъ знаю якъ облупленыхъ. Не вирьте никому!—скыпивъ Степанъ.

— Може колы тамъ кочергы покоштувалы? Ха—ха—ха! Щось похоже на те!—засміялася молодыця.—Не дуже-то надійтеся й на оцю Рыбалкыну: прышануе и вона васъ колысь, бо вчора вже щось натякала, що „хлибъ дуже сходыть черезъ зайвыхъ гостей". Тобъ-то я вамъ окрайци іи хлиба прыберигаю...

— Мени вона ничого не скаже,—побачыте!—мовывъ Степанъ.

— Буде колысь и вамъ и мени. Я вже розибрала добре, яка вона на масть.

— Николы у свити не скаже вона ни вамъ, ни мени ничого: якъ-бы хотила вылаяты, то вже-бъ вылаяла доси. Вона до мене прыхильна...

Такъ похвалывся Степанъ, та не въ добрый часъ: розчынылыся двери, и на порози несподивано, негадано зъявылася пани Рыбалкына, а за нею слидкувала мовчазна, понура, немовъ у чымъ-сь вынувата, симья. Пани програла у цей вечиръ тры карбованця, стратыла сорокъ копіёкъ на звощыка черезъ дощъ, и жиночый инстинктъ видразу показавъ ій, що найбильше вынуватымъ бувъ у цій прыгоди нихто инший, якъ Степанъ, що прыходывъ що-вечера обйидаты та знищуваты іи.

— Ось якъ ты хаты стережешъ!—накынулася вона на Приську.—Москаливъ навела, краденымы булкамы шануешъ... А гасу де взяла?

— Мамо!—сипнула Катруся неньку за рукавъ.

— Чого „мамо“? Чого „мамо“? Батько працюе, а якась волоцюга москаливъ ёго хлибомъ годуе?

— Це не ваша булка—я купыла ии за свои грошы. И горилку, и оселедець и гасъ—все я купыла!—скыпила Приська.

— За свои грошы? А грошы де взяла? Зъ куховаркою злыгалася? И ты така сама злодійка, якъ вси; и тебе треба на шыбеныцю!

— Давайте мени розсчотъ! Вы не сміете мене злодійкою называты!—вы не спостереглы, не бачылы! Тягнить вже шкуру зъ отіеи несчаснои калыкы, а зъ мене не пожывытеся,—не хочу я у васъ служыты!

— Мыхайло Семеновычъ! Катерыно Мыхайловно! Де вы? Куды вы поховалыся? Чого вы покынулы мене саму зъ ціею волоцюгою та москалемъ!—погукала пани на чоловика та доньку, котри теперъ, якъ и завжды, поховалыся по своихъ куткахъ, абы не бачыты, не чуты, якъ пани знущается зъ наймычкы.

— Розсчотъ мени давайте!—мовыла вдруге молодыця.

— Погодить-бо трохы!—прошопотивъ надъ самымъ ии вухомъ Степанъ.

Приська глянула здывована на парубка. Винъ прохавъ ии знесты мовчкы образу, змовчаты та стерпиты цій паскудній паніи! Ій стало ще досаднише.

— Зразу дайте мени розсчотъ!—мовыла вона втрете.

— Якый тоби розсчотъ? Що я тоби выннa? Може ты мене обикрала? Може доведется ще тягатысь зъ тобою по судахъ?—мовыла пани.

— Трусить мою скрыню, передывиться все—я ничого вашого не займала. А мени дайте розсчотъ!—мовыла Приська, одчыняючы свою скрыню.

— Годи! не клопочить себе и не турбуйте пани! хай завтра помиркуете,—ставъ изнову умовляты Степанъ молодыцю.— А васъ, пани, прохаю выбачыты за те, що зайшовъ безъ дозволу. Будьте певни, що Приська за ци два мисяци, що прослужыла у васъ, и крыхты вашого хлиба мени не дала. Навпаки, ось куховарка не дасть збрехаты, де-килько разивъ я прыносывъ вечеряты. Мы бачьте, зъ молодыцею трохы сваты, трохы родычы,— звернувся Степанъ до пани.

Але ця промова Степана ни до чого не довела: пани домагалася, щобъ роздратована наймычка не стерпила, покынула ій середъ ночи и тымъ залышылася права шукаты зъ неи запрацёваныхъ симъ карбованцивъ, а Приська, ще дужче роздратована ёго улестливымы речамы, мало не вылаяла ёго.

— Розсчотъ мени давайте!—уперто казала вона, хутко складаючы свое збижжя въ скрыню.—Хай вамъ инши дурни служать, а я злодійкою николы не була и не хочу слухаты такыхъ образливыхъ ричей!

— Розсчота тоби ніякого не дамъ, бо ты служышъ помисячно, и ще не скинчывся третій мисяць. Хочешъ—кыдай, та тилькы не сподивайся грошей!—видповила пани и подалася у горныци.

— Ось заспокойтеся!—ій-же Богу, воно це все перейде,— ставъ изнову казаты Степанъ.

— А вы замисть того, щобъ заступытыся за мене, ще умовляете мене терпиты таку образу? Хыба вы не чулы, що вона мени казала, якъ вона лаяла?—мовыла докирлыво Приська.

— Чого иноди не трапляется у наймахъ? И насварятся, и налаютъ...

— И попобьють! А ты терпы та знось мовчкы, бо ты наймычка?—передразныла Приська Степана.—Шкода, не на таку наскочылы! Идить соби зъ Богомъ! Колы-бъ я знала вашу телячу вдачу, то я-бъ васъ и до свого порогу не допустыла.— Идить! я зачынятыму двери та лягатыму спать.

Степанъ взявъ мовчкы шапку и ставъ прощатыся.

— Прощайте, прощайте! Идить соби зъ Богомъ до тыхъ плохенькыхъ городянокъ, що здатни и бійку и лайку зносыты. А мене завтра, що витру у поли, не знайдете!—мовыла Приська зачыняючы двери.

XV.

Добре тому рыбалци, що самъ зробыть соби човныкъ, забье паклею щилочкы, залье ихъ смолою, прыробыть легеньки весельця! Добре ёму плысты по морю, бо винъ знае по зоряхъ, куды швыдче прямуваты, якъ здіймется хвыля! Горе-жъ тому бидоласи, що сивъ у чужый човенъ: ще й одъ берега не одбывся, а вже винъ воды повенъ. Выйихавъ винъ насередъ моря, на простиръ... скризь вильно... Винъ прямуе все дали и певенъ, що знае дорогу. Але ось... почався витеръ, захвылювало море, крутнуло човныкомъ его разъ, вдруге—и винъ вже не знае, де винъ, що зъ нымъ буде?

Отакъ само и Приська: сила вона у хысткый та латаный човныкъ миськои наймычкы тай поплыла... Здалеку, зъ села ій здавалося, що городъ весь сяе и вона не заблудытся тамъ; але ось вже далеко бильшъ пивъ-року, а вона ніякъ не прыстане туды, куды рвалася душею. Вона покынула пани Рыбалкыну, а нанялася до Штейнмильхъ, але хыба це нове мисце заспокоить ій! Якый десятокъ грунтивъ видризнявъ панивъ Рыбалкыныхъ видъ Штейнмильхъ, а здавалося, нибы-то безодня, цила прирва лежала помижъ цимы двома будынкамы. Зъ першого-жъ погляду на кухню, на молоду червоновыду пани, Приська впевнылася, що ій доведется на цей разъ служыты въ зовсимъ новыхъ умовахъ. Все, почынаючы зъ кухни, лёху, коморы—до останнихъ закапелочкивъ въ горныцяхъ, було вымыте, выскребане, блещало, сяло... Семеро дитокъ, дуже схожыхъ мижъ собою, булы тежъ одягнены чыстенько, порозчисувани гладенько, поумывани, вышаровани.

Пани держала одну тилькы наймычку, и Приська спочатку думала, що не управыться, але незабаромъ побачыла, що, дякуючы заведенымъ порядкамъ, ій тутъ ще легше, нижъ навить у пани Куракыной. Зразу все йшло гарно: всяка праця, всяка дрибныця мала свій часъ, свое мисце; кожна копійка йшла на призначене дило; кожне слово—до речи.

Панъ Штейнмильхъ—ще зовсимъ молодый, пры здоровью, чоловикъ—ходывъ що-дня на службу, и поки винъ повернется, вся справа повынна була буты скинчена. Скыдаючы у передній свое пальто, панъ знавъ, що, поки винъ дійде до столовои, ёму вже насыплють у полумысокъ смачного борщу. Прокыдаючысь писля спочывку, винъ такъ само певенъ бувъ, що самоваръ вже кыпыть на столи. Напывшись чаю та погомонившы трохы зъ дитьмы, винъ простувавъ въ кабинетъ, де вже лежала уготовлена ёму одяга та била сорочка за-для клуба. Прыйде винъ зъ клуба—ёго зустрине жинка у капоти и теплыхъ черевыкахъ. Вона вже спала, але винъ збудывъ ій дзвонykомъ; вона не хоче полохаты наймычку середъ ночи и йде видчыняты двери сама, але ніякыхъ докоривъ, ніякого серця не выдко на ій спокійному облыччю.

Въ мисти вси зналы добре пани Штейнмильхъ. Крамари виталы ій охотнише, нижъ другыхъ паній, а давалы ій крамъ завжды гарный, бо вона николы не брала у набиръ; старци тежъ смилыво протягалы до неи руку, бо зналы, що пани завжды дасть копійку. Ніякыхъ непорозуминь, ніякихъ сварокъ ни зъ знаёмымы, ни зъ наймычкамы не выходыло у неи николы, и панъ Штейнмильхъ мигъ справди хвалытыся у клуби, що жыття ёго—наче та течія прозорои ричкы у крутыхъ берегахъ. Ричка така не розлывается по весни, не затоплюе несподивано сусидськихъ хатъ, не заносыть бурлывымы хвылямы чужыхъ достаткивъ, не потопляе у безодній прирви необачныхъ пловцивъ. Такъ и жыття ёго никому не вадыть, а до того винъ спокійный за свое добре имья, за свій спокій.

Тепло, свитло та безпешно жылося Присьци зъ ціею паніею, але-жъ... нудно..., рятуй Маты Божа, якъ нудно!! Молодыца

довгый часъ не йняла виры, що люде можуть такъ жыты въ городи, та все сподивалася якоись змины. Даремна надія! Пани Штеймильхъ надъ усе боялася тыхъ зминъ. Мыналы годыны, дни, тыжни; скризь навкругы, тилькы черезъ тынъ, ворушылося жыття—але той тынъ обсадыла невсыпуща господарка колючымъ терномъ, зашпарувала у ёму кожну розщилынку, и жадна хвыля загального жыття не переходыла черезъ ёго, жаденъ смихъ, чы стогинъ не полохавъ спокою ій гнизда. Жыты у такому городи, де стилькы людей, веселощивъ, де стилькы цикавыхъ ричей, маты достатки и замуруватыся у крихотному будынку, задовольныться обовьязкамы до самои симьи, не вызырнуты николы зъ свого гнизда, не згадаты николы, що йе ще на свити люде, причъ чоловика та дитей! Ни, цёго Приська, не розумила. Вона бачыла гирке жыття селянъ, бачыла, що иноди люде за своимъ горемъ та за слёзамы не добачалы выразокъ на чужому тили, бачыла и матерей и господарокъ такыхъ, що й спалы та бачылы, якъ бы завдовольныты свою симью, нагодуваты дитей,—але такыхъ людей, такыхъ господарокъ, якъ ця пани, вона не бачыла ще николы. Кому вона потрибна ця пани, причъ своихъ дитей, и хто ій причъ ныхъ? Одынока, зайва, непотрибна ни для кого людына... Чы прожыла-бъ вона такъ на сели? Охъ, ни! Не попустылы-бъ сусиды ій до жыття такого. Постукавсь-бы до неи сусида у лыху прыгоду, запрохавъ-бы иншимъ разомъ до себе на весилля, вытяглы-бъ ій на яку пораду, що хвылыны нагадувалы-бъ ій, що вона людына, а не тилькы матирь, що вона сусида, а не тилькы жинка свого чоловика, и вона зрозумила-бъ, що мае громадськи обовьязкы и видповидна за счастя другыхъ. Якъ настане девьята годына вечера, такъ пани посылае Приську зачынять ворота, а въ девьять зъ половыною прыходыть гасыты въ кухни свитло. Молодыця повынна була лягаты зразу, якъ звелыть пани, и це ій коженъ разъ страшенно сѣрдыло. Вона лягала, але довго ще поверталася зъ боку на бикъ, довго не змежувала очей: зануда, страшенна зануда, немовъ та гадюка, вылася биля серця и не давала ій спаты. Поки дни булы довши, поки сонечко трохы раныше схоплювалося, молодыця мала пры-

наймни яку вильну хвылыну, щобъ одвесты душу на торгу зъ перекупкамы та наймычкамы; поки сонечко довше стояло на краевыди, поки була годына та прыходывъ до воритъ Степанъ— и молодыця хочъ трохы задовольняла у коротенькій розмови зъ нымъ свою потребу побачытысь зъ прыхыльною людыною, переказаты ёму що-небудь, поскаржытысь, або похвалытысь; а якъ заволиклося, похмурылося небо, якъ пишлы дощи та замисылася грязюка,—то задрипани та попидтыкувани перекупкы перестали цикавытысь миськымы новынамы, Степанъ не схотивъ мокнуты на дощи, вечоры немовъ загубыты край,—и молодыця почала ще дужче нудытыся.

Писля Семена пани накынула Присьци нову працю: шыты рушныкы та сорочкы. Сыдыть сама соби молодыця за шыткамы; у горныцяхъ тыхо; мыготыть свитло маненькои лампы. Скребется десь за скрынею мыша, а у неи на серци ще дужче скребется досада. Досадно ій на себе, досадно и на ридъ свій. Вона рада, що воны вже не досаждають ій, вона рада, що не одвидують іи, але-жъ ій и образлыво и досадно, що вси забулы іи, проклялы, а може ще й радіють, думаючы, що вона доси загынула тутъ. Осинній витеръ выводе сумну писню у комини, торохтять у шыбкы велыкы краплыны холодного дощу, добрый хазяинъ не выгнавъ-бы и собакы зъ двору, а вона побигла-бъ оце, побигла-бъ звидциль... Куды? Куды небудь, до кого-небудь, абы розважытысь, абы побалакаты, розсказаты, що дієтся на серци, абы почуты хочъ едыне слово спочуття.

Разъ якось, у субботу, Приська погасыла свитло ще раныше и зъ досады хотила заснуть. Але сонъ іи не бравъ: вперше за весь часъ жыття по наймахъ, зъявылося ій выразно пытання: що вона знайшла у городи?

„Замисть того, щобъ корытыся неньци та дядькови—мушу корытысь чужымъ людямъ. Замисть сильськыхъ звычаивъ—повынна догождаты прымхамъ господынь. Я дывувалася зъ селянъ, що воны, такъ гирко працюючы, дывлятся на коженъ шматокъ хлиба, якъ на велыку мылость Божу, але чы не такъ само и я дывлюся теперъ на той ласый шматокъ, що удиляе мени госпо-

дарка по ласци видъ своихъ достаткивъ? Чы не голодувала я у пани Рыбалкыной и чы не повынна я дякувать пани Штейнмильхъ, що вона мене добре годуе? Чы хотила я жыты колы келейныцею и чы думала, що буду одынока въ велыкому городи, що не матыму гуртóчка ривныхъ соби людей?—И невже воно и завжды буде такъ? Ни, то я не вмію счастя шукаты: хыба я не бачу що-дня веселыхъ, задовольненыхъ пóдругъ—горнышныхъ та куховарокъ? Ни, можно знайты инше жыття, можно здобуты и счастя, и волю,—треба тилькы вмиты шукаты якъ слидъ. Годи нудытыся у пани Штейнмильхъ! Шукатыму соби мисця по всёму городу, сподиватымуся мисяць и другый, а поки що поверну и тутешне жыття на веселишу стежку. Що, напрыкладъ, завадыть цій пани, якъ прыйде Степанъ колы-небудь. Вона добре вже знае, що й у наймычокъ йе знаёми, або родычы, що наймычка бильше, нижъ хто иншый, бажае одвесты душу. Черезъ вищо-жъ вона забороняе жывій людыни наблызытысь до кухни? Вона знае напевне, що я та Степанъ не обикрадемо ii, що мы не заведемо гвалту, або бійкы, що-жъ ій до того, колы у мене посыдыть зъ вечора гисть? Хай-же не выгадуе! „Пиду поклычу ёго до себе, тай край!“—надумала молодыця, и ця смилыва думка такъ опанувала ii, а бажання побачыты биля себе блызьку людыну такъ охопыла ii, що вона опамьяталася вже биля Степановои кухни.

— Увійты, чы ни?—запытала себе Приська.—Увійду!.. зважылася и видчынила трохы двери. Зъ кухни понисся регитъ та гоминъ. Приська застыдылася, скочыла зъ рундука и мерщій сховалася за рижокъ, бо видъ конюшни йшовъ хтось зъ лыхтаремъ. На превелыку радисть Приськи то бувъ Степанъ.

— Степане!—обизвалася нышкомъ Приська.

— Приську?—запытавъ здывованный Степанъ.—Це ты? Що трапылося?

Приська не знала що видповидаты: ій и соромно було и досадно на себе за свій вчынокъ.

Степанъ погасывъ лыхтарь и обережно, манивцямы, повивъ молодыцю до конюшни. Въ конюшни пидъ стинкою, зроблена була лава, на якій у литку спавъ кучеръ; теперъ тамъ

лежалы хомуты. Степанъ поскыдавъ ихъ до-долу и посадывъ туды Приську.

— Я прыйшла до тебе, Степане, (Степанъ умовывъ ій якось недавно казаты ёму „ты“), щобъ ты мени десь инше мисце знайшовъ. Не постачае вже снагы моеи терпиты. Повирышь!—рада мыши, колы де заскребется, собаци, якъ обизвется... Така туга обняла та така досада... Думала я, думала, тай надумала оце питы до тебе... Не сподивався?

— Не думавъ, не сподивався такого счастя. Якый я радый, колы-бъ ты знала! Сыдивъ я оце въ кухни, сыливъ... слухаю однымъ вухомъ, що Дунька плеще, а думкы все биля тебе... Вчора я стоявъ на дощи, стоявъ, вызыравъ тебе—не йдешъ. Пиду, думаю, въ кухню. Вже намирывся бувъ плыгнуты черезъ тынъ, та проклятый Бровко такый галасъ счынывъ, що я ледве зъ душею втикъ, и чумарку порвавъ.

— Я чула, якъ Бровко гвалтувався,—засміялася Приська.

— Та-то й не вышла провесты!

— Хыба-жъ я знала, що то ты шматуешъ по тынахъ чумарку?—засміялася изновy Приська.

— Щей глузуе! Небись, колы-бъ хто до любовы прыйшовъ, то серцемъ почула-бъ та выбигла-бъ на зустричъ. Правда?

— Про те вже не знаю: чы вищувало-бъ мени серце, хто собакъ гвалтуе?

— Ты жъ кохала кого-небудь. Кохала?—запытався Степанъ, прысовуючысь блыжче до молодыци.

— Ни, не кохала,—видмовыла Приська и зареготалася.

— Брешешъ!—не йнявъ виры Степанъ.

— Не знаю, що-то и за кохання?

— Брешешъ, ій-же Богу, брешешъ! Ты мабудь и теперъ кого-сь кохаешъ.

— Може,—видповила лукаво Приська.

— Ни такы, безъ жартивъ, Присько, прызнайся мени по правди!—попрохавъ Степанъ.

— Ій-Богу, никого не кохала. И самъ подумай: въ кого-бъ я мала закохатыся? Та й на лыхои годыны те кохання зда-

лося? Любисенько можно и безъ ёго на свити прожыты. Безъ людей не можно обійтыся: оце сёгодни, напрыкладъ, якъ задосадувала я самитня, то й карбованця не пошкодила-бъ, абы побалакаты зъ кымъ. А кохання... навищо воно мени здалося? Онъ у мене десь на сели и чоловикъ йе...,—додала вона и тяжко зитхнула.

— Годи плескаты нисенитныцю!—однаково не повирю. Безъ кохання не прожыве жадна людына, а тымъ паче нашъ братъ—наймытъ. Яки веселощи, яки радощи йе у ёго? Одне—заборонене, на друге—грошей не постачае, на третте—часу не мае, на четверте—розуму не хвата; тилькы кохання и не заборонено, не вымагае ни велыкыхъ грошей, ни велыкого розуму. Я ось по соби знаю: якъ гирко не доводыться мени иноди, а колы-бъ ты мене хочь крихотку кохала, то я бъ на гору й каминь покотывъ... Ты, бачъ, мовчышъ, наче и не про тебе ричъ моя, наче и не чуешъ? Такъ скажы-жъ мени: чымъ я тоби не до мысли? Старый я, поганый, чы дурный?—запытався стурбовано Степанъ.

— Хыба я колы казала, що ты старый, поганый, або дурный?—видповила пошепкы молодыця.—Отъ-же, бачышъ, сама прыйшла до тебе.

— Прыйшла, бо никуды було бильше йты,—зитхнувъ Степанъ.—А колы-бъ мала кого иншого, то й не згадала-бъ про мене; чы такъ?

— Авже-жъ такъ,—засміялася Приська,—але смихъ ій, якъ здалося Степанови, вже не бувъ такый байдужый та веселый, якъ завжды.

— Недобра ты! Навищо ты дратуешъ мене, чому николы правды не скажешъ? Жартуешъ, кепкуешъ зъ мене, а колы-бъ ты тилькы знала, що дiется зъ моимъ серцемъ, якъ облывается воно кривью видъ тыхъ жартивъ!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ и похылывъ свою голову.

Въ конюшни стало тыхо та сумно. Приська хотила початы розмову, та не знала, що казаты. Степанъ сыдивъ замысленый та зажуреный,—треба було заспокоиты та розважыты ёго. Ій

невыразно шкода стало ёго, ій серце тежъ защемило, забылося пидъ вплывомъ Степановыхъ ричей; ій гарно, ій любо було сыдиты биля ёго, слухаты ёго речи про кохання, дывытысь на ёго... Може то и вона вже кохае ёго?

— Иду я до-дому, бо пани доси кынулася мене,—пидвелася молодыця. Степанъ ухопывъ ій за руку.

— Посыдь ще трохы,—попрохавъ винъ Приську такъ чуло, що Присьци и въ думку не сталося змагаться зъ нымъ. Вона сила изнову.

— Сыдю я оце та й думаю: чымъ я Бога прогнивывъ, що такый нещасный?—почавъ трохы згодомъ Степанъ.—Тилькы и прохаю у Ёго, тилькы и молюсь Ёму Мылосердному, щобъ... Та що тоби казаты?—перебывъ винъ самъ себе... Навищо тоби це казаты? Щобъ сміялася потимъ зъ мене, щобъ знущалася зъ кохання мого? Колы-бъ я хочъ знавъ, що ты мене не ненавыдышъ...

— Хыба я тебе ненавыдю?—обизвалася Приська.

— Колы-бъ я знавъ, що я тоби не осоружный, не брыдкый!—мовывъ палко Степанъ.

— Николы не бувъ ты мени осоружнымъ, а останнимы часамы ты...

— Що? що? останнимы часамы?—перехопывъ Степанъ ричъ молодыци, стыскуючы ій рукы у своихъ рукахъ.—Ну! Домовляй! Що ты хотила казаты?

— Ты мени подобаешся,—видповила стыха Приська.

Степанъ кынувся, якъ несамовытый, цилуваты ій рукы, ій выдъ.

— Коханко, любко моя!—шопотивъ винъ, все палкише, все мицнише прыгортаючы молодыцю до своихъ грудей.

И Приська не видбывалася видъ ёго. Щось незвычайне робылося теперъ зъ нею. Вона чула, якъ кожне слово парубка досягае теплою хвылею до самого серця, якъ умливае воно, якъ замирае, якъ сподивается пестощивъ Степана. На хвылынку промайнуло, немовъ зъ-за темнои хмары выпурнуло, облыччя

Данылове... Якымъ блидымъ, невыразнымъ та поганымъ здався Присьци чоловикъ ій, якъ що порівняты ёго зъ Степаномъ!

— Степане!—погукавъ хтось зъ кухни.

Приська выбигла зъ конюшни и нышкомъ по-пидъ тыномъ пробралася до воритъ, а Степанъ пишовъ у кухню.

XVI.

Зъ цёго вечора Степанъ ставъ ходыты що-дня до Приськи. Спочатку молодыця прырозумила выйматы коженъ разъ зимню ряму у викни и впускала парубка зъ вулыци. Одначе пани незабаромъ прымитыла, що папиръ на викни занадто довго не высыхае, и прыбыла ряму добрымы гвоздкамы. Довелося запобигты ласкы Бровка. Не одынъ хвунтъ яловычыны та хлиба перетаскавъ Степанъ, покы такы прывчывъ до себе сердытого Бровка. За те Приська наче на свитъ народылася. Куды подилыся той сумъ та зануда? Неначе и кухня посвитлишала, немовъ и сама пани покращала! Цилый день працювала молодыця жваво, моторно, а ничку коротала зъ коханцемъ. Чы глыбоко закохалася вона—объ тимъ не пытала себе молодыця. Тяжка самитнисть, потреба маты блызьку людыну кынулы ій сперше у обіймы парубка; трохы згодомъ зворушылося у серци справжне спочуття, а ще згодомъ затлилася й искорка кохання.

Перейшла осинь зъ ій негодамы та туманамы. Настали Різдвяни Святкы. Пани Штейнмильхъ йиздыла визитуваты знаёмыхъ. Биля господы ій тежъ разъ-у-разъ спынялыся сани. Приська радила, що нарешти хочъ Святкы розворушать трохы нудне жыття господыни, та даремно: пышни пани у оксамытовыхъ шубахъ вылазылы зъ саней зъ такымы проклёнамы, а чепурни, ажъ вылощени паны такъ хутко надивалы калошы у передній, що Приська тилькы дывувалася.

— Ну що це за гости?—розсказувала вона Степанови:—прыйде, посыдыть на кинци дзыглыка пивъ-хвылыны, покор-

чытся, поверещыть, нибы-то щось цикаве оповидае, та й тикае наче зъ пекла, зъ проклёномъ та досадою на всихъ тыхъ, кого доводыться зъ Святкамы здоровыты.

Невелыкый гуртокъ Присьчыныхъ знаёмыхъ—одна покоянка, та одна замижня пара (кучеръ Спырыдонъ, та жинка ёго Настя) почувалы себе тежъ у гостяхъ не такъ весело, якъ хотилося Присьци, и хочъ молодыця не шкодила грошей, шануючы гостей, але-жъ святошный настрій не прыходывъ.

— Веселише, далеко веселише на сели Святкамы, нижъ у городи!—казала Приська гостямъ.

— Куды и ривняты!—пидтрымавъ ій Спырыдонъ:—Мы ось бильшъ пьятнадцяты рокивъ якъ зъ села, а доси не забулысь колядуваты та щедруваты.—А ну, Насте, прыгадай: „Що на нашимъ двори“,—почавъ Спырыдонъ.

— Этъ! выгадавъ!—спынына его Настя.

— Я вже до города звыкъ, якъ рыба до воды, а Святкамы душею лыну на село; ій-Богу, правда!—сказавъ Спырыдонъ.—Ходыть и въ городи по вулыци молодь, вештается и тутъ багацько народу, та все не те, все не такъ, якъ на сели: тутъ молодь ходыть окроме, або у пари, и дывыться тоби такъ на всихъ, немовъ то Святкы тилькы про ёго самого, немовъ та друга парка, що йде поодаль, вже й виры иншои, и звычаи мае не ти. А на сели—куды выйшовъ одынъ, тамъ вже и вси; що выгадавъ одынъ—пидтрымалы вси. На вулыци; на выгони, пидъ млыномъ—скризь гурты та гурточкы однолиткивъ... Куды не глянь, куды не зайды, хочъ у найбиднишу хату, скризь—Святкы на уми, Святкы—на языци.

— Не вміють въ городи святкуваты! Сами пьяныци тилькы и веселять городянъ. Ось гляньте у викно—яку нызку полыцейськи назбиралы? Матинко! ажъ симъ душъ!—зареготалася Приська, показуючы гостямъ на пьяныць, що заганялы полыцейськи до полыціи.

— Безличъ клопотивъ, велыка втрата, а веселощивъ ніякыхъ,—зитхнула Настя.

Не меньше за Настю зитхалы та скаржылыся на Святкы и паны. Зануда жывцемъ йила, якъ иржа точыла мало не всихъ, а найпаче тыхъ, що звычайно тишылыся картамы. Партнёривъ пана Штейнмильхъ тежъ кудысь понесла лыхая годына. Днивъ зо тры винъ повыненъ бувъ граты зъ мало знаёмымы людьмы, а на другый день—Водохрещи—и ти не прыйшлы. Пишовъ панъ у клубъ, посыдивъ до одынадцятои годыны, продывывся газеты и мусывъ до-дому вертатысь.

Ничъ була чудова, тыха, зоряна! Панъ йшовъ повагомъ, не поспишаючысь, глыбоко замысленый, опанованый нагайнымъ пытаннемъ: куды подитыся, чимъ заповныты цей довгый ще вечиръ, або ничъ? Пани напевне й на крокъ не видступытся видъ заведеныхъ порядкивъ: вона поклала вже дитей спаты, лягла сама и не схоче сыдиты зъ нымъ... Чытаты? Осточортило ще въ университети чытаты, тай, здается, цикавыхъ книжокъ немае... „Доведется пронудытыся годынъ зъ чотыры, поки прыпаде охота лягты спаты. Хыба погуляты ще?“ Панъ пройшовъ повзъ рундукъ свого помешкання и завернувъ за вуголъ. У ту-жъ саму хвылыну хтось пробигъ повзъ ёго и плыгнувъ на тынъ. Панъ набавывъ ходу, дигнавъ того чоловика и ухопывъ за чумарку въ ту хвылыну, колы той мавъ вже плыгаты у двиръ. Степанъ рванувся, вырвався, кынувся скилькы духу тикаты, и покы збиглыся городови, зныкъ зъ очей пана.

Ця прыгода не пройшла безъ наслидкивъ: пани стала навидуватысь въ кухню, и Степанъ ставъ обережнишымъ. Иноди проходывъ цилый тыждень, и Приська не могла поставыты каганця на викни и тымъ сповистыты парубка, що пани вже спыть и можно йты безпечно. Нарешти, трапылося якось, що пани занедужала на пропасныцю. Приська зрадила, що пани не встае зъ лижка, и першого-жъ вечора подала знакъ Степанови. Але марно просыдила вона до другыхъ пивнивъ,—Степанъ не прыйшовъ. — Приська поставыла каганець и на другый, и на третій день, але Степанъ все не прыходывъ. Нарешти, на пьятый день, просыдившы до першыхъ пивнивъ,

молодыця не вытримала, накынула на голову легенькый платочокъ и побигла въ самій сукни до Степана, щобъ збудыты ёго, якъ що винъ спыть, або хочъ довидатысь, черезъ вищо винъ не ходыть до неи? Двери въ кухни Степановій булы не защепнути, на столи горило свитло, але тамъ спала сама куховарка: ни Степана, ни горнышнои—Дуньки въ хати не було. Приська видразу прыгадала вчорашне пытання крамаркы: якою родычкою доводыться Дунька Степанови, що винъ ій конхветы купуе?—и зрозумила все..

Невыразна, пекуча рвія обурыла серце іи. Не памьятаючы гараздъ себе, кынулася вона шукаты зрадныкивъ по чужому подвирью: вона то пидбигала до конюшни и сипала важкый замокъ, то забигала по килькы разъ въ сарай и нышпорыла у питьми по всихъ закуточкахъ, то верталася изнову до кухни,—проклятого зрадныка и ёго коханки ниде не було. Знесылена, зморена, зъ проклёномъ на вустахъ, зъ мукою у серци, зъ твердымъ намиромъ помстытыся обоимъ злодіямъ, що вкралы й попматувалы іи серце, подалася вона до-дому; але тутъ сподивалася іи нова прыгода: двери кухенни булы замкнени зъ середыны. Приська догадалася, що це пани простежыла іи и замкнула двери своеи господы вже навикы за-для неи; проте все-жъ такы зважылася злегенька постукаты. Нихто не обизвався—пани поклала соби залышыты непорядну наймычку середъ ночи на вулыци. Куды подитыся, що робыты? Поблызу—ни одніеи знаёмои людыны, та й якъ ёго прызнатыся людямъ, що передъ нею замкнулы двери, що іи не пускають у хату, якъ останню злодійку? А що вона зробыла кому-небудь, вчыныла зле? Хыба вона не выконала тыхъ обовьязкивъ, за яки ій платылы, хыба вона не скынчыла свого дила? Вона негараздъ робыла, що пòгай зъ хаты выйшла, але-жъ хыба не сама пани прымусыла іи таитысь?

Приська прысила на рундуку и гирко заплакала. Вся вона тремтила видъ холоду, голову здавыло, немовъ у тыскахъ, серце невыразно болило.

— Куды йты? що робыты?—пытала у-десяте сама себе молодыця, схопывшы обома рукамы свою поныклу голову. Ставъ зрыватысь дрибный снигъ, подыхнувъ холодный витеръ,—Приська затремтила ще дужче, схопылася зъ рундука и зъ видчаемъ людыны, що вже немае зъ чого выбираты, по стукалася скилькы сылы, въ двери. Загвалтувалыся собакы; сторожъ сусиднёи крамныци забывъ у клепало. Приська злякалася, прытаилася на рундуку, обгорнулася мицнише платочкомъ и, зкорчывшысь яко мога бильше, наче задубла на мисьци. На свитанку витеръ повернувъ зъ теплого краю, видразу потеплишало, и пишло на одлыгу. Весь городъ поняло густымъ туманомъ, и сумно выглядалы зъ ёго сири миськи будынкы. Щильно позачынени виконныци та двери, зализни дахы, перемишаный зъ грязюкою навкругы снигъ—все це нагадало молодыци самыхъ господаривъ тыхъ будынкивъ: камьяни серця—якъ оти муровани стины; холодный розумъ—якъ оти зализни дахы зимнёю добою; таки-жъ нечысти думкы, прыкрыти гарнымы словамы—якъ ота глыбока грязюка, прыпорошена билымъ, непорочнымъ снигомъ. Никому, никому зъ тыхъ людей, що отамъ мицно сплять теперъ, немае дила до одынокои жинкы, що мерзне всю ничъ на рундуку, и колы-бъ вона зважылася достукатыся до кого-небудь, розсказаты по-правди про свою прыгоду, колы-бъ, облываючысь кривавымы слёзамы, роскраяла свои груды и показала наболиле серце, то й тоди не знайшла-бъ спочуття. На вищо справди мала и скаржытысь вона? На зраду? О! це звычайна занадто ричъ! Чы може на те, що ii выгналы зъ двору, що середъ ночи залышылы прыстановыща? Вильно-жъ було ій кыдаты хату зарады такои недозволеноi за-для наймычкы прымхы, якъ кохання?.. Сама, кругомъ сама выина...

Ось сонечко пробылося першымъ, несмилывымъ проминямъ. Десь недалечко хтось нокнувъ на коня,—селяне зйиздятся вже до торгу. По городу пронисся неясный гоминъ. Ворота сусиднёго дворыща рыпнулы,—дворныкъ выйихавъ по воду. Приська скочыла зъ рундука и сховалася за крамныцею.

Небагацько часу вже зисталося пидождаты, покы пани Штейнмильхъ прокынется та видимкне двери, але теперъ кожна хвылына додае Присьци пекельнои муки. Незабаромъ повыходять знаёми куховаркы, стануть пытаты, допытуватысь ій... Що вона имъ скаже?

А по вулыци сталы все частише та частише проходыты люде. Вже й Устя побигла,—вона зарани кыда лижко, щобъ першій зибраты новыны. О! Приська стала-бъ ій доброю здобыччю, якъ-бы попалась на очи! Вона задовольныла-бъ своею прыгодою всихъ перекупокъ, всихъ куховарокъ, додала-бъ смаку на цилый день городянкамъ, имья ій стало-бъ видоме всимъ, навить де-якымъ господаркамъ. Приська знала все це и ховалася, немовъ те немичне ягнятко видъ хыжыхъ очей лютого вовка. Але ось выплыла, наче той корабль зъ туману, куховарка Тытьяна; зъ усихъ дворивъ высыпалы дворныкы счыщаты пишоходы, наблыжается и господарка тіеи крамнычкы, де прытаилася Приська,—краще кризь землю провалытыся, нижъ терпиты цю муку. „Господы! напуты мене! Царыце небесна, крый мене своимъ покровомъ!“—шопотила молодыця, посуваючысь тыхесенько по-пидъ тыномъ геть видъ крамныци.

Нарешти видчынылыся двери, и пани Штейнмильхъ, свижа, бадёрна, якъ и завжды, выйшла на вулыцю. Якъ ридній матери зрадила ій молодыця и кынулася до дверей, щобъ проскочыть у хату.

— Погуляй трохы: я прыведу наймычку и тоди дамъ тоби розсчотъ,—мовыла спокійно, безъ гнива, безъ серця, пани и повернула не поспишаючысь ключъ у дверяхъ.

Приська побигла до крамныци.

— Де мени кватырю знайты?—запытала вона у крамаркы.

— Хыба розсчыталася?—здывувалася крамарка.

— Розсчыталася,—видповила молодыця, не попадаючы зубомъ на зубъ.

— Ай-ай-ай! Така хороша пани, а ты розсчыталася! У тебе пропасныця, нездужаешъ, вся тремтышъ? И у самій сукни?—здывувалася изновy крамарка.

— Дайте мени Бога рады яку ганчирку на плечы: пани пишла до торгу та замкнула кухню,—попрохала Приська.

Крамарка подала ій платокъ.

— Найохотнише наймають кватырю вси служкы у Палагеи Тыхоновны, але ты зовсимъ слаба, тамъ тоби буде неспокійно. Може у тебе хто знаёмый йе, то краще перебудь тамъ, покы одужаешъ,—порадыла крамарка.

Приська перебрала въ памьяты всихъ своихъ знаёмыхъ. Ни, нема такыхъ людей. До Сохвіи Трохымовны вона вже не звернется, бо знае, якъ вона судыла ій за Степана, до другои знаёмои перекупкы не варто, бо тамъ и сынъ пьяныця, и зять непутящый.

— До тебе-жъ часто Настя прыходыла,—нагадала крамарка.

Приська замыслылася: не хотилося ій клопотаты чужыхъ людей.

— Ни, мовыла вона, мени якъ-бы на кватырю.

— Идить, тетю, до Палагеи Тыхоновны!—обизвалася якась шустра, гостроноса дивчына у велычезныхъ калошахъ на босу ногу.—Весь городъ обійдить, то кращои кватыри не знайдете. Моя сестра тамъ завжды сыдыть.

— И Палагея Тыхоновна не дорого бере,—мовыла крамарка обережно.

Приська подякувала за пораду и побигла до-дому, бо пани Штейнмильхъ саме повернулася зъ торгу.

XVII.

Палагея Тыхоновна мала тилькы маленькый грунтыкъ на шпыли, проте жыття ій було цилкомъ забезпечене. Маленьки дви хатыны черезъ сины николы не пустувалы. Въ одній вона сама жыла и прыймала до себеи ноди „благородныхъ“ кватыранокъ, а вси куточкы другои булы завжды позастановлювани скрынькамы наймычокъ, що перебувалы тутъ той часъ, поки

трапытся мисце. Невелычка плата — пьятдесятъ копіёкъ на мисяць за кутокъ, обихидлыва, прыемна та балакуча Палагея Тыхоновна, а найдужче та безмежна воля, що давала господарка своимъ кватыранкамъ, прынажувалы наймычокъ до цихъ разъ-у-разъ мокрыхъ та цвилыхъ куткивъ дужче, нижъ сухи та простори хаты другыхъ мищанокъ.

— Хвалыты Бога, хаты мои николы не пустуютъ: одна выходыть, а на ii мисце дви увиходыть. А черезъ вищо? Черезъ те, що я ихъ не спынюю, не грызу имъ головы, якъ тамъ инши. „Гуляйте“, кажу имъ, „дивчата та молодычкы, поки гуляется! Не шкодійте грошей—однаково усихъ дирокъ не полатаете, а на старисть ничимъ буде спогадаты молоди лита. Навищо те каяття, якъ нема вороття? Сама я була колысь молодою—сама знаю тіи дивоцькіи прыгоды“!—казала було Палагея Тыхоновна пидъ чаркою.

— Чого похнюпылася?—Чого нисъ повисыла?—нападется було иноди на яку кватыранку, що сыдыть замыслена.

— Грошы вытратыла!—несмилыво обизвется кватыранка.

— А видчыняй скрыню. Та у тебе тутъ ще добра на мисяць. Оце-жъ платокъ такый, що за ёго и карбованця можно взяты, а це сукня... За оцей настильныкъ я тоби сама пьятдесятъ копіёкъ дамъ. Дать?

Дивка радо виддавала у пивъ-цины свій настильныкъ, абы не йты до торгу, де ii напевне высміють товаркы, и зъ подякою прыймала видъ Палагеи Тыхоновны полтынныка. Колы-жъ у тій скрынци не було вже ничого цикавого, Палагея Тыхоновна и тоди тежъ ставала у прыгоди, бо знала завжды, у якыхъ напивъ бракуе наймычкы, и посылала „голодранку“ служыты.

— Якымъ це витромъ занесло тебе до мене?—здывувалася Палагея Тыхоновна, зустричаючы Приську на дверяхъ.—Ты-жъ, здается, завжды кватырювала у Сохвіи? Посварылася зъ нею, чы вона тебе не схотила?

Не сварылася я зъ нею, и не запытувала ii, чы схоче вона мене взяты, а пораялы мени люде до васъ, я и прыйи-

хала,—видповила Приська, не дывлючысь у вичи новои господаркы.

Палагея Тыхоновна пильно подывылась на молодыцю: вона ій не вяла виры.

— Не хочешъ правды казаты—я й не допытуюся. Чы люде пораялы, чы сама схотила—мени однаково. А скилькы-жъ у тебе грошей?—запыталася вона, озыраючы ій невелыку скриню.

— Симнадцять карбованцивъ,—видповила Приська, высыпаючы на долоню тры золотыхъ та срибла трохы.

— На першый часъ буде зъ тебе; видпочынешъ спокійно,—мовыла значно прывитнише хазяйка.—Сидай, выпьешъ чаю, бо ты щось зблидла дуже. Не спала, чы змерзла?

— Не спала: зубы болилы,—збрехала Приська.

— Попарь ихъ чаемъ та полизь на пичъ, то воны й пройдуть. А я побижу на часыну до кумы...,—мовыла Палагея Тыхоновна.

Приська напылася чаю усмакъ и, якъ тилькы хазяйка выйшла зъ хаты, полизла на пичъ.

Незабаромъ попрокыдалыся и кватыранкы. Повставалы воны хмури та невесели. Машка прыгадала учорашню суперечку зъ булошныкомъ Яковомъ и напалася зъ просоння на Варку за те, що вона прытягла вчора пьяного Якова на кватырю. Варка видповила ій ще гостришою лайкою и стала доводыты, що сама Машка упылася дужче за Якова. Машка спорылася, здавалася на Гашку; Гашка умовляла Варку мовчаты, Варка гримала на Гашку... Тилькы Санька не прыймала ніякои участи у цій суперечци и лежала соби нышкомъ, укрыта зъ головою, та все думала одну думу: якъ убереты свое имья дивоцьке видъ виковишнёи плямы, якъ збутыся того сорому, що ось-ось незабаромъ покрые ій голову. Вже висимъ мисяцивъ и вранци и увечери, и лягаючы спать и прокыдаючысь, клала ця симнадцятылитня дивчына на терезы грихъ та соромъ дивоцькый и доси не могла спостеречы, на якый бикъ коромысло дужче нахыляется. Кого бильше остерегатыся? Кого бильше боятыся? Хто дужче покарае: Богъ, чы люде?

— Прыберы къ бису свое манаття!—крыкнула Варка, шпурляючы ногою Гашкынъ платокъ.

— Не шпурляйся!—обизвалася Гашка, обережно згортаючы платокъ,

— Не шпурляйся!—передражныла Варка.—Я-бъ тебе доси трычы пошпурыла зъ хаты, якъ-бы моя воля! обирванко, голодранко!

— Хочъ и голодранка та не злодійка: значкивъ зъ панськихъ напирныкивъ не выплутую,—видмовыла Гашка.

— Ты бачыла, що я выплутую? Ты докажешъ? Прысягнешъ?—накынулася на неи Варка.

— Бачыла, докажу, прысягну,—мовыла спокійно Гашка,—ось и теперъ на твоему напирныку А. В.

— Попалася!—зареготалася Машка.

— У чимъ попалася? Чого ты сикаешся, божевильна, патлата?—кынулася до неи Варка.

— Хай и божевильна, хай и патлата, та все не така, якъ ты,—показала языкъ Машка.

— Яка? яка я?—наступыла Варка.

Машка тилькы й сподивала цёго пытання: вона майнула до дверей, ухопылася за клямку, щобъ швыдче утекты якъ розсатаніе Варка, и почала по пальцяхъ личыты вси ти прызвыща, що поскладалы про Варку куховаркы. Очи ій блестилы, чорни пасмы курчавого волосся розпатлалыся, посплутувалыся и пиднялыся высокою копыцею на голови... Вона стояла на порози у одній сорочци, трымтила вся видъ холоду, але не спынялася ни на хвылыну реготатысь та сыпаты образлывымы прызвыщамы на свою товарку.

Варка крыкнула на неи разъ, вдруге, и ухопыла качалку. Машка видчынила двери и мало не стукнулася лобомъ зъ Прыською, що прыбигла довидатысь, що-то за галасъ зчынывся помижъ кватыранкамы.

Подругы-ворогы видразу стыхлы и кынулысь оправляты себе та свои лижка. Вси ци дивчата булы видоми добре Прысьци, але вона насылу прызнала ихъ теперъ. Чы це-жъ та

сама Санька, що, якъ казала Тытьяна, набрала видъ пана Боголюбова „копыцю“ грошей? Що прыневолыло ій оселытыся тутъ? Де ій грошы? Невже це та сама Гашка, що на Покрову купыла пальто за пьятнадцять карбованцивъ, а зимою йиздыла зъ паніею Рыбалкыною по крамныцяхъ? Чы то-жъ та пышава Варка, що „трехрублёвыхъ“ наймычокъ не прызнае й за подругъ? Або ця Машка! Що трапылося имъ, що звело ихъ сюды до купы, зривняло й достатки и становыще ихъ? Приська дывылася на обирвану Гашку, на люту Варку, на розпатлану Машку и не знала, якъ забалакаты до ныхъ.

Дивчата тежъ не розумилы, яке лыхо прытаскало молодыцю до ихъ гурту, и поглядалы скоса на неи.

Тымъ часомъ Варка внесла самоварь, выняла зъ скрыни сахаръ, бублыкы, заварыла чай и запрохала Приську до чаю. Санька налыла соби чайныкъ и поклыкала Машку. Тилькы Гашка не рушыла зъ своеи маненькои скрынькы та сумно поглядала на подругъ: у неи не було ни сахарю, ни чаю... Напылыся вси. Санька поклала на свій чайныкъ грудочку сахару и передала ёго Гашци. Голодна дивка допалася до чаю и хотила окропомъ залыты свій голодъ. Вона налывала склянку за склянкою и пыла ёго мало не зовсимъ безъ сахарю. У Приськы заболило серце, дывлячысь, зъ якою заздристью Гашка позырае на бублыкы.

— Ты-бъ зъ булкою чай пыла, а то тилькы утрунокъ попечешъ,—мовыла Приська у надіи, що Варка, у котрои тилькы й зосталыся бублыкы та булкы, подасть хочъ шматочокъ голодній Гашци.

— Де-бъ у неи взялася та булка? Вона вже й такъ ось третій день чужымы недойидкамы харчуется,—мовыла Варка зъ огыдою.

— На тоби, Гашко, пьять копіекъ та купы соби булку,—мовыла Приська, подаючы Гашци грошы.

Гашка застыдалася и не хотила брать.

— Ты-жъ мени ихъ виддасы, якъ забагатіешъ; це я тоби у позыку даю,—умовляла Приська.

Гашка повагалася ще трохы, але наренти взяла грошы и незабаромъ прынесла просту паляныцю.

— Чы не хоче хто гаряченькои паляныцки?—запытала вона подругъ, одризуючы соби окраець.

Нихто не схотивъ. Тоди вона завернула обережно остачу паляныци у платочокъ, поклала ии у скрыню, замкнула и почала йисты одризаный шматокъ. И якъ-же смачно йила вона! якъ обережно збирала крыхты зъ спидныци! Приська тилькы дывылася... Чы не видъ такыхъ самыхъ паляныць утекла вона зъ села? Чы не таки сами паляныци загналы може и Гашку въ городъ?

— Чужымъ хлибомъ, немовъ той старець, животіешъ!—обизвалася изнову Варка, скинчывшы пидводыты свои брови.

— Мовчы вже! Бо й у тебе не дуже-то брящыть: прыйде Дмытро, то ничимъ буде й прышануваты,—мовыла Машка.

— А це що?—ткнула Варка пидъ самый нисъ Машци срибнымъ карбованцемъ.

— Людыкы! Рятуйте! Це-жъ вона, ій-же Богу, изнову...

Велычезна подушка, що перелетила черезъ всю хату и улучыла Машци у самый выдъ, не дала ій домовыты.

Машка ухопыла подушку и пошпурыла нею у Варку, але Варка видскочыла, и подушка гепнула до-долу.

— Гараздъ, що не улучыла, а тобъ я додала тоби сыняківъ до тыхъ, що Якивъ вчора наробывъ. Тягны до торгу останню сорочку, бо якъ прыйде Якивъ, а не буде горилкы, то винъ изнову накладе,—мовыла Варка.

— Хыба-то винъ мене за горилку вчора бывъ?—здывувалася Машка.

— А то-жъ за вищо?—запытала Варка.

— То винъ мене прыревнувавъ.

— Прыревнувавъ?! — зареготалася Варка. — Подывысь у воду на свою вроду, та тоди й скажы, чы варто тебе ревнуваты?—додала вона, хутко натыраючы щокы червонымъ папиромъ зъ конхветы.

— Та вже-жъ у Машкы Якивъ гороху не молотывъ,—натякнула на Варчыне ряботынне значно повеселивша писля спидання Гашка.

— Ось цытьте!—спынына Санька,—наче у шынку! И якъ вамъ не соромно?—

— Сховай лышень ты свій соромъ дивоцькый, поважана пани Боголюбова,—белькнула Варка.

— Образа улучыла ій у саме серце. Санька зблидла, якъ крейда, и упала на лижко, залываючысь слёзамы.

Варка сама побачыла, що переборщыла, образывшы завжды тыху, звычайну та прыемну подругу, але не схотила попрохаты выбачення, а хутко одяглася и подалася въ городъ. Машка та Гашка заспокоилыся, почалы розчысуватысь, а тымъ часомъ розпытуватысь Приську про ій жыття, та розсказуваты про себе, Воны розбалакалыся, забулы про Варку та недавню суперечку, и тилькы Санька ще довго не стыхала плакаты.

Бидна дивчына гадала, що ще нихто не дизнався про ій соромъ, про ій грихъ, що вона поворозкамы та попереднькомъ добре захыстылася видъ людськыхъ наговоривъ, а теперъ годи вже думаты про терезы, годи молыты Бога, щобъ Винъ не попустывъ ій дытынци народытыся жывою: Варка едынымъ словомъ пхнула ій у ту безодню прирву, звидкиль ій не буде вже николы вороття. Приська дывылася, якъ Санька убывалася, якъ облывала гиркымы подушку, и трохы не заплакала й сама. Горе цієи дивчыны нагадало ій ій власне горе, мукы цеи останнёи ничкы... Чы не сподивается и ій така сама доля? Чы далеко ще той часъ, колы и ій, якъ оце теперъ Санци, яка небудь Варка кыне у вичи гирке, образлыве, але правдыве, слово? „Ни“, заспокоила вона сама себе: сама вона выина у своій прыгоди, а я не попущу себе до того. Не грала-бъ музыка, не гулялы-бъ люде, не було-бъ отыхъ крамныць, отыхъ роскишныхъ будивливъ, якъ-бы вси булы у городи таки безталанни, якъ Санька...

XVIII.

Приська не знала вдачы та звычаивъ кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и дуже здывувалася, колы побачыла у вечери, якъ воны спильно та весело клопочутся биля застланого билымъ настильникомъ столу. Наготовлялыся чаркы, пляшкы, склянки та тарилкы. Варка зъ завирченымъ у папиръ чубомъ, намащена якоюсь мазью, прыймала видъ Палагеи Тыхоновны ножы та вылкы, що та одличувала кватыранткамъ у позыку; червона, запыхана одъ биганыны Машка ризала булкы; Санька поралася биля оселедцивъ; Гашка вытырала помистъ. Ніякои згадкы, ніякого натяку про ранишню сварку,—неначе то поралося чотыры ридни сестры, сподиваючысь якогось всимъ однаково любьязного гостя.

— Кого вы сподиваетеся?—запытала Приська Варкы.

— Особлыво никого: такъ, де-яки знаёми прыйдуть,—видповила Варка такымъ самымъ голосомъ, якымъ колысь пани Рыбалкына де-кому зъ знаёмыхъ казала, сподиваючысь именытого гостя.

— Може й у тебе йе гарни знаёмы, то запросы на вечиръ,—порадыла Палагея Тыхоновна Присьци.

— Ни, у мене нема такыхъ знаёмыхъ,—видказала Приська.

— У монашкы пошылася, чы що? Не выгадуй не знать чого—однаково нихто тоби не повирыть. Не соромся та поклычъ, кого знаешъ. Подывысь на Машку—якъ прытанцёвуе! Неначе оти оселедци та булкы зъ неба уналы! Чы ба, якъ радіе, а вона-жъ сёгодни останню спидныцыну понесла до торгу. Машко! годи танцюваты: закаблукы побьешъ,—зареготалася Палагея Тыхоновна.

— Беры ихъ морока!—гуркнула Машка и загупотила босымы ногамы...

Палагея Тыхоновна не втерпила: надійшла до Машкы и вщыпнула іи.

— Люблю я такыхъ дивчатъ! Отъ зъ кымъ жыты весело! А все-жъ такы завтра потягну тебе до Рейтаркы,—часъ вже й нанятысь. Тилькы чы выбудешъ тамъ?

— Ого! ще якъ! Въ якому пекли не доводылося служыты—скризь выбувала,—заспокоила Машка Палагею Тыхоновну.

— Мисяця...,—додала Варка...

— Ни, у тіеи... якъ іи... забулася, ажъ два мисяци выбула,—похвасталася Машка.

— Ото-жъ й у Рейтаркы треба выбуть не меньше двохъ мисяцизъ,—звелила Палагея Тыхоновна.

— Выбуду!—мовыла Машка и побигла до Гашкынои мыскы мыть ногы... Тилькы объ одынадцятій годыни вечера сталы збиратыся гости. Першымъ прыйшовъ прыкащыкъ зализнои крамныци, Дмытро. Це бувъ молодый, огрядный парубокъ. Зъ першого погляду винъ робывъ на всихъ прыемне вражиння, але досыть було мовыты ёму одно словечко, досыть зробыты одынъ крокъ по хати—и вражиння те пропадало. Винъ ступавъ такъ обережно, повертався такъ нешвыдко, робывъ таки маленьки ступни, що робылося нудно, дывлячысь на ёго, и такъ и хотилося гукнуты: „проворнишъ!“ Балакавъ винъ тыхесенько, тонисенько, незвычайно швыдко й ковтавъ слова. Ривный голосокъ ёго прыохочувавъ и дитей и дорослыхъ до сну, а оповидання ёго не малы николы ни початку, ни кинця. Винъ увійшовъ у хату, поздоровкався до знаёмыхъ дивчатъ, поклавъ на столи пакунокъ горихивъ и надійщовъ знаёмытысь до Присыкы.

— Мы почасти знаёми—вы булы якось у крамныци.—

— Була разъ,—мовыла Присыка.

— Дмытро повернувся обережно, щобъ бува не зачепыть якого стульця, або не наступыть на вищо небудь, пройшовъ хату и сивъ у куточку, биля столу. Варка сила поручъ, хотила щось любенько запытаты свого кавалера, але замисть того несподивано смачно позихнула.

Машка глянула на неи и зареготалася на всю хату. Варка хотила спыныты подругу, але не вытрымала сама и тежъ засміялася. Дмытро, не зрозумывшы, що то винъ самъ прызвивъ до смиху, усмихнувся и соби.—Цёго було досыть, щобъ довесты Машку до краю... Вона почала такъ сміятыся, що вже ни Гашка, ни Санька, ни Присыка не малы снагы переборотыи

себе... У Машкы вже лылыся слёзы, вона качалася на лижку, ойкала, хапалася за бокы и, глянувшы на Варку, почынала ще дужче сміятысь.

На счастя ій, щось протупотило повзъ викно. Машка серцемъ почула, що то йде ій коханець, булочныкъ Якивъ, стыхла, утерла слёзы и выбигла ёму назустричъ. Це була людына зовсимъ иншои вдачы, нижъ Дмытро. На ёму була проста чумарка, трохы де-не-де прыпорошена борошномъ, велыки прости чоботы, чорный картузъ. Самъ винъ бувъ зросту невелычкого, на облыччя трохы блидый, але незвычайно веселый. Винъ увалывъ въ хату, гараздъ не обтрусывшы снигу, и мицно стыснувшы всимъ дамамъ, навить незнаемій ему Присьци, руку, звеливъ Машци подавать самоварь.

Видразу вси заворушылыся, стульця прысунулыся до столу, всимъ стало весело, любо та гарно.

Самъ Якивъ не любывъ нычого оповидаты, а ще дужче не любывъ слухаты... Винъ любывъ, щобъ вси балакалы, пыталы, роспытувалысь, але коротенько, весело та жваво, и радый бувъ завжды, колы мавъ що особо цикаве але прыемне переказаты.

— Олександро Мартыновно!—звернувся винъ до Санькы:—прынисъ вамъ прыемну новыну: сёгодни прыбуде до васъ Сергій.

— Санько! чуешъ?—зрадила Машка.—Сергій твій прыйде!

Санька густо почервонила.

— Чы прыйде—хай прыходыть,—мовыла вона стыха.

— Хыба то вамъ справди такъ равнодушно?—протягъ тонисенько Дмытро, звертаючысь до Саньки.

— А тоби, яке дило „равнодушно“, чы „неравнодушно“ Саньци? Радій, що Варвара Памхвыловна до тебе сёгодни „неравнодушна“,—одризавъ ёму Якивъ.—Та яки вы сёгодни, Варваро Памхвыловна, антересни! Машка! щобъ ты мени завжды такъ чубъ завывала.

Ха—ха—ха!—зареготалася Машка.—И выгада!

— Ій не до лыця чубъ,—обизвалася Варка.

— Колы ій чубъ не до лыця, то намъ горилка до лыця. Пидставляй, Дмытро, свою чарку!—мовывъ Якивъ, наливаючы у свою чарку горилку, настоену на померанцовыхъ шкуркахъ.

— Самоварь закыпивъ,—сповистыла Гашка.

— Подавай!—скомандувала Варка.

Гашка побигла.

Становыще попыхача у такыхъ самыхъ наймытивъ, якъ и вона, ни крапли не турбовало и не ображало Гашку. Слухняна, гарнои та тыхои вдачы дивчына радо пособляла кожному и николы не видмовлялась подилытыся и гришмы, колы мала ихъ. „Гашка—вивця“, „Гашка—дурна“,—казалы товаркы, про те ридко яка не корыстувалася чимъ-небудь видъ тіеи вивци. Немало горя прыйняла вже дивчына черезъ те ймовирне та жалистлыве серце, черезъ ту памьять, що пропускала, якъ решето воду, всяке лыхо, що чынылы ій недобри люде, и затрымувала тилькы золотый писокъ ихъ гарныхъ вчынкивъ.

Дійшла вона до сучасного становыща „голоднои обирванкы“ черезъ пани Рыбалкыну. Колы Гашка нанялася до цихъ панивъ, у неи було трыдцять карбованцивъ запрацёваныхъ за чотыры рокы грошей. Пани довидалася, що у дивчыны поводятся грошы, и прырозумила, якъ скорыстуватысь нымы. Вона умовыла Гашку купыты новомодне пальто, шовковый платокъ, полусапожкы на пуговкахъ, и колы дурна дивка послухалася тіеи порады та одяглася якъ павычъ, пани стала возыть ій по городу, по крамныцяхъ, та высхвалятыся предъ знаёмымы убраннямъ своеи покоянкы. Але, звычайно, не надовго постачыло пани ціеи забавкы:—вона розсчытала за вищо-сь Гашку и, буцимъ-то забувшысь про умовы, заплатыла ій тилькы по тры карбованця на мисяць, замисть чотырёхъ. А тымъ часомъ склалася вже про Гашку недобра слава. До заможнихъ панивъ вона була нездатня, а бидниши остерегалыся наймaты покоянку, що носыть новомоднё пальто та спидныци „колоколомъ“. Гашка оселылася на кватыри у Палагеи Тыхоновны, пройидала сперше грошы пани Рыбалкыной, потимъ одягу и теперъ сподивалася, голодна, обидрана, родычей зъ села, що обищалы взяты ій до дому.

— Будемо зразу чай пыть, а потимъ закусымо!—мовыла Машка, запарюючы чай.—Гашко! попрохай у Палагеи Тыхоновны блюдцивъ! Варко, наризъ ще кранзолій!.. Гашка побигла, а Варка не рушыла зъ мисця. Машка налыла всимъ чай и, впевнывшысь, що Варка хоче сёгодни буты „барыней", заходылася сама порядкуваты биля столу. Ій було незвычайно весело: Якивъ прыйшовъ тверезымъ, не лаявъ, не гримавъ на неи, и цёго було досыть, щобъ осчастыты Машку на весь вечиръ. Вона стала незабаромъ „душею обчества", „царыцею бала"; до неи зверталысь, до неи балакалы вси, и навить Дмытро, на превелыку досаду Варкы, „разъ одпустывъ ій комплымента".

— Машко! спивай!—звеливъ Якивъ.

Машка одкынулася на спынку стульця и ту-жъ мыть завела „выхожу одынъ я на дорогу".

— Весь самоварь вытече—покы ты свою писню доведешъ до краю,—спыныла іи Варка.

Справди вода залыла вже всю пидставку пидъ самоваромъ.

— Отака голова!—зареготалася Машка.

— Молодисть!—зауважывъ тонисенько Дмытро.

— Хто-бъ казавъ: „молодисть"! Вамъ мабудь и самымъ ще двадцяты рокивъ немае,—мовыла Машка.

— Торикъ перейшовъ прызовъ,—не канхвузьте!

— Такъ мы зъ вамы однолитки!—зрадила Машка.

— Дуже прыемно це зъ вашыхъ устъ чуты: у одному роци родытыся—це все одно, що пориднытыся,—мовывъ Дмытро зъ незвычайно прыемною ухмилкою.

— Ахъ! якъ це гарно! Скилькы-жъ це у мене родычивъ! Теперъ завжды пытатымусь кавалеривъ: скилькы вамъ рокивъ?—пидхопыла Машка.

— А я иншыхъ родычивъ и не бажаю: я задоволенный такою родычкою, якъ вы,—протягъ Дмытро.

— Комплыментъ, комплыментъ!—забыла Машка у долони:—Чуешъ, Варко?

— Варка давно вже чула, бачыла все и кусала нервово губы. На іи погляды Машка трымала себе гыдко, а зъ боку

Дмытра було досыть „неделикатно„ розкыдаты свои комплыменты навколо.

— Чого ты такъ крычышъ? Наче вси поглухлы,—мовыла зъ серцемъ Варка.

Машка прытыхла.

— Сергій прыйшовъ!—оповистыла Гашка.

Санька, що сыдила весь часъ мовчкы за своею склянкою чаю, пидвелася була и знову зразу сила.—Чого винъ прыйшовъ?—запытала сама себе Санька. Невже винъ выбачывъ ій все те, що вона наробыла, и прыйшовъ, щобъ скинчыты давно початый романъ весиллямъ? Чы то може бажання помстытыся за зраду ій прывело Сергія сюды? Якъ зустриты, якъ витаты ёго: за прыхыльну людыну, чы може за клятого ворога?

А Сергій, якъ на те, щось дуже довго обтрушувавъ у синяхъ снигъ зъ чобитъ. Ёму, сыну порядноі семьи, було и боляче и страшно заходыты сюды, шукаты Саньку, свою кохану, заручену дивчыну, помижъ пьяныхъ людей. Вже все колысь було на поготови, щобъ одружытыся зъ нею; батько—бондаръ и маты—перекупка здатни булы прыняты Саньку до себе за невистку, Сергій безъ миры кохавъ ій, и треба було-жъ ёму одлучытыся зъ города на мисяць, а ій нанятыся до Боголюбовыхъ? Сергій, довидавшысь видъ Тытьяны про свое лыхо, трохы не наложывъ бувъ на себе рукъ, и батько поспишывсь одвезты ёго до свого брата ажъ за трыста верстъ. Недавнечко винъ повернувся, и хто-сь белькнувъ ёму, що Саньку оговорено, оббрихано. Винъ ухватывся за ту звистку и прыбигъ теперъ до Санькы зъ надіею порозумытыся зъ марно опороченою дивчыною та выпрохаты у неи выбачення за те, що винъ, не довидавшысь видъ неи самои правды, покынувъ бувъ ій колысь.

Але обставыны за-для такои розмовы булы непидхожи.

— Охота вамъ сыдиты у такій духоти? На двори така чудова годына, зоряно... Я нарочыто зайшовъ до васъ, Олександро Марковна; чы не погуляете вы трохы?—звернувся винъ несмилыво до Санькы.

Санька зминылася на выду: „чы не надумавъ винъ мене вбыты?—промайнуло у неи въ голови.

— Я щось нездужаю,—видмовыла вона стыха.

— Мы недалечко... разивъ зо-два пройдемося по цій вулыци... Ничъ така гарна, зоряна... Одягнится гарно,—попрохавъ Сергій.

Санька глянула ёму у вичи. Ни, очи душогуба не можуть такъ дывытысь: скилькы ласкы, прохання и щырого кохання видбывается у очахъ Сергія!—Санька накынула платокъ и смилыво попростувала за Сергіемъ.

— Ось и я до васъ. Чы прыймете до гурту?—запытала Палагея Тыхоновна.

Машка схопылася зъ свого стульця и пидставыла ёго хазяйци.

Гашка метнулася у сины розогриваты самоварь.

— Вси до пары, якъ голубочкы, тилькы Приська одынока,—мовыла Палагея Тыхоновна, здоровкаючысь до гостей.

— Значыть, не охота паруватыся, бо за парою не бувае остановкы: де одынъ—тамъ може буты и двое,—мовывъ Якивъ.

— Або и трое...—додавъ тыхесенько Дмытро, усмихаючысь.

— Э, то вже ка-зна що, якъ трое. Спробувавъ я бувъ колысь кохаты вдвохъ зъ однымъ парубкомъ молодыцю тай навики зарикся.

— Зъ кымъ це такъ?—кого,—зацикавылася Машка.

— Багацько будешъ знать — постаріешся, — засміався Якивъ.

— Голубчыку, Якове, розскажы-бо. Ось на чарочку ще, та тилькы розскажы!—попрохала безъ краю зацикавлена Машка.

— Та розскажы вже!—пидтрымала іи и Палагея Тыхоновна.

— А хто твоимъ кумпаніономъ у сердешнихъ дилахъ бувъ?—запытався Дмытро.

— Хыба не знаешъ хто? Степанъ Гуля,—мовывъ Якивъ. Приська раптомъ почервонила и почала чого-сь шукаты пидъ столомъ.

— Степанъ Гуля. Зъ нымъ мы вдвохъ Боголюбову куховарку, Тытьяну, кохалы: одынъ вечиръ винъ йде до неи на

бенкетъ, а другый—я. Вона насъ шануе и поить й годуе... И такъ ходылы мы до неи мало не два мисяци, покы якось не упылыся та не завелы при ій суперечкы за чергу...

— Ха-ха-ха!—засміялася видъ усёго серця Машка:—отъ мабудь досталося вамъ?

— Було намъ. Степанъ такы якось вырвався зъ ій рукъ та втикъ, а мени чысто чуба обирвала...

— Ха—ха—ха! Отъ була кумедія. Шкода, що мене тамъ не було... Тымъ-то у тебе и чубъ ридкый, що Тытьяна перепоповыныла,—сміялася Машка.

Приська наче у смоли кыпила. Серце ій розрывалося видъ оповиди Якова, слёзы душылы ій; ій хотилося крыкнуты Машци: чого ты сміешся, навижена?—хыба тоби не прыкро, не досадно слухаты Якова? Хыба въ тебе не болыть серце, не шкода того кохання, що ты виддаешъ цёму зрадныкови? Вона прыгадала Дуньку, Степана—и спогады, одынъ сумнишый, образлывишый другого, опанувалы нею и все яскравише доводылы, що Степанъ вже не разъ дурывъ ій. А Якивъ все не стыхавъ и, пидбадёреный Машкою та Палагеею Тыхоновною, оповидавъ про свого „компаніона у сердешныхъ дилахъ", додаючы, звычайно, до дійснои правды добру частыну властныхъ выгадокъ.

— Не дуже-то, Якове Семеновычу, розпускайте свого языка,—обизвалася Варка. Де-кому дуже непрыемно слухаты ваши речи,—додала вона, ехыдно позыраючы на Приську.

— Такъ, такъ!—зрадила Машка:—я бачыла колысь Приську зъ Степаномъ. Поздорвляемо, поздоровляемо!—забыла вона у долони.

— Нема зъ чимъ: мало зъ кымъ я не ходыла?—видповила Приська, наче зовсимъ байдуже.

— Неудачный выборъ вашого серця,—протягъ Дмытро.

— И чого тамъ неудачный? Я бачыла Степана: гарный парубокъ,—обизвалася Палагея Тыхоновна...

— Молодець парубокъ! Не вирьте Дмытрови, це винъ зъ заздрощивъ каже. Степанъ—парубокъ надъ парубкамы, и завтра, не буду Яковомъ Перепелыцею, колы не прытягну ёго сюды,—звернувся зовсимъ вже осоловилый Якивъ до Приськи.

— Безпременно прыведы,—пораяла Палагея Тыхоновна...

— Чого вы до мене прысикалыся зъ Степаномъ?—розсердылася Приська.

— Сердытся, сердытся,—выдно що правда! Поздоровляемо, поздоровляемо! Теперъ вже мы знаемо, кого ты кохаешъ!—зацокотила Машка и хотила зъ радощивъ поцилуваты Приську.

— Неправда, неправда! — видпихнула ій Приська видъ себе:—николы я ёго... „не кохала“!—хотила крыкнуты Приська, але запнулася на цёму слови: языкъ не повернувся на таку неправду. Вона выбигла у сины и прыпала головою до стинкы, ледве стрымуючы себе, щобъ не заголосыты.

— Делыкатна—зауважывъ Дмытро.

— Кумедіянтка!—кынула зъ огыдою Варка.

— Дурна та плакса!—мовыла Машка, прысуваючысь блыжче до Якова.

— А ты, гляды мени, Машко, николы не плачъ!—погрозывсь Яковъ на Машку.

— Я?—зареготалася дивка, мовъ не знать яке чудне щось мовывъ ій кавалеръ.

Л. Яновская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

(Окончаніе [1]).

IX.

Какъ по великороссійскому, такъ и по малороссійскому положенію, земля, назначенная „для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками“ отводилась въ постоянное пользованіе каждаго сельскаго общества [2]). Послѣднее составляли, за небольшими исключеніями, строго опредѣленными въ законѣ, всѣ крестьяне, записанные за помѣщикомъ въ одномъ селеніи по послѣдней 10-й ревизіи [3]).

---

[1]) См. Кіев. Ст., мартъ, апрѣль.

[2]) Великороссійское Положеніе ст. 5. Малороссійское Положеніе ст. 5.

[3]) Великор. Полож. ст. 6—8. Малор. Полож. ст. 6—7.

Размѣръ надѣла крестьянъ опредѣлялся не вездѣ одинаково, а по мѣстностямъ. Въ этомъ отношеніи полтавская губернія была раздѣлена на двѣ мѣстности, черниговская на три, харьковская на четыре [1]). Въ каждой мѣстности полагалось два надѣла—высшій и низшій, въ предѣлахъ которыхъ и могло колебаться добровольное соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками. Этимъ добровольнымъ соглашеніемъ преимущественно и долженъ былъ опредѣляться размѣръ надѣла [2]). Низшій надѣлъ составлялъ половину высшаго [3]).

Высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли для 1-ой мѣстности черниговской губ., заключавшей въ себѣ конотопскій уѣздъ, части борзенскаго и нѣжинскаго и часть уѣзда козелецкаго былъ опредѣленъ въ $2^3/_4$ дес.; для второй мѣстности—части уѣздовъ борзенскаго и нѣжинскаго, части козелецкаго уѣзда, уѣздовъ глуховскаго, кролевецкаго, городнянскаго, сосницкаго, новгородсѣверскаго, стародубскаго, черниговскаго и остерскаго—въ 4 десятины и, наконецъ, для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго—въ $4^1/_2$ десятины [4]). Если бы оказалось, что количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ до введенія въ дѣйствіе Положеній, превышало высшій размѣръ надѣла, то помѣщикъ имѣлъ право отобрать у крестьянъ излишекъ земли въ свое пользованіе [5]); но если-бы количество земли у крестьянъ было менѣе положеннаго для данной мѣстности низшаго надѣла, то, по великороссійскому положенію, помѣщикъ долженъ былъ или прирѣзать часть земли до нормы, или же, не прирѣзая ея, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уменьшить соотвѣтственно платежи и повинности [6]); по

---

[1]) Великор. Полож. ст. 9—15. Малор. Полож. ст. 8—9.

[2]) Великор. Полож. ст. 9. Малор. Полож. ст. 8.

[3]) Великор. Полож. ст. 16. Малор. Полож. ст. 10.

[4]) Приложеніе къ 9 ст. Мѣстнаго Полож. для губерній малороссійскихъ.

[5]) Великор. Полож. ст. 18. Малор. Пол. ст. 12.

[6]) Великор. Полож. ст. 19.

малороссійскому положенію, онъ обязанъ былъ прирѣзать землю во всякомъ случаѣ [1]). Прирѣзка это отмѣнялась, впрочемъ, если во владѣніи помѣщика оставалось не болѣе одной трети всѣхъ удобныхъ земель [2]).

Земля, поступавшая во владѣніе общества, носила названіе мірской, въ Малороссіи—громадской земли [3]). Право на пользованія ею имѣли только крестьяне, принадлежавшіе къ извѣстному обществу; разъ крестьянинъ выходилъ изъ общества, онъ терялъ право на пользованіе мірской землей [4]).

По великороссійскому положенію, только усадебная земля находилась въ постоянномъ пользованіи семейства и переходила по наслѣдству, согласно обычному праву наслѣдованія [5]). Мірская же полевая земля оставалась въ общинномъ пользованіи крестьянъ и подвергалась передѣламъ [6]). Впрочемъ, крестьянскому обществу не запрещалось перейти отъ общиннаго пользованія землей къ подворному, раздѣливъ разъ на всегда землю на участки между наличными домохозяевами, съ правами перехода этихъ участковъ по наслѣдству [7]). Выморочные участки поступали въ такомъ случаѣ въ распоряженіе общества [8]).

Нѣсколько иной порядокъ былъ въ Малороссіи. Здѣсь общиннаго пользованія, по положенію 1861 г., не существовало. Хотя мірская земля была предоставлена въ пользованіе цѣлаго общества, но она не передѣлялась. Каждое крестьянское семейство сохраняло въ своемъ потомственномъ владѣніи усадьбу, полевые, сѣнокосные и лѣсные участки, которыми оно

---

[1]) Малор. Полож. ст. 13.
[2]) Великор. Полож. ст. 20, 22 Малор. Полож. ст. 13.
[3]) Великорос. Полож. ст. 98. Малор. Полож. ст. 92.
[4]) Великор. Полож. ст. 99. Малор. Полож. ст. 99.
[5]) Великор. Полож. ст. 110.
[6]) Тамъ-же ст. 113.
[7]) Тамъ-же ст. 115.
[8]) Тамъ-же ст. 117.

владѣло до изданія Положенія 1861 г. [1]). Участки эти переходили по наслѣдству [2]). Мало того: домохозяинъ, какъ остающійся въ обществѣ, такъ и выходящій изъ него, имѣлъ право, при жизни своей, передать свой участокъ ближайшему наслѣднику [3]) или лицу усыновленному изъ родственниковъ или постороннихъ [4]), и только выморочные участки поступали въ распоряженіе общества [5]). Впрочемъ, семейные участки не поглощали всей мірской земли. Часть ея, не входившая въ составъ семейныхъ участковъ, оставалась въ пользованіи общества, и на нее распространялись всѣ правила пользованія мірской землей: она оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, распоряженіе его принадлежало сельскому обществу; крестьянинъ, выходившій изъ состава его, терялъ право на пользованіе этой мірскою землей [6]).

Семейные участки не были безграничными. Для каждой мѣстности былъ установленъ высшій размѣръ *пѣшаго* полеваго участка [7]),—для первой мѣстности—въ 4 десятины, для второй—въ 6 дес. и для третьей—въ 7 десятинъ [8]). Земля, превышавшая высшій размѣръ пѣшаго участка, считалась добавочнымъ участкомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали и крестьянскія левады, находившіяся внѣ селеній [9]).

Понятіе пѣшаго участка на первыхъ порахъ вызывало недоразумѣніе, и предводитель дворянства нѣжинскаго уѣзда обратился въ Черниговское Губернское Прясутствіе съ просьбой разъяснить: „что значитъ выраженіе: пѣшій полевой участокъ,

---

[1]) Малорос. Полож. ст. 36 и слѣд.
[2]) Малор. Полож. ст. 93 и слѣд.
[3]) Малорос. Полож. ст. 94.
[4]) Тамъ-же ст. 95.
[5]) Тамъ-же ст. 97.
[6]) Тамъ-же ст. 98—99.
[7]) Тамъ же ст. 38 Приложеніе къ ст. 9-й.
[8]) Приложеніе къ ст. 9 Малорос. Положенія.
[9]) Малорос. Полож. ст. 39.

и что разумѣть подъ словомъ дворъ, хозяйство, семейство?" Словами Г. П. Галагана Присутствіе отвѣтило на этотъ вопросъ такимъ образомъ: „По силѣ статьи 36 мѣстнаго Положенія, оставляются въ пользованіи каждаго крестьянскаго семейства всѣхъ родовъ угодія, въ томъ числѣ, въ какомъ каждое семейство ими пользовалось; слѣдовательно, пѣшимъ участкомъ считается, за исключеніемъ усадебъ, всякое количество земли, хотя бы самое малое и въ настоящее время въ пользованіи крестьянина находящееся, если оно не превышаетъ опредѣленнаго высшаго размѣра пѣшаго участка. Земля, превышающая эту опредѣленную высшую пропорцію, отчисляется по силѣ 39 ст., къ участку добавочному, предоставленному въ пользованіе крестьянъ совершенно на особыхъ правилахъ. Для большаго уразумѣнія этихъ статей, можно привесть примѣръ: для нѣжинскаго уѣзда высшій размѣръ пѣшаго участка есть 4 десятины; слѣдовательно, крестьянинъ, имѣющій $1^1/_2$ или 2 десятины полевой земли, имѣетъ въ пользованіи пѣшій участокъ, а другой крестьянинъ, имѣющій $5^1/_2$ десятинъ полевой земли, пользуется пѣшимъ участкомъ высшаго размѣра и полутора десятинами добавочнаго. При отмѣнѣ тяглой барщины за добавочные участки, взываніе повинности опредѣляется въ ст. 236 мѣстнаго Положенія.

Дворъ, хозяйство или семейство, по отношенію надѣла или повинности, есть отвѣтственная хозяйственная единица. Дворъ или хозяйство, заключающіе въ себѣ двѣ и болѣе избъ, но своего семейства, находятся нераздѣльными въ отношеніи ихъ хозяйства и не должны быть раздѣлены и въ отношеніи повинности и надѣла. Также точно и наоборотъ: два женатыхъ сына при отцѣ, хотя бы жили въ одной избѣ, но имѣя отдѣльныя хозяйства, должны, по надѣлу и повинностямъ, считаться двумя отдѣльными дворами" [1]).

За пользованіе отведенною въ надѣлъ землею крестьяне обязаны были отбывать повинности, которыя раздѣлялись на

[1]) Журналъ Губернскаго Присутствія № 7, 13 апрѣля 1861 г.

денежныя (оброкъ) и издѣльныя (барщина) [1]). Повинности эти разнились по мѣстностямъ. Въ губерніяхъ малороссійскихъ за усадьбу полагалась ежегодная плата по 5 р. 10 к. съ десятины; оброкъ въ черниговской губерніи платили—въ первой мѣстности 2 р. 50 к., во второй—1 р. 60 коп., въ третьей—1 р. 40 коп. съ десятины [2]). Издѣльная повинность (барщина) отбывалась только мужскимъ населеніемъ [3]). Этимъ малороссійскія губерніи отличались отъ великороссійскихъ, гдѣ къ отбыванію барщины привлекалось и женское населеніе [4]). Размѣръ издѣльной повинности въ черниговской губерніи опредѣлялись такъ: за десятину пѣшаго и добавочнаго полеваго участка въ первой мѣстности мужское населеніе должно было работать 21 день въ году; во второй мѣстности—14, въ третьей—12 дней [5]). Три пятыхъ рабочихъ дней крестьяне обязаны были отбывать лѣтомъ, а двѣ пятыхъ—зимой [6]).

Въ отношеніи обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей крестьянами мы встрѣчаемъ существенную разницу между малороссійскимъ и великороссійскимъ положеніемъ, и можетъ быть это именно, на ряду съ величиной оброка и барщины, и побуждало малорусскихъ помѣщиковъ стремиться къ введенію въ своихъ имѣніяхъ великороссійскаго положенія.

Разница эта обусловливалась преобладающими формами крестьянскаго землевладѣнія, введенными Положеніями 19 февраля, общинной—въ Великороссіи, и подворной—въ Малороссіи. При общинномъ землевладѣніи, гдѣ земля считалась собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всего общества, и отвѣтственность за отбываніе съ земли платежей и повинностей въ пользу помѣщика и государства падала на все общество, кото-

---

[1]) Малорос. Полож. ст. 165.

[2]) Тамъ-же ст. 177.

[3]) Малорос. Положеніе ст. 195.

[4]) Великорос. Полож. ст. 189 и др.

[5]) Малорос. Полож. ст. 195.

[6]) Тамъ-же ст. 197—198.

рое обязывалось при этомъ круговою порукой [1]). Въ Малороссіи, при преобладаніи подворнаго землевладѣнія, „каждый домохозяинъ отвѣчалъ порознь за исправное отбываніе тѣхъ повинностей, въ пользу помѣщика уставленныхъ, которыя причитались съ состоящаго въ его пользованіи участка“ [2]). Отвѣтственность всего общества, обязаннаго круговой порукой, распространялась только на такъ наз. упразднившіеся участки, т. е. тѣ, отъ которыхъ крестьяне отказывались или которыя оставались выморочными и поступали, такимъ образомъ, во владѣніе всего общества [3]).

Само собой разумѣется, что если смотрѣть съ точки зрѣнія выгодъ помѣщика, то великороссійское положеніе съ его обязательной круговой порукой казалось удобнѣе положенія малороссійскаго. Послѣднее узаконяло владѣніе подворное и создавало, такимъ образомъ, при недовѣріи помѣщика къ крестьянамъ и ихъ способностямъ вести самостоятельное хозяйство—довольно невыгодную для помѣщика перспективу вѣчныхъ недоимокъ и необходимости, при ихъ взысканіи, имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Да и сами „мѣры обезпеченія исправнаго отбыванія“ платежей и повинностей въ Великороссіи были суровѣй, казались энергичнѣй, чѣмъ въ Малороссіи—что также въ нѣкоторой степени не могло не имѣть своей привлекательной стороны для помѣщиковъ.

Въ случаѣ неисправнаго отбыванія платежей и повинностей крестьянами сельское начальство въ Малороссіи, могло, по требованію помѣщика, обратить доходъ съ недвижимаго имущества недоимщика на пополненіе недоимки; отдать недоимщика или кого-нибудь изъ его семьи въ заработки въ сосѣдніе или, при соблюденіи извѣстныхъ условій, даже въ отдаленныя селенія, причемъ отдача крестьянина въ заработки своему по-

---

[1]) Велик. Полож. ст. 245.
[2]) Малор. Полож. ст. 240.
[3]) Малор. Полож. ст. 241.

мѣщику, противъ воли крестьянъ и согласія помѣщиковъ, не допускалась. Затѣмъ сельское общество могло опредѣлить недоимщику опекуна; въ самыхъ же крайнихъ случяхъ продать на пополненіе недоимки часть недвижимости и часть движимаго имущества, принадлежавшаго крестьянину [1]). Если всѣ эти мѣры были исчерпаны, то помѣщику предоставлялось право, съ подлежащаго на то разрѣшенія, отобрать у недоимщика его участокъ, передать его другимъ крестьянамъ, а если желающихъ принять участокъ не находилось, то оставить его и въ своемъ пользованіи [2]).

Великороссійское положеніе повторяло въ общемъ тѣ-же мѣры обезпеченія правильнаго отбыванія платежей и повинностей, которыя мы находимъ и въ малороссійскомъ положеніи, значительно расширяло только вліяніе при этомъ помѣщика, по требованію котораго мировой посредникъ долженъ былъ съ своей стороны, помимо общества, принять цѣлый рядъ указанныхъ въ Положеніи мѣръ для взысканія съ крестьянъ недоимокъ [3]). Прибавимъ къ этому, что изъ великор. положенія совершенно была исключена статья, запрещавшая отдавать крестьянъ въ заработки помѣщику, должниками котораго оно состояли.

X.

Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ раздѣлялись на денежную—оброкъ, и затѣмъ издѣльную—барщину.

Денежная повинность не вызывала особыхъ недоразумѣній. Она была точно опредѣлена въ законѣ, который установлялъ различіе ея по мѣстностямъ. Какъ уже сказано было выше, черниговская губернія дѣлилась въ этомъ отношеніи на три мѣст-

---

[1]) Малор. Полож. ст. 253.

[2]) Тамъ-же стр. 254—258.

[3]) Великор. Полож. ст. 261—263.

ности. Въ законѣ эти мѣстности были точно указаны [1]), за исключеніемъ борзенскаго, нѣжинскаго и козелецкаго уѣздовъ, гдѣ „точное разграниченіе первой и второй мѣстности черниговской губерніи возлагалось на Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которое обязано было немедленно же сообщить о сдѣланномъ имъ разграниченіи министерству внутреннихъ дѣлъ“ [2]).

Уже въ первомъ засѣданіи Присутствія 16 марта 1861 г. А. И. Лизогубъ возбудилъ вопросъ о необходимости собрать нѣкоторыя положительныя данныя для проведенія черты, которая раздѣлила бы названные выше три уѣзда на двѣ мѣстности. Въ то время предстояли уѣздныя дворянскія собранія, и Присутствіе постановило, поэтому, обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, чтобы они „о заключеніяхъ, которыя имъ можно будетъ вывести изъ частныхъ мнѣній означенныхъ собраній, сообщили начальнику губерніи, для руководства при соображеніяхъ объ этомъ предметѣ въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи“ [3]).

Въ засѣданіи Присутствія 11 мая были прочитаны представленія предводителей о проведеніи черты [4]), при чемъ предводитель козелецкаго уѣзда представилъ въ подлинникѣ постановленіе дворянскаго собранія по этому поводу, предводители же нѣжинскій и борзенскій сообщили только описаніе разграничительной черты, намѣченной дворянскимъ собраніемъ [5]). Обстоятельный докладъ по этому поводу сдѣлалъ въ засѣданіи 14 мая Г. П. Галаганъ, который подвергъ основательной критикѣ всѣ предположенія уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ проэктомъ раз-

---

[1]) Приложеніе къ 9-й ст. Малорос. Положенія.

[2]) Малорос. Полож. ст. 9.

[3]) Журналъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія № 1, 16 марта 1861 г.

[4]) Журналъ № 9, 11 мая.

[5]) Журналъ № 14, 14 мая.

дѣленія на мѣстности, предложеннымъ Галаганомъ для уѣздовъ козелецкаго и нѣжинскаго. Что же касается уѣзда борзенскаго, то вслѣдствіе заявленій борзенскаго помѣщика В. О. Подвысоцкаго, проведеніе черты чрезъ этотъ уѣздъ было возложено на мировой съѣздъ, который для этой цѣли созывался изъ мировыхъ посредниковъ борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ, съ участіемъ въ немъ одного члена отъ правительства. Въ козелецкомъ уѣздѣ рѣшено было Присутствіемъ строго придерживаться черты, назначенной въ Положеніи, причемъ село Мостище отнесли ко 2-й мѣстности, потому что большая часть полей его находилась во 2-й мѣстности. Въ нѣжинскомъ уѣздѣ разграничительная черта шла отъ границы козелецкаго уѣзда по р. Остру до впаденія въ нее р. Смолянки, потомъ вверхъ по этой рѣчкѣ до границъ дачъ нѣжинской и веркіевской; далѣе, оставляя село Малую Кошелевку въ 1-й мѣстности, черта шла къ хутору Комашинскому и границѣ борзенскаго уѣзда [1]). Въ засѣданіи 18 августа было заслушано постановленіе борзенскаго мироваго съѣзда относительно проведенія чертъ въ этомъ уѣздѣ, и тогда же всѣ постановленія Присутствія въ этомъ отношеніи были представлены въ министерство [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ было представлено ходатайство Присутствія о введеніи въ черниговской губерніи четвертой мѣстности, которая была бы среднею между первою и второю, оброкъ въ которыхъ разнился на 99 коп., между 2 р. 50 коп. для первой и 1 р. 60 коп.—для второй мѣстности. Вопросъ о введеніи четвертой четвертой мѣстности былъ возбужденъ козелецкимъ дворянствомъ и поддержанъ въ Присутствіи П. А. Васильчиковымъ, согласно докладу котораго оброкъ для четвертой полосы устанавливался въ 2 р., высшій же надѣлъ въ $3^1/_4$ дес. на душу. Въ четвертую мѣстность должны были входить сѣверныя части уѣздовъ нѣжинскаго, борзенскаго и козелецкаго и южная часть остерскаго уѣзда по лѣвую сторону р. Десны [3]).

---

[1]) Журналъ № 14, 14 мая.

[2]) Журналъ № 36, 18 августа.

[3]) Журналъ № 30, 2 августа 1861 г.

Больше затрудненій представляла собой издѣльная повинность, или барщина. Она опредѣлялась рабочими днями съ пѣшаго семейнаго участка [1]) и разнилась также по мѣстностямъ. Въ первой мѣстности черниговской губерніи за десятину пѣшаго и добавочнаго участка полагался 21 день, во второй—14, въ третьей—12 [2]). Дни эти раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, причемъ $^3/_5$ этихъ дней должно было приходиться на лѣтнее полугодіе, а $^2/_5$—на зимнее. Ближайшее опредѣленіе сроковъ лѣтняго и зимнаго полугодій возлагалось на Губернское Присутствіе [3]). На Губернское Присутствіе возлагалось также и составленіе *урочнаго положенія* [4]).

Подъ именемъ урочнаго положенія разумѣлись правила, которыя вырабатывались Губернскимъ Присутствіемъ и опредѣляли количество работы, которое въ теченіе дня должно было быть исполнено, въ счетъ повинности, работникомъ [5]).

Урочное положеніе утверждалось губернаторомъ и вводилось въ губерніи, въ виды опыта, на три года, примѣнялось оно не обязательно, но только тогда, когда этого требовали помѣщикъ или крестьяне [6]).

Въ урочное положеніе вносились только такія работы, которыя, по своему свойству, могли быть точно опредѣлены и требовали почти всегда одного и того же труда, какъ напр. роскидка вывезеннаго въ поле навоза, посѣвъ и уборка хлѣбовъ, уборка сѣна, табаку, молотьба хлѣба, стрижка овецъ и др. Количество работы, принимаемой за отдѣльный урокъ, опредѣлялось на основаніи существующаго въ мѣстномъ хозяйствѣ обычая [7]).

---

[1]) Малор. Полож. ст. 193.
[2]) Тамъ-же ст. 195.
[3]) Тамъ-же ст. 197, 198.
[4]) Тамъ-же ст. 212.
[5]) Тамъ-же ст. 212.
[6]) Малор. Полож. ст. 213.
[7]) Приложеніе къ 212 ст. Малор. Полож.

Всѣ работы, не поименованныя въ урочномъ положеніи, производились безъ уроковъ, при чемъ рабочій день, безъ отдыха, полагался лѣтомъ въ 12 ч., зимой въ 9 часовъ [1]). Если бы помѣщикъ удержалъ крестьянина на работѣ лишній день противъ положеннаго, то онъ долженъ былъ заплатить крестьянину двойную стоимость рабочаго дня, причемъ оцѣнка рабочихъ дней возлагалась также на Губернское Присутствіе [2]).

Губернскому Присутствію предстояло такимъ образомъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ лѣтнее и зимнее полугодія, выработать урочное положеніе и произвести оцѣнку рабочаго дня въ разныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи.

Вопросы эти были подняты уже въ третьемъ засѣданіи Присутствія, 27 марта. Составленіе урочныхъ положеній было отложено до тѣхъ поръ, пока Присутствіе будетъ въ полномъ составѣ, и съѣдутся всѣ члены. Чтобы облегчить и ускорить оцѣнку зимнихъ и лѣтнихъ дней было рѣшено немедленно-же обратиться за указаніями къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просить ихъ доставить свои соображенія, между прочимъ, и о томъ, „съ какихъ дней въ году можно въ каждомъ уѣздѣ считать начало лѣтняго полугодія?“ [3]). Оцѣнку рабочихъ дней предположено было включить въ урочное положеніе [4]).

Къ 24 мая въ Присутствіе поступили отзывы всѣхъ уже предводителей дворянства по этимъ вопросамъ. Разработку и составленіе по нимъ доклада взялъ на себя П. А. Васильчиковъ [5]).

Въ засѣданіи 13 іюня составленіе проэкта урочнаго положенія было поручено П. А. Васильчикову, И. Г. Есимонтовскому и А. И. Лизогубу [6]). Вѣроятно, при составленіи этой коммиссіи имѣлось въ виду, что первый былъ хорошо знакомъ съ южными уѣздами черниговской губ., И. Г. Есимонтовскій—съ сѣверными, а А. И. Лизогубъ—съ средними.

---

[1]) Малор. Полож. 214—215.

[2]) Тамъ-же ст. 218.

[3]) Журналъ № 3, 27 марта 1861 г.

[4]) Тамъ-же № 4, 31 марта.

[5]) Тамъ-же № 14, 24 мая.

[6]) Тамъ-же № 22, 13 іюня.

15 іюля П. А. Васильчиковъ прочелъ уже въ Присутствіи составленные имъ доклады объ оцѣнкѣ рабочихъ дней, о срокѣ лѣтняго полугодія для крестьянскихъ работъ и объ урочномъ положеніи [1]). 19 іюля, въ присутствіи архіепископа черниговскаго Филарета, былъ составленъ списокъ праздничныхъ дней, въ которыя крестьяне не могли быть требуемы на работы [2]), а въ засѣданіи 2 августа обсуждались подробно доклады П. А. Васильчикова о срокахъ лѣтняго полугодія и объ оцѣнкѣ рабочаго дня въ черниговской губерніи [3]).

Согласно циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ именемъ полугодія разумѣлось не время, въ которое производились полевыя работы, а въ буквальномъ смыслѣ 6 мѣсяцевъ: лѣтнее и зимнее полугодія были, такимъ образомъ, равны.

Установить однообразный срокъ начала полугодій для всей черниговской губерніи, по мнѣнію П. А. Васильчикова, было невозможно. Этому мѣшала обширность губерніи и ея значительное протяженіе съ сѣвера на югъ, въ слѣдствіе чего въ южныхъ уѣздахъ полевыя работы начинаются раньше, нежели въ сѣверныхъ. Въ отзывахъ предводителей дворянства также не было единства въ отношеніи начала лѣтняго полугодія, предлагались самые разнообразные сроки, колебавшіеся между 25 марта и 1 мая; особенно много разнообразныхъ сроковъ предлагалось предводителями среднихъ уѣздовъ черниговской губерніи.

П. А. Васильчиковъ предложилъ, и Губернское Присутствіе съ нимъ согласилось установить 4 срока начала лѣтняго полугодія: 1-е апрѣля для уѣздовъ конотопскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, козелецкаго и остерскаго; 10-е апрѣля—для уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, сосницкаго, кролевецкаго, глуховскаго и новгородсѣверскаго; 15 апрѣля—для новозыбковскаго и стародубскаго; 13 апрѣля—для мглинскаго и сураж-скаго [4]).

---

[1]) Тамъ-же № 24, 15 іюля.
[2]) Тамъ-же № 25, 19 іюля.
[3]) Тамъ-же № 30, 2 августа.
[4]) Тамъ-же № 30, 2 августа.

Труднѣе было произвести оцѣнку рабочаго дня.

Предводители дворянства сообщили Присутствію самыя гадательныя свѣдѣнія, какъ и они сами откровенно въ этомъ признавались. Ихъ оцѣнка рабочаго дня, по замѣчанію П. А. Васильчикова, была ниже дѣйствительности. Большинство предводителей оцѣнивало лѣтній пѣшій мужской рабочій день въ 25 коп.

Оцѣнку рабочаго дня, произведенную предводителями дворянства отдѣльныхъ уѣздовъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

№№ по порядку.	УѢЗДЫ.	Лѣтніе дни.			Зимніе дни.			Продовольствіе.
		Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	
		коп.	коп.	коп.	коп	коп.	коп.	
1	Стародубскій. . .	35—55	20—25 40 сѣнокосъ	—[1])	—	10—12	—	—
2	Новозыбковскій. .	—	30—40	15—25	—	15—20	10—12	Собств.
3	Суражскій	25—35	20—30	10—15	20—30	15—20	6—10	—
4	Мглинскій	50—60	25—40	15—20	30—40	15—20	12—15	Собств.
5	Городницкій . . .	—	25—75[2])	—	—	15—50	—	—
6	Сосницкій	—	20—25	—	—	15—18	—	—
7	Новгородсѣверскій.	—	20—30 40 сѣнокосъ	—	—	17—25	—	—
8	Глуховскій. . . .	—	20—25	—	—	15—20	—	Собств.
9	Кролевецкій . . .	—	20—25	—	—	15—20	—	—
10	Черниговскій[3]) .	—	25	—	—	12½	—	Собств.
11	Ковелецкій . . .	—	20—25	—	—	10—15	—	Собств.
12	Остерскій[4]) . . .	—	15—25	—	—	15—20	—	—
13	Нѣжинскій . . .	—	20—30	—	—	12—17	—	—
14	Борзенскій . . .	—	25—30	—	—	10—15	—	—
15	Конотопскій[5]) . .	—	25	—	—	15	—	—

[1]) См. стр. 317.

„Правильной наемной цѣны, говорилъ въ своемъ докладѣ П. А. Васильчиковъ, при повсемѣстномъ господствѣ издѣльной повинности, не могло сложиться въ черниговской губерніи. Наемка рабочихъ была скорѣе случайностью, чѣмъ постояннымъ явленіемъ, получившимъ у насъ право гражданства. Конечно, могли быть отдѣльныя мѣстности, въ которыхъ при большомъ развитіи

---

[1]) Тире, стоящее въ отдѣльныхъ графахъ, означаетъ, что свѣдѣній предводителями дворянства не сообщено.

[2]) Такую, повидимому, высокую оцѣнку рабочаго дня предводитель дворянства объяснялъ «общимъ распространеніемъ между крестьянами обычая издѣльнаго арендованія земли (или, вѣрнѣе, издѣльной уборки полей и сѣнокосовъ), которое они вообще предпочитаютъ наемкѣ за деньги, промышленнымъ значеніемъ части городницкаго уѣзда, выгодными заработками, кои сосѣдство Днѣпра доставляетъ судорабочимъ и, наконецъ, настоящимъ уменьшеніемъ крестьянской повинности, влекущимъ за собою повышеніе заработной платы».

[3]) 7 іюля черниговскій предводитель дворянства прислалъ новое отношеніе, въ которомъ указывалъ, что цифры 25 коп. для лѣтняго и $12^1/_2$ коп. для зимняго полугодія показаны имъ гадательно. «Теперь же, когда владѣльцы поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ найму рабочихъ, вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности крестьянской повинности, цифры заработной платы оказались гораздо выше предполагаемой, а именно: въ лѣтній періодъ: съ 10 апрѣля по 1 іюля—45 коп., съ 1 іюля по 1 августа—50 коп., съ 1 августа по 10 октября—40 коп., а въ зимній періодъ работы—30 коп.».

[4]) Остерскій предводитель дворянства показалъ собственно такую оцѣнку рабочаго дня: косарю—25 к., жнецу—20—25 коп., гребцу—15 коп., молотнику—15—20 коп., городильнику 15 коп.. При распредѣленіи оцѣнки по полуголіямъ мы взяли крайнія цифры платы (15—25 к.) для лѣтняго полугодія, плату-же молотильщику отнесли къ зимнему полугодію.

[5]) Кромѣ лѣтнихъ и зимнихъ дней конотопскій предводитель оцѣнилъ весенніе и осенніе дни въ 20 копѣекъ.

промышленности заводской, случаи наемки могли встрѣчаться чаще, чѣмъ въ другихъ, и гдѣ, поэтому, можно, основываясь на большинствѣ фактовъ, опредѣлить и приблизительную среднюю стоимость рабочаго дня; но и тутъ стоимость опредѣляется, сколько мнѣ извѣстно, или большимъ или меньшимъ малоземеліемъ сосѣднихъ селеній козаковъ или государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего въ селеніяхъ, весьма близко отстоящихъ другъ отъ друга, уровень наемной цѣны можетъ быть далеко неодинаковый; или сосѣдствомъ съ болѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи великороссійскимъ народонаселеніемъ. Между тѣмъ при настоящей реформѣ, опредѣленіе наемнаго труда должно необходимо подвергнуться вліянію совершенно новыхъ условій, которыя должны необходимо вести въ результатѣ къ совершенному измѣненію существовавшихъ доселѣ наемныхъ цѣнъ. Вліяніе это уже и теперь проявляется въ замѣтномъ повышеніи цѣны [1]) на наемную работу, обусловливаемымъ стремленіемъ помѣщиковъ замѣнить наймомъ ту часть повинности которой они лишились, или которая неохотно и нерадиво исполняется крестьянами. Конечно, со временемъ, особенно при переходѣ крестьянъ на оброкъ, требованіе наемной платы помѣщиками будетъ, вѣроятно, встрѣчено предложеніемъ оной крестьянами; тогда водворится повсемѣстно вольнонаемный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложится опредѣленная нормальная цѣна рабочему дню; нужно также предполагать, что цѣна эта будетъ умѣренная, и что во всякомъ случаѣ она болѣе чѣмъ окупится превосходствомъ вольнонаемной работы предъ повинностной. Такого результата нельзя не желать, но едва-ли можно надѣяться, что мы скоро его достигнемъ, при непривычкѣ крестьянъ нашихъ съ производительному употребленію своего времени, они едва-ли въ первые дни употребятъ съ пользой для себя то количество времени, которое остается у нихъ теперь свободнымъ, между тѣмъ

---

[1]) Такъ въ настоящее время (1861 г.) въ южной части козелецкаго уѣзда поденная плата косарю обходится вмѣстѣ съ продовольствіемъ до 40 и болѣе коп. сер.

запросъ на рабочихъ со стороны помѣщиковъ и теперь (1861 г.), уже значительный, вѣроятно, послѣ введенія уставныхъ грамотъ еще болѣе увеличится. И то и другое явленіе, т. е. нерасположеніе крестьянъ итти въ заработки и требованіе на рабочихъ со стороны помѣщиковъ, объясняются весьма легко: помѣщики, вслѣдствіе новаго положенія, лишась, по крайней мѣрѣ, половины своихъ рабочихъ средствъ, должны естественно прибѣгать къ вольному найму для поддержки своихъ хозяйствъ; хозяйственныя же условія быта крестьянъ остаются неизмѣнными; они продолжаютъ и будутъ продолжать пользоваться тѣми-же источниками сравнительнаго благосостоянія, какъ и прежде, и потому потребность итти въ заработки можетъ развиться въ нихъ только тогда, когда ихъ побудитъ къ этому или нужда (вслѣдствіе напр., неурожая) или когда возвысится общій уровень ихъ жизненныхъ потребностей. Изъ этого слѣдуетъ, что если и было возможно до сихъ поръ опредѣлить, съ приблизительною точностью, установившуюся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оцѣнку рабочаго дня, то эта оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята какъ указаніе для будущаго, въ которомъ цѣна рабочаго дня должна будетъ опредѣлиться совершенно новыми условіями, и непремѣнно въ теченіе первыхъ лѣтъ значительно возвыситься".

Разсматривая свѣдѣнія объ оцѣнкѣ рабочаго дня, доставленныя уѣздными предводителями дворянства, П. А. Васильчиковъ находилъ эту оцѣнку значительно ниже дѣйствительности. „Очень можетъ быть, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, что многимъ помѣщикамъ южныхъ уѣздовъ удавалось нанять рабочихъ въ лѣтнее время за 25 и даже за 20 коп. серебромъ, но едва ли можно при оцѣнкѣ рабочаго дня основываться единственно на такихъ примѣрахъ денежнаго найма". Для своихъ соображеній П. А. Васильчиковъ принялъ во вниманіе дневной заработокъ крестьянина, если онъ берется жать съ извѣстнаго снопа. Послѣднее было очень распространено въ южныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Оказалось, что заработокъ крестьянина въ этомъ случаѣ значительно выше указаннаго предводителями дворянства

П. А. Васильчиковъ предложилъ установить для черниговской губерніи нѣсколько видовъ оцѣнки рабочаго дня.

Въ первую группу вошли уѣзды: остерскій, козелецкій, нѣжинскій, борзенскій и конотопскій.

Для лѣтнихъ періодовъ здѣсь была установлена такая оцѣнка рабочаго дня:

съ 1-го апрѣля по 15 іюля. . .	25	коп.
„ 15 іюня по 1 іюля. . . .	40	„
„ 1 іюля по 15 августа. . .	60	„
„ 15 августа по 1 октября. .	30	„

Для зимняго полугодія съ 1 октября по 1 апрѣля—17 коп.

Во вторую группу вошли уѣзды глуховской, кролевецкій, новгородсѣверскій, сосницкій, черниговскій и городницкій.

Для нихъ лѣтнее полугодіе было оцѣнено такимъ образомъ:

съ 10 апрѣля по 29 іюня. . .	25	коп.
„ 29 іюня по 10 іюля. . . .	40	„
„ 10 іюля по 25 августа. . .	50	„
„ 25 августа по 10 октября. .	30	„

Въ зимнее полугодіе съ 10 октября по 10 апрѣля рабочій день оцѣнивался въ 20 коп.

Для уѣздовъ стародубскаго и новозыбковскаго—въ лѣтній періодъ.

съ 15 апрѣля по 29 іюля. . .	30	коп.
„ 29 іюня по 15 іюля. . . .	40	„
„ 15 іюля по 25 августа. . .	50	„
„ 25 августа по 15 октября. .	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 15 октября по 15 апрѣля—20 коп.

Наконецъ, въ лѣтній періодъ для уѣздовъ суражскаго и мглинскаго рабочій день оцѣнивался:

съ 23 апрѣля по 29 іюня. . .	30	коп.
„ 29 іюня по 20 іюля. . . .	40	„
„ 20 іюля по 25 августа. . .	50	„
„ 25 августа по 23 октября. .	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 23 октября по 23 апрѣля—20 коп.

Губернское Присутствіе цѣликомъ приняло оцѣнку рабочаго дня предложенную П. А. Васильчиковымъ, хотя она значительно превышала оцѣнку произведенную уѣздными предводителями дворянства. [1])

Оцѣнку эту рѣшили внести въ урочное положеніе.

Къ сожалѣнію, къ журналамъ Губернскаго Присутствія не приложено урочное положеніе. Изъ журналовъ мы знаемъ только, что 4 августа въ Губернскомъ Присутствіи читанъ былъ проэктъ урочнаго положенія, предпочтительно для южныхъ уѣздовъ (остерскаго, козелецкаго, нѣжинскаго, борзенскаго, и конотопскаго), составленный П. А. Васильчиковымъ". Присутствіе постановило, въ виду важности предмета, проэктъ этотъ подвергнутъ обсужденію въ слѣдующемъ засѣданіи. [2])

8 августа былъ читанъ проэктъ урочнаго положенія, должно быть, уже въ цѣломъ видѣ, такъ какъ въ журналахъ говорится, что онъ составленъ П. А. Васильчиковымъ, А. И. Лизогубомъ и И. Г. Есимонтовскимъ. Проэктъ рѣшили отпечатать, раздать членамъ и обсудить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданіи. [3]) 16 августа былъ прочитанъ проэктъ урочнаго положеніе для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вводилось великороссійское положеніе. Рѣшено обсудить его вторично въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. [4]) 29 августа, наконецъ, проэктъ, былъ утвержденъ, [5]) отпечатанъ и разосланъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, мировымъ посредникамъ, земскимъ полиціямъ и волостямъ правленіямъ. [6])

---

[1]) Журналъ № 30, 2 августа. 1861 г.
[2]) Журналъ № 31, 4 августа.
[3]) Тамъ-же 32; 8 августа
[4]) Тамъ-же № 35, 16 августа.
[5]) Журналъ № 39, 29 августа.
[6]) Тамъ-же № 41, 8 августа.

XI.

До сихъ поръ рѣчь шла объ имѣніяхъ великопомѣстныхъ. Владѣльцы же тѣхъ имѣній за которыми по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души мужескаго пола, и которые при этомъ или вовсе не имѣли въ своемъ владѣніи удобной земли или имѣли ее менѣе опредѣленнаго количества, [1]) назывались мелкомѣстными. [2]) Для ихъ имѣній были изданы особыя „Дополнительныя правила", которыя нѣсколько видоизмѣняли Положеніе, изданное вообще для крестьянъ различныхъ мѣстностей. Такъ, напр., крестьяне, не надѣленные землей до изданія Положенія 1861 г., не получали надѣла [3]); помѣщики не обязаны были увеличивать крестьянскаго надѣла; [4]) отмѣнялась вовсе круговая порука для мелкопомѣстныхъ владѣній; [5]) крестьянамъ, не надѣленнымъ землею, разрѣшалось переселяться на казенныя земли, при чемъ имъ давался цѣлый рядъ льготъ [6]); по желанію помѣщика, при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, крестьяне, жившіе на его землѣ, могли быть обращены въ государственные поселяне [7]); въ извѣстныхъ случаяхъ помѣщикамъ, которые были признаны особо нуждающимися, выдавалось денежное пособіе отъ казны. [8])

---

[1]) «Въ губерніяхъ малороссійскихъ менѣе количества, равняющагося 60 душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, для каждой мѣстности установленнаго». (Дополнит. правила объ устройствѣ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, ст. 1-я).

[2]) Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и о пособіи симъ владѣльцамъ, ст. 1.

[3]) Тамъ-же ст. 3.

[4]) Тамъ-же ст. 4.

[5]) Тамъ-же ст. 7.

[6]) Тамъ-же ст. 8.

[7]) Тамъ-же ст. 10.

[8]) Тамъ-же ст. 13 и слѣд.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, въ особенности же при опредѣленіи льготъ и денежныхъ пособій, Губернскому Присутствію была предоставлена широкая свобода и, поэтому, дѣла объ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго Присутствія за первое время.

Въ маѣ 1861 г. помѣщица нѣжинскаго уѣзда Анна Мехедина обратилась въ Присутствіе съ прошеніемъ о признаніи ея имѣнія мелкопомѣстнымъ. Случай этотъ интересенъ для характеристики домогательства помѣщиковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Губернскому Присутствію. У Мехединой было въ нѣжинскомъ уѣздѣ 112 десятинъ земли, при которой по 10 ревизіи значилось 26 дворовыхъ и 24 крестьянина. Изъ этихъ 24 душъ двѣ души „изъ вниманія къ малоземелью“ были переписаны казенной палатой въ чужое владѣніе; осталось, такимъ образомъ, 22 души. Если бы этого количества душъ оказалось много для того, чтобы признать имѣніе малоземельнымъ, то г-жа Мехедина выражала желаніе „четырехъ душъ крестьянъ, ею самою поименованныхъ, обратить въ государственные поселяне“.

Присутствіе, конечно, отказало Мехединой въ ея домогательствѣ, на томъ основаніи, что „ея имѣніе, по числу душъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть сочтено мелкопомѣстнымъ; уменьшать же число душъ обращеніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ въ государственные поселяне просительница не властна такъ какъ вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, отмѣнено также право, помѣщикамъ принадлежавшее, располагать личностями крестьянъ [1]).

Помѣщица глуховскаго уѣзда Е. М. Косенкова изъявила желаніе передать семь душъ принадлежавшихъ ей крестьянъ въ вѣдомство министерства государств. имуществъ, съ цѣлью получить за это опредѣленное вознагражденіе. Губернское Присутствіе нашло, что она имѣетъ на это всѣ права, но затруд-

[1]) Журналъ № 14, 24 мая.

нилось исполнить просьбу г-жи Косенковой, такъ какъ не былъ указанъ порядокъ, какимъ образомъ бывшіе крѣпостные могли переходить въ казенное вѣдомство. Присутствіе рѣшило обратиться предварительно въ министерство за соотвѣтствующими указаніями [1]). Министерство нашло, что на Губернскомъ Присутствіи лежитъ „разсмотрѣніе ходатайствъ о пріемѣ въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній, повѣрка свѣдѣній о количествѣ земли и числѣ душъ въ таковыхъ имѣніяхъ и составленіе разсчета о размѣрѣ слѣдуемаго владѣльцамъ вознагражденія". Дальнѣйшее же направленіе дѣла должно было зависѣть отъ министерства [2]).

Мелкопомѣстныхъ имѣній въ черниговской губерніи было очень много, и они доставляли не мало дѣла Губернскому Присутствію, особенно въ виду тѣхъ недомолвокъ, которыя на каждомъ шагу, какъ мы говорили выше, попадались въ Положеніи 19 февраля. Губернское Присутствіе прежде всего занялось собраніемъ свѣдѣній о числѣ мелкопомѣстныхъ имѣній [3]) и запросило объ этомъ предводителей дворянства [4]), занялось затѣмъ составленіемъ особаго образца уставныхъ грамотъ для этихъ имѣній [5]); ему приходилось также рѣшать цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ, возникавшихъ при примѣненіи Положенія въ различныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи. Нѣкоторые изъ подобныхъ практическихъ вопросовъ мы видѣли выше. Особенно часто возникали они на почвѣ признанія отдѣльныхъ имѣній мелкопомѣстными.

Положеніе мелкопомѣстныхъ имѣній было дѣйствительно очень незавиднымъ, разъ приходилось крестьянъ надѣлять землею, и помѣщики всѣми силами стремились воспользоваться тѣми льготами, которыя сулило имъ Положеніе 19 февраля. Для признанія имѣнія мелкопомѣстнымъ требовалось, помимо всякихъ

[1]) Журналъ, № 13, 22 мая.
[2]) Журналы № 23, 13 іюля.
[3]) Тамъ же № 1, 16 марта.
[4]) Тамъ же № 5 и 6, 11 и 12 апрѣля.
[5]) Тамъ же № 7, 13 апрѣля.

другихъ условій, и то, чтобы въ имѣніи было не болѣе 21 души крестьянъ, а тутъ случалось, что было 22, 23, 24 крестьянина. Владѣльцы подобныхъ имѣній обращались въ Губернское Присутствіе и употребляли всѣ ухищренія, чтобы побудить его признать ихъ имѣнія мелкопомѣстными. Присутствіе первоначально рѣшительно отклоняло подобныя ходатайства, но затѣмъ, пользуясь разъясненіемъ министерства по дѣлу Косенковой, о которомъ мы говорили выше, разъясненіемъ, предоставившимъ Губернскому Присутствію значительную свободу дѣйствій, стало принимать ходатайства, разсматривать ихъ и нѣкоторыя даже изрѣдка удовлетворять. Вдова войскового товарища П. М. Малахова ходатайствовала о причисленіи имѣнія ея, состоящаго изъ 24 душъ, къ числу мелкопомѣстныхъ. П. М. Малахова заявляла, что 4 души крестьянъ принадлежатъ собственно не ей, а ея сыну, доказывала, что она имѣетъ въ виду не собственныя выгоды, такъ какъ не проситъ у казны вознагражденія, а интересъ собственно крестьянъ, которые получатъ больше выгодъ, если имѣніе ея будетъ причислено къ разряду мелкопомѣстныхъ. Присутствіе попросило заключенія мирового посредника по поводу просьбы П. М. Малаховой [1]).

Ходатайствовала о признаніи своего имѣнія мелкопомѣстнымъ и помѣщица новгородсѣверскаго уѣзда Е. П. Сидоренко на томъ основаніи, что дворовые люди, безъ которыхъ по ревизіи числилось бы за нею менѣе 21 души, отпущены ею на волю до обнародованія Положенія 1861 г. Присутствіе отказало Е. П. Сидоренко въ ея просьбѣ, такъ какъ, по Положенію, мелкопомѣстнымъ признавался тотъ, за кѣмъ по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души, при чемъ дворовые изъ числа ихъ не исключались [2]).

Изъ того-же источника исходило и ходатайство дворянки глуховскаго уѣзда г-жи Нарбутъ.

---

[1]) Журналъ № 31, 4 августа 1861 г.

[2]) Тамъ-же, № 31, 4 августа 1861 г.

По 10 ревизіи, за отсутствіемъ сыновей изъ дому, г-жа Нарбутъ, по ея словамъ, записала за собою 8 душъ крестьянъ и 11 душъ дворовыхъ умершаго мужа своего при х. Ловрѣ; кромѣ того у нея при томъ же хуторѣ имѣлось 10 собственныхъ крестьянъ изъ села Княжичъ для отбыванія рекрутской повинности, такимъ образомъ, у г-жи Нарбутъ образовалось 29 душъ. Она ходатайствовала теперь о раздѣленіи крестьянъ на двѣ части между ею и ея сыновьями и о признаніи ея имѣніи поэтому, мелкопомѣстнымъ. Губернское Присутствіе, отказало въ подобномъ ходатайствѣ, такъ какъ оно „не можетъ входить въ разбирательство бывшихъ правъ владѣнія крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости“ [1]).

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Мы не только не исчерпали этой дѣятельности,—мы коснулись только маленькой частицы ея въ 1861 г., оставивъ въ сторонѣ устройство судьбы дворовыхъ людей и ихъ отношеній къ помѣщикамъ, вопросъ о выкупѣ и много другихъ вопросовъ, по которымъ приходилось высказываться Присутствію, при примѣненіи на мѣстѣ Положенія 19 февраля 1861 г. Познакомившись съ журналами Присутствія за одинъ только 1861 г., мы прямо скажемъ, что безъ изученія дѣятельности Губернскихъ Присутствій реформа 1861 г. и ея дальнѣйшія практическія послѣдствія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ не можетъ быть въ достаточной степени понята и объяснена. Желательно, поэтому, чтобы кто-нибудь подробнѣе занялся изученіемъ не только журналовъ, но и архива Черниговскаго Губернскаго Присутствія [2]) и познакомилъ бы насъ болѣе осно-

---

[1]) Журналъ № 35, 1 августа.

[2]) Въ 1892 году бывшій тогда черниговскимъ губернаторомъ А. К. Анастасьевъ предоставлялъ мнѣ полную возможность и даже совѣтовалъ ознакомиться съ архивомъ Губернскаго Присутствія для исторіи крестьянской реформы въ черниговской губерніи.

вательно съ исторіей реформы 1861 г. въ черниговской губерніи. Мы не преслѣдовали этой цѣли. Намъ только хотѣлось, по поводу исполнившагося 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, помянуть добрымъ словомъ учрежденіе, на долю котораго досталось тяжелое, но великое дѣло—осуществлять на практикѣ Положенія 19 февраля 1861 г.

Ник. Василенко.

Онъ изъявлялъ готовность открыть двери архивовъ, гдѣ хранятся дѣла, относящіяся къ этой реформѣ, каждому, желающему серьезно заняться ими. Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе мое въ Черниговѣ для занятій въ архивахъ съ другими цѣлями, не позволили мнѣ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Архивъ Губернскаго Присутствія остался мнѣ неизвѣстнымъ. Не встрѣтилось бы, думаю, и теперь, послѣ отъѣзда изъ Чернигова и смерти А. К. Анастасьева, препятствій къ осмотру этого архива и къ занятіямъ въ немъ для всякаго, кто пожелалъ бы тамъ работать.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Проектъ учрежденія „Транспортныхъ воловыхъ почтъ“.* Въ январѣ 1841 года „помѣщикъ Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Фадѣй Каѣтановъ сынъ Янишовскій и дворянинъ Осипъ Николаевъ сынъ Криницкій, помѣщикъ Бессарабской области, Аккерманскаго уѣзда“, подали Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, сенатору и кавалеру Дмитрію Гавриловичу Бибикову прошеніе:

«Испытывая, подобно всѣмъ, всѣхъ возможныхъ неудобствъ въ перевозѣ тяжелыхъ произведеній по сельскимъ или торговымъ занятіямъ, мы устремили вниманіе наше на этотъ важный недостатокъ торговыхъ сношеній и, проходя чрезъ всѣ возможныя соображенія, успѣли открыть въ учрежденіи тяжелыхъ, транспортныхъ, *воловыхъ почтъ* въ цѣлой Имперіи средство легкое и простое къ отвращенію этого недостатка.

Углубляясь въ эту систему тяжелыхъ сообщеній, мы убѣдились въ ея чрезвычайной важности и потому, изложивъ ее въ особомъ проектѣ, который пріемлемъ смѣлость подвергнуть вниманію Вашего Высокопревосходительства, мы ввѣряемъ ее попеченію Вашему, какъ кладъ, принадлежащій отечеству.

Но, съ другой стороны, полагая весьма справедливымъ, чтобы хотя милліонная частица ея общенародной пользы упала на долю изобрѣтателей, мы покорнѣйше просимъ В. В. принять на себя трудъ исходатайствовать для насъ исключительное дозволеніе заводить и содержать такія почты въ предѣлахъ цѣлой Имперіи въ те-

ченіе 20 лѣтъ, изъ коихъ первыя десять лѣтъ мы посвятимъ безчисленнымъ трудамъ обзаведенія этого исполинскаго проекта, а въ послѣднія десять лѣтъ надѣемся собрать плоды нашихъ неусыпныхъ стараній и наслаждаться ими съ благодарностью.

Послѣ полученія привиллегіи мы займемся тотчасъ написаніемъ условій для акціонеровъ и съ того уже времени посвятимъ себя исключительно долгу ускорить исполненіемъ предположеніе наше".

ПРОЕКТЪ

учрежденія тяжелыхъ сообщеній въ Россійской имперіи посредствомъ тяжелыхъ транспортныхъ почтъ.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы, на подобіе легкихъ почтъ, устроить тяжелыя транспортныя почты, станціями, по большимъ дорогамъ и ихъ отраслямъ.

Цѣль есть та, чтобы доставить торговлѣ и промышленникамъ самые вѣрные способы перевозить свои произведенія во всѣ концы пространнаго Россійскаго государства дешево, безопасно и въ опредѣленное время.

Соображая эту цѣль съ безчисленными затрудненіями, коимъ подвержена теперь отправка товаровъ и казенныхъ тяжестей посредствомъ извощиковъ и чумаковъ, которые не представляютъ никогда никакой вѣрности, невозможно не признать ей чрезвычайной важности.

Для движенія тяжелыхъ транспортовъ предпочитаемъ воловую силу всѣмъ прочимъ потому, что движеніе вола вѣрно и ровно, какъ судоходное движеніе по рѣкамъ и каналамъ; сверхъ того волъ есть дешевле лошади; содержаніе его и упряжь проще, складъ крѣпче, вещество во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе; въ старости его—за говядину, сало, кожу, роги, ноги—выручаются большія деньги. Онъ есть драгоцѣннымъ животнымъ нашего государства; умножать его значитъ споспѣшествовать умноженію всеобщаго богатства. По этимъ причинамъ мы преимущественно и почти исключительно избираемъ воловъ для движенія нашихъ почтъ; но, чтобы не разорвать протяженія (continuité) системы и не нарушить безостановочнаго ея хода, мы употреблять будемъ силу лошадиную, верблюжую, водяныя комуникаціи и тому подобное, тамъ, гдѣ представится необходимость.

Новый этотъ способъ сообщеній есть такъ простъ, что онъ кажется вовсе не новый, однако-жъ подобнаго заведенія въ мірѣ не бывало и теперь нѣтъ. Это есть настоящее яйцо Колумба, которое мы въ нашу очередь поставили на остромъ его концѣ.—Онъ простъ тѣмъ лучше. Каждая система тѣмъ лучше, чѣмъ проще и легче къ исполненію. Наше предположеніе, представляя безчисленныя пользы и выгоды на предбудущее время, теперь не останавливаетъ никого невѣрностію умственныхъ исчисленій или заключеній, и не ужасаетъ непреоборимыми препятствіями въ приведеніи его въ исполненіе. Онъ не заключаетъ въ себѣ никакой гипотезы, а представляетъ просто убѣдительную истину.

Устройство этой системы будетъ такъ-же просто, какъ ея изобрѣтеніе: начиная отъ главнаго какого либо торговаго мѣста, учредятся по главнымъ направленіямъ торговли почтовыя станціи въ разстояніи 15 до 30 верстъ, болѣе или менѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. На каждой станціи содержаться будетъ нужное количество воловъ или лошадей, возовъ, саней, которые, смотря по успѣху, будутъ прибавляться. При возахъ будетъ нужное число почталіоновъ, а транспорты сопровождаться верховыми приставами отъ станціи до станціи безъотступно. Станціи будутъ состоять подъ распоряженіемъ смотрителей, которые подчинятся управленію удѣльныхъ и главныхъ конторъ, установленныхъ въ приличномъ разстояніи по главнымъ пунктамъ почтовыхъ сообщеній. Удѣльныя и главныя конторы, а даже и самыя станціи, если надобность окажется, будутъ имѣть право тяжести принимать и отпускать. Движеніе почтъ взадъ и впередъ будетъ безпрерывное; слѣдственно и ихъ отправленія—такія-же. Пріемъ и отпускъ тяжестей и товаровъ производиться будетъ на общихъ правилахъ, присвоенныхъ транспортнымъ экспедиціямъ, съ тою разительною разницею, что товары и тяжести отправляться будутъ ежечасно, безостановочно, и достигать будутъ своего назначенія въ опредѣленные сроки. Платежъ же за извозъ взиматься будетъ не прежде, а послѣ доставки при отпускѣ тяжестей или товаровъ. Такихъ выгодъ не представляетъ ни одно изъ существующихъ экспедиціонныхъ заведеній.

Этотъ платежъ за извозъ опредѣлится самъ собою; общимъ правиломъ будутъ существующія мѣстныя цѣны, которыя постараемся понизить, сколько возможность позволитъ.

Вотъ главная черта устройства нашихъ почтъ; подробности его соберутся въ особомъ уставѣ, который составится тогда, когда въ немъ встрѣтится надобность.

Большая часть безчисленныхъ богатствъ пространной Россійской Имперіи лежитъ еще неприкосновенна торговлѣ и промышленности въ нѣдрѣ ея земель, или въ неопредѣленной отдаленности. Одна только хорошая система сообщеній можетъ ихъ открыть, добыть и отдать въ руки народнаго промысла.

Желѣзныя дороги на необозримомъ пространствѣ нашего государства—есть мечта. Водяныя комуникаціи, которыя создаются вѣками, стоютъ огромныхъ издержекъ, а въ суровомъ нашемъ климатѣ лежатъ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ омертвѣлыя подъ льдомъ, зависятъ отъ положенія мѣстъ количества и направленія водъ и другихъ обстоятельствъ. Напротивъ того, систему, которую мы предлагаемъ, можно легко, безъ затрудненія, устроить такъ по цѣлой Россіи, что она будетъ протекать по ней во всѣхъ направленіяхъ и дастъ ея торговлѣ движеніе ровное и постоянное во всѣ ея концы. Система эта есть всеобщая, легкая, вѣрная, простая; устройство ея не будетъ стоить ничего государству, ибо издержкою для него есть то только, что оно принуждено заплатить чужимъ краямъ. Оно имѣетъ и ту отличительную черту совершенства, что вмѣсто истощенія силы, приводящей ее въ дѣйствіе, оно будетъ ее умножать съ чрезвычайною выгодою для поселянъ и для цѣлаго государства, т. е. чѣмъ болѣе волы требоваться будутъ, тѣмъ болѣе количество ихъ умножаться, а порода ихъ улучшаться будетъ: важное условіе всеобщаго благосостоянія.

Наша система сообщеній можетъ съ удивительною быстротою распространиться по цѣлой Имперіи и поставитъ ее наравнѣ съ улучшенными средствами сообщеній прочихъ европейскихъ государствъ: дабы Россія и въ этомъ отношеніи не оставалась назади. Кромѣ того, она тотчасъ дастъ нѣкоторую защиту торговлѣ нашей противъ подрыва на востокѣ и противъ австрійскому (?) пароходному плаванію на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Внутри государства она, на подобіе артерій, которыя отъ сердца сообщаютъ жизнь и силу всѣмъ членамъ тѣла человѣческаго, протекать и оживлять будетъ всѣ его части. Тогда крестьянинъ не будетъ изнуряться доставкою господскихъ продуктовъ въ отдаленныя мѣста и не будетъ лишаться того сокровища, которое у него есть драгоцѣннѣе всего—т. е. времени. Тогда купецъ, фабрикантъ и промышленникъ, отправляя свои товары и произведенія безопасно, вѣрно, ежечасно, разсчитывать будутъ пространства и срокъ съ математическою вѣрностію. Тогда капиталы получатъ го-

раздо скорѣйшій оборотъ; дѣйствіе ихъ умножится многократно; товары и другія произведенія переходить будутъ шибко съ рукъ въ руки; а теперь, напротивъ, извощикъ или чумакъ, обманывая всѣ разсчеты промышленника, охлаждаетъ его рвеніе, пріостанавливаетъ успѣхи кредита и уменьшаетъ обороты капиталовъ. Тогда внутренняя русская торговля, отъ которой зависятъ сила и благосостояніе государства, гордо подниметъ главу свою и, укрѣпляя младенческія свои силы неусыпными трудами, получитъ твердую самостоятельность, независимую отъ внѣшнихъ переворотовъ. Система наша можетъ сдѣлаться всеобщею для цѣлаго государства, а будучи соотвѣтственною естественнымъ его способамъ и силамъ, заключитъ въ себѣ прочность, вѣрность и долголѣтіе.

И, наконецъ, чтобы возложить на ее вѣнецъ, прибавимъ то, что правительство найдетъ въ ней средство перевозить дешево и шибко свои заготовленія амуниціи, провіантъ, орудія, а на случай надобности даже войска, съ одного конца государства въ другой, за извѣстную цѣну и въ опредѣленное время".

Генералъ-губернаторъ призналъ проектъ недостаточно обстоятельнымъ, почему таковой подшитъ «къ дѣлу».

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *I. Первое дворянское собраніе.* Полтавская губернія открыта въ 1802 г. 28 февраля, когда повелѣно изъ бывшей Малороссійской губерніи составить двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ кн. А. Б. Куракинъ. Это былъ богатый и знатный вельможа, весьма ласковый въ обращеніи, доступный и, надо сказать, очень много сдѣлавшій для Полтавы и для губерніи вообще. При немъ было созвано 27 іюня 1802 г. первое собраніе дворянъ Полтавской губерніи. Въ Архивѣ Губернскаго правленія намъ удалось найти инструкцію, или, какъ она названа въ дѣлѣ: «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состоящій изъ 9-ти параграфовъ, регламентируетъ довольно подробно всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить губернатору списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 часовъ

утра всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генералъ-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ (имъ былъ тайный совѣтникъ Солнцевъ) вручаетъ губернскому маршалу (т. е. предводителю) вѣдомость о селеніяхъ по новому расчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ». Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ былъ помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенныя мѣста, то губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія для почести его отъ каждаго повѣта по одному молодому дворянину, составлявшихъ уже съ этого момента свиту свѣтлѣйшаго князя. Указавъ причину ихъ созыва, генералъ-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ Соборъ, благовѣстъ въ которомъ начался въ 8 ч. утра. Въ соборѣ опять разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Литургія оканчивается и по приказанію князя губернскій прокуроръ всходитъ на первую ступень амвона и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской губерніи. Затѣмъ—молебенъ, по окончаніи котораго губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, прилічныя къ выбору—64, 66 и 67, по окончаніи чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 часовъ утра, въ залу собранія для назначенныхъ выборовъ, а приглашенные къ столу, отправятся въ домъ генералъ-губернатора». Надо сказать, что кн. Куракинъ жилъ необыкновенно роскошно и очень часто давалъ роскошные обѣды.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. По возвращеніи изъ церкви, «губернскій маршалъ съ двума повѣтовыми маршалами и двумя депутатами предстанутъ къ господину генералъ-губернатору съ испрошеніемъ позволенія назначить отъ нихъ депутатовъ для принесенія всеподданнической благодарности Его Императорскому Величеству за высоко-монаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ; по чему—читаетъ далѣе,—генералъ-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оста-

вить донести Государю. Но желаніе дворянъ не исполнилось. 28 іюля того же года кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра. «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ тоже время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія ихъ я считаю для нихъ отяготительнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Собраніе дворянъ было открыто рѣчью генералъ-губернатора. Избирали въ этомъ первомъ собраніи только уѣздныхъ предводителей и на другія должности, а губернскимъ остался тотъ же Чарнышъ, избранный незадолго до открытія губерніи; не избирали и членовъ въ Генеральный Судъ, незадолго предъ тѣмъ избранныхъ, хотя этого и желалъ В. В. Капнистъ, но кн. Куракинъ не согласился на переизбраніе ихъ, и эта мѣра была одобрена Государемъ. Губ. маршалъ Чарнышъ, по ходатайству князя, за особые труды, понесенные при созывѣ дворянства, былъ награжденъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Помимо избранія предводителей, въ кругъ занятій дворянства входило избраніе и на другія должности,—подкоморія, подкоморія вознаго, хорунжаго, земскаго возиаго, депутатовъ въ нижніе земскіе суды, и въ засѣдатели (числомъ 3). Первое собраніе дворянъ продолжалось довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ до разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому маршалу, разрѣшающую дворянамъ разъѣзжаться по домамъ. (Архивъ Полт. Губ. Правл. Дѣло № 128).

—

II. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800—1805 гг. Въ 1800 году, а быть можетъ нѣсколько ранѣе, Высочайшею властью было одобрено разведеніе на югѣ Россіи винограда и шелковичныхъ червей для выработки шелка. Рѣшено было все это устроить въ Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ. Въ составъ послѣдней входилъ тогда и Константиноградскій уѣздъ. Но это было поручено, видимо, итальянцу графу де-Парма, носившему по должности званіе «инспектора надъ шелководствомъ въ

Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ». Необходимыя для шелка тутовыя деревья разводились въ казенномъ саду въ Константиноградѣ, а заводъ былъ устроенъ въ селѣ Новыя-Водолаги. Въ 1802 г. князь Куракинъ, бывши въ Константиноградѣ при открытіи присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ этотъ казенный садъ, найденный имъ въ большомъ безпорядкѣ. Графа де-Парма въ это время не было въ Константиноградѣ. Узнавъ объ осмотрѣ кн. Куракинымъ казеннаго сада, графъ пишетъ ему письмо (9 Авг. 1802 г.), въ которомъ спѣшитъ оправдаться предъ княземъ относительно дурного состоянія сада. «По новому штату, пишетъ онъ, третій годъ назадъ все приняло другой видъ во всемъ шелководствѣ и отдается на пользу жителямъ; я дожидаю со дня на день сего повелѣнія, но третій же тому годъ, какъ все посему остается въ томъ садѣ безъ всякой должной помощи; къ тому и я не могу на сіе употреблять ни одного человѣка въ умноженіи всего къ должному обработыванію его;—гдѣ 16 тысячъ прекрасныхъ шелковицъ, изъ коего числа не успѣнымъ собственнымъ моимъ вдѣніемъ насажено 8600 деревьевъ, изъ коего жъ сада я получалъ самой лучшій итальянскій шелкъ, прекрасный виноградъ, собственно жъ моимъ трудомъ въ изобиліи насажденный;—но теперь напослѣдокъ, по изъясненнымъ причинамъ, безъ должной помощи къ тому,—сарай въ прошломъ году сгорѣлъ, виноградъ погибъ, фруктовыя также и тутовыя деревья погибаютъ». При этомъ письмѣ графъ представилъ князю два сорта шелка, выработаннаго на заводѣ.

Князь Куракинъ, очень заботливо относившійся къ нуждамъ губерніи, написалъ письмо графу, гдѣ благодаритъ его за вниманіе къ нему (начало письма графа наполнено многими любезностями по адресу Куракина) и проситъ его представить соображенія относительно улучшенія казеннаго сада и шелководства. Графъ де-Парма не замедлилъ исполнить предписанія кн. Куракина и въ длинномъ письмѣ отъ 25 октября 1802 г. указалъ на необходимость увеличить число рабочихъ въ саду, огородить этотъ садъ, устроить сарай, пригласить пять садовниковъ, двухъ сторожей. Всѣ соображенія графа были одобрены генералъ-губернаторомъ, предписавшимъ губернскому правленію выдать ему денежное пособіе.

Въ этомъ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія о количествѣ деревьевъ за 1804 и 1805 годы.

Въ 1804 году было старыхъ шелковичныхъ деревьевъ 5657, вновь посажено 145, осталось неразсаженными 1360 дер.; въ продолженіе 1804 г. посажено прежнихъ лѣтъ сѣянцовъ 1800, изъ которыхъ взошло 730.

Въ 1805 году было старыхъ деревьевъ 5107, вновь разсажено 1800, неразсаженныхъ сѣянцовъ 2869. Въ теченіе же этого года разсажено отводковъ 60. Изъ сѣмянъ же взошло 5805 д.

Этимъ заканчивается дѣло о шелководствѣ въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правленія. Дѣло № 140).

—

III. Актъ въ полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803 г. При первомъ Малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Куракинѣ впервые стали чествовать въ Полтавѣ день годовщины Полтавской викторіи. Наканунѣ отправлялась панихида на Шведской могилѣ, а въ самый день торжества—праздничное богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ и молебствіе, что совершается и нынѣ. Князь Куракинъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы запечатлѣть въ памяти мѣстнаго общества день полтавскаго боя. Такъ, первое дворянское собраніе созвано имъ на 27 іюня 1802 г.; черезъ два года въ тотъ же день былъ заложенъ памятникъ полтавской битвы (Петровская колонна); 27-го іюня были открыты въ Полтавѣ: богоугодное заведеніе, домъ для воспитанія дворянъ и т. под. Этотъ же день былъ избранъ въ 1803 г. и для торжественнаго акта въ полтавскомъ народномъ училищѣ, учрежденномъ въ 1799 г. Это былъ первый выпускъ училища, нарочито обставленный особенною торжественностью. Въ присутствіи всѣхъ властей и высшаго мѣстнаго общества, ученикамъ произведенъ былъ публичный экзаменъ, затѣмъ имъ раздавали награды—книги и похвальные листы. Лучшіе изъ учениковъ читали рѣчи, а учитель Павелъ Тиссаревскій прочелъ собственнаго сочиненія стихотвореніе, посвященное историческому событію, годовщина котораго въ тотъ день праздновалась. По счастью, въ канцелярскомъ дѣлѣ Полт. Губ. Правленія сохранился подлинный текстъ этого произведенія мѣстной патріотической музы, который здѣсь и приводимъ.

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей,
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой тлѣетъ прахъ мужей,

Что градъ Полтаву защищали,
И Карловъ мечъ пренебрегали,
Сражаясь, проливали кровь,
Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
Отечеству явить любовь.
Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
И издаетъ то стонъ, то ревъ.
Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
Орломъ раздранъ шведскій левъ.
Межъ лаврами на небосклонѣ
Великій Петръ съ мечомъ, въ коронѣ;
Стоя торжественно, онъ зритъ,
Что благодарная Россія
Его труды, дѣла златыя,
Не забывая, вѣчно чтитъ.

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Къ исторіи Котельвы. Котельва была однимъ изъ сотенныхъ «городковъ» гадяцкаго полка, но во время нашествія шведовъ на Полтавщину, ахтырскій полковникъ Федоръ Осиповъ, согласившись съ котельвинскимъ атаманомъ, „выправилъ ордеръ у Меншикова“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку. „Ордеръ“ Меншикова былъ закрѣпленъ „царскимъ указомъ“. Послѣ изгнанія шведовъ, Скоропадскій просилъ царя (въ іюлѣ 1709 г.) о возвращеніи Котельвы къ гадяцкому полку, но получилъ отвѣтъ, что „царского указу“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку „отмѣнить уже невозможно“. Несмотря на такой отвѣтъ, гадяцкій полковникъ Чарнышъ хотѣлъ было силою вернуть Котельву, но гетманъ получилъ новый указъ царя, „чтобъ тотъ полковникъ гадяцкой въ то мѣстечко вступаться впредь не дерзалъ“. [1]) Несмотря однакожъ на эти указы, преемникъ Чарныша, Мих. Милорадовичъ, пригласивъ себѣ въ помощь полтавскаго полковника Черняка, пробовалъ было

---

[1]) См. Опис. Харьковск. Епархіи, архіеп. Филарета, III, 93, и Матеріалы военно-учен. арх. гл. штаба, I, 679.

еще разъ *силою* же вернуть Котельву. Несомнѣнно, что населеніе послѣдней было при этомъ на его сторонѣ. Любопытную картину этой попытки описываетъ ахтырскій полковникъ Осиповъ, въ своемъ, приводимомъ ниже, донесеніи кіевскому губернатору кн. Голицыну.

«Доношеніе г. сенатору і киевской губерніи губернатору князю Петру Алексѣевичу Голицыну. В прошломъ августе месяце, нынешнего 1720 году, господа полковники полтавскій Іванъ Чернякъ (и) гадяцкій Михайло Милорадовичъ, з старшиною и с полчани своими, в многолюдствіи будучи у розиску при господину столнику Щербачеву в полку моемъ, между Ахтырки и Котелви, для розиску спорнихъ земель, чого я подлинно не свѣдомъ, токмо о семъ извѣстенъ, что ездили оніе полковники по шляхахъ и по степахъ (съ?) чанбулами и знаменами, с бубнами и с тренбами, болше не иного чего, токмо завдаючи людемъ страхи и приводя в сумнѣніе, провозглашая, якобы о отнятіи Котелвы и прочая, по киселевой границѣ. [1]) Туть же писалъ ко мнѣ полку моего котелевскій сотникъ Василій Смаковскій, что г. полковникъ гадяцкій, не старшиною своею при немъ будучою и с козаками, сего августа подъ 25 число, мѣючи ночную квартеру в котелевскихъ подваркахъ, и назавтрѣе вехавши триумфалне в городъ, и заехалъ к нему сотнику на дворъ, а козаки полку его по по всему городу розехавшись, гласили публичне, дабы мещане до него гадяцкого полковника ішли и приносили жалобы на старшинъ своихъ. В тое число, з тамошних жителей Ярема Коротий, Луцикъ Бакуменко (и) Иванъ Лола, пришедши у дворъ сотницкій, от легкомислія своего, учали на сотника ускаржатись, и онъ сотникъ хотя ихъ упинить, изсилалъ из двора, и за то помянутій гадяцкій полковникъ его сотника всячески ругалъ, бранилъ и порывался бить, и то повидимому, знать нарочне, того ради в городъ заездилъ, прибираючи в полученіи своего желанія всякихъ способовъ, ибо слишачи отъ него полковника такие похвалки и обнадежене, в тую надѣю и другіе с котелевцовъ, такие ж легкомислинки, Василь Субота, под тотже шумъ, на рынку, публичне старшинъ учали ругать, и яко то народъ простій, легко о себѣ тое вмѣнивши, чуть не учинили бунту до забойства. С тихъ заводчиковъ зимани два человѣкъ Ярема Коротий да

[1]) Разумѣется граница, проведенная въ 1638 г., между Московскимъ государствомъ и Польшею, кіевск. воеводою Адамомъ Киселемъ.

Василь Субота, сидятъ за карауломъ, а два человѣкъ, Луцик Бакуменко (и) Иванъ Лола, к гадяцкому полковнику было ушли, а ныне явились, да тутъ же посажени за караулъ, а вышеписанний Субота из караулу ушолъ. Таиже оние господа полковники полтавскій і гадяцкій, з многими старшинами и полчани, у мелницы моей купленой Синолицовской ставши, невѣдомо з якого умислу, заочно ругая мене всячески і людей моихъ тамъ мешкаючихъ стращая убійствомъ и спаленемъ, и набѣгши на дворецъ многолюдно gвалтомъ з великими галасами, порвали бит Ивана Василенка, который тамъ билъ для допросу в продаже, з маткою своею, тѣхъ тамъ в Синолицовце мнѣ млиновъ, и бивъ еле жива, потащили до полтавского полковника, забивъ у колодки, держали за карауломъ. В моемъ же и в жителей тамошнихъ гумнахъ, в кого что было звезено сѣна и прочего збожя, и по лукахъ сѣна, много потравили, а болше конми побили, і рощу якая где тамъ була лучшая, въ пенъ велѣли рубать и палить, и пустошить унѣвецъ. Свиней, гусей и прочиего много побили, а на вгородахъ жадной огороднини нѣчого нѣгде нѣ оставили, зовсѣмъ все повирывали і спустошили, и в покупленихъ моихъ лѣсахъ понасѣкали грани сами собою, невѣдомо для чего, с которою жалобою дозѣратель мой тамошній ходилъ до г. полковника гадяцкого, просячи дабы приказалъ козаковъ унятн отъ таковихъ шкодъ, но оний полковникъ не слухавъ того, учалъ его жалобника бранить, ругать и порвался до шаблѣ, хотѣлъ рубать, заледво оний ушолъ. А полтавскій полковникъ явственно похвалялся тамошнихъ моихъ людей разогнать и жиле випалить, и зовсѣмъ мене в тамошней житі разорить, невѣдомо якимъ умисломъ, о якомъ ихъ разорении прошу у царского величества милостивой оборони. Брегадиръ Осиповъ».

Для исторіи переяславской бурсы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.). Четыре сына бубновскаго священника Росинскаго—обратились, въ 1771 г., къ тогдашнему епископу переяславскому Іову съ такою просбою: „Мы всѣ четыре родные братія, епархіи в. преосвященства, протопопіи золотоноской, м. Бубнова, преображ. священника Іоанна Росинскаго сыны, трое, совершенно обучаемся въ семинаріи в. пр-ва латинского языка, первой—школы риторики, другой синтаксимы, третой інфимы, а четвертой къ вступленію въ училище

себе только еще исготовляетъ, и для толикаго числа насъ обучающихся, исключая малолетнихъ муж. и ж. пола имѣющихся дѣтей въ домѣ, едваль отецъ снабдитъ въ ученіи нужнымъ спомоществованіемъ и прокормить можетъ, а чтобъ къ прожитію намъ и квартиру здѣсь нанять, за которую неминуемо надобно, за четирехъ, заплатить двенадцать рублей, слѣдоватиметъ ему прійти въ крайное разореніе и скудость, что напредки и нужнымъ насъ снабдивать явится не въ состояніи. Для того в. пр-ва нижайше просимъ, взглядомъ толикого насъ числа, *жить точію намъ въ бурсѣ, а на отческихъ харчахъ*, повелѣть и о томъ учинить опредѣленіе". (Подпись: Григорій, Феодоръ, Василь, Стефанъ Росѣнскіи).

На этомъ прошеніи «положена» такая собственноручная резолюція: *«Учинить префекту справку с каталогами и с учителями, какова прописанныи ученики понятія и надежды, и подъ симъ подписавъ, представитъ. Октября 25 дня, 1771 года. Іовъ епископъ переяславскій.*

Засимъ слѣдуютъ отвѣты „учителей":

1) «Преосвященнѣйшій владико! Прописанный в доношеніи ученикъ школы риторики Григорій Росѣнскій в ученіи успѣха не совсѣмъ надежнаго. Префектъ Петръ Базилевичъ».

2) «Ученикъ грамматики Ѳеодоръ Росѣнскій, по причинѣ тупости, успѣха малонадежнаго. Учитель грамматики Василь Росинскій».

3) «Ученикъ школы аналогіи Василь Росѣнскій успѣха хорошаго. Григорій Шишацкій».

„*Представить сихъ учениковъ намъ. Окт. 26 дня, 1771 года. Іовъ Е. П.*"

Засимъ, должно быть по „представленіи учениковъ, сдѣлана другая резолюція епископомъ: *«По прошенію, жить в бурсахъ до разсмотренія дозволяется, только отъ себе кормитись. Октября 26 дня, 1771 года. Іовъ епископъ переяславскій*".

Въ *два дня* епископъ разрѣшилъ просьбу бѣдняковъ и, какъ видно, разрѣшилъ благосердно, такъ какъ отзывы о двухъ просителяхъ даны неблагопріятные.—Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, былъ уроженецъ харьковской слободы Боромли, и учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ былъ потомъ и ректоромъ. Переяславскимъ епископомъ онъ назначенъ въ окт. 1770 г., и оставался на этомъ епископствѣ до смерти, въ маѣ 1776 г. Послѣ умер-

шаго денегъ осталось *«всего пять денегъ»*... Отсюда характеръ епископа *Іова*—какъ будто—еще виднѣе. При этомъ еп. Іовъ, повидимому, былъ человѣкъ любознательный, слѣдившій за общественною жизнью. Поздравляя своего сосѣда Акима Сулиму, съ пріѣздомъ изъ Спб. въ Переяславщину, Іовъ, въ маѣ, 1773 г., ему пишетъ: „за *доставленіе* на сей годъ петербургскихъ и лейпцигскихъ вѣдомостей, покорно благодарю. Я теперь на вѣдомости богатъ и другимъ служить могу, ибо и г. Бантышъ-Каменскій оные жъ доставилъ". («Сулим. Арх.», 114).

Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства. *Письмо М. А. Имшенецкаго къ Гр. П. Галагану. 1864 г.* Авторъ приводимаго здѣсь письма занималъ должность борзенскаго уѣзднаго предводителя дворянства трехлѣтіе—1866—869 г. г., послѣ хорошо памятнаго и теперь борзенцамъ Константина Алексѣевича Гамалѣя, бывшаго у нихъ предводителемъ *девять трехлѣтій*. М. А. И—цкій былъ человѣкъ съ небольшими средствами, но пользовался большою извѣстностью за свое радушіе и готовность прійти на помощь каждому ближнему. Старые „паны", впрочемъ, на него немного косились за разныя его „новшества, къ числу которыхъ относилось и зародившееся было у М. А. И. желаніе заняться книжною торговлею.—„М. г. Григорій Павловичъ. Обращаюсь къ вамъ съ полною увѣренностью, что вы удостоите мое письмо отвѣтомъ, узнавъ о моемъ дѣлѣ, которое, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ вашему просвѣщенному уму и знанію потребностей края (гдѣ вамъ предстоитъ такая важная и полезная дѣятельность [1]). Мое дѣло заключается вотъ въ чемъ. Кіевъ, а вмѣстѣ и весь южный край, весьма нуждается въ честной книжной торговлѣ. Вамъ должно быть хорошо извѣстно—какъ мало соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ образованія такой книгопродавецъ, какъ Литовъ и К°. Проживъ два года на своемъ хозяйствѣ, я пожелалъ попытать себя въ другой общеполезной дѣятельности, и напалъ на мысль устроить въ Кіевѣ книжный магазинъ, съ кабине-

---

[1]) Г. П. Галаганъ въ это время былъ вице-предсѣдателемъ временной кіевской комиссіи, учрежденной для приведенія въ порядокъ крестьянскаго дѣла въ юго-западн. краѣ. См. статью г Воронопова: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ", Вѣстн. Евр. 1901 г., іюль.

томъ для чтенія, поставивъ себѣ цѣлію—содѣйствовать русскому образованію продажей хорошихъ и полезныхъ книгъ по петербургскимъ цѣнамъ, съ самой развѣ небольшой надбавкой, въ исключительныхъ случаяхъ, и доставленіемъ чтенія за самую умѣренную плату въ магазинѣ.

Капиталъ у меня небольшой, и потому мнѣ необходимо покровительство и содѣйствіе людей просвѣщенныхъ и вліятельныхъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы, многоуважаемый Г. П., не прогнѣваетесь, если я обращусь къ Вамъ съ просьбой, быть можетъ неумѣстной, но къ которой я былъ приведенъ случайно. Книгопродавецъ Кожанчиковъ, отсовѣтывая мнѣ начинать книжную торговлю въ Кіевѣ, между прочимъ, сказалъ, что вы предлагали ему *даровое* помѣщеніе въ своемъ домѣ, но что онъ отказался.—*Я же*, съ своей стороны, считалъ бы дѣло свое упроченнымъ, если бы такое предложеніе было мнѣ сдѣлано, хоть на первое время, т. е. на годъ или на два: тогда я увѣренъ, честная торговля моя внушила бы довѣріе обществу, пріобрѣла бы постоянныхъ покупателей и, вѣроятно, привлекла бы ко мнѣ въ компанію небольшіе капиталы другихъ. Усерднѣйше прошу васъ, Г. П., не отказать мнѣ въ скоромъ отвѣтѣ, личномъ или черезъ кого либо изъ моихъ знакомыхъ: я останусь душевно вамъ благодаренъ.

Во всякомъ случаѣ, я, входя здѣсь въ условія съ книгопродавцами и издателями, вмѣстѣ съ этимъ посылаю прошеніе къ кіевскому гражд. губернатору о дозволеніи мнѣ открыть книжный магазинъ и кабинетъ для чтенія: не откажите въ возможномъ, съ Вашей стороны, содѣйствіи предъ властями, которыя будучи въ настоящее время отвлечены болѣе важными дѣлами, могутъ забыть о моемъ.

Зная Васъ по образу Вашей общественной дѣятельности и Вашимъ мнѣніямъ, которыя мнѣ удавалось слышать, я былъ бы также весьма вамъ признателенъ за всякій совѣтъ, какой было бы угодно Вамъ подать мнѣ при начатіи дѣла новаго, но тѣмъ не менѣе необходимо нужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и несомнѣнно полезнаго въ краѣ, находящемся подъ вліяніемъ враждебной общественной силы (?). Еще разъ выражая надежду на Ваше доброе вниманіе, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашъ, м. г., покорный слуга Михаилъ Иншенецкій. С.-Петербургъ. 4 января, 1864 года». (*Съ подлинника*).

Какой отвѣтъ былъ полученъ на это письмо М. А. И—цкимъ, мы не знаемъ, но книжной торговли онъ не открывалъ.—Считаемъ не лишнимъ здѣсь добавить, что М. А. И. воспитаніе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Умеръ онъ въ 70-хъ годахъ, отъ чахотки. Жилъ М. А. И. въ глухомъ своемъ хуторѣ Майорщинѣ, между с. Ядутами и Десною.

Для исторіи церковнаго прихода. *Налоги въ пользу кіевскаго митрополита съ церквей его епархіи.* Приводимыя здѣсь свѣдѣнія о денежныхъ налогахъ: 1) за назначеніе священниковъ и діаконовъ на приходы, 2) за грамоты на заложеніе и освященіе церквей и 3) за антиминсы, сообщаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя данныя какъ о времени постройки церквей въ нѣкоторыхъ лѣвобережныхъ городахъ и селахъ, такъ и о дѣлежѣ приходскихъ доходовъ между наличными священниками.

«Великому господину ясне въ Богу преосвященнѣйшему киръ Арсенію Могилянскому, Божіею милостію православному архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи. Доношеніе.

Въ каѳедралной вашего ясне въ Богу преосвященства конторѣ, декабря отъ 19 минувшаго 1769 года по нижеписанное число февраля 1770 года, собрано денегъ.

I. *Отъ новорукоположенныхъ іереевъ и діаконовъ.*

766 года, сентября 20. Діакона Максима Павловскаго протопопіи Зѣнковской, мѣстечка Куземина, къ церкви Троицкой, при коей дворовъ 109, во іерея, на половинные доходы, за викарія. Съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп., и того 10 р. 90 к.

769 года декабря 20. Михайла Шкляревскаго къ церкви кіевобогословского дѣвичего монастыря, во іерея, нынѣ въ помощь тестю, а по смерти, за настоятеля, за состоящіе подъ тѣмъ монастыремъ приходскіе дворы 14, отъ двора по 20 коп., и того 2 р. 80 к.

Того жъ. Іакова Левѣцкаго протопопіи верхнокіевской, къ верхнокіевской Троицкой церкви, при коей дворовъ 32, во діакона, отъ двора по 5 коп., итого 1 р. 60 к.

770 года, генваря 6. Іоанна Гриновецкаго протопопіи кіевоподолской, къ церкви кіевоподолской Воведенской, при коей дворовъ

222, во іерея, нынѣ въ помощь тестю его Іоанну Камѣнскому, а по выбытіи его Камѣнскаго съ прихода, на половинную его часть парохіи за настоятеля; съ оныхъ дворовъ за половину слѣдовало взять 22 р. 20 к., но по резолюціи вашего ясне въ Богу преосвященства оставлено.

Того же. Михайла Яновского, протопопіи Кобеляцкой, села Лучокъ, къ церквѣ Крестовоздвиженской, при коей дворовъ 31, во діакона, на третью часть доходовъ съ оныхъ, за третью часть дворовъ, отъ двора по 20 к., итого 2 р. $6^2/_4$ к.

12 генваря. Нестора Яновскаго, протопопіи Ичанской, села Гайворона, къ церкви Покровской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину 66, отъ двора по 20 коп., итого 3 р. 20 к.

18 генваря. Никита Зорича, протопопіи Нѣжинской, села Лукашовки, къ церкви Рождества Христова, при коей дворовъ 44, во іерея, за настоятеля, отъ двора по 20 к., итого 8 р. 80 к.

22 генваря. Василя Пѣрского, протопопіи Полтавской, села Диканьки, къ церкви Златоустовской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп. итого 13 р. 20 к.

24.—Антона Андрѣевскаго, протопопіи Ичанской, села Великаго Самбора, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 104, во іерея, въ помощь отцу, за викарія, за половинную часть дворовъ, 52, отъ двора по 20 коп., итого 10 р. 40 к.

25. Іоакима Лукяновича протопопіи Пирятинской, села Кохновки, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 74, во іерея, въ помощь тестю его, на половинные доходы, съ оныхъ дворовъ за половину 37 отъ двора по 20 коп., итого 7 р. 40 к.

II. *За выданные на заложеніе и освященіе церквей грамматы.*

1769 г., декабря 21. На освященіе протопопіи прилуцкой, села Березовки новоустроенной, на урочищѣ Комаровки, Николаевской церкви, при коей дворовъ 100, отъ двора по 5 коп., итого 5 р.

22. На освященіе протопопіи Миргородской въ селѣ Аврамовки новоустроенной Вознесенской церкви, при коей дворовъ 86, отъ двора по 5 к., итого 4 р. 30 к.

1770 г. генваря 8. На освященіе протопопіи Казелецкой, въ гор. Козельцѣ, каменной Рождества Богородицы церкви, съ тремя предѣлами, при коей церквѣ дворовъ 195, отъ двора по 5 к., итого 9 р. 75 к.

20. На заложеніе протопопіи Зѣнковской въ селѣ Пѣркахъ, на мѣсто обветшалой, вновь Николаевской церкви, при коей дворовъ 165, отъ двора по 5 коп. итого 8 р. 25 к.

23. На освященіе протопопіи Гадяцкой, въ селѣ Липовки, новоздѣланной Михайловской церкви, при коей дворовъ 111, отъ двора по 5 коп., итого 5 р. 55 к. Того жъ. На освященіе протопопіи Лубенской, въ деревнѣ Галицѣ новоустроенной Рождества Христова, при коей дворовъ 71, отъ двора по 5 к., итого 3 р. 55 к.

Февраля 4. На заложеніе протопопіи Нѣжинской, въ селѣ Малой Кашеліовки, Успенской церкви, при коей дворовъ 23, отъ двора по по 5 к., итого 1 р. 15 к.

Ш. *За выданные святые антиминсы.*

1769 года, декабря 21. Протопопіи Прилуцкой, села Березовки, въ новоустроенную на урочищѣ Комаровки Николаевскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

22. Протопопіи Миргородской, села Аврамовки, въ новоустроенную Вознесенскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к. — По резолюціи в. ясне въ Богу преосвященства оставлено.

1770 г., генваря 8. Протопопіи Козелецкой, г. Козелца, въ церковь Рождества Богородицы и въ предѣлные два храмы, три, матеріальные, 12 рубл.

23. Протопопіи Лубенской, дер. Галицы, въ новоустроенную Рождества Христова церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

Всѣхъ вышеписаныхъ въ собраніи въ казнѣ, в. ясне въ Богу преосвященства, имѣется денегъ 126 р. 91¾ к.

О якихъ денгахъ, понеже резолюціею в. ясне въ Богу преосвященства ноября 8 д. 758 года состоявшеюсь, велѣно представлять в. ясне въ Богу пр—ву помѣсячно или понедельно, а безъ того и резолюціи в. я. въ е. пр—ва такихъ денегъ въ приходъ не записывать, того ради в. я. въ Б. пр—ва, просимъ о принятіи въ казну в. я. въ Б. пр—ва оныхъ денегъ резолюціи. Вашего я. въ Б. пр—ва всенижай-

шіи послушники каѳедральный писарь іеромонахъ Іеремія. Архидіаконъ Іларіонъ. Крестовый іеромонахъ Орестъ.

1770 года. февраля „ “ д.

Резолюція митрополита. „ 1770 года, феврал. 6 д. № 16. Записать в приходъ“. (Съ *подлинника*).

Текущія извѣстія.

30-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ник. Ильича Стороженка. Въ октябрѣ исполнилось 30 лѣтъ служенія наукѣ и университетской жизни извѣстнаго ученаго, профессора Московскаго университета *Николая Ильича Стороженка.* Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала мы считаемъ себя обязанными болѣе подробно сказать объ этомъ ученомъ, посвящавшемъ свои труды для разработки вопросовъ, входящихъ въ кругъ задачъ нашего изданія, и принимавшемъ постоянное участіе въ судьбахъ „Кіевской Старины“, внося въ нее свое цѣнное сотрудничество. Теперь-же отмѣтимъ только, что Н. И. Стороженку посвящена маленькая, но очень прочувствованная замѣтка въ газетѣ „Восходъ“, вспоминающей по поводу его юбилея лекцію о Паркерѣ, статью о Донъ-Кихотѣ, помѣщенную въ сборникѣ въ пользу голодающихъ евреевъ (Помощь), гдѣ такъ ярко высказались его гуманные взгляды по вопросамъ о національной терпимости.

—

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Заказанный П. М. Певному постаментъ для памятника малорусскому поэту И. П. Котляревскому въ большей его части уже готовъ и предстоящей зимой въ составленномъ видѣ будетъ перевезенъ изъ Кременчуга, гдѣ онъ изготовляется, въ Полтаву. Будущей весной предполагается совершить закладку памятника на Протопоповской улицѣ, а къ осени того же года памятникъ будетъ совершенно установленъ и открытъ. Постаментъ, состоящій изъ четырехъ частей, будетъ сработанъ изъ гранита по утвержденному думой проекту, по условію съ г. Певнымъ, за 8000 руб. (Полт. Г. В.).

—

Интересная лекція о Гоголѣ. Въ годовомъ засѣданіи воронежскаго медицинскаго общества 13 октября предсѣдатель д-ръ Баженовъ прочелъ докладъ о болѣзни и смерти Гоголя съ медицинской точки зрѣнія. Изъ наслѣдственныхъ прецедентовъ болѣзни отмѣченъ молодой возрастъ (14 лѣтъ) матери Гоголя, его неврастенизмъ въ дѣтствѣ и др. Докладчикъ опредѣлилъ болѣзнь Гоголя, какъ форму періодическаго психоза,—какъ періодическую меланхолію, подтвердивъ это цитатами изъ руководства по психіатріи Корсакова и параллельными цитатами изъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ передаетъ свои болѣзненныя ощущенія. Однимъ изъ симптомовъ болѣзни Гоголя, на-ряду съ мистицизмомъ, было и воздержаніе отъ пищи. Обезсиленнаго отъ голоданія Гоголя врачи начали ошибочно лѣчить тѣмъ, что стали ставить ему піявки и вызывать кровотеченіе. Это и было причиною смерти писателя.

—

Гоголевская выставка. Студенты академіи художествъ, оканчивающіе курсъ въ 50-лѣтнюю годовщину со дня смерти Н. В. Гоголя, рѣшили ознаменовать свой «Гоголевскій» выпускъ устройствомъ художественной выставки картинъ, исключительно относящихся къ жизни покойнаго писателя. На выставкѣ будутъ въ большомъ количествѣ собраны фотографическіе виды тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и работалъ Гоголь; будутъ выставлены также фотографіи «Диканьки». (Южанинъ № 246).

—

Домъ Квитки въ Основѣ. Попечительство о народной трезвости Харьковскаго уѣзда существующій домъ Квитки на Основѣ предполагаетъ приспособить для театра и давать въ немъ любительскіе спектакли, при чемъ имѣется въ виду привести его въ болѣе или менѣе приличное состояніе для означенной цѣли. (Южный Край, № 7169).

—

50-лѣтіе смерти К. Т. Соленика. 7-го октября исполнилась 50-тая годовщина смерти „знаменитѣйшаго“, какъ значится на могильномъ крестѣ, украинскаго актера Соленика. Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, украинскій Мартыновъ, умеръ отъ чахотки 7-го октября 1851 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Игралъ онъ на сценѣ роля Мартынова, игралъ со Щепкинымъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Его приглашали на петербургскую сцену, но онъ нигдѣ, кромѣ Харькова, не хотѣлъ играть. Въ Харьковѣ онъ и умеръ. Похороненъ на городскомъ кладбищѣ рядомъ съ актеромъ Дранше и актрисой Микульской. На могильномъ крестѣ, на одной сторонѣ, имя того, кто подъ нимъ покоится, а на другой—слѣдующіе стихи:

Дывыся зъ неба Соленыче
Якъ крыво серце чоловиче:
Якъ ты колысь на свити жывъ
Та щыро публыци служивъ.
Такъ публыка тоби жывому
Квитки кыдала, якъ солому;
А вмеръ, артысте—небораче,
То и байдуже!—нихто не баче,
Що прахъ лежыть твій безъ хреста...
Пора, бачъ, гулькнула не та:
Теперъ вже стала Украина
Холодна буцимъ домовына.

(Южный край, № 7164).

Желательно было бы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи могилы этого несправедливо забытаго, для своего времени выдающагося актера, о которомъ Гоголь отзывался, какъ о замѣчательномъ комическомъ талантѣ.

—

Самый несчастный народъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ «Галичанинѣ» обширное письмо, за подписью Угроссъ. Это письмо рисуетъ мрачными красками тяжелое, положеніе русскаго народа въ Венгріи, находящагося въ прямой зависимости отъ мадъяръ.

Угрорусскій народъ,—по словамъ автора письма,—самый забитый, самый темный и самый бѣдный народъ во всей Венгріи. Онъ не имѣетъ своей интеллигенціи и своихъ представителей. Какъ духовенство, такъ и народные учителя назначаются правительствомъ, вслѣдствіе чего они совершенно лишены самостоятельности. Но главное зло,—по мнѣнію автора,—заключается въ томъ, что угроссы не имѣютъ своихъ національныхъ вождей, отчего у нихъ и отсутствуетъ какая бы то ни было организація въ народномъ дѣлѣ.

Далѣе, авторъ говоритъ, что угроссы вовсе не имѣютъ своихъ національныхъ школъ, такъ какъ даже сельскія народныя школы

подвержены мадьяризаціи. Священники въ селахъ говорятъ не «по-простацки» (т. е. по-русски), а „по-пански“ (т. е. по-мадьярски).

Русскія епархіальныя власти въ сношеніяхъ съ духовенствомъ пользуются мадьярскимъ языкомъ. Мадьяризація проводится не только посредствомъ школы, но также и посредствомъ церкви. Хотя изъ Рима уже нѣсколько разъ приходило запрещеніе относительно службы въ русскихъ церквахъ на мадьярскомъ языкѣ, но опубликовать это запрещеніе не позволяется.

Русскія дѣти мадьяризируются въ школахъ насильственно: училищный инспекторъ ничего не требуетъ отъ учителей, кромѣ того, чтобы они хорошо преподавали мадьярскій языкъ; если же инспекторъ замѣтитъ, что какой нибудь учитель преподаетъ по-русски, то на послѣдняго взводится какое бы то ни было обвиненіе,—хотя бы даже въ выдуманномъ преступленіи,—и учитель, а вмѣстѣ съ нимъ и священникъ, въ приходѣ котораго совершилось такое «преступленіе», подвергаются преслѣдованіямъ.

Всякое культурное начинаніе угророссовъ встрѣчается мадьярскимъ правительствомъ съ такою же враждебностью, какъ и русскій языкъ. У угророссовъ существуетъ только одно русское общество, занимающееся просвѣщеніемъ русскаго народа въ русско-народномъ духѣ, и этому обществу мадьярское правительство и мадьярская печать на каждомъ шагу поставляютъ всевозможныя препятствія. Мадьярская печать нападаетъ на это общество, какъ на ненавистническое, сепаратистическое, и, такимъ образомъ, запугиваетъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы записаться въ члены общества.

«Вотъ какъ печально наше положеніе,—заканчиваетъ Угроруссъ свое письмо,—и главная причина такого положенія заключается въ томъ, что народъ нашъ—теменъ и необразованъ, и что у насъ нѣтъ самостоятельнаго мѣщанства, а интеллигенція наша, состоящая изъ учителей, священниковъ и чиновниковъ, всецѣло зависитъ отъ правительства. Будь у насъ русское купечество, русскіе врачи, адвокаты, помѣщики и промышленники,—наша угро-русская народность не была бы такъ притѣсняема и съ ними считались бы и правительство, и мадьяризаторы».

Авторъ въ заключеніе взываетъ къ русскимъ патріотамъ, убѣждая ихъ позаботиться о матеріальномъ улучшеніи положенія угро-русскаго народа, вслѣдъ за которымъ должно наступить и культурно-политическое улучшеніе.

—

„Вѣче" студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ. Давно уже русины въ Галиціи добиваются основанія отдѣльнаго университета для русиновъ, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ возбуждался неоднократно русинскими послами и въ рейхсратѣ, и въ мѣстномъ сеймѣ; въ 1899 г. миттингомъ русинской учащейся молодежи рѣшено было представить въ министерство народнаго просвѣщенія петицію объ основаніи русинскаго университета; подробно мотивированныя петиціи о томъ же посланы были въ министерство и научно-просвѣтительными украинскими обществами—«Товариствомъ імени Шевченка», «Просьвитою» и «Народною Радою». Новымъ шагомъ въ этомъ направленіи является «вѣче» (миттингъ) студентовъ-русиновъ, состоявшееся въ первый разъ въ стѣнахъ Львовскаго университета 25 сентября (8 октября) настоящаго года при участіи почти всѣхъ студентовъ-русиновъ (въ томъ числѣ было также и нѣсколько студентокъ) и профессоровъ г.г. Грушевскаго, Днѣстрянскаго и Студинскаго.

Студенты Косевичъ и Комаринскій, изложивъ въ своихъ рефератахъ, исторію вопроса объ отдѣльномъ русинскомъ университетѣ, особенное вниманіе обратили на юридическую и фактическую мотивировку своихъ требованій, подтверждая ее ссылками на австрійскіе законы и выясняя, что дѣйствительное положеніе дѣлъ не соотвѣтствуетъ юридическому. По закону преподаваніе во Львовскомъ университетѣ должно производиться на обоихъ мѣстныхъ языкахъ—польскомъ и украинско-русскомъ, но на дѣлѣ утраквизмъ существуетъ почти только номинально. Русинамъ едва удалось, да и то съ невѣроятными усиліями, добиться нѣсколькихъ каѳедръ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Между тѣмъ число русиновъ въ Львовскомъ университетѣ доходитъ до 600, т. е., почти вдвое превышаетъ число студентовъ Черновецкаго университета; русины состоятъ профессорами въ другихъ университетахъ Австріи; научное движеніе выработало уже пріемы и терминологію. Эти мотивы побуждаютъ референтовъ придти къ заключенію, что русины въ правѣ требовать для себя отдѣльнаго университета, а пока стремиться къ возможно полному проведенію утраквистической системы въ существующемъ уже Львовскомъ университетѣ. Послѣ обсужденія рефератовъ, во время котораго особенно настойчиво повторялась и подчеркивалась мысль, что русины въ послѣдній разъ добиваются осуществленія своихъ національныхъ правъ мирными способами, единогласно принята была

слѣдующая резолюція: «Принимая во вниманіе 1) количество украинско-русскаго народа въ Галиціи, 2) число студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ, 3) артикулъ XIX основныхъ законовъ Австрійской имперіи, обезпечивающій каждому народу просвѣщеніе на родномъ языкѣ, и 4) утраквистическій въ силу закона характеръ Львовскаго университета,—вѣче украинско-русской учащейся молодежи требуетъ основанія всѣхъ каѳедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ». Резолюція представлена въ совѣтъ университета и министру народнаго просвѣщенія. («Дѣло», №№ 216 и 221).

—

Ходатайство о малорусскихъ народныхъ изданіяхъ. Въ общемъ собраніи Харьковскаго Общества Грамотности, состоявшемся 7-го октября, правленіе доложило о томъ, что, обсудивъ въ своихъ засѣданіяхъ вопросы, переданные ему общимъ собраніемъ 29 апрѣля, оно постановило: 1) возбудить ходатайство о допущеніи всѣхъ изданій харьковскаго издательскаго комитета при О-вѣ грам. въ школьныя и народныя библіотеки всѣхъ вѣдомствъ и о примѣненіи къ рукописямъ на малорусскомъ языкѣ общецензурныхъ правилъ безъ тѣхъ ограниченій, которыя существуютъ въ настоящее время. Соотвѣтствующая бумага уже составлена и будетъ вскорѣ отправлена по назначенію; 2) что касается допущенія въ школахъ извѣстнаго раіона учебниковъ на малорусскомъ языкѣ, то правленіе большинствомъ (13 голосовъ противъ 3) высказалось за несвоевременность такого ходатайства и отклонило его.

—

Брошюры на народномъ языкѣ по вопросу кооперації. Недавно закончившій свои занятія полтавскій кустарный съѣздъ, по почину извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго, призналъ желательнымъ придти на помощь кооперативному движенію въ народѣ посредствомъ изданія популярныхъ брошюръ на мѣстномъ народномъ языкѣ по вопросу кооперації, для ознакомленія съ ними мѣстнаго населенія.

—

Опера „Галька“ на малорусской сценѣ. Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Ярошенка ставило въ Николаевѣ извѣстную оперу Монюшко «Галька» въ переводѣ на украинскій языкъ. („Южанинъ“, № 250).

—

Чтенія для народа въ Коломыѣ. Въ Коломыѣ (въ Галиціи), благодаря дѣятельности мѣстной украинской интеллигенціи, въ настоящемъ году ведутся постоянныя популярныя чтенія для народа. Состоялись уже чтенія: 1) проф. Макарушки «Про Тараса Шевченка», 2) Л. Посацького «Про великого київського князя Ярослава Мудрого», 3) проф. Масляка „Про давних грекив і римлян" (рядъ лекцій изъ древней исторіи) и 4) проф. Білика „Вода і ін складові части"). „Дѣло", №№ 224 и 233).

—

Предполагаемый журналъ «Рилля». Статистикъ черниговскаго губернскаго земства М. В. Яворскій вошелъ съ ходатайствомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Черниговѣ сельско-хозяйственный журналъ на малорусскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Рілля». (Русск. Вѣдом., № 271).

—

Лекціи Д. Эварницкаго по археологіи. Д. И. Эварницкій намѣренъ прочесть въ Петербургѣ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ курганнымъ раскопкамъ на югѣ Россіи. (Южан., № 252).

—

Народный спектакль подъ руководствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ «Полтав. Губ. Вѣд.» (№ 227) напечатана корреспонденція А. Влахопулова, которую мы, въ виду ея интереса, перепечатываемъ цѣликомъ. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ недавно произошло знаменательное артистическое событіе: 7 октября нашъ извѣстный артистъ М. Л. Кропивницкій выступилъ руководителемъ спектакля, устроеннаго крестьянскою молодежью въ с. Позникахъ на домашнемъ театрѣ г. г. Русиновыхъ. Шла драма Кропивницкаго „Невольныкъ» и «Прихожа» (лакейская) Гоголя, въ переводѣ на малороссійскій языкъ В. Ф. Русинова. Послѣ спектакля М. Л. Кропивницкій, по требованію публики, вышелъ на сцену и прочелъ разсказъ Стороженка и нѣсколько стихотвореній Шевченка. Удивительное чтеніе Кропивницкаго глубоко растрогало его непосредственныхъ слушателей, устроившихъ ему шумную овацію. На репетиціи „Невольныка» крестьянская молодежь и народные учителя, принимавшіе участіе въ пьесѣ, жадно слѣдили за указаніями, даваемыми Кропивницкимъ. И съ какимъ мастерствомъ онъ ихъ давалъ! Видя знаменитаго малорусскаго артиста, окруженнаго крестьянами, въ деревенскомъ театрѣ, намъ невольно пришло

въ голову, что обширной и плодотворной артистической дѣятельности нашего народнаго актера раскрылась здѣсь новая арена, столь его достойная,—воспитателя и руководителя нарождающихся народныхъ труппъ въ деревнѣ.

То тутъ, то тамъ эти труппы возникаютъ, имѣя единственной цѣлью разумныя развлеченія; въ городахъ и селахъ строятся народные дома. Казалось бы, кому, какъ не М. Л. Кропивницкому должно принадлежать артистическое руководство въ народныхъ домахъ народными спектаклями и художественнымъ чтеніемъ прозы и стиховъ. Средства для этого могутъ быть созданы на соединенныя ассигнованія комитетовъ трезвости и земства. Кропивницкій, руководя народными домами въ нашей мѣстности, самъ игралъ бы на народныхъ сценахъ и, несомнѣнно, создалъ бы въ народѣ цѣлую школу театральной игры и чтенія. Кропивницкій захватываетъ создаваемые имъ типы такъ глубоко, налагаетъ на нихъ такую массу красокъ, что видѣвшимъ его актерамъ рѣшительно невозможно не подражать ему. Какъ бы ни былъ талантливъ артистъ, какъ бы самостоятельно ни трактовалъ свою роль, но въ исполненіи у него непремѣнно окажется хоть частичка Кропивницкаго. О непосредственныхъ исполнителяхъ—крестьянахъ и говорить нечего: тутъ вліяніе чудной игры Кропивницкаго совсѣмъ неоцѣненно.

Если народному театру дѣйствительно принадлежитъ серьезная роль, не только какъ разумнаго развлеченія, но и воспитывающая и облагораживающая, то пора подумать о правильной и художественной постановкѣ дѣла. Задачу эту должны взять на себя наши народные дома, особенно въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, и руководство ими должно принадлежать никому иному, какъ нашему несравненному народному артисту М. Л. Кропивницкому.

Дѣло по поводу увѣчья М. Шевченка. Въ свое время мы сообщали о печальномъ случаѣ съ внучатымъ племянникомъ Т. Г. Шевченка, М. Шевченкомъ, который во время работъ въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейнъ потерялъ руку. Дѣло это, какъ сообщаетъ «Югъ», недавно разбиралось въ окружномъ судѣ, и С. Б. Фальцъ-Фейнъ признана виновной въ томъ, что въ мастерской не было необходимаго досмотра за учениками, а потому судъ приговорилъ Фальцъ-Фейнъ къ ежегодной уплатѣ М. Шевченку 225 рублей пожизненно.

Картина А. Н. Волкова „Петръ Великій въ темницѣ у Полуботка“ воспроизведена фототипіей въ октябрьскомъ № «Журнала для всѣхъ» текущаго года. Рисунокъ снабженъ обстоятельной замѣткой В. Строева, который, на основаніи изслѣдованія А. М. Лазаревскаго (Рус. Арх. 1880 г.), излагаетъ истинную біографію Полуботка и характеръ его политической дѣятельности.

—

Къ 300-лѣтнему юбилею Кіевской Духовной Академіи. Въ 1915 г. исполняется 300 лѣтъ съ того времени, когда была основана Богоявленская братская школа, которая впослѣдствіи была переименована сначала въ коллегію, потомъ въ академію, наконецъ, въ духовную академію. Ректоръ академіи, преосвященный Димитрій, озабоченный достойнымъ празднованіемъ рѣдкаго юбилея almae matris, вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующими предложеніями: 1) Кіевская духовная академія доселѣ еще не имѣетъ надлежащей полной исторіи за истекшее время ея существованія. Труды по исторіи академіи преосвященнаго Макарія и В. Аскоченскаго, какъ вышедшіе около 50 лѣтъ тому назадъ, устарѣли, а работы послѣдняго времени, при всѣхъ достоинствахъ ихъ, ни каждая въ отдѣльности, ни даже въ своей совокупности, не обнимаютъ исторіи академіи во все время ея существованія и не изображаютъ жизни ея во всѣхъ отношеніяхъ. Въ виду предстоящаго юбилея, настоитъ потребность составить надлежащую полную исторію академіи. Для успѣха въ этой работѣ необходимо сперва издать акты по исторіи академіи, при томъ всѣ, напечатать неизданные еще матеріалы, переиздать, по провѣркѣ, напечатанныя уже рукописи. 2) Кіевская духовная академія ежегодно 31 декабря, въ день кончины фундатора братской школы, митрополита кіевскаго Петра Могилы, совершаетъ молитвенное поминовеніе основателей и благотворителей академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, имена которыхъ записаны въ хранящемся при церкви синодикѣ. Въ виду несовершенства этого синодика (въ немъ стоятъ только одни имена безъ указанія, кому принадлежатъ они), преосвященный Димитрій предложилъ составить новый, болѣе совершенный синодикъ, и именно въ двухъ видахъ: подробный, въ видѣ біографическаго словаря, въ которомъ были бы помѣщены краткія жизнеописанія вѣчно памятныхъ академіи и поминаемыхъ ею лицъ, и въ которомъ могли бы находить нѣкоторое удовлетвореніе, пока будетъ составлена полная исторія академіи, интересующіеся ея трехсотлѣт-

нимъ прошлымъ, и краткій, въ которомъ стояли бы только имена умершихъ, а въ особыхъ графахъ фамиліи ихъ и время кончины, и который употреблялся бы при церковномъ богослуженіи. Первый представлялъ бы собой синодикъ ученый, академическій, а второй—синодикъ церковный, богослужебный. На проектируемыя изданія преосвященный Димитрій пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 3,000 р. Совѣтъ академіи отнесся къ проекту преосвященнаго Димитрія вполнѣ сочувственно и, по его же предложенію, для осуществленія его проекта, назначилъ коммиссію изъ профессоровъ академіи Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и свящ. Ѳ. И. Титова, уже давно работающихъ въ области западно-русской исторіи. (С.-Петерб. Вѣд. 271).

—

Цѣнный даръ библіотекѣ Кіевскаго университета. Библіотека университета св. Владиміра обогатилась новымъ цѣннымъ даромъ. Извѣстный изслѣдователь исторіи Малороссіи, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области, А. М. Лазаревскій, изъявилъ желаніе подарить университету свою библіотеку. Собраніе А. М. Лазаревскаго представляетъ особенный интересъ для Кіева, такъ какъ главную часть его составляютъ сочиненія, имѣющія отношеніе къ прошлому Малороссіи. Особенно цѣнны составленные А. М. Лазаревскимъ «сборники», въ которыхъ собраны многочисленныя статьи по исторіи Малороссіи, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ А. М. Лазаревскій, съ рѣдкой настойчивостью и трудомъ, собиралъ подобнаго рода статьи, вырѣзывалъ ихъ изъ журналовъ и другихъ изданій, переплетая въ отдѣльные томы. Большая часть этихъ «сборниковъ» переплетены въ своеобразные переплеты, представляющіе старинные узорчатые ситцы и ткани. Такихъ «сборниковъ» въ собраніи А. М. Лазаревскаго имѣется болѣе ста. Жертвуемая А. М. Лазаревскимъ библіотека не будетъ слита съ остальными книгами университетской библіотеки, а будетъ храниться въ особыхъ шкафахъ. Пользованіе книгами изъ этого рѣдкаго и цѣннаго собранія будетъ ограничено тѣмъ, что книги не будутъ выдаваться на домъ, а будетъ предоставлено ими пользоваться желающимъ исключительно въ помѣщеніи библіотеки университета. Этимъ устраняется возможность случайной утраты статей, представляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. (С.-Петербургск. Вѣд. № 282).

—

Почетный отзывъ. 19 октября въ торжественномъ собраніи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ былъ прочитанъ ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина.

На премію представлялось между прочимъ сочиненіе И. Стешенка: „Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ столѣтнему юбилею его «Энеиды»: 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ, 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики". Рецензія этого труда поручена была проф. А. Е. Крымскому. Указавъ на достоинства и недостатки книги г. Стешенка, рецензентъ ходатайствовалъ предъ отдѣленіемъ о награжденіи его труда половинной преміей.

По постановленію соединеннаго собранія отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, трудъ г. Стешенка награжденъ *почетнымъ отзывомъ*, а рецензенту его труда г. А. Е. Крымскому выдана установленная пушкинская золотая медаль.

—

А. В. Старчевскій. (*Некрологъ*). 7-го октября скончался старѣйшій представитель современной русской журналистики Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, на 84 году отъ роду.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, переселившихся туда въ половинѣ XVIII вѣка изъ Польскаго королевства. Родился онъ 29-го апрѣля 1818 года въ деревнѣ Ивкахъ, близъ Богуславля, Кіевской губерніи. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія А. В. учился въ кошеватской парафіальной школѣ, у уніатскаго священника, въ каневскомъ повѣтовомъ училищѣ отцовъ базиліанъ и въ первой кіевской гимназіи. Нигдѣ курса онъ не окончилъ но настолько былъ пріученъ къ работѣ, что самостоятельно подготовился къ поступленію на юридическій факультетъ университета св. Владиміра. Оттуда перешелъ въ с.-петербургскій университетъ.

Русской журналистикой покойный сталъ заниматься въ 1843 г., сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и филологіи. Покойный редактировалъ „Сынъ Отечества" 1856—1877 г.г., съ 1879 г. по 1881 г. редактировалъ газету Современность», осенью 1881 года—«Улей», съ 1882 г. по 1883 г.—„Эхо", съ 1883 г. по 1885 г.—«Родину», преобразовавъ ее въ еженедѣльную газету.

Въ 1891 г. имъ предпринятъ «Русскій объяснительный словарь, заключавшій въ себѣ непонятныя слова русскаго книжнаго, общественнаго и народнаго языка и областныхъ его говоровъ, а также малорусскаго, южно-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій».

Библіографія.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. *Выпускъ второй. Изданіе Распорядительнаго Комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. Житомиръ, 1900. in 8⁰ стр. 287.*

Пять лѣтъ назадъ, въ 1896 г., вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго Сборника, и нашъ журналъ сочувственно привѣтствовалъ это изданіе, посвященное исторіи и археологіи Волыни, отмѣтилъ цѣнныя научныя статьи и матеріалы, вошедшіе въ его составъ, но при этомъ выразилъ неодобреніе по поводу того, что среди нихъ нашли мѣсто и пресловутые «Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря», критикѣ которыхъ были посвящены особыя статьи въ нашемъ журналѣ. Вновь вышедшій выпускъ Сборника мы привѣтствуемъ тѣмъ охотнѣе, что научный характеръ выдержанъ въ немъ строже, а по своему содержанію онъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ богаче, разнообразнѣе и интереснѣе перваго выпуска.

Главными работниками при составленіи настоящаго выпуска были тѣ же лица, которыя участвовали и въ редакціи прежняго, именно: протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій; къ нимъ присоединился еще кіевскій ученый М. П. Истоминъ.

О. Трипольскому принадлежитъ подробное описаніе въ высшей степени цѣнной рукописи—Евангелія 1571 года въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Еще въ 1876 г. П. И. Житецкій, оканчивая печатаніе знаменитой Пересопницкой рукописи, получилъ изъ Житомира отъ о. Николая Трипольскаго краткое сообщеніе объ имѣю-

щемся у него рукописномъ Евангеліи 1571 г. на малорусскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ выпискою изъ него небольшого отрывка. Основываясь на этой выпискѣ, г. Житецкій высказалъ предположеніе, что это—копія Пересопницкаго Евангелія, но при этомъ выразилъ пожеланіе, чтобы о. Трипольскій не замедлилъ подробно описать хранящуюся у него рукопись, и тогда получится возможность высказать о ней болѣе опредѣленное заключеніе. [1]) Это пожеланіе владѣлецъ рукописи привелъ въ исполненіе лишь въ настоящее время. Въ очень обстоятельной статьѣ онъ сообщилъ исторію рукописи, насколько можно ее возстановить по имѣющимся въ ней надписямъ и замѣткамъ, представилъ подробное ея описаніе и помѣстилъ обширныя (на 52 страницахъ) выписки ея текста. Оказывается, что переводчикомъ (или переписчикомъ) этого замѣчательнаго Евангелія былъ нѣкто „Петръ, многогрѣшный рабъ Божій", предпринявшій въ 1571 г. этотъ благочестивый трудъ «Богу ку чти, а посполитому люду къ доброму розумѣванію», или (какъ онъ выразился въ другомъ мѣстѣ) „к доброй науце". Мѣсто, гдѣ трудился переводчикъ, въ рукописи не обозначено, но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что во второй половинѣ XVIII ст. Евангеліе это принадлежало Владимиро-Волынской Ильинской церкви, почему авторъ и даетъ ему наименованіе «Волынскаго Евангелія». Конечно, отсюда нельзя еще выводить категорическаго утвержденія, что оно написано именно въ г. Владимирѣ, а не въ другомъ мѣстѣ Волыни, но почтенный авторъ усиливается доказать, что «многогрѣшный Петръ» былъ не кто иной, какъ тотъ безыменный «дьякъ» Ильинской церкви, которому извѣстный братславскій каштелянъ Василій Загоровскій, [2]) въ своемъ завѣщаніи 1577 года, вмѣняетъ въ обязанность, «абы онъ книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ доброго зводу уставичне писалъ». Отсюда, конечно, нельзя еще заключать, что ильинскій дьякъ именно и былъ переводчикомъ „Волынскаго" Евангелія. Но прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этой драгоцѣнной рукописи. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX ст. ею владѣлъ владимиро-волынскій соборный протоіерей Севастіанъ Коссовичъ, вѣроятно отыскавшій ее въ одномъ изъ церковныхъ архивовъ; отъ него она досталась его сыну, бывшему въ 1860-хъ годахъ

[1]) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в., стр. 78.

[2]) О. Трипольскій ошибочно титулуетъ его „княземъ"; фамилія Загоровскихъ всегда принадлежала къ числу земянскихъ, а не княжескихъ родовъ.

учителемъ Житомирской гимназіи, а послѣ смерти послѣдняго попала въ руки евреевъ-старьевщиковъ, отъ которыхъ совершенно случайно и была пріобрѣтена настоящимъ ея владѣльцемъ, протоіереемъ Н. Трипольскимъ, въ 1875 г.

По своему составу, Волынское Евангеліе представляетъ обычное четвероевангеліе (тетръ), съ раздѣленіемъ на главы и зачала и указаніемъ церковныхъ чтеній, пріуроченныхъ къ тому или другому празднику или воскреснымъ днямъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что оно, какъ и однородное съ нимъ Пересопницкое Евангеліе, предназначалось не только для домашняго чтенія, но и для употребленія въ церкви, во время богослуженій.

Выше мы замѣтили, что ученый изслѣдователь Пересопницкаго Евангелія, основываясь на сообщенномъ ему краткомъ отрывкѣ изъ Волынскаго Евангелія, призналъ его не болѣе какъ копіей Пересопницкаго. Теперь о. Трипольскій, подвергнувъ тексты обоихъ Евангелій подробному сличенію, пришелъ къ другому выводу, именно—что при значительной близости этихъ текстовъ въ отношеніи языка, между ними замѣчается извѣстная разница, дающая основаніе утверждать, что текстъ Волынскаго Евангелія представляетъ во многихъ отношеніяхъ оригинальную редакцію. Съ этимъ заключеніемъ, вѣроятно, согласится всякій, кто внимательно прочитаетъ параллельно напечатанныя о. Трипольскимъ цѣлыя главы изъ обоихъ Евангелій. Во всякомъ случаѣ теперь, съ обнародованіемъ текста Волынскаго Евангелія, возможно всестороннее научное его изслѣдованіе, чѣмъ, конечно, и не преминутъ воспользоваться ученые спеціалисты. А за почтеннымъ о. протоіереемъ Трипольскимъ навсегда останется заслуга перваго открытія ученому міру этой драгоцѣнной рукописи, сохраненія ея отъ угрожавшей ей гибели въ рукахъ невѣжественныхъ людей и, наконецъ, перваго научнаго ея описанія. Остается выразить пожеланіе, чтобы поскорѣе дождалась такого описанія и еще одна волынская рукопись того же рода, именно—южно-русскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. волынскимъ дворяниномъ Валентиномъ Негалевскимъ. Рукопись эта хранится въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, и еще недавно, во время послѣдняго Археологическаго Съѣзда, ее можно было видѣть на археологической выставкѣ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется и другая статья о. Трипольскаго: «Историческія свѣдѣнія о городѣ Житомирѣ, Волынской губерніи». Къ сожалѣнію, мы лишены возможности высказать объ этой работѣ

столь же благопріятный отзывъ, какъ о первомъ трудѣ того же автора. Мы хорошо понимаемъ, что составить мало-мальски полную и обстоятельную исторію столь древняго города, какъ Житомиръ,—задача величайшей трудности, требующая обширной эрудиціи и массы кропотливыхъ изысканій, невсегда и возможныхъ въ провинціальномъ городѣ; поэтому заранѣе оговариваемся, что къ разбираемой статьѣ не станемъ предъявлять строгихъ требованій. Ктому же авторъ самъ предупреждаетъ, что онъ «не задавался цѣлью писать подробную, обстоятельную исторію города Житомира», а желалъ только сгруппировать и въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ изложить то, что относительно этой исторіи имѣлось у него подъ руками въ видѣ разбросанномъ». Пусть и такъ. Авторъ имѣетъ право отмежевать себѣ тѣ или другія границы, представить не полную исторію города, а лишь извѣстную сторону его прошедшей жизни, въ ту или другую эпоху, ограничиться лишь извѣстнаго рода матеріалами. Но какъ бы онъ ни съуживалъ свою задачу, онъ не можетъ не знать или намѣренно игнорировать установившіеся уже въ наукѣ факты и положенія, касающіеся избраннаго имъ предмета; ему нельзя обойтись безъ предварительнаго ознакомленія съ лучшими, т. е. наиболѣе полными и достовѣрными источниками,—въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ на каждомъ шагу впадать въ грубыя ошибки, повторять давно опровергнутыя басни и напрасно ломать голову надъ тѣмъ, что давно уже открыто и съ точностью выяснено. Нѣчто подобное случилось и съ нашимъ почтеннымъ авторомъ. Сколько можно судить по его ссылкамъ и цитатамъ, авторъ сдѣлалъ выписки изъ давно забытыхъ статей польскихъ историковъ: Прусиновскаго Żytomierz pod względem historycznym, напечатанной въ Gazet—ѣ Polsk—ой за 1864 годъ, Крашевскаго Wieczory Wołyńskie, изд. 1859 г., изъ книги Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska, изд. 1844 г., да къ нимъ присоединилъ: «Волынскія записки» Степана Руссова, изд. 1809 г. (чистый хламъ) и «Историч. очерки Волыни» Крушинскаго,—и на основаніи этихъ скудныхъ и больно уже устарѣвшихъ матеріаловъ задумалъ составить очеркъ исторіи Житомира ab ovo и до нашихъ дней. Ни одинъ изъ болѣе новыхъ русскихъ или польскихъ историковъ, ни одно изъ капитальныхъ изданій историческихъ актовъ, во множествѣ появившихся съ 1860-хъ годовъ, не цитируются авторомъ, за исключеніемъ единственной (и то, видимо, случайной) цитаты изъ Zròdła dziejowe и двухъ-трехъ Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр.

Архива. Не удивительно, что, руководствуясь такими устарѣлыми и малоцѣнными источниками, авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи. Такъ, въ первыхъ же строкахъ своей статьи онъ съ полною вѣрою повторяетъ старую сказку о походѣ Гедимина на Кіевъ въ 1320—21 гг. и завоеваніи Житомира, совсѣмъ игнорируя изысканія объ этомъ проф. Антоновича, Дашкевича и др. историковъ. Зато, съ другой стороны, авторъ умалчиваетъ о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи Житомира, какъ полное его разореніе Менглигиреемъ въ 1481 г., послѣ чего городъ долго не могъ оправиться. Перечень первыхъ намѣстниковъ и старостъ Житомирскихъ неполный и невѣрный. Вообще историч. свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о Житомирѣ за XVI в., крайне блѣдны и сбивчивы. Это происходитъ оттого, что онъ съ чужого голоса повторяетъ отрывочныя извѣстія, почерпнутыя изъ скудныхъ источниковъ. А если бы онъ обратился къ первоисточникамъ и просмотрѣлъ хотя бы подлинныя люстраціи Житомира 1471, 1545, 1552 и др. годовъ, давно изданныя въ Архивѣ Юго-зап. Россіи ч. VII т. 1 и 2, или у г. Яблоновскаго, онъ нашелъ бы тамъ живыя и крайне интересныя подробности о Житомирѣ тѣхъ временъ, съ подробнымъ описаніемъ замка и его вооруженія, числовымъ перечнемъ жителей —земянъ, бояръ и мѣщанъ, съ яркимъ изображеніемъ ихъ бѣдственной жизни подъ вѣчнымъ страхомъ татарскаго вторженія и т. под. Тогда автору не нужно было бы ломиться въ открытую дверь и гипотетически рѣшать такія задачи, для рѣшенія коихъ люстраціи дали бы ему точныя указанія, Такъ, напримѣръ, его очень интересуетъ вопросъ: были ли въ Житомирѣ въ XVI в. православныя церкви и монастыри? Скудные и тощіе источники, какими авторъ располагаетъ, не даютъ на это отвѣта, и ему не остается ничего другого, какъ строить гипотезы: „Трудно предположить, чтобы такой благоустроенный и многолюдный городъ, какимъ былъ Житомиръ въ XV и XVI вѣкахъ, не имѣлъ въ себѣ храма, въ которомъ бы могло совершаться богослуженіе—одно изъ важныхъ условій, удовлетворяющихъ высшей потребности человѣческаго духа“... и проч. Чувствуя однако крайнюю нужду подкрѣпить это благочестивое соображеніе хоть какимъ-нибудь подобіемъ историческаго свидѣтельства, авторъ, какъ утопающій за бритву, хватается за такой подозрительный документъ, на который въ другихъ случаяхъ онъ и самъ совѣстится ссылаться. „На основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ документовъ XVII—XVIII вв. „во градѣ Жити-мирно“, т. е. въ Житомирѣ, уже

въ XIII и XIV в. существовали монастыри женскій и два мужескихъ и изъ этихъ послѣднихъ одинъ—„греческимъ обрадіемъ целемъ“ (?!)—не только православный, но собственно греческій монастырь“. Читатель, конечно, въ недоумѣніи: что это за «нѣкоторые рукописные документы XVII—XVIII вв.», повѣствующіе о событіяхъ XIII—XIV вв. такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Поможемъ ему догадаться: это пресловутая „Почадѣвская Лѣтопись“, о которой въ свое время въ нашемъ журналѣ даны были отзывы, какъ о грубомъ и невѣжественномъ фальсификатѣ. [1]) Вспомнивъ объ этомъ, о. Трипольскій скромно оговаривается далѣе: «Достовѣрность этихъ документовъ и сообщаемыхъ ими историческихъ извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ на Волыни *пока* не признана нашей литературной критикой, а потому мы и замалчиваемъ ихъ *до поры до времени*; но тѣмъ не менѣе остаемся при глубокомъ убѣжденіи, что въ г. Житомирѣ съ древнѣйшихъ временъ существовали православные монастыри и храмы». Подчеркнутыя нами въ въ этой цитатѣ выраженія какъ-будто указываютъ на то, что почтенный протоіерей еще не потерялъ надежды доказать достовѣрность Почадѣвской лѣтописи... Суетная эта нужда! Суетна и ссылка въ данномъ случаѣ на эту лѣтопись, ибо мы безъ того достовѣрно знаемъ, что православныя церкви и монастырь точно существовали въ Житомирѣ въ половинѣ XVI в., а можетъ быть и раньше, и свидѣтельство объ этомъ почерпаемъ изъ тѣхъ же люстрацій 1545 и 1552 гг.: тамъ имѣются прямыя указанія на то, что въ Житомирѣ въ то время былъ монастырь Успенскій и церкви: св. Николая, св. Спаса и Рождества Богородицы. Есть тамъ упоминанія и о католическихъ костелахъ, относительно которыхъ нашъ авторъ категорически утверждаетъ, будто ихъ вовсе не было въ Житомирѣ раньше XVIII вѣка: названныя люстраціи, напротивъ, упоминаютъ о костелахъ Матки Божои и св. Миколая, но поясняютъ, что оба они „запустѣли отъ 80 лѣтъ“, т. е. со времени Менглигиреева разоренія. Нашъ авторъ, правда, кое-что черпаетъ и изъ этихъ люстрацій, но не прямо, а изъ третьихъ рукъ, и потому иные факты приводятся имъ въ изуродованномъ видѣ. Такъ онъ говоритъ, будто люстрація Житом. замка въ 1545 г. была произведена *«епископомъ* Луцкимъ

---

[1]) См. двѣ статьи г. Волынца. въ „Кіев. Старинѣ“ 1896 г. октябрь и 1898 г. апрѣль.

Григоріемъ Фальчевскимъ и дворяниномъ королевскимъ *Леономъ Потоцкимъ*», на самомъ же дѣлѣ ее производили *Юрій* Фальчевскій, *бискупъ* Луцкій и Берестейскій, и *Левъ Потѣй* «дякъ его королевской милости». — „Изъ этой переписи или такъ называемой *метрики* (пишетъ о. Трипольскій) прежде всего мы узнаемъ, что житомирскіе мѣщане *всѣ подати платили Кіево-печерскому монастырю*". А въ подлинной люстраціи сказано: «семь слугъ замковыхъ,... которые земли господарскія подъ собою маютъ, зъ тыхъ дей земель дани даютъ на монастырь Пречистои Печерскои до Кіева»; да и люстраціи никогда не назывались «метриками»: онѣ лишь вносились люстраторами всякій разъ въ *метрики* литовскую, а впослѣдствіи въ коронную.

Встрѣчаются въ статьѣ о. Трипольскаго и нѣкоторыя странности, въ родѣ слѣдующей. Разсказываетъ онъ, что въ 1766 г. въ Житомирѣ былъ учрежденъ римско-католическій монастырь и при немъ община сестеръ милосердія, такъ называемыхъ шаритокъ, на обязанности которыхъ было призрѣніе и воспитаніе подкидышей, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. «По видимому (замѣчаетъ авторъ), житомирскія сестры милосердія стояли на высотѣ своего призванія и исполняли свое дѣло безукоризненно и съ самоотверженіемъ, *въ духѣ православія и русской народности*» (?!), но потомъ оказалось, что онѣ воспитывали дѣтей въ католическомъ духѣ и крестили подкидышей по латинскому обряду. Да какъ же иначе, когда шаритки сами были католичками и община ихъ состояла при католич. монастырѣ? Какимъ же образомъ онѣ могли бы воспитывать призрѣваемыхъ ими дѣтей „въ духѣ православія и русской народности?"

Въ концѣ статьи своей о. Трипольскій приводитъ подробное описаніе г. Житомира въ половинѣ XIX ст., заимствованное изъ книги Крашевскаго Wieczory Wołyńskie, изд. 1859 г. Это наиболѣе интересная часть статьи, и если бы авторъ выбралъ изъ польскихъ изданій побольше такихъ мемуаровъ о Житомирѣ, предпославъ имъ краткій историческій очеркъ въ родѣ, напримѣръ, того, какой помѣщенъ въ XIV томѣ Słownika Geograficznego, то его трудъ имѣлъ бы бо́льшую цѣну.

—

Другимъ ближайшимъ сотрудникомъ при составленіи 2-го выпуска «Волынскаго Историко-Археологическаго Сборника» является О. А. Фотинскій. Этотъ безкорыстный труженикъ, занимающій скромное положеніе преподавателя въ епархіальномъ женскомъ училищѣ

въ Житомирѣ, своими учеными изслѣдованіями, археологическими экскурсіями и работами по описанію предметовъ, хранящихся въ Вол. Епарх. Древлехранилищѣ, давно уже пріобрѣлъ почетную извѣстность, какъ даровитый, усердный и крайне полезный дѣятель на поприщѣ научной разработки родной ему Волынской старины. Всѣ его работы отличаются вполнѣ научнымъ характеромъ, основательнымъ изученіемъ предмета и значительнымъ литературнымъ дарованіемъ. Тѣми же достоинствами запечатлѣны и двѣ новыя его статьи, помѣщенныя въ Сборникѣ.

Первая изъ нихъ: «Побратимство и чинъ братотворенія». Если не ошибаемся, эта самая работа была доложена авторомъ въ качествѣ реферата на послѣднемъ Археолог. Съѣздѣ. Главныя положенія ея таковы. Обрядъ братотворенія явился лишь церковною санкціею народнаго обычая, свойственнаго всѣмъ народамъ древности. Впервые чинъ братотворенія составленъ въ греческой церкви, вѣроятно, въ VII—VIII вв. Перенесенный въ русскую церковь, этотъ чинъ, первоначально очень краткій, постепенно видоизмѣнялся и пополнялся какъ въ содержаніи молитвословій, такъ и въ обрядности, все болѣе приближаясь по формѣ къ таинству брака. Такъ, побратимовъ ставили въ церкви предъ налоемъ, давали имъ зажженныя свѣчи, іерей связывалъ имъ руки поясомъ, водилъ вокругъ налоя при пѣніи церковныхъ пѣсней, пріобщалъ св. дарами, заставлялъ ихъ цѣловать другъ друга и вкушать вина изъ одной чаши. Это сходство въ обрядности чиновъ братотворенія и таинства брака обусловливалось тождествомъ лежавшей въ основѣ того и другого акта идеи—полнаго духовнаго единенія. Въ одномъ изъ волынскихъ рукописныхъ требниковъ (1403 г.) есть указаніе и на то, что побратимы мѣнялись крестами, какъ то практиковалось въ обычной формѣ побратимства запорожцевъ. Несмотря на то, что восточною церковью побратимство было окончательно запрещено еще въ XIII ст. («ибо оно нерѣдко приводило къ тяжкимъ грѣхамъ»..), на Руси широко распространившійся обычай оказался сильнѣе закона, и чинъ братотворенія продолжалъ переписываться и въ позднѣйшіе вѣка, а въ XVII ст. не рѣдко включался и въ печатные требники (наприм., въ Кіевскій требникъ 1652 г.) Очевидно, мѣстная духовная власть сама находилась въ колебаніи, какъ ей относиться къ глубоко укоренившемуся народному обычаю. Въ библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца хранится рукописный чинъ братотворенія, писанный въ XVIII ст. гдѣ-то въ Кіевщинѣ или Черниговщинѣ, а въ Помянникѣ церкви с. Смедыни, Ковельскаго у., встрѣчаемъ любопытное прошеніе: «помяны, Господи, кумы и побра-

тымы». До настоящаго времени обычай побратимства, съ церковнымъ освященіемъ, сохранился по мѣстамъ въ юго-славянскихъ земляхъ, въ Малороссіи же отголоски этого обычая удержались кое-гдѣ въ видѣ такъ называемаго «еднанья». Авторъ приводитъ не вполнѣ опредѣленныя указанія и на то, что побратимство считалось духовнымъ родствомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ служило препятствіемъ къ браку; быть можетъ, оно сопровождалось извѣстными юридическими правоотношеніями между побратимами и ихъ родственниками. Южно-русскія церковныя братства возникали изъ иныхъ побужденій и потому требовали иного церковнаго чина, отличавшагося крайнею простотою и бѣдностью ритуала; но въ началѣ XIX ст. вступленіе въ братство (у уніатовъ) сопровождалось чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія.

Къ этому интересному изслѣдованію мы можемъ лишь добавить, что въ Луцкой актовой книгѣ 1572 г. намъ встрѣтился документъ, какъ будто подтверждающій догадку почтеннаго автора о томъ, что побратимство, освященное церковнымъ обрядомъ, ставило побратимовъ въ извѣстныя юридическія правоотношенія. Земянинъ Станиславъ Хрустицкій жаловался въ луцкомъ судѣ 27 янв. 1572 г., что его «*церковный братъ*» п. Янъ Незнавскій, не задолго предъ тѣмъ умершій, завѣщалъ ему разныя вещи въ уплату слѣдуемаго долга, но земянинъ Дмитро Яловицкій (очевидно, близкій родственникъ умершаго) отказался ему показать завѣщаніе и выдать завѣщанное. [1]) Этотъ же самый терминъ «церковный братъ» встрѣтился намъ и въ одной актовой книгѣ полтавскаго полкового суда конца XVII в. Въ апрѣлѣ 1683 г. полтавскій козакъ Гапонъ Карповичъ заявилъ предъ урядомъ, что умершій въ Сѣчи козакъ Леско Бутъ, приходившійся ему «*братомъ церковнымъ названнымъ*», передъ смертью передалъ ему свою волю относительно распоряженія оставшимся въ Полтавѣ домомъ и имуществомъ, и урядъ утвердилъ это распоряженіе такъ, какъ бы оно было выражено въ формѣ письменнаго завѣщанія. Наконецъ напомнимъ, что въ нашемъ журналѣ (1887 г., № 10) былъ напечатанъ формальный актъ побратимства 1801 года, внесенный въ метрическую книгу с. Протопоповки, александрійскаго у., херс. губ., изъ чего можно заключить, что древній обычай братотворенія не исчезъ совершенно еще въ началѣ XIX ст.

Не менѣе интересенъ и другой очеркъ г. Фотинскаго въ нововышедшемъ Сборникѣ: «Обыкновенные люди старой Волыни. Изъ се-

[1]) Актовая книга № 2046, л. 55.

мейной хроники двухъ поколѣній дворянъ Загоровскихъ, во второй половинѣ XVI в.». По нашему глубокому убѣжденію, подобные бытовые очерки, умѣло и сколько-нибудь талантливо составленные, должны быть цѣнимы выше иныхъ историческихъ дисертацій, снабженныхъ огромнымъ ученымъ арсеналомъ, но сухо и безжизненно трактующихъ о предметахъ хотя бы и первостепенной важности. Ничто такъ не вводитъ читателя непосредственно въ жизнь отдаленнаго прошлаго, какъ живое изображеніе тогдашнихъ людей, съ ихъ повседневнымъ бытомъ, мелочными житейскими заботами и интересами. Нужды нѣтъ, что это были обыкновенные, заурядные люди, не возвышавшіеся надъ среднимъ уровнемъ своихъ современниковъ, что въ ихъ жизни не было ни громкихъ дѣяній, ни особенно интересныхъ приключеній; но нужно помнить, что такіе обыкновенные люди являются типическими представителями своей эпохи и что они въ своей совокупности и дѣлали собственно исторію своей родины, независимо отъ талантовъ и энергіи отдѣльныхъ руководителей и отъ задавленной, обезличенной народной массы. Но чтобы съ успѣхомъ писать такіе очерки, для этого, кромѣ природнаго таланта, требуется обширное, всестороннее знакомство съ историческою эпохою и предварительное необыкновенно кропотливое изученіе мелкихъ архивныхъ документовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не представляетъ интереса, но въ общей совокупности, подъ рукою мастера, они, подобно мозаическимъ камешкамъ, даютъ живыя, рельефныя изображенія. У г. Фотинскаго имѣются всѣ данныя, чтобы быть такимъ историческимъ живописцемъ: и талантъ, и основательное знаніе исторіи родной ему Волыни, и необыкновенное трудолюбіе. Чтобы составить понятіе о томъ, какой громадный матеріалъ нужно было ему переработать, прежде чѣмъ написать настоящій очеркъ, достаточно одного бѣглаго взгляда на его подстрочныя цитаты: это все ссылки на безчисленные акты и документы самой мелкой цѣны и содержанія, въ родѣ купчихъ, продажныхъ, заставныхъ записей, дѣльчихъ, вѣновныхъ листовъ, жалобъ, декретовъ и т. д. Часть этихъ матеріаловъ г. Фотинскій нашелъ у себя подъ руками, въ библіотекѣ Вол. епарх. Древлехранилища, но огромное большинство ихъ хранится въ актовыхъ книгахъ Кіев. Центр. Архива, и такъ какъ авторъ былъ лишенъ возможности работать въ самомъ Архивѣ,, то ему оставалось главнымъ образомъ пользоваться печатными Описями актовыхъ книгъ, гдѣ обозначено лишь вкратцѣ содержаніе актовъ, но не

приводятся подробности, нерѣдко весьма характерныя. Сверхъ того, интересовавшіе автора матеріалы о Загоровскихъ имѣются не въ однихъ Луцкихъ актовыхъ книгахъ, Описи которыхъ отчасти изданы, но и въ книгахъ Владимирскихъ, Кременецкихъ и др., коихъ описи еще не опубликованы. Мы лично давно заинтересованы исторіей рода Загоровскихъ и въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ Кіев. Центр. Архивѣ успѣли скопить огромный матеріалъ, сличая который съ очеркомъ г. Фотинскаго, приходимъ къ заключенію, что многіе факты и подробности изъ жизни его героевъ остаются ему еще неизвѣстными. Говоримъ объ этомъ отнюдь не въ осужденіе работы симпатичнаго намъ автора, и безъ того полной и прекрасной, а съ цѣлью лишь показать читателямъ, какое безпредѣльное богатство для бытовой исторіи заключается въ актовыхъ книгахъ, и вмѣстѣ поскорбѣть о томъ, что такъ мало работниковъ, которые желали бы трудиться надъ этимъ богатымъ матеріаломъ. Что же касается г. Фотинскаго, то, повторяемъ, ему дѣлаетъ еще бо́льшую честь то обстоятельство, что онъ лишенный возможности пользоваться сполна имѣющимся налицо матеріаломъ, съумѣлъ однако нарисовать въ высшей степени живые и рельефные портреты волынскихъ земянъ XVI в. Лично мы не согласились бы съ нимъ въ одномъ лишь пунктѣ: почему онъ полагаетъ, что епископъ Ѳеодосій Лозовскій изрекъ извѣстный декретъ по дѣлу между двумя женами Вас. Загоровскаго, будучи подкупленъ княжною Чорторыйскою? Вѣдь та „таинственная цедула“, которую ея повѣренный вручилъ суду открыто, на глазахъ у противной стороны и многочисленныхъ свидѣтелей, навѣрное заключала въ себѣ, какъ и заявлялось при этомъ, какія-то выписки изъ церковныхъ каноновъ, а отнюдь не взятку или посулу, какъ склоненъ подозрѣвать авторъ. Мы согласны съ нимъ, что епископъ Лозовскій былъ такой человѣкъ, котораго не трудно было подкупить, но умный повѣренный ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы такого промаха, что бы открыто, на судѣ, поднести взятку предсѣдателю, а не вручить ему ее келейно. Да и приговоръ духовнаго суда былъ такого рода, что любой епископъ того времени могъ произнести его безъ всякаго подкупа, по искреннему убѣжденію. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что декретъ Лозовскаго хотя и былъ противной стороною опротестованъ, но никакимъ судомъ впослѣдствіи не былъ отмѣненъ, и обѣ жены Загоровскаго такъ и жизнь свою

окончили, нося его фамилію и пользуясь сопряженными съ этимъ правами.

Еще одно мелкое замѣчаніе: зачѣмъ почтенный авторъ фамилію князей Чорторыйскихъ и Потѣя пишетъ въ позднѣйшей ополяченной формѣ: «Чарторыйскіе», «Ипатій Поцѣй?» Имѣя дѣло съ подлинными историческими актами, онъ вѣдь хорошо знаетъ, какъ эти фамиліи писались въ XVI—XVII ст. Нѣтъ нужды и намъ измѣнять на польскій ладъ эти (и другія) фамиліи, разъ мы ведемъ рѣчь о людяхъ тѣхъ вѣковъ, а не объ ихъ ополяченныхъ потомкахъ.

—

Въ томъ же Сборникѣ имѣется статья М. П. Истомина: «Наброски по иконографіи Волынскаго Древлехранилища въ г. Житомирѣ». Это тоже извлеченіе изъ реферата, читаннаго авторомъ на XI Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, только тамъ была рѣчь вообще о Волынской иконографіи, а въ настоящей статьѣ—исключительно о тѣхъ старинныхъ иконахъ, которыя собраны въ Древлехранилищѣ. Среди нихъ изслѣдователь различаетъ два типа: 1) сравнительно очень небольшой отдѣлъ, представляющій композиціи, сдѣланныя по византійскимъ образцамъ, и 2) значительно большій, съ яснымъ оттѣнкомъ западнаго вліянія композицій, въ духѣ мастеровъ отчасти итальянскихъ, но главнымъ образомъ нѣмецкихъ и даже фламандскихъ школъ живописи. Наряду съ этимъ встрѣчаются нерѣдко изображенія переходнаго типа, композиція которыхъ въ своей основѣ византійская, но техническое исполненіе носитъ уже на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ заключеніе изслѣдователь указываетъ на крупный иконографическій пробѣлъ Древлехранилища—бѣдность изображеній съ ясно выраженнымъ народнымъ колоритомъ. Только двѣ иконы Богоматери—одна съ изображеніемъ строителя иконы, «ткача Яна Вербскаго» съ женою и дочерью, и другая, съ изображеніемъ колѣнопреклоненнаго пана, даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи народнаго костюма. Сюда же можетъ быть отнесена серебряная привѣска (изъ г. Ковля) съ изображеніемъ вола и надписью: «Року 1711 было барзо здыхало. Пріими офѣру, Чистая Дѣво Мати, вола срибного, ратуй остатокъ былла у людей и у мене бидного». И это все. Между тѣмъ, судя по личнымъ наблюденіямъ автора при обозрѣніи церквей на Волыни, народная струя здѣсь весьма сильно и рельефно пробивается въ трактовкѣ многихъ иконографическихъ сюжетовъ, напр. въ изображеніяхъ св. великомученицы Варвары и особенно въ картинахъ

Страшнаго суда.—Въ виду спеціальнаго сюжета статьи, касающагося такой сравнительно мало еще изслѣдованной области, какъ иконографія, мы воздерживаемся отъ оцѣнки наблюденій г. Истомина, но признаемъ справедливымъ отдать ему должную честь, какъ первому изслѣдователю въ области западно-русской иконографіи. Къ сожалѣнію, у насъ такъ еще велика область предметовъ, научно пока неизслѣдованныхъ, что мы должны съ благодарностью привѣтствовать каждое начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Многое ли намъ извѣстно, напримѣръ, о томъ, что въ сущности представляетъ собою старинная малороссійская архитектура нашихъ храмовъ, со дня на день исчезающая и повсемѣстно замѣняемая до тошноты однообразнымъ казеннымъ фасономъ? Что это за стиль, подъ какимъ онъ вліяніемъ образовался? Есть у насъ на Волыни и въ Подоліи древніе замки и другіе памятники старинной архитектуры: но кто научно занимается ихъ изученіемъ? А наша дивная церковная музыка, такъ сильно захватывающая насъ въ хоровыхъ переложеніяхъ Турчанинова и Бортнянскаго и въ безыскусственномъ исполненіи кіево-печерскихъ монаховъ! Она еще лѣтъ 30 назадъ была жива и въ нашихъ селахъ, въ устахъ старинныхъ дьячковъ, но съ учрежденіемъ псаломщичества умолкли навѣки ихъ оригинальные напѣвы и смѣнились невѣжественнымъ козлогласіемъ. Къ счастью, древность передала намъ богатый запасъ старопечатныхъ и болѣе древнихъ рукописныхъ ирмологіевъ, гдѣ южнорусскіе напѣвы увѣковѣчены нотными знаками. Кто же у насъ занимается изученіемъ всего этого? Кто въ состояніи объяснить: откуда пришли къ намъ эти чудные, якобы греческіе и болгарскіе распѣвы, когда ни въ современной Греціи и Болгаріи, ни на христіанскомъ востокѣ, ни въ какомъ иномъ мѣстѣ христіанскаго міра нѣтъ ничего сколько нибудь похожаго на наши чудныя церковныя мелодіи? А если эти напѣвы сложились у насъ же дома, то какъ велико было участіе въ ихъ образованіи народной музыки сравнительно съ иноземнымъ вліяніемъ, и какимъ именно? Всѣ эти интересныя задачи, столь важныя въ дѣлѣ историческаго изученія нашей культуры, еще ждутъ рѣшенія.

Въ заключительномъ отдѣлѣ Сборника, названномъ Miscelanea, помѣщены документы и другіе матеріалы, относящіеся къ исторіи монастырей: Загоровскаго, Дерманскаго, Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и одинъ документъ (по забывчивости издателей не датированный), относящійся къ исторіи церкви с. Подборецъ, дуб. у.,

и бывшаго здѣсь уніатскаго женскаго монастыря. Историческій интересъ этихъ матеріаловъ различной цѣнности, но худо то, что всѣ они напечатаны съ такимъ обиліемъ грубыхъ опечатокъ, что для исправленія ихъ пришлось прибавить четыре съ лишнимъ страницы поправокъ.

Оканчивая оцѣнку Волынскаго Сборника, мы по справедливости должны признать это изданіе цѣннымъ, полезнымъ, вносящимъ немалую лепту въ сокровищницу научнаго изученія исторіи Волыни. Отмѣченные нами кое-какіе недочеты и промахи не ослабляютъ этого приговора ,ибо не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А духовенству Волынской, какъ и Подольской, губ. надо отдать полную справедливость, что оно стремится дѣлать и, что можетъ, дѣлаетъ для изученія края. И въ Житомирѣ, и въ Каменцѣ давно учреждены епархіальныя древлехранилища, куда постоянно стекаются всякаго рода остатки старины, которые безъ этого были бы обречены на гибель. Вокругъ этихъ хранилищъ естественно группируются лица, съ усердіемъ и любовью работающія на пользу родной исторіи, учреждаются изданія, гдѣ печатаются не одни матеріалы, но и по временамъ очень цѣнныя изслѣдованія и даже капитальные труды, въ родѣ недавно вышедшаго Историческаго описанія приходовъ и церквей Подольской губ. И съ любовью оглядываясь съ высоты Кіевскихъ горъ на эти пока еще немноголюдные кружки усердныхъ работниковъ, невольно переводишь взоръ на востокъ и сѣверъ, въ даль степного Заднѣпровья, и спрашиваешь: а что же дѣлается тамъ, въ предѣлахъ древняго Черниговскаго княжества и Сѣверской земли, а равно и тамъ, на берегахъ Ворсклы, „де Шведъ полигъ головою“? Учреждаются ли и тамъ епархіальныя древлехранилища, собираются ли и изучаются памятники старины? Организуются ли церковно-археологическія общества, какъ на Волыни, или историко статистическіе комитеты, какъ въ Каменцѣ? Увы! Нѣтъ тамъ ни древлехранилищъ, ни обществъ, ни комитетовъ, и кромѣ жиденькихъ Епарх. Вѣдомостей, ничего другого не издается. А казалось бы, и образованныхъ людей въ Полтавѣ и Черниговѣ ни чуть не меньше, чѣмъ въ Каменцѣ или Житомирѣ, и собирать и изучать имъ было бы что. За чѣмъ же остановка? За иниціативой: нѣтъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу людей, а то бы дѣло сразу закипѣло... Признаемся, грустно и стыдно намъ становится за нашихъ лѣвобережныхъ земляковъ, и ѣмъ съ болѣе горячимъ сочувствіемъ мы привѣтствуемъ правобереж-

ныхъ тружениковъ на поприщѣ разработки дорогой намъ всѣмъ исторіи родного края.

Ор. Левицкій.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. *Съ 1 октября 1900 г. по 1 октября 1901 г. подъ редакціей директора коллегіи А. І. Степовича, годъ 6-й.*

1901-й годъ для Коллегіи юбилейный (Коллегія прожила 30 лѣтъ), а потому и матеріаловъ въ Ежегодникѣ этого года значительно больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Изъ такихъ матеріаловъ особенно любопытенъ разсказъ о зарожденіи Ежегодника. Мысль такого изданія, съ оплачиваемою полистною платою авторамъ, принадлежитъ нынѣшнему директору Коллегіи, который предполагалъ еще, кромѣ Ежегодника, «выпускать ученыя и литературныя работы преподавателей отдѣльными книгами». Мысль эта была одобрена почетною попечительницею, которая скоро скончалась и не успѣла назначить особой суммы для выполненія этой задачи. Изъ Ежегодника не видно, какъ относится теперь правленіе и совѣтъ Коллегіи къ этому изданію; составитель же записки разсказываетъ, что хотя арендаторъ одного изъ имѣній Коллегіи Н. А. Степунинъ «внесъ на этотъ предметъ 1000 р. (въ качествѣ дара?), но «рѣшеніе вопроса въ указанномъ смыслѣ»» можетъ быть только тогда, «когда сама Коллегія найдетъ для этого средства». Цитатами изъ «Русской Школы», «Русскаго Богатства», «Ж. М. Нр. Просвѣщенія», «Новаго Времени» доказывается необходимость существованія «Ежегодника», занявшаго въ литературѣ опредѣленное мѣсто.

Неоффиціальная часть въ отчетномъ году состоитъ: 1) изъ статей гг. Александровскаго, Альдингера и Степовича, 2) матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ «Матеріалы» напечатано: 1) Свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ курсъ въ Коллегіи за время 1875—1900 г.. Свѣдѣнія эти довольно скудны и—что хуже всего—не лишены ошибокъ; для примѣра хотя бы взять бывшаго воспитанника Коллегіи, а теперь члена ея совѣта А. С. Турчанинова, который въ одномъ мѣстѣ названъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (стр. 34), а въ другомъ — совѣтникомъ губернскаго правленія (стр. 134).

2) Два списка — одинъ окончившихъ Коллегію по выпускамъ, а другой — всѣхъ учившихся въ прошедшій 30-лѣтній періодъ. Первый списокъ составленъ правильно, потому что въ канцеляріи Коллегіи есть за каждый годъ «Дѣло» о выпускныхъ воспитанникахъ; второй же страдаетъ погрѣшностями. 3) Списокъ всѣхъ служившихъ въ Коллегіи за время 1871—1901 г., а также свѣдѣнія о директорахъ и воспитателяхъ; въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего новаго не приведено—все уже было печатаемо въ прежнихъ Ежегодникахъ. Единственная новинка—это подробная, и на этотъ разъ спокойная, біографія бывшаго директора Коллегіи Н. С. Шафранова. 4) За то совершенною новинкою, хотя и мало понятною, является «Опись книгъ и другихъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ Коллегіи Павла Галагана». Что это за музей, когда онъ возникъ, каково его назначеніе, мы никакъ не могли уловить ни изъ «описи книгъ», ни изъ перечня «предметовъ по ручному труду» (напр.: совокъ, пестикъ, топорище и др.).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) письмо Г. П. Галагана къ дядѣ его о дворянскихъ выборахъ въ 1848 г. въ Черниговѣ, съ примѣчаніями А. М. Лазаревскаго; 2) двѣ записки 1869 г. по вопросу объ устройствѣ Коллегіи, и 3) Изъ первыхъ лѣтъ жизни Коллегіи.

Въ своемъ письмѣ Г. П. Галаганъ разсказываетъ о выборахъ въ губернскіе предводители Н. П. Бороздны, вмѣсто бывшаго Я. И. Борковскаго, на котораго были недовольны дворяне за то, что онъ сдалъ подряды на проводимое шоссе не имъ, а жидамъ. Записки по вопросу объ устройствѣ Коллегіи наполнены предположеніями, какова должна быть Коллегія—среднее или высшее учебное заведеніе, съ *тюторами* или безъ нихъ. Третья замѣтка пытается объяснить нѣкоторыя измѣненія въ Коллегіи послѣ смѣны перваго учебно-воспитательнаго персонала; но написана она безъ особенной колоритности, а потому слабо выясняетъ существо дѣла.

Что касается денежныхъ ресурсовъ Коллегіи, то она въ этомъ отношеніи находится въ блистательномъ положеніи, имѣя въ 1900 г. доходу 143,966 р., а расходу 72,585 р., при чемъ одни имѣнія дали въ 1900 г. 59,140 р., при расходѣ въ 21,058 р. Имѣетъ Коллегія и свою дачу въ г. Козельцѣ—Покорщину, содержаніе которой обошлось въ 1356 р. Дачею владѣетъ въ учебномъ округѣ единственная Коллегія, а потому очень бы интересно было знать, сколько тамъ прожи-

ваетъ лѣтомъ воспитанниковъ, какъ обставлена ихъ жизнь, занятія. Къ сожалѣнію, Ежегодникъ ни словомъ не обмолвился по этому вопросу.

Ежегодникъ снабженъ фотографическими снимками видовъ имѣній Коллегіи, а на первой страницѣ приведенъ краткій некрологъ безвременно сошедшаго въ могилу воспитателя В. С. Рыбинскаго.

Ш.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портретами). *Кіевъ, 1901 г., стр. 1—191, in 16°. Цѣна 65 коп.*

Исторія украинскаго театра, какъ извѣстно, очень слабо пока разработана. Въ то время какъ область исторіи, этнографіи, изящной литературы, археологіи въ послѣднія 2—3 десятилѣтія обогатилась огромнымъ количествомъ матеріала, въ значительномъ большинствѣ еще не обработаннаго научно, исторія украинскаго театра, первыя основы котораго относятся еще къ XVII столѣтію, не имѣетъ и донынѣ ни одного болѣе или менѣе солиднаго историческаго очерка, не обладаетъ никакими готовыми матеріалами, вслѣдствіе чего и не удивительно, что всякому, у кого явилась-бы счастливая мысль заняться этимъ вопросомъ, пришлось-бы утонуть въ необозримомъ морѣ журнальной, газетной и книжной литературы за весь періодъ существованія украинскаго театра. Если и являются попытки коснуться данной области, то онѣ ограничиваются опредѣленной, небольшой темой (напр. „О малорусской драмѣ“ Катранова, Одесса 1898 г.), или касаются совершенно частныхъ случаевъ изъ театральной жизни. Донынѣ, какъ наиболѣе полный, сравнительно съ широкими задачами, очеркъ, можно указать на недавно вышедшую въ Черниговѣ (въ 1900 г.) книжку Б. Д. Гринченка „Народный театръ“, въ которой авторъ, руководствуясь сообщеніями, устными и письменными, различныхъ лицъ, а также нѣкоторыми извѣстіями объ украинскихъ спектакляхъ изъ газетъ и журналовъ, даетъ рядъ интересныхъ картинъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи народа къ спектаклямъ, и въ заключеніе предлагаетъ читателю рядъ пьесъ, какія, по мнѣнію автора, наиболѣе удобны для народной сцены, а какія нѣтъ.

Но и въ очеркѣ г. Гринченка темой взята узкая область—интересъ зрителей изъ народа къ извѣстнымъ пьесамъ и затѣмъ достоинства или недостатки пьесъ въ примѣненіи къ народному театру...

Разсматриваемая нами книга выгодно отличается отъ упомянутыхъ выше тѣмъ, что въ ней впервые данъ, хотя и краткій, но цѣльный историческій очеркъ судебъ украинскаго театра отъ первыхъ шаговъ его развитія въ XVII ст. до 1901 г.,—судебъ, нерѣдко поучительныхъ и достойныхъ удивленія. Авторъ очерка, въ зависимости отъ матеріала, естественно болѣе подробно и ярко освѣщаетъ исторію театра въ послѣднія три десятилѣтія, какъ возрожденнаго и поставленнаго на прочную основу нынѣ дѣйствующими на томъ же поприщѣ «корифеями»: М. П. Старицкимъ, М. Л. Кропивницкимъ, Н. В. Лисенкомъ, М. К. Заньковецкой, И. К., Н. К. и А. К. Тобилевичами (Карпенко-Карый, Садовскій, Саксаганскій). Очеркъ имѣетъ еще бо́льшую цѣну благодаря тому, что, помимо данныхъ литературы, авторъ, какъ мы слышали, обращался за болѣе точными свѣдѣніями лично къ главнымъ дѣятелямъ, и этимъ путемъ достигъ въ своей статьѣ возможной полноты, сообщая нерѣдко любопытные эпизоды, о которыхъ люди новаго поколѣнія, пожалуй, могутъ сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

За исторической статьей слѣдуютъ 8 критико-біографическихъ очерковъ, посвященныхъ упомянутымъ выше «корифеямъ», съ добавленіемъ еще г-жи Затыркевичъ-Карпинской. Всѣ очерки написаны тепло, задушевно. Очерки эти, повидимому, составлены не однимъ лицомъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ разница стиля, способа изложенія и т. п. Біографическій очеркъ, посвященный Н. В. Лисенку, написанъ несомнѣнно лицомъ, хорошо знающимъ украинскую музыку и искреннимъ любителемъ ея.

Вообще же книга издана изящно, на хорошей бумагѣ. Портреты 8 дѣятелей-«корифеевъ» исполнены художественно.

В. Д.

Сатанынська помста. *Драма въ 4 діяхъ.* (З нотами для співівъ). Соч. Г. И. Михновскаго. Муз. І. Т. Бѣлавина и др. У Черкассахъ, 1898. Друкарня В. В. Колодочки, стр. 56+19.

Три года тому назадъ нѣкій Г. Михновскій напечаталъ отдѣльной книжечкой, очень мало распространенной, драму—жестокую

драму!... По крайней мѣрѣ все то, что должно сопровождать драму, находится на-лицо въ огромномъ изобиліи: три убійства (четвертое не удалось), измѣна, ядъ, кинжалъ, злобная ревность и проч. Однако изъ драмы г. Михновскаго можно бы состряпать веселый водевиль, озаглавивъ, напримѣръ: «Кумедни полтавци», або «Чи буває такее на свити?». Есть забавный водевиль г. Самійленка: «Драма безъ горилки», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, старый украинскій литераторъ, патріотъ Гавкунъ, поучаетъ молодыхъ, какъ надо писать истинную драму. «Не можна пидняти завису й зразу співаты, а треба напрыкладъ такъ: зависа пидіймається; якыйсь часъ на сцени мовчать. Дали одынъ каже: «А чы не заспиваты намъ, Иване, бо на души неначе чорты горохъ молотять?» А другый ёму видказуе: «Справди, треба заспиваты, Петре, бо й у мене на серци не мовъ собакы загрызлысь». «То й заспиваймо,—каже Петро: тоди нашу тугу наче лызень злыже». Отъ и втнуть веселои писни... Танци тежъ зручно треба вводыты и мотывуваты кожный разъ. Напрыкладъ такъ: маты сыдыть пряде, а дочка сыдыть плаче, бо вырядыла мылого въ далеку дорогу. Маты каже: «Зажурылась ты, доню, рветься твое серденько зъ тугы. Ось ударь лышень гопака—заразъ на души полегшае». Отъ дочка и потанцюе, и т. д..

Но г. Михновскій превзошелъ даже Гавкуна. Прежде всего, у него поднимаютъ занавѣсъ и сразу поютъ «засвысталы козаченькы». Но паробку Мыкитѣ она не нравится: «Кать батька зна, що вы робыте! И затяглы якусь похоронну! Невже жъ мы кого хоронымо, чы въ походъ збираемось? Отъ ну-те лучче вжарьте такои, щобъ ажъ жыжкы затрусылысь!» Но козаки, по совѣту дѣда Охрима, поютъ все же «Закувала та сыза зозуля». Тутъ появляется на сцену парубокъ Панасъ; онъ изнываетъ отъ злобной ревности къ Марусѣ, которая промѣняла его на Грицька, и тяжко клянетъ своего соперника. Этотъ монологъ, конечно, подслушалъ Омелько, дидъ-знахарь—не простой знахарь, а чортовъ братъ, который не можетъ даже слышать имени Божьяго: оно для него «страшне, та й чортяка цёго не любыть». Панасъ обращается къ дѣду за помощью. Дѣдъ весьма охотно берется оказать одолженіе, совѣтуетъ Панасу не бояться чорта—«чортява зла тому не робыть, хто его самъ хоче зробыть», и тутъ же приходитъ въ восторгъ отъ своего успѣха: «ище одного затягъ у пекло!». На другой день Панасъ является къ знахарю въ хату. Въ хатѣ послѣднаго «по стинамъ порозвишувани пучкы сухого зилля. На прыпичку

китъ. Посередъ—каминь, на йому черепъ и мертва гадюка. Темно. Гримъ и *молнія*» Дальше слѣдуетъ такая восхитительная картина, которую можно достаточно оцѣнить только въ оригиналѣ.

Картына перва.

Омелько. (Торжественно). Ну, цыть! Прыготовся. Зразу явытся той... той, кого вси боятся.

Панасъ. Дидусю, мени страшно!

Омелько. Не бійся, я казавъ тоби, що сатана зла тому не робе, хто ёго хоче самъ зробыть. Ну, цыть... я чую... чую, що винъ ось блызько... чую, чую—ось винъ йде.

(Спива) О ты, круторогый,
Явысь передъ намы,
Явысь, покажыся,
Отъ зла не верныся.

Картына втора.

(Чуты страшный гримъ. Блыщыть (!) молнія. Задня стина хаты рушытся. Выдни горы. На скели стоить сатана. Все небо красне). Появляется сатана. Онъ оказывается особой съ высшими вкусами, и иначе какъ по-русски не говоритъ:

Сатана (*спива*). Зачѣмъ зовешь меня народъ?
Народъ бо грѣшный суетливый.
Зачѣмъ я нуженъ вамъ—скажи,
Открой всю правду, разскажи!»

Слѣдуетъ объясненіе Панаса съ сатаной; но прежде чѣмъ рѣшиться на послѣднее, Панасъ долженъ былъ проговорить «въ бикъ» получасовой монологъ о своемъ великомъ грѣхѣ—продать чорту душу. Что въ теченіе этого времени долженъ дѣлать сатана—авторъ не указываетъ. Наконецъ, сатана бросаетъ Панасу ножъ, со словами, свидѣтельствующими о весьма плохомъ поэтическомъ его талантѣ:

«Вотъ на тебѣ ножъ!
Ты имъ врага поразишъ.
Смотри же, душа моя
Твоя душа—моя: ха-ха-ха-ха!

Съ громомъ и молніей проваливается).

Далѣе, дѣло совершенно ясно: Панасъ беретъ сатанинскій ножъ, подкарауливаетъ на свиданіи влюбленныхъ и закалываетъ, самъ же принимаетъ ядъ и умираетъ. Была попытка заколоть еще и знахаря, да его, какъ брата сатаны, не беретъ ножъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что volens-nolens—надо назвать содержаніемъ «драмы» г. Михновскаго. Есть еще много перловъ и помимо главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ дьяка Стратилата, но сколько бы мы еще ни открывали новыхъ достоинствъ пьесы, того, что было до сихъ поръ отмѣчено, достаточно вполнѣ для созданія безсмертной славы и нашему автору и его драмѣ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 10; 2) Русская старина № 10; 3) Историческій Вѣстникъ № 10; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10; 6) Вѣстникъ Европы № 10; 7) Русская Мысль № 10; 8) Научное Обозрѣніе № 10; 9) Труды Кіевск. Духовн. Академіи № 10; 10) Міръ Божій № 10; 11) Книжки Восхода № 9; 12) Кіевск. Универс. Извѣстія № 9 и 10; 13) Ученыя Записки Императ. Казан. Универс. № 9; 14) Варшавскія Универс. Извѣстія № 5; 15) Русск. Филолог. Вѣстн, № 3—4; 16) Земскій Сборникъ Черниг. губ. № 9; 17) Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этнографіи при Императ. Казан. Универс. Т. XVII, вып. 4; 18) Литерат. Науковый Вистныкъ № 10; 19) Biblioteka Warszaw. № 10; 20) Wisła № 5; 21) Kwartalnik Historyczny № 2—3; 22) Przewodnik naukowy i literacki, № 10; 23) Slovansky Přehled, № 1.

Русскій Архивъ № 10.

Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 254—256). На поляхъ книги «Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. (Муравьеву) 1832—1867 г. Кіевъ 1869 г.» сдѣлано княземъ П. А. Вяземскимъ нѣсколько замѣтокъ подтверждающихъ ту характеристику А. Н. Муравьева, которая видна изъ статьи о немъ, помѣщенной у насъ въ № 10 текущаго

года. Вотъ для образчика одно такое замѣчаніе князя П. А. Вяземскаго: «Муравьевъ такъ и просится въ церковные оберъ-полиціймейстеры».

Въ «Указателѣ къ дневнику Храповицкаго» (стр. 287), по поводу плаванія по Днѣпру Екатерины 2-ой, есть примѣчаніе о томъ, какъ, по свидѣтельству М. А. Максимовича, воспоминаніе объ этомъ плаваніи долго сохранялось въ народной памяти, послуживъ даже къ созданію народной поговорки: «якъ царыця Днипромъ ишла да гришмы сыпала». «Съ другой стороны—прибавлено въ примѣчаніи—озлобленный Шевченко писалъ:

Якъ тая царыця
Злая вовчыця,
Лютый *воронъ* (sic) Украины».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что намъ извѣстны тѣ мѣста въ стихотвореніяхъ Шевченка, гдѣ онъ говоритъ объ Императрицѣ Екатеринѣ 2-ой, но такихъ строчекъ мы тамъ не встрѣчали.

—

Русская Старина № 10.

На стр. 206-ой напечатано «*Высочайшее повельніе министру финансовъ 4-го мая 1816 года*», касающееся улучшенія быта крестьянъ въ Новороссіи. «Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣниваютъ ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ пріумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обработывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или разселить крестьянъ по удобности земель. Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ черезъ комитетъ министровъ".

—

Историческій Вѣстникъ № 10.

Въ «*Запискахъ Н. И. Мамаева*» (стр. 46—72) разсказывается о времени его служенія въ качествѣ адъютанта при Волынскомъ гу-

бернаторѣ Лашкаревѣ въ 1839 году, при чемъ встрѣчаются интересныя страницы: объ арестѣ Прушанскаго, одного изъ сообщниковъ Конарскаго, о правителѣ канцеляріи генералъ-губернатора Писаревѣ, о секретныхъ суммахъ, а также объ обвиненіи самого Мамаева въ участіи въ тайномъ обществѣ Конарскаго.

Памяти академиковъ М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова, статья *В. Е. Рудакова* (стр. 195—208), сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія и библіографическія указанія объ ученыхъ трудахъ недавно скончавшихся нашихъ академиковъ.

Въ столицѣ Галицкой Руси, статья *Г. А. Воробьева* (стр. 283—313), больше обѣщаетъ стоящими въ скобкахъ словами: «историко-археологическіе очерки Львова», чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. Это есть передача бѣглыхъ впечатлѣній при осмотрѣ города, съ крохотными справками изъ исторіи того или другого храма или зданія.

—

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. № 10.

Въ отдѣлѣ *Критики и библіографіи* напечатана обширная статья *М. Довнаръ-Запольскаго* по поводу книги *Матвѣя Любавскаго*: „Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма“ Москв. 1901 г. (стр. 454—498).

В. Латышевъ. «*Къ церковной археологіи Херсониса*» (стр. 15—22). Въ статьѣ этой идетъ рѣчь объ интересномъ памятникѣ византійской эпохи (обломокъ мраморной плиты съ изображеніемъ хожденія Спасителя по водамъ), найденномъ въ 1896 году въ Херсонисѣ и первоначально описанномъ В. Латышевымъ въ 23 выпускѣ «Матеріаловъ по археологіи Россіи». Теперь авторъ, пользуясь извѣстіями о другомъ аналогичномъ памятникѣ, описанномъ французскимъ археологомъ E. Michon'омъ, исправляетъ нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ его первоначальное описаніе.

—

Русская Мысль № 10.

Н. И. Стороженко. „По поводу тридцатилѣтія его научно-литературной дѣятельности“—статья *П. Когана*. Авторъ указываетъ на заслуги Н. И. Стороженка, какъ ученаго, который всегда является поборникомъ прекраснѣйшихъ идеаловъ нашего времени, который всегда оказывается отзывчивымъ на все служащее добрымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Главная заслуга Н. И. Стороженка, какъ уче-

наго, состоитъ въ томъ, что онъ всѣ свои изслѣдованія въ области изучаемаго художественнаго творенія умѣетъ сочетать съ живой вѣрой въ прогрессъ. Болѣе всего останавливается авторъ статьи на значеніи работъ Н. И. Стороженка по изученію Шекспира и предшествовавшей ему драмы. (стр. 105—118).

Въ *Библіографич. отдѣлѣ* данъ коротенькій отзывъ о книгѣ *Гринченка*: «Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. I. Черниговъ 1900 г.».

Научное Обозрѣніе № 10.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (стр. 93—114). Окончаніе.

На основаніи разбора произведеній Котляревскаго, авторъ характеризуетъ его какъ идеолога козачества и частной козацкой собственности, открыто высказывавшаго симпатіи къ угнетенной крѣпостной массѣ лишь въ первый періодъ своей дѣятельности. Выводы г. Стешенка о значеніи дѣятельности Котляревскаго выражаются въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ его труда: «Съ своими типическими воззрѣніями К—скій стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ исторіи Украйны: онъ заканчиваетъ козацкій періодъ послѣдней, имъ же и идеализированный, и открываетъ собою идеализацію крѣпостного населенія, которой начинается другой періодъ развитія нашего общества. Въ этомъ смыслѣ роль его въ упомянутый періодъ ровно такова, какъ и роль Шевченка, закончившаго собою крѣпостной періодъ: оба они отражаютъ въ своей поэзіи основныя теченія эпохи въ самомъ высокомъ смыслѣ и, если не по таланту, то по общественному своему значенію являются почти одинаково великими» (стр. 110). Къ сожалѣнію положенія, доказательства и выводы г. Стешенка страдаютъ искусственностью и натянутостью, а «классовая психика» Котляревскаго не достаточно выяснена.

Въ приложеніи напечатаны документы, относящіеся къ Котляревскому, извлеченные г. Стешенкомъ изъ архива Полтавскаго губернскаго земства: 1) дѣло объ опредѣленіи надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ капитана Котляревскаго; 2) дѣло о удостоеніи къ награжденію орденскимъ знакомъ надзирателя Котляревскаго и попечителя Сементовскаго, и 3) дѣло о смерти попечителя Полтавскаго богоугоднаго заведенія Левицкаго и объ опредѣленіи на

мѣсто его попечителемъ маіора Котляревскаго. Всѣ три «дѣла» содержатъ 28 документовъ о служебной дѣятельности Котляревскаго.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—10.

М. Владимірскій-Буданов. Рецензія на сочиненіе *М. Н. Ясинскаго*: «Главный Литовскій Трибуналъ» (вып. I. Происхожденіе Главн. Литовскаго Трибунала). Сочиненіе М. Ясинскаго въ этой статьѣ рецензируется, какъ представленное для полученія степени магистра уголовнаго права (№ 9, стр. 1—26).

М. Довнаръ-Запольскій. «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ» (продолженіе: № 9, стр. 487—582; № 10, стр. 583—665). Въ № 9 заканчивается 4-ая глава—о косвенныхъ налогахъ. Здѣсь авторъ сначала разсматриваетъ скарбовые доходы отъ монополій (воскъ, соль и лѣсные товары), а затѣмъ обращается къ внѣшнимъ таможеннымъ пошлинамъ—тарифы на разные товары, къ льготамъ и привилеямъ населенія по платежу мытъ, къ устройству и управленію таможенъ, и, наконецъ, опредѣляетъ таможенные доходы. Въ № 10-мъ помѣщена 5-ая глава—о монетныхъ регаліяхъ, 6-ая глава—о земскихъ податяхъ и повинностяхъ. Такъ какъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ и податяхъ очень сложный и разбивается на много отдѣльныхъ разновидностей, то авторъ прежде всего разсматриваетъ происхожденіе и развитіе земскаго обложенія, въ связи съ отличіями въ дѣлѣ повинностнаго обложенія разныхъ сословій. Для этого разсматриваются авторомъ сначала формы служилаго землевладѣнія, а затѣмъ уже отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.

В. Чаговецъ. Жизнь и сочиненія преподобнаго Ѳеодосія (продолженіе, № 10, стр. 123—149). Разсмотрѣвъ въ первой части своего труда (№ 7 и 8) извѣстное поученіе о казняхъ Божіихъ, приписываемое Ѳеодосію, и выяснивъ тѣ источники, на основаніи которыхъ составлено это поученіе, авторъ устанавливаетъ теперь свое окончательное сужденіе по вопросу о принадлежности поученія Ѳеодосію. Оказывается, что это поученіе, состоящее изъ трехъ частей, не представляетъ самостоятельнаго изложенія ни въ одной изъ нихъ, а только кѣмъ-то сведены три эти части въ одно *слово*. Г. Чаговецъ, на основаніи многихъ, очень вѣскихъ, доводовъ, приходитъ къ заключенію, высказывавшемуся раньше съ колебаніями, что съ такъ назы-

ваемымъ поученіемъ о казняхъ Божіихъ имя преп. Ѳеодосія не можетъ быть связываемо. Равнымъ образомъ, отрицается г. Чаговцомъ и авторство Ѳеодосія въ другомъ приписываемомъ ему словѣ: «поученіе о чашахъ тропарныхъ».

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» въ № 9-омъ напечатанъ «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. Т. Флоринскаго. Въ этой части «Обзора» даются отзывы: 1) о «Научно-литературномъ сборникѣ. Періодическ. издан. Галицко-русской матицы, подъ редакціей Б. А. Дѣлицкаго. 1901 г. Т. I. кн. 1-ая. Львовъ». 2) «Славянскій вѣкъ. Редакт. д—ръ Д. Н. Вергунъ, 2-ой годъ изданія, 1900—1901, № 1—24. Вѣна» (стр. 47—000).

—

Ученыя Записки Императорск. Казанск. Университета, № 9.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ въ кон. XV—XVII в.в. (Продолженіе, стр. 79—126). Статья посвящена обзору трудовъ Памвы Берынды, и особенно его *Лексикона*, а также разсмотрѣнію полемической литературы съ католиками—въ общемъ очеркѣ—и съ болѣе подробнымъ указаніемъ содержанія *Апокризиса* Христофора Филалета.

—

Русскій Филологическ. Вѣстн. № 3—4.

А. Ветуховъ «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли». (Продолженіе, стр. 169—234). Авторъ иллюстрируетъ свои положенія и украинскими матеріалами по этнографіи, обнародованными въ печатныхъ трудахъ.

В. Д. Заловецкій «О Боянѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія о Словѣ). Статья эта, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ очень обстоятельно изучилъ текстъ «Слова о полку Игоревѣ» въ связи съ лѣтописью, однако-же служитъ доказательствомъ и того, что въ области изученія нашего знаменитаго памятника старины не окончился еще періодъ мудрствованія. Автору хочется объяснить извѣстное мѣсто въ словѣ, начинающееся словами: «Рекъ Боянъ....», при чемъ онъ останавливается на толкованіи того, о какомъ Боянѣ тутъ идетъ рѣчь. Правду говоря, изъ всѣхъ разсужденій автора мы вынесли такое впечатлѣніе,

что бывшее до сихъ поръ яснымъ въ этомъ отрывкѣ осталось для насъ яснымъ и послѣ прочтенія данной статьи, а въ одномъ пунктѣ даже затемнилось (не видимъ никакихъ основаній считать, что слова *рекъ Боянъ* подразумѣваютъ самого пѣвца «Слова»)., а что было темно—то и остается таковымъ. Поэтому, когда мы читаемъ въ началѣ статьи В. Залозецкаго, что «авторъ (Слова) позволилъ себѣ сдѣлать въ словахъ: *рекъ Боянъ* такую эволюцію мысли, о которой толкователямъ не могло и присниться»,—то послѣ прочтенія всей статьи приходимъ къ убѣжденію, что, вѣроятно, нашему автору его толкованія *только приснились*. Надо отмѣтить еще, что В. Залозецкій—священникъ въ Галичинѣ—пишетъ по русски такимъ вычурнымъ языкомъ и съ такими неправильностями, что въ современной намъ русской журналистикѣ какъ-то странно встрѣчать подобный стиль. Но что кажется намъ совсѣмъ уже страннымъ,—такъ это заключительныя строки въ статьѣ. Дѣло въ томъ, что онъ старается, по его собственному выраженію, «развѣять туманы, висѣвшіе надъ этимъ темнѣйшимъ мѣстомъ», и въ то-же время, въ концѣ концовъ, говоритъ: «какъ малороссъ, галичанинъ, изъ той австрійской планеты, гдѣ не живутъ настоящимъ (?), а дышутъ только прошедшимъ (?), я не могу скрыть тайнаго желанія, чтобы какъ не объяснился еще вполнѣ этотъ нашъ словесный Китай (авторъ разумѣетъ «Слово о полку Игоревѣ») въ продолженіе цѣлаго вѣка, такъ-же бы онъ и не объяснялся и дальше и служилъ долго *миражемъ для фантазіи, пристанищемъ для русскаго духа* (?).—Странное желаніе для ученаго—скажемъ мы отъ себя—и не менѣе странная политика звучитъ въ этихъ словахъ современнаго Галичанина! (стр. 250—274).

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщенъ отзывъ о книгѣ *В. И. Перетца*: «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы» (стр. 296—299).

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 9.

Въ приложеніи: *Н. П. Василенко.* Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій. (Продолженіе, стр. 129—160).

Літературно-Науковий Вістник, кн. 10 (октябрь).

Содержаніе:

Наш альбом: Із поезиі Сергія Цавленка, Сильвестра Яричевського, С. Грушенка.

Чужа жінка, оповіданне Петра Шелеста.

Вирід, оповіданне Осипа Шпитка (далі).

Арсен Яворенко, драма Бориса Грінченка (кінець).

Тридцять від ста, оповіданне Матільди Серао (кінець).

Із оповідань Мультатулі (Про притчу, Галапаси, Налисники з салом, Проповідінє, Матвія глава XIX, Із ідей).

Із переспівів Павла Грабовського: «Илля Муромець» (великоруська билина).

Сервітути и розмежованне грунтів на правобережній Україні—Ф. І. Немоловського (кінець буде).

Будучність гимназий—уваги проф. Фрідріха Паульзена.

Уваги на сучасні теми: І. Заборона «Л. Н. Вістника» в Росиі. Ів. Франка. ІІ. Про нашу літературну мову—А. Кримського. Ш. Московська ластівка на Галицькій Руси—Ів. Франка.

Хроніка і бібліографія.

„Biblioteka Warszawska“, № 10.

A. Brückner. Bogurodzica Rozwiązanie zagadki (стр. 80—106). Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи польской религіозной пѣсни въ честь Богородицы, авторъ касается семейныхъ отношеній между венгерскимъ королевскимъ домомъ и галицкими князьями въ XIII в. и отмѣчаетъ заслуги д-ра Франка по изученію старинной письменности.

St. Zdziarski (154—166) даетъ хронологію юношескихъ произведеній Богдана Залѣскаго (до 1829 г.). Въ 1824 г. Залѣскій началъ писать поэму о Косинскомъ, но уничтожилъ рукопись въ 1825 г. Такая же судьба постигла начатые въ это время поэмы о „Даміанѣ, кн. Вишневецкомъ“ и „Сирыкѣ, или походъ въ чайкахъ на Стамбулъ“. Сохранился лишь отрывокъ этой послѣдней поэмы („Чайки“), напечатанный въ 1826 г.. Въ 1826 г. задумалъ Залѣскій историческую повѣсть о гетманѣ Дорошенкѣ; въ слѣдующемъ году—очеркъ исторіи Украины, но за недостаткомъ источниковъ дѣло ограничилось только приступомъ къ работѣ. Въ 1829 г.—новый планъ поэмы о „Великомъ Конашевичѣ, славномъ Даниловичѣ и отуреченномъ Б. Хмельницкомъ“ постигла та же участь.

Wisła, № 5.

Stan. Zdziarski. Skarby tatrzańskie. Авторъ приводитъ выдержки изъ стариннаго сборника (ягеллонской библіотеки въ Краковѣ)

заклинаній, употребляемыхъ карпатскими горалами для отысканія кладовъ и металловъ.

Изъ „Курьера Варш." (№ 216) перепечатано описаніе посвященнаго Татрамъ музея имени Халубинскаго въ Закопаномъ. По словамъ З. Вейберга, музей находится въ жалкомъ видѣ по недостатку средствъ и отсутствію интереса къ дѣлу.

Библіографическія замѣтки: Въ ст. Е. Изопольскаго Pojecia astronomiczne (Atheneum I. I. Kraszewskiego 1843 г. IV, 77—83) приведены собранныя въ Украинѣ свѣдѣнія о народныхъ понятіяхъ по астрономіи, космогоніи и метеорологіи.

Вышла въ свѣтъ книга Henr. Wierciеńskiego: Opis statystyczny gubernii Lubelskiej (до 500 стр., съ картами и таблицами).

—

Kwartalnik historiczny. Вып. II и III.

Д-ръ Генр. Улашинъ въ вып. II далъ отчетъ о работахъ д-ра Я. Талько-Гринцевича: „Къ изученію курганнаго міра Украины" и статьяхъ д-ра Вл. Деметрыхевича „бронзовыя доисторическія короны" и Археологическія изысканія въ теребовельскомъ округѣ восточ. Галичины" (статьи напечатаны въ IV т. издаваемыхъ Крак. акад. наукъ Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, 1900 г.).

Д-ръ Ант. Прохаска въ очеркѣ изъ исторіи Владислава Варнскаго (W obronie społeczeństwa, вып. III) даетъ живую картину положенія партій въ Галичинѣ въ 1430—1440 гг., борьбы съ гусситствомъ и рокоша Спитка изъ Мельштына.

A. Brückner далъ отчетъ о новѣйшихъ изданіяхъ общества Шевченка во Львовѣ, а г. Сигма—о мемуарахъ Ѳад. Бобровскаго (2-й томъ почти исключительно посвященъ исторіи крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ).

—

Przewodnik naukowy i literacki № 10.

Dyonizy Zaleski. Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (продолженіе, отъ 20 мая 1862 г. по 19 февр. 1863 г.).

D-r Bronisław Łoziński. Z teki Maur. Kraińskiego (окончаніе)—матеріалы для исторіи выкупной операціи и отмѣны сервитутовъ въ Галичинѣ въ 1648 и 1649 гг.

Wł. Lenkiewicz—начало интересной статьи: „Участіе Россіи въ Карловицкомъ трактатѣ".

Slowanski Přehled № 1 (4-й годъ изданія; начало года считается съ октябрьскаго номера). На стр. 51 сообщаются краткія извѣстія о выходѣ галицкихъ пословъ изъ сейма и о причинахъ ихъ выхода, а также о ходатайствѣ въ Россіи издавать два малорусскихъ журнала—„Проминь", подъ редакціей И. Левицкаго, и „Днипръ", подъ редакціей Рябошапки. Тутъ же дается извѣстіе и о томъ, что малорусскій переводъ Библіи, сдѣланный П. Кулишомъ не до конца, а завершенный И. Нечуемъ-Левицкимъ, вслѣдствіе неразрѣшенія издавать его въ Россіи, переданъ, для изданія Лондонскому Библейскому Обществу.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 259) помѣщена небольшая статья П. Гросулъ-Толстого подъ заглавіемъ: «Запорожцы въ с. Слободзеѣ», въ которой разсказана очень кратко исторія Антона Головатого и устройство временнаго коша запорожцевъ въ с. Слободзеѣ, откуда они въ 1792 году двинулись на жительство въ Черноморію. Считаемъ нужнымъ сдѣлать маленькую поправку въ статьѣ автора: мѣстная церковь въ с. Слободзеѣ названа имъ Іоанно-Богословской, между тѣмъ какъ она именуется Архангело-Михайловской.

—

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» (Вечернее приложеніе, № 5426) данъ отзывъ, не вполнѣ одобрительный, о брошюрѣ «Выговщына. Исторычне оповидання. Написавъ П. О. Кулишъ. Зъ портретомъ Выговського. Ц. 2 к.». Брошюра эта издана въ 1901 г. Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ.

—

Въ «Полт. Губерн. Вѣдом.» (№ 219) помѣщена интересная статья Л. П.: «Современные бандуристы и лирники въ Полтавской губерніи». Составлена она на основаніи сообщеній корреспондентовъ Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета.

—

Въ газ. «Волынь» (№ 224) помѣщена статья, знакомящая русскую публику съ ученымъ обществомъ имени Шевченка во Львовѣ. Разсказавъ кратко исторію возникновенія Общества, авторъ сооб-

щаетъ далѣе свѣдѣнія о преобразованіи «Общества» на новыхъ началахъ въ 1892 году и о томъ положеніи, въ которомъ оно теперь находится.

—

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ піесъ для пѣнія А. Д. Бигдая—«Лысты з Кубани», вмѣщающій въ себѣ 9 слѣдующихъ малорусскихъ піесъ: для альта, меццо-сопрано, баритона, тенора и баса: «Ой, пишла я у яръ за водой», «На стриванни», «На вищо, Боже, очи чорни?», «Ой, чому ты не питаешъ?», «На чоли твоемъ высокомъ», «На улыци не весело», «Туманъ, туманъ долыною», «Ой, у луг, у луг потягну я», «Ой, чи е що в свити краще?». Цѣна сборника 1 р. 50 к. (Кубан. Вѣд. № 226).

—

«Русскія Вѣдомости» въ № 285 помѣстили сочувственный отзывъ о послѣднихъ изданіяхъ Петербургскаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ.

—

Въ № 229 той же газеты помѣщена рецензія на недавно вышедшую книжку г. Гринченка «Литература украинскаго фольклора».

—

Въ № 1340 «Приднѣпровскаго Края» напечатана рецензія на извѣстную книгу галицко-украинскаго писателя Ивана Франка: «Въ поті чола», появившуюся въ настоящее время въ русскомъ переводѣ.

—

Въ газетѣ «La Fronde», издаваемой женщинами въ Парижѣ, помѣщенъ очень интересный фельетонъ подъ заглавіемъ: «La poésie populaire des Petits Russiens» какого-то H. Z. Ariel'я. Сначала авторъ указываетъ географическое положеніе Украйны, Польши и Подоліи, которое способствовало ея несчастіямъ. Теперь—эта страна «soumise à toutes les miseres, que lui impose le système gouvernemental, est appelée souvent Ruthénie». Затѣмъ онъ переходитъ къ свидѣтельствамъ древнихъ, Прокопа и Теофилакта, которые называютъ славянъ «танцующими и поющими». Описываетъ онъ далѣе, какъ малороссъ любитъ пѣть и какъ ни одну минуту онъ не молчитъ и поетъ свои пѣсни. По фразѣ—«сколько разъ мнѣ приходилось встрѣчать этихъ ночныхъ пастуховъ въ своихъ chemises flottantes»—можно заключить, что авторъ былъ въ Украйнѣ лично, что, впрочемъ, не мѣшаетъ говорить, что раса эта теперь «presque éteinte», и назы-

вать насъ въ 18 в. «c'étaient des barbares, ils ne sont plus». Говоря о народныхъ пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: «Подолія, Волынь, Украйна, и въ особенности Украйна,—это колыбель сказокъ и пѣсенъ народныхъ, которыя рождаются, вращаются, часто варьируются, переходя изъ устъ въ уста, однако почти не утрачивая своего первобытнаго характера». Говоря о языкѣ, авторъ замѣчаетъ: «Малорусскій языкъ, можетъ быть самый нѣжный среди всѣхъ славянскихъ языковъ, есть языкъ лирики по преимуществу. Эта черта отразилась не только въ пѣсняхъ, но и въ обиходномъ языкѣ украинцевъ. Народъ говоритъ часто, какъ поэтъ, не зная этого, не ища поэтическихъ фразъ. Пораженные этой оригинальной красотой, вы скажете себѣ: но вѣдь это словно строфы изъ восточной поэмы, или—это словно мѣсто, взятое изъ Библіи».

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько извѣстныхъ малорусскихъ изреченій, ругательствъ, поговорокъ, благословеній и нѣсколько пѣсенъ народныхъ, при чемъ описываетъ ритуалъ свадьбы, впрочемъ очень поверхностно, и передаетъ содержаніе пѣсенъ: «Les adieux», «Le fleur de cerisier», «Dans la steppe» «Au bord du Yatringue» (?) и «Bayda». Въ концѣ концовъ авторъ говоритъ: не смотря на то, что украинецъ имѣетъ много пѣсенъ юмористическихъ и характеръ имѣетъ веселый,—поэзія его проникнута печалью, отсюда происходитъ эта монотонность, почти всегда минорная».

—

Въ № 7152 и 7158 газеты «Южный Край» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ продолженіе своихъ «Этнографическихъ экскурсій». Въ № 7152 онъ сообщаетъ свѣдѣнія о большой слободѣ Котельвѣ, ахтырскаго уѣзда. Статья исключительно передаетъ впечатлѣнія автора отъ внѣшняго вида селенія и его жителей, но о главномъ, т. е. о матеріалахъ этнографическаго и бытового характера, добытыхъ тамъ, совсѣмъ ничего не сказано. Въ № 7158 идетъ рѣчь объ упадкѣ традиціоннаго нравственнаго порядка среди малорусскаго населенія, на основаніи наблюденій автора надъ фактами въ жизни населенія ахтырскаго уѣзда. Причины такого упадка авторъ видитъ въ измѣнившихся въ послѣднія десятилѣтія условіяхъ экономическихъ, повлекшихъ за собою исчезновеніе нѣкоторыхъ промысловъ, оказывавшихъ вліяніе на нравственную дисциплину въ массѣ. Къ таковымъ промысламъ онъ относитъ: чумачество, пчеловодство, выдѣлка плахтъ и ковровъ (коцарство), кустарное производство восковыхъ свѣчей.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Арсеній еромонахъ. Святий рокъ. Книжочка ювилейна, мѣститъ въ собѣ поясненє ювилею и потрѣбни молитвы. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, ст. 96, 32⁰. Ціна 15 кон.

Бажанъський Порфирій. Руско-народна музыкальна опера. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарнѣ Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 106+84 нотъ, 8⁰.

Барановский Мечислав. Педагогіка для семинарий учительских і учителів шкіл народних. Виданє 4-е, значно розширенє і доповненє. (Виданє Тов. «Руска Школа» в Чернівцях, ч. 7). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 102, 8⁰. Ціна 1 кор.

Вибір з поем Олександра Конисього. З портретом. (Виданє Руского Товариства Педагогічного, ч. 87). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, ст. 36. Ціна 30 сот. (Помѣщено 26 стихотвореній).

Врабель Михаилъ. Угро-русски народни спѣванки. Томъ I. Спѣванки Мараморошски. Будапештъ, 1901. Печатня Общества «Франклинъ», ст. 320, 8⁰. Ц. 45 кор.

Гартманъ, В. Г. Польскія и литовскія старинныя монеты 1506—1795. Ихъ цѣна и степень рѣдкости. Сызрань, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Гнатюк Владимир. Словаки чи Русини? (Відбитка з XLII т. Записок). З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, Львів, 1901, 82 стр. Ц. 80 сот.

Gudź Mychaił. Pisń o złobi anarchisty Luchenieho dokonanij na Austrijskij Cisarewi Jełysaweti w Genewi dnia 10 Wereśnia 1898 r. Lwiw, 1900. 12, 8⁰.

Евспенко С. С. Подъ яснымъ небомъ Малороссіи. Путевыя замѣтки и наблюденія. Москва, 1901, in 8⁰, стр. 49.

Еремійчук Денис, свящ. Жите, муки, смерть і історія перенесеня мощів св. Івана Сучавского. (Народна бібліотека для духовної освіти, ч. I). Чернівці, 1901. Накладом Товариства «Руска Бесіда». З друкарні Тов. «Руска Рада», ст. 32, 8⁰. Ціна 40 сот.

Загірня М. Абрагам Лінкольн. Оповіданє про його житє (Виданне Товариства «Просвіта», ч. 250). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 50. Ц. 30 сот.

Задера Гр. Петро кравець. Виршоване оповидання. (Посвята любій сестрі). Ростовъ на Дону, 1901. Товарищ. «Печатня С. Яковлева», стр. 1—16. Цина 10 коп.

Заклинський Роман. Спомини про Федьковича. У Львові, 1901. (Відбитки з II—III кн. «Літерат.-Наук. Вістника»). Ст. 32.

Zakopane i Fatry. Kalendarz tatrzański, rocznik I. Krótki przewodnik po Zakopanem i Tatrach. 2 k. 40 h.

Закшевський В. Всесвітна істория для висших кляс середних віків. З 2-го польского видання переложив з дозволу автора Олександер Барвинский. У Львові, 1901 Ціна 2 к. 40 г.

Zaleski D. Korespondencya Bohdana Zaleskiego. T II. 4 k.

Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів. 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Критична аналіза т. зван. Тукидидової Археології,—І. Колача; 2) Причинки до історії рекручини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст.—М. Зубрицького; 3) Словаки чи русини. В. Ґнатюка; 4) Miscellanea; 5) Наук. Хроника.

Записки Науковою Товариства ім. Шевченка, т. XLIII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) О. П. Стороженко, причинки до характеристики його творів, нарис Ів. Стешенко; 2) З кореспонденції Дениса Зубрицького (р.р. 1840—1853) подав. др. Кирило Студинський; 3) Miscellanea a) привилеї М. Миколаева над Дністром—подав. М. Мочульский, b) Хлопська комісия—подав І. Кобилецкий; 4) Наукова хроніка; 5) Бібліогр., рецензіи.

Заревич Федір. Твори. Т. І. Хлопська дитина. (Белетристична Бібліотека, ч. 30). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Руської Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 150, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Звіт Дірекциі ц. к. гімназиі в Перемишли за рік шкільний 1900—1901. Наклад. Наукового Фонду. В Перемишли, 1901. З печатни Н. Джулинського, стр. 1—33, 1—44.

Звіт Дірекциі ц. к. гімназиі в Коломиі за рік 1900—1901. Наклад. Науков. Фонду. В Коломиі, 1901. З друк. Мих. Бѣлоуса, стр. 87.

Звіт Дирекції ц. к. академічної гімназії у Львові за рік шкільний 1900—1901. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. 8°. Стр. 48+60.

Зиневичъ С. Е. За кровь(?), добро и крывду людску... Драма въ пяти актахъ. Каменецъ-Подольскъ, 1901. Типо-литогр. Л. Ландвигера, стр. 1—64. Ц. 75 коп.

Зробекъ Яковъ, свящ. Исторія руско-католицкои церкви на Руси вôдъ первѣстныхъ апостольскихъ часôвъ до 1104 року. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, стр. 58, 8°.

Зубрицький Михайло. Причинки до історії рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст. Матеріяли і замітки. Львів, 1901. З друкарні Н. Т. ім Шевченка, ст. 18, Ц. 20 сот. (Відбитки з XLII т. Записок).

Катренко Олександер. Пан Природа і інші нариси. (Белєтристична Бібліотека, ч. 34). Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1901, стр. 104, 8°. Ціна 1. 40 к. Зміст: 1) Пан Природа, 2) Завірюха, 3) Мандрівник, 4) Дві сестри, 5) Мати й син, 6) Петро Кислий, 7) Лісовий дід.

Klaczko J. Aneksya w dawnej Polsce (Unia Polski z Litwą), tłómaczył za zezwoleniem autora K. Scipio z przedmową K. Tarnowskiego 1 k. 50 hal.

Копач Іван. Критична аналіза т. зв. Тукидидової Археольогії. Львів 1901. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. (Відбитка з XLII т. Записок). Ст. 20. Ціна 20 сот.

Копко. Бібліотека музикальна. Ч. 4 и 5. Часть шкільна. Школа народна. Ч. I и II. Перемишль, 1901 (2 книги). Друкарня М. Джулинського, стр. 18 и 18°.

Короленко П. П. Предки кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ. Подъ редакц. дѣйствит. члена С. В. Руденко. Изданіе Кубанскаго Областного Статистич. Комитета. Екатеринодаръ, 1901, Типогр. И. Ф. Бойко, стр. 1—70+1—203.

Косичъ А. И. Г. Бердичевъ и Бердичевскій уѣздъ. (По поводу Бердичевской сельско-хоз. и промышл. выставки 15 авг. 1901 г.). Статистическій очеркъ въ сельско-хозяйственномъ, бытовомъ и другихъ отношеніяхъ. Кіевъ, 1901, стр. 1—43. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»).

Крушельницкий Антін. Семчишин. Чернівці, 1901. З друкарні тов. „Руска Рада“, стр. 76, 8°.

Крушельницкий Антін. Серце. (Видавництво акад. товариства „Молода Україна", ч. 5). Чернівці, 1901. З друк. тов. «Руска Рада». Ст. 160, 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Серце, 2) Передъ відїздом, 3) Останній раз, 4) Грішниця, 5) Слюбна жінка, 6) Слухай свойого пана, 7) У переддень, 8) На порозі життя, 9) У родичів, 10) Перший день, 11) На авдиенціі, 12) У пітьмі ночи, 13) Нерви.

Кулишъ П. О. Выговщына (зъ портретомъ Выговського). Историчне оповидання. Изд. Благотворит. Общ. Изданія Общеполезн. и дешевыхъ книгъ. № 11. СПБ., 1901, стр. 1—26. Ц. 2 к. (велен. 5 к.)

Левицкый Ив. Повисти й оповидання. Т. Ш. Нахаба. Навпжена. (Съ портретомъ). Стр. 470. Кіевъ, 1901. Цѣна 1 р. 50 к., на велен. бум. 2 р.

Левицкий Ярослав. Львівска духовна семинарія в літах 1897—1901. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друк. В. Шайховского, стр. 58, 8°. Ц. 19 сот. (Одбитка з «Руслана»).

Лепкий Богдан. Щаслива година. (Заходом К. Студинського). Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шайховского. Ст. 48. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Щаслива година, 2) Звичайна історія, 3) Месть, 4) Глум, 5) Барометр, 6) В лісі, 7) На сокивскім, 8) В коршмі.

Лернеръ О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки по даннымъ изъ архива бывшаго новороссійскаго ген.-губернатора. Стр. 238. Одесса.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицкаго до вѣрныхъ Архіепархіи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 36°. Ц. 15 с.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митрополита галицкаго до всечесного священства Архіеп. Львовськои. Жовква 1901. Печатня оо. Василіянъ, 30°, Ц. 15 сот.

Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицк. до рускои интелигенціи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, ст. 48. Ц. 15 сот.

Марко Вовчокъ. Оповидання. II. Інститутка. (Вид «Руского Педагогічного Товариства», ч. 81). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, 58, Ц. 50 сот.

Методика науки в школі народній. Часть II. Наука наглядна. Написав Миколя Гавришук. (Виданне тов. «Руска Школа» в Чернівцах, ч. 6). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 116 8°.

Михайловский Мих. і його значіне в росийській літературі. Відчит. М. Кареева (Відб. з Ш кн. «Літ.-Наук. Вісти.»). Ст. 18.

Млака Данило (Ізидор Воробкевич). Над Прутом. Збірник поезий. (Белетристична Бібліотека, ч. 37). У Львові, 1901. Накладом. укр.-руської Видавничої Спілки. З друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 132, 8°. Ціна 1. 60 кор.

Молебенъ ко Пресвятой Богородици. Перемышль, 1901. Съ печатнѣ Н. Джулинського, ст. 20, 32°. Ціна 6 сот.

Мурава Марко. Горить. Оповідане. (Видавництво Товариства «Просвіта», ч. 254) Коштом і заходом Товар. «Просвіта». Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, ст. 64, 8°. Ціна 40 сот.

О любви. І. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ епархіи Станиславовскои. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 56°. Ц. 20 сот.

О покаянію. VII. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ своихъ епархій. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 52. Ц. 20 сот.

Перелыпинъ, Н. И. Черевички. Повѣсть изъ малороссійскаго быта для дѣтей (съ 21 рис.). М. 1901. Ц. 20 к.

Покарана ложь. Комедийка в І акті Олени Кучальскої. Перевів О. Макарушка. (Видане Руского Педагогічного Товариства, ч. 88). У Львові, 1901. З друкарни Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 20. Ціна 20 сот.

Русиновъ В. Прыхожа. Сцена в 1 діи. Переклавъ и переробывъ зъ сочыненія Н. В. Гоголя: «Лакейская». Къ представленію дозволено 23 марта 1901 г. Полтава, тип. Л. Фришберга, 1901, стр. 1—14. Цина 5 коп.

Руська історична бібліотека. Видає Наукове Товариство ім. Шевченка. Т. XXI. Розвідки про селянство на Україні Руси в XV—XVIII в. Частина І. У Львові, 1901. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. IV+174, 8°. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Вступне слово редакціи, 2) Начерк історії селянської верстви в правобічній Україні XV—XVIII в. Івана Новицького, 3) Про правне та економічне становище селян XVIII в.—Володиміра Антоновича. 4) Показчик імен особових і географічних.

Рутковскій Ѳ. В. Нечыста сыла. Малорусскій фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ. К.-Подольскъ, 1901. Т.-лит. Ландвигера, 1901, 1—67. Ц. 50 коп.

Савенко А. И. Великая церковь Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1901, стр. 1—41. (Оттискъ изъ газ. «Кіевлянинъ»).

Семанюк Йван (Марко Черемшина). Карби. Новелі із гуцульского житя. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна). Чернівці, 1901. З друкарні Товар. «Руска Рада», стр. 142, 8⁰. Ціна 80 сот. Зміст: 1) Карби, 2) Дід, 3) Раз мати родила, 4) Св. Николай в гарті, 5) Хиба даруймо воду, 6) Грушка, 7) Лік, 8) Злодія зловили, 9) Бабин хід, 10) Зведениця, 11) Основина, 12) Більмо, 13) Горнець, 14) Чічка, 15) На боже.

Слободівна Марія. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна», ч. 4). 1) І хто ж вона була? 2) Прощане, 3) Хвилі туги, 4) Поезия ii молодих літ, 5) Щгука. Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ціна 1 кор.

Smoleński Władysław. Pisma. T. III. (Z dziejów wewnętrznych Polski za panowania Stanisława Augusta.—Sprawa wł ściańska w Polsce wieku XVIII.—Szkoły historyczne w Polsce (główne kierunki w poglądach na przeszłość i insze). Krakow, 1901.

Старосольський В. Реформа пахотної торговлі в австрийскім законодавстві. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 1—29, ц. 30 сот. (Відбитка з часописи правничої і економічної, т. II).

Стехъ Володимиръ. Вѣнецъ набожныхъ пѣсней. Накладомъ церкви оо. Василіянъ въ Улашковцахъ. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, стр. 80, 16⁰, ціна 50 сот.

Стешенко И. Степови мотиви. Кіевъ, 1901, стр. 1—65, ц. 30 коп.

Стешенко Іванъ Ол. П. Стороженко. Причинки до характеристики його творчости. Львів, 1901. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, стр. 1—46, ціна 40 сот. (Відбитки CXLIII т. Записок).

Студинський Кирило. З кореспонденції Дениса Зубрицького, (Р.р. 1840—1853.) У Львові, 1901. Наклад. Н. Товар. ім. Шевченка стр. 66, ц. 55 сот. (Видбитка XLII т. Записок).

Тиварiш. Ілюстрований календарь на 1902 рік. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Толстой Л. Гр. Казки. (Видане Руского педагогічн. Товариства, ч. 86). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 44, ціна 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана—дурака, Семена лицаря, Тараса Черевання і німу сестру Ма-

ланю, про старого чортяку та трьох чортенят; 3) Бог правду видить—та не скоро скаже.

Томашівський С. Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис. Наклад. ред. „Литературно-Науков. Вістника». У Львові, 1901. З друкарні науков. Товар. ім. Шевченка, стр. 76, 8⁰, ціна 80 сот.

Флямаріон Каміль. Небо. Переклад З. Мірної. (Наукова бібліотека, ч. 6). У Львові, 1901. Накл. Укр-Руської Видавничої спілки. З друкарни Н. Т. ім. Шевченка, стр. 136, 8+6 таблиць рисунков, ціна 2. 00 к.

Франко Іван. „Про життє і діяльність Олександра Конисського. (Видавництво Тов. «Просвіта», ч. 253). У Львові, 1901, стр. 36, ц. 25.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська белєтристична бібліотека, 31). Львів, 1901. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Ставропигійськ. Інститута. Ст. 4+140, 8⁰. Ціна 1.60 кор.

Франко Ив. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Перев. О. Рувимовой и Р. Ольгина съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Стр. VIII+374. Спб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Франчевъ В. Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. Варшава, 1901.

Хроніка українсько-руською Науковою Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1901. Вип. II, ч. 6. Січень-квітень.

Цегельский Лонгин. Русь-Україна і Московщина. Історична розвідка. (Виданнє Товариства «Просьвіта», ч. 251—2). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 96, ц. 60 сот.

Часопись правнична і економічна. Т. II. Правничі і економічні розвідки іст.-фільософичної секциі Н. Т. ім. Шевченка. У Львові, 1901. Накладом Наук. Т. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Станіслав Дністрянський. Австрійське право облігаційне, стр. 1—92. 2) Володимір Старовольский. Реформа пахотної торговлі в австр. законодавстві. 3) Ярхлов Олесницкий. Свобода волі в науці карного права.

Чорний день для галицькоі шляхти. Промова посла Гн. Дашинського в раді державній 13/v 1901. Львов, 1901. З друкарні «Удїловоі». Стр. 32, 16⁰, ц. 10 сот.

Шевченко Т. Г. Де-що зъ Кобзаря. Изд. Издательск. Комитета Харьковск. Общества распростран. въ народѣ грамотности. № 59. Харьковъ, 1901, стр. 1—135, ц. 8 коп.

Шекспір Уілям. Багацько галасу знечевля. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненями др. Ів. Франка. Белетристична бібліотека ч. 35). У Львові, 1901. Наклад. Укр.-руськ. Вадавничої Спілки. Ст. XII+106, 8°. Ціна 1. 60 к.

Шекспір Уілям. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненями д-ра Ів. Франка. (Белетристична бібліотека ч. 32). У Львові, 1901. Накладом укр-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка. Ст. XIV+180, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Шематизмъ, всеч. клира гр.-католич. епархіи на рокъ Божій 1901. Рочникъ XVI. Станислововъ, 1901. Накладомъ клира епархіального. Печатня оо. Василіянъ въ Жовквѣ стр. XXVII+280, 8°.

Шематизмъ, всеч. клира греко-католич. епархій соединенныхъ Перемыской, Самборской и Сяноцкой на рокъ вокъ Рожд. Хр. 1901. Перемышль, 1901. Зъ печатни Николая Джулинського, стр. LIV +438, 8°.

Шематизмъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальной архидіецесіи Львовской на рокъ 1901. Львовъ 1901. Изъ типографіи Ставропигійского Института, стр. XX+278, 8°.

Шоробура Стеф. Наши дѣти. Повѣсть зъ народного житя. (Бібліот. для рускои молодежи. Вып. XXX. т. LI. Коломыя, 1901. Зъ печатни Л. Мизевича ст. 168, ціна 80 сот.

Щурат В. Вибрані оди Горація. Погляд на житє зі становища поета. Перемишль, 1901. З печатні Н. Джулинського, стр. 34.

Щипавка Гриць. Новомодний сьпіванник. Накладом редакціі «Комара» у Львові. Львів, 1901. Друкарня Уділова, стр. 48, 8°, ціна 40 сот.

Щипавка Гриць. Хрунінда. Інтерпеляция д ра Коса і тов. в справі конфіскати „Новомодного співанника". У Львові, 1901. Наклад. ред. «Свободи». З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 32, 16°, ціна 16 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго земства. Докладъ экономическому совѣту. № 3. (Приложеніе къ журн. „Хуторянинъ"). Изд. Эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полтава, 1901. стр. 1 – 61.

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав Антін Крушельницький. (Видавництво ак'д. тов. «Молода Україна», ч. 2. Чернівці, 1901. З друкарні Товариства «Руска рода». Стр. 78, 8⁰. Ціна 50 сот.

Явдоха. Оповіданє цікаве для всіх. (Віданє «Рускої Бесіди», в Чернівцях, ч. 161). Чернівці, 1901. З друкарні Товариство «Руска Рада», стр. 44, 8⁰, ц. 24 сот.

Яворский Андрій. Малий сьпіванник. (Видання «Руского педогагічн. Товариства» ч. 32). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 26, ціна 20 сот.

Ярошинська Евгенія. Перша китичка для малих дівчат. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. стр. 22. Ц. 20 сот.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

8-го октября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу, съ которой комитетъ обратился къ харьковской городской думѣ. „Харьковское городское управленіе, говорится въ этой просьбѣ, пригласившее въ Харьковъ на съѣздъ и его почетнаго предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича, конечно, съ своей стороны придетъ на помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи и приметъ на себя, по примѣру тѣхъ городскихъ управленій, гдѣ раньше были съѣзды, по крайней мѣрѣ заботу о достойномъ пріемѣ членовъ съѣзда". Помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи необходима для устройства витринъ для выставокъ: значительная часть археологическихъ и этнографическихъ коллекцій сдѣлается потомъ какъ бы общественной собственностью г. Харькова.

Доложенъ былъ проектъ просьбы, съ которой обратится московскій предварительный комитетъ къ правленію Харьковскаго университета—о предоставленіи помѣщеній въ зданіи университета для засѣданій съѣзда и для выставокъ при немъ.

Постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться для помѣщенія иногородныхъ членовъ съѣзда кромѣ студенческаго общежитія и пансіонами при 1-й и 2-й мужской гимназіи.

Намѣчены предположительно во время съѣзда археологическія экскурсіи—въ Салтово, въ Янковку и на Донецкое городище. Поручено проф. Д. И. Багалѣю войти отъ имени комитета въ предварительные переговоры по этому поводу съ полезными для даннаго дѣла лицами и учрежденіями.

Подготовка каталоговъ выставокъ при съѣздѣ поручена членамъ комитета, принимающимъ участіе въ собираніи предметовъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ отвѣты тѣхъ учрежденій и лицъ, къ которымъ обращался комитетъ съ просьбой о присылкѣ памятниковъ старины, документовъ, картъ и т. п. для выставокъ при съѣздѣ. Просьбу комитета обѣщали исполнить Императорская публичная библіотека, С.-Петербургскій артиллерійскій музей, Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, Военно-ученый архивъ главнаго штаба, Архивъ святѣйшаго правительствующаго синода, Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г-жа Поль, Ю. В. Поповъ, П. В. Гладкій.

Доложена опись проф. Р. И. Шерцля тѣхъ монетъ и предметовъ, хранящихся въ мюнцъ-кабинетѣ Харьковскаго университета, которые могутъ поступить на археологическую выставку при съѣздѣ.

Доложено о пожертвованіи комитету и музею университета: свящ. Д. Поповымъ—восьми бронзовыхъ стрѣлокъ, найденныхъ вблизи Хухры въ песчаныхъ наносахъ; волостнымъ старшиной В. М. Мезинымъ—желѣзнаго кинжала въ мѣдной оправѣ, найденнаго въ с. Минковкѣ, Валковскаго уѣзда.

О множествѣ другихъ пожертвованій и присылокъ, поступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы будетъ доложено въ ближайшихъ засѣданіяхъ. За всѣ пожертвованія и присылки комитетъ выражаетъ глубокую благодарность. Ко времени XII археологическаго съѣзда правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора г. Ярыгинымъ подготовляется трудъ „Черниговская губернія въ ея легендахъ и преданіяхъ въ связи съ историко-археологическимъ описаніемъ мѣстностей губерніи“.

Ученыя общества.

Въ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца*, 7 октября, В. И. Щербина сообщилъ о результатахъ экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды, совершенной имъ совмѣстно съ А. П. Добровольскимъ, для описанія памятниковъ украинской старины. Всего осмотрѣно 35 пунктовъ. Особенное вниманіе обращено было на старинныя деревянныя церкви,[1]) которыхъ сохранилось довольно много; нѣкоторыя изъ нихъ относятся еще къ XVII ст. (двѣ церкви въ с. Синявѣ, Василь. у., ц. въ с. Погребы, тамъ же, и м. б. ц. с. Красовки, Бердич. у.), другія—къ XVIII в. По формѣ церкви можно раздѣлить на два типа: въ формѣ корабля и крестообразныя; по объему очень невелики: въ среднемъ 9 × 18 аршинъ, но есть и меньшихъ размѣровъ (напр. 7 × 17); куполовъ б. ч. три, но встрѣчаются—однокупольныя и пятикупольныя. Характерную особенность старыхъ церквей составляютъ узкія и низкія входныя двери; иногда на косякѣ вырѣзана надпись, указывающая время построенія церкви и имя строителя (село Вуйна, Бердич. у., и с. Росошки, Уманск. у.). Въ одной церкви (св. Николая, въ Бердичевѣ) имѣется „опасаніе“ (крытая галлерея вокругъ церкви).

Во многихъ церквяхъ сохранились старинные иконостасы и древнія иконы. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, реставрированы, обыкновенно очень неумѣло; напр., въ с. Насташкѣ (Василь. у.) есть икона Покрова съ изображеніемъ какого-то гетмана, который при реставраціи обращенъ въ архіерея. Многія иконы носятъ слѣды католическаго вліянія; встрѣчаются даже скульптурныя изображенія (статуя арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы). Изрѣдка на иконахъ встрѣчаются малорусскіе костюмы (с. Синява, Бердич. у.). Въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранились старыя плащаницы (XVIII в.),

---

[1]) Каменная церковь XVIII в. встрѣтилась только въ г. Васильковѣ; это соборъ, по преданію, построенный по плану Растрелли и представляющій большое сходство съ соборною церковью г. Козельца.

старинныя ткани и вышивки (особенно интересенъ шитый серебромъ воздухъ въ Бѣлоцерковскомъ соборѣ). Церковная утварь (чаши, кресты) носитъ также отпечатокъ уніи. Но въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранилась бѣдная православная утварь—оловянныя чаши и даже деревянныя (с. Чехи, Бердич. у.) и оловянные брачные вѣнцы.

Во многихъ церквяхъ имѣются старинныя книги XVII и XVIII ст. Большинство ихъ составляютъ изданія Кіево-Печерской лавры, второе мѣсто занимаютъ изданія львовскія и почаевскія; рѣже встрѣчаются изданія черниговскія, уневскія и виленскія. Рукописная книга встрѣтилась всего одна—Минея и часословъ XVIII в. въ с. Чехахъ.

Кромѣ старинныхъ церквей осмотрѣны были и нѣкоторые другіе памятники старины. Въ м. Погребище (Бердичев. у.) осмотрѣна синагога, въ которой хранятся двѣ рукописныя пергаментныя книги; на одной изъ нихъ есть какая-то запись о возстаніи Хмельницкаго; за синагогой—могила убитыхъ во время возстанія. Въ Фастовѣ осмотрѣнъ деревянный костелъ XVIII в. съ иконою XVII ст., съ которою связана легенда, пріуроченная къ эпохѣ возстанія Хмельницкаго; за костеломъ, на возвышенномъ мѣстѣ, господствующемъ надъ долиною р. Унавы, сохранились окопы Палія. Въ Бѣлой-Церкви, во дворѣ Преображенскаго собора, осмотрѣна церковь св. Николая, заключающая въ себѣ остатки начатой Мазепою, но оставшейся недоконченною, каменной церкви. Наконецъ, осмотрѣна была замѣчательная церковь въ с. Росошкахъ, Уманскаго у. Церковь эта построена въ 1763 г. Гонтою, какъ видно изъ надписи на косякѣ входной двери: „Сія церковь сооружена року ҂ѧ҃ѱѯг за колятора мципана Іоанна К(г)онты, храму св. мученицы Параскевіи за фундаторовъ Іоанна Дѣденка и Антонія Дѣлекатнего и всей громады“ (извѣстно, что Росошки—родина Гонты). Въ церкви сохранились старинныя книги (первой половины XVIII в.) и образа; между прочимъ, образъ очень сложной композиціи съ надписью на раскрытой книгѣ: Fuit homo missus a Deo cui nomen erat Joannes.

Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ плановъ церквей, фотографическихъ снимковъ съ церквей и иконъ, а также оригинальной иконы XVIII в. изъ с. Синявы, нарисо-

ванной на камбалѣ, пожертвованной въ Музей Общества Нестора Лѣтописца.

—

Въ засѣданіи *Московскаго Археологическаго Общества* Ю. В. Готье сдѣлалъ сообщеніе о призведенныхъ имъ лѣтомъ текущаго года въ окрестностяхъ села Каменки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раскопкахъ. Докладчикомъ было произведено изслѣдованіе 4-хъ группъ кургановъ или, по мѣстному названію, могилъ, ложащихъ къ югу отъ города Изюма. Первая группа расположена на плоской возвышенности, ограниченной съ трехъ сторонъ лощинами съ текущими въ нихъ ручьями. Изъ 12 кургановъ этой группы изслѣдовано 8. Вторая группа находится верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ предыдущей и расположена ниже, не въ далекомъ разстояніи отъ ручья Каменки, почти у подошвы отлогаго склона возвышенности, отдѣляющей ручей Каменку отъ Донца. Изъ 13 кургановъ этой группы изслѣдовано 5. Третья группа—самая интересная по своему положенію. Могильникъ расположенъ на землѣ города Изюма, верстахъ въ 2-хъ отъ него къ югу, на мѣловой возвышенности, господствующей надъ городомъ и носящей у мѣстныхъ жителей названіе *Кременца*. Возвышаясь саженъ на 30—35 надъ рѣкою Донцомъ, эта возвышенность составляетъ какъ бы полуостровъ, огибаемый теченіемъ рѣки. Такое положеніе *Кременца* должно было издавна сообщить ему стратегическое значеніе. Дѣйствительно, уже въ 1571 году мы находимъ здѣсь сторожевой пикетъ, извѣстный подъ именемъ Изюмскаго или Изюмъ-Курганскаго. Расположенная въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ *Кременца*, четвертая изслѣдованная группа находится на возвышенной плоскости. Наименѣе характерная по мѣстоположенію, она оказалась наиболѣе богатою по находкамъ, вслѣдствіе чего были раскопаны всѣ 6, входившихъ въ ея составъ, кургановъ.

Погребенія, найденныя въ курганахъ, можно прежде всего раздѣлить на погребенія въ курганной насыпи и на погребенія подъ курганной насыпью. Самымъ характернымъ случаемъ является погребеніе всадника съ лошадью и нѣсколькими желѣзными предметами. Въ погребеніяхъ, находившихся въ курган-

ныхъ насыпяхъ, костяки лежатъ въ очень различныхъ положеніяхъ. Чаще всего встрѣчается скорченное положеніе (15 случаевъ), въ 4 случаяхъ—вытянутое и въ 1 случаѣ—сидячее. Въ 2—3 случаяхъ встрѣчались слѣды обугливанія костей; окраска костяка замѣчена только 1 разъ. Наконецъ, очень часто замѣчались слѣды колодъ, въ которыхъ погребались трупы.

При погребеніи въ материковой почвѣ наблюдается двоякая форма: погребеніе въ ямахъ и въ катакомбахъ. Въ большинствѣ случаевъ, при погребеніяхъ подъ могильною насыпью, находили остатки пищи, которую клали покойникамъ у лица или затылка.

Въ подземныхъ погребеніяхъ окраска костяковъ обнаруживалась очень часто; окраска эта была розоваго цвѣта, за исключеніемъ одного костяка, окрашеннаго въ сѣро-синій цвѣтъ.

Наиболѣе характернымъ явленіемъ представляется способъ погребенія большихъ костяковъ съ головой и рукой, отдѣленными отъ туловища и положенными въ ногахъ. Тѣ же аналогіи можно найти и въ положеніи дѣтскихъ костяковъ. Два дѣтскіе костяка найдены рядомъ съ остатками очень обильной трапезы, поставленной покойнику.

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ значительнаго разграбленія могилъ; тѣмъ не менѣе, найдено много глиняныхъ сосудовъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ и рисунковъ; найдены также бронзовые и костяные предметы: бусы и привѣски хорошей работы, стремена, мечи и пр. Найденное желѣзное снаряженіе и вооруженіе при погребеніи съ конемъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, позднѣйшему времени.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга лѣтомъ 1901 г. Н. Е. Бранденбургъ со всегдашней любезной готовностью сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о произведенныхъ имъ раскопкахъ минувшимъ лѣтомъ.

1) *Въ Роменскомъ у. Полтавской губ.* раскопки производились совмѣстно съ В. В. Хвойкой; нѣкоторые изъ кургановъ раска-

нывались сообща, другіе—отдѣльно; для удобства мы даемъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще раскопкахъ въ данной мѣстности.

Въ с. Великихъ Будкахъ, въ извѣстной группѣ Аксютинцы-Волковцы, на козачьихъ земляхъ разрыто около 10-ти кургановъ. Всѣ, какъ водится, оказались ограбленными, но въ двухъ удалось вновь найти тѣ загадочные скифскіе бунчуки или булавы, назначеніе которыхъ до сихъ поръ не выяснено и которые обыкновенно находятся по 4 вмѣстѣ. То-же повторилось и въ данномъ случаѣ. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ (хотя и разграбленномъ), при четырехъ лежавшихъ вмѣстѣ булавахъ, оказались еще два бронзовыя навершья, очень оригинальной формы: вершины ихъ представляютъ изъ себя птичью голову съ большимъ клювомъ, вокругъ которой въ затѣйливомъ сплетеніи размѣщены 2 змѣи, пожирающія животныхъ и голова животнаго; экземпляры эти весьма рѣдки. Кромѣ того, въ этомъ-же курганѣ найдены: 4 костяныя псаліи, золотое ожерелье изъ шариковъ, образующихъ пирамидки, сердоликовыя бусы въ золотой оправѣ, янтарныя бусы, сургеа monetа и бронзовое зеркало.

Въ другомъ курганѣ также найдены какъ-бы сложенныя кучей 4 желѣзныхъ булавы, на которыхъ сверху лежало 5 большихъ бронзовыхъ колокольчиковъ, а сбоку остатки конской уздечки (желѣзныя удила съ костяными усиками и нѣсколько бронзовыхъ наборныхъ бляшекъ). Эта находка вмѣстѣ съ землей перевезена въ Артиллерійскій Музей, гдѣ и будетъ храниться не разъединенною.

Въ одномъ изъ остальныхъ кургановъ, до-чиста разграбленномъ, у сѣверной стѣны склепа найдена греческая амфора, а возлѣ нея сосудъ съ пережженными человѣческими костями.

Въ этой же группѣ было разрыто 3—4 небольшихъ кургана, заключавшихъ погребенія съ однимъ или нѣсколькими скелетами, у которыхъ обыкновенно находились сосудикъ, пряслица, костяной или бронзовый наконечникъ стрѣлы, сѣра.

Кромѣ кургановъ съ погребеніями, раскопано нѣсколько съ сожженіями, также скифской эпохи.

На крестьянскихъ земляхъ с. Басовки разрыто нѣсколько кургановъ; ихъ здѣсь довольно много, но всѣ они, повидимому, ограблены; раскопанные не избѣгли той-же участи и въ нихъ,

кромѣ мелкихъ предметовъ, ничего не обнаружено. Среди этой мелочи любопытны большіе бронзовые браслеты, украшенные на концахъ стилизованными головками животныхъ, бусы съ разноцвѣтными вставками, одна серебряная массивная буса въ формѣ шарика, длинная (около 1 фута) бронзовая булавка и привѣски, выпиленныя изъ челюсти свиньи (?) съ зубами.

Около с. Плавинищы раскопанъ большой нагорный курганъ (недалеко отъ города Ромны); и онъ оказался разграбленнымъ. Въ большой могильной ямѣ нашлось лишь немного обломковъ чешуйчатаго панцыря, удила и кое-какая мелочь. Курганъ ограбленъ подкопомъ.

У того-же села, на лугу, В. Хвойкой раскопано 7 кургановъ, заключавшихъ въ насыпи славянскія погребенія (покойники лежали головами на западъ), а подъ ними, въ грунтѣ,— скифскія.

На поляхъ с. Чебераки расположена группа изъ 40-ка кургановъ, большихъ и меньшихъ. Большіе уже всѣ раскопаны, вскрытые (В. Хвойкой) 4 меньшихъ дали бѣдныя скифскія погребенія. Въ верхнихъ частяхъ нѣкоторыхъ кургановъ и въ этой группѣ оказались позднѣйшія славянскія могилы.

У зашт. г. Глинска, на островѣ, изъ группы въ 20 кургановъ раскопано (В. Хвойкой) 2, гдѣ обнаружены сожженія скифской эпохи; въ одномъ изъ кургановъ найденъ сосудъ; покойники сжигались на мѣстѣ.

Въ Глинскѣ, подъ городищемъ, имѣется еще большой славянскій могильникъ, при прежнихъ раскопкахъ котораго на головахъ покойниковъ были находимы серебряные обручи. При настоящихъ раскопкахъ (В. Хвойки) въ разрытыхъ 2—3 курганахъ при скелетахъ ничего не обнаружено.

2) *Въ Чигиринскомъ у. Кіеской губ.* Н. Е. Бранденбургомъ раскопки производились у с. Мокіевки. Здѣсь, частью на крестьянскихъ, частью на владѣльческихъ земляхъ, вскрыты курганы, оказавшіеся какъ скифскими, такъ и со скорченными костяками. Къ сожалѣнію, изъ числа первыхъ, почти всѣ оказались разграбленными; уцѣлѣвшіе же были съ весьма бѣднымъ содержаніемъ, при чемъ скелеты лежали въ большихъ гробовищахъ изъ толстыхъ плахъ, въ видѣ продолговатыхъ срубовъ. Болѣе богатые, разграбленные, курганы заключали слѣды склеповъ. Въ разрытыхъ

курганахъ послѣдней категоріи найдено довольно много остатковъ, брошенныхъ грабителями: копій, удилъ, съ бронзовыми и желѣзными усиками, бронзовыхъ стрѣлъ съ обломками древковъ, бронзовыхъ наборныхъ уздечекъ, остатковъ нѣсколькихъ панцырей (чешуйчатыхъ и птастинчатыхъ), бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, желѣзный ножъ съ костяной рукояткой и т. п., а также кое-какая посуда, каменное овальное блюдо и немного терракоты. Интересна терракотовая вазочка (въ черепкахъ) съ изображеніями Аріадны, Діониса и Сатировъ. Выдающуюся находку представляютъ остатки скифскаго скелета съ надѣтымъ на него желѣзнымъ чешуйчатымъ панцыремъ,—обстоятельство, дающее возможность ближе ознакомиться съ конструкціей или формой этого вооруженія, которое встрѣчается обыкновенно совершенно разсыпавшимся. Въ виду этого находка была перевезена съ землей и теперь окончательно очищается въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Къ сожалѣнію, панцырь оказался сильно поврежденнымъ грабителями (повидимому, новѣйшими), ограбившими находившуюся рядомъ со скелетомъ женскую могилу, равно какъ и упоминаемую мужскую, причемъ скелетъ въ панцырѣ частью оказался раскиданнымъ, вслѣдствіе чего сильно пострадало и самое вооруженіе, сохранившееся лишь отчасти въ нетронутомъ видѣ.

3) Послѣдній пунктъ раскопокъ Н. Е. Браденбурга—*м. Ильинцы, Липовецкаго у. Кіевск. г.* Къ тому, что было уже сообщено объ этихъ раскопкахъ (см. „Лѣтопись“ за сентябрь), пока прибавить нечего.

—

Раскопки В. В. Хвойки лѣтомъ 1901 г. Кромѣ раскопокъ въ Роменскомъ у., о которыхъ говорено выше, В. В. Хвойка, по обыкновенію, произвелъ и въ этомъ году много раскопокъ; сообщаемъ о нихъ, со словъ неутомимаго изслѣдователя, краткія свѣдѣнія.

На этотъ разъ раскопки коснулись и цѣлаго ряда городищъ, правда, раскопки не особенно обширныя, но все-таки давшія возможность опрѣдилить ту или другую культуру городищъ.

1) *На городищѣ „Жарище“ у с. Пастерскаго, Чигиринск. у. Кіевск. г.* раскопки продолжались въ юго-западной (меньшей) части этого грандіознаго сооруженія. Здѣсь обнаружены остат-

ки жилищъ и различные предметы скифскаго періода, масса черепковъ отъ сосудовъ полей погребенія (II—IV в. по Р. Х.) и предметы готскаго типа эпохи переселенія народовъ. Среди послѣднихъ, снова найдены интересныя фибулы съ звѣринымъ орнаментомъ, браслеты, ушныя привѣски, серебряныя пуговицы, бусы изъ композиціи и различные предметы и инструменты изъ желѣза. Найденъ также опрокинутый глиняный столбъ, пока неопредѣленнаго назначенія, съ вершиной, представляющей изъ себя гладкій кругъ, около $1^1/_2$ метра діам., на поверхности котораго проведено 7 концентрическихъ бороздокъ; высота столба $1\ ^1/_4$ метра. Подобнаго рода столбъ былъ уже открытъ раньше на городищѣ у Мотронинскаго монастыря, и, какъ увидимъ ниже, на городищѣ у с. Конончи.

2) *Городище у с. Конончи, Черкасск. у. Кіевск. губ.*, входитъ въ цѣпь городищъ, расположенныхъ на берегу Днѣпра и поворачивающихъ затѣмъ по берегу р. Роси. Городище относится къ княжескому періоду, въ чемъ можно было убѣдиться какъ по случайнымъ и не случайнымъ находкамъ крестьянъ, такъ и при нашихъ личныхъ развѣдкахъ.

При раскопкахъ г. Хвойки обнаружены остатки жилищъ —землянокъ, съ разрушившимися печами, причемъ большой интересъ представляетъ двойная печь, имѣющая два устья. Найденные предметы—обычнаго типа XI—XIII ст., ихъ массу дала уже Княжа Гора; здѣсь можно отмѣтить желѣзный ножикъ съ прекрасно орнаментированной костяной ручкой и жерновъ, имѣющій ободокъ—новый типъ.

Какъ уже упомянуто, и здѣсь найденъ глиняный столбикъ, 0, 45 м. высотой и $1^1/_2$ м. въ діаметрѣ; особенность его состоитъ въ томъ, что вершина имѣетъ глиняный ободокъ, частью разрушившійся. Къ княжескому періоду относится и открытое тутъ-же кладбище, частью испорченное крестьянами-кладоискателями. Особенность его составляетъ, какъ это повидимому можно установить, обычай класть надъ могилой, или правильнѣе, надъ гробомъ по нѣсколько камней—кругляковъ.

Культура княжеской эпохи является на городищѣ послѣднимъ наслоеніемъ. Но и до нея на данномъ мѣстѣ шла жизнь. Такъ, здѣсь-же открыты остатки жилищъ неолитическаго періода съ керамикой до-микенскаго типа, давшіе различные пищевые

остатки, а также найдены по близости и части двухъ типичныхъ для этой культуры глиняныхъ сооруженій [1]).

Возлѣ городища, на возвышенномъ плато, расположено нѣсколько кургановъ. Изъ нихъ было раскопано два, и въ одномъ найдено 3 крашеныхъ скелета. Очень любопытенъ фактъ, что въ насыпи этого кургана встрѣчены черепки до-микенскаго типа и раковины—т. е. содержимое т. н. площадокъ и жилищъ до-микенской культуры. Насъ всегда занималъ вопросъ опредѣленія отношенія культуръ съ окрашенными костяками и съ посудой до-микенскаго типа, культуръ, близкихъ по времени. Дѣйствительно, представляется очень интереснымъ установить или связь между ними, или опредѣлить послѣдовательность, въ какомъ слѣдовала одна изъ нихъ за другой. Фактовъ до сихъ поръ было очень немного. Судя-же по характеру культурныхъ остатковъ, можно было предположить бо́льшую древность за культурой крашеныхъ скелетовъ. Но данная раскопка кургана какъ-бы говоритъ немного иначе и ставитъ вопросъ въ обратное положеніе. Во всякомъ случаѣ, для окончательнаго рѣшенія, придется подождать еще новыхъ фактовъ. [2])

3) Продолжались раскопки и на громадномъ городищѣ *у с. Шарки, Васильковск. у. Кіевск. губ.* Кромѣ различныхъ предметовъ княжеской эпохи (много желѣза, остатки стекляныхъ сосудовъ, ценинныя плитки, различныя украшенія, серебряная шестиугольная гривна), здѣсь открыты остатки жилищъ и цѣлый некрополь. Некрополь заключалъ въ себѣ какъ сожженія, такъ и погребенія. У послѣднихъ нѣкоторые изъ покойниковъ были обложены по бокамъ пластинами, у другихъ находились кострища, какъ сбоку, такъ и подъ покойниками. Изъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, можно отмѣтить парчевыя ленты, которыя клались на лобъ.

---

[1]) Присутствіе послѣднихъ у Конончи было констатировано года два назадъ во время нашихъ развѣдокъ совмѣстно съ В. Н. Доманицкимъ.

[2]) В. В. Хвойка сообщилъ намъ въ дополненіе къ вышеизложенному, что аналогичное явленіе ему пришлось наблюдать года четыре назадъ при раскопкахъ кургановъ у с. Халепья, Кіевск. у.

У сс. Шарки и Ромашки обнаружены кромѣ того еще и поля погребенія.

4) Небольшія раскопки производились также и на городищѣ у лѣтописнаго *с. Витачева, Кіевск. у.*; особенно цѣннаго эти раскопки, какъ и раньше тутъ-же производившіяся, не дали, но городище обѣщаетъ быть очень интереснымъ и потому В. В. Хвойка намѣревается въ слѣдующемъ году приступить здѣсь къ болѣе обширнымъ раскопкамъ.

Вблизи с. Витачева, у с. Черняхова, В. В. Хвойкой закончено изслѣдованіе громаднаго поля погребенія, давшее такіе блестящіе результаты. На этотъ разъ было вскрыто всего нѣсколько погребеній.

5) *Раскопки у с. Чучинки, Кіевскаго у.*, вблизи м. Ржижева, нужно признать одними изъ весьма удачныхъ.

Здѣсь, прежде всего, на покатой возвышенности, обнаружены слѣды обширнаго поселенія съ посудой до-микенскаго типа. Найдены остатки до 25-ти жилищъ (не площадокъ), иногда довольно оригинальнаго устройства: жилища имѣли видъ землянокъ, прокопанныхъ въ два уступа; въ одной изъ нихъ были устроены 3 овальныя печи. Жилища дали массу пищевыхъ остатковъ и цѣлую коллекцію чудныхъ издѣлій изъ рога (м. п. лося): топоровъ съ круглыми отверстіями, долотъ, шилъ и 2 рыболовныхъ крючка. Не менѣе, если не болѣе, интересны найденные тутъ-же многочисленные черепки отъ крашеныхъ сосудовъ, покрытые замѣчательными орнаментами; среди орнаментовъ встрѣтилось и изображеніе человѣческой фигуры.

Въ этой-же мѣстности раскопаны и 2 кургана (2 другихъ были раскопаны крестьянами). Курганы оказались скифскими и не разграбленными. Въ каждомъ изъ нихъ найдено по скелету, головой почти на югъ.

Въ первомъ, при скелетѣ найдены: желѣзный чешуйчатый панцырь и, повидимому, принадлежность его, встрѣченная впервые и состоящая изъ желѣзной чешуи и продолговатыхъ пластинокъ, наложенныхъ одна на другую,—все это лежало свернутымъ въ нѣсколько оборотовъ; затѣмъ, желѣзныя копье и и остріе, два жел. ножа—типа бронзовыхъ, жел. молотокъ, 2 жел. удилъ, около 40 бронзовыхъ стрѣлъ, 2 бронз. шпильки и золотая серьга. Въ ногахъ покойника находилось 2 сосуда.

Во второмъ курганѣ, въ ногахъ—4 сосудика, съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, затѣмъ копье, пара жел. удилъ и нѣсколько костяныхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

При всѣхъ раскопкахъ В. В. Хвойкой велись подробные дневники, снабженные массой рисунковъ. Этотъ сырой матеріалъ въ настоящее время тщательно обрабатывается для отчета Императорской Археологической Комиссіи.

Случайныя находки.

Кладъ въ усадьбѣ Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ. Какъ мы уже сообщали, 10-го сентября, въ глубинѣ усадьбы г. Орлова найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Усадьба г. Орлова находится въ юго-западномъ углу древнѣйшаго кіевскаго „дѣтинца", приблизительно въ 50-ти саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви. Въ этомъ году здѣсь воздвигнутъ большой 4-хъ этажный домъ. Выемка земли подъ его фундаментъ не дала никакихъ интересныхъ находокъ, хотя почва и состояла изъ ряда культурныхъ напластованій. Но при копаніи ямы для ледника наткнулись на остатки стараго погреба, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ на значительную глубину оказалась рушеной; въ ней встрѣчались булыжники въ видѣ пращей, куски шифера и шиферныхъ плитъ, черепки отъ сосудовъ, куски кирпича, человѣческія кости и кости животныхъ, а внизу ямы—уголь и зола. На глубинѣ $4^1/_2$ арш. рабочіе дошли до глинисто-песчанаго материка; когда дно ямы было очищено, то въ немъ была обнаружена небольшая ямка, шедшая еще глубже. Въ этой ямѣ и былъ найденъ сосудъ, заключавшій кладъ. Къ сожалѣнію, сосудъ былъ разбитъ, но, однако, по сохранившимся частямъ можно возстановить его форму. Онъ имѣетъ видъ горшка, приготовленнаго на гончарномъ кругѣ, съ широкимъ отверстіемъ; вышина его 21 стм., ширина посрединѣ 20 стм., діам. дна 8 стм. Съ одной стороны имѣется ушко; верхняя часть орнаментирована; орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ бороздокъ

(около 12) и ряда насѣчекъ пониже. Совершенно въ такомъ же сосудѣ былъ найденъ извѣстный кладъ въ усадьбѣ Есикорскаго. Предметы, составлявшіе кладъ, были положены въ горшокъ завернутыми въ парчевую матерію—остатки ея рабочіе выбросили. Кромѣ того, часть мелкихъ хрупкихъ предметовъ была изломана и поступила къ владѣльцу въ видѣ обломковъ.

Не смотря на то, что Кіевъ далъ уже большое число находокъ княжескаго періода и настоящій кладъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ нѣсколько новыхъ типовъ предметовъ, еще разъ говорящихъ за то, что въ данную эпоху мѣстное ювелирное дѣло достигло высокой степени развитія, отличаясь какъ совершенствомъизготовляемыхъ предметовъ, такъ и ихъ разнообразіемъ.

Всѣ предметы клада, какъ и большинство ранѣе найденныхъ кладовъ, представляютъ изъ себя различныя золотыя и серебряныя украшенія.

На первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты). Лицевыя ихъ стороны украшены изображеніями птицъ и растительнымъ орнаментомъ, исполненными замѣчательно художественной, тонкой гравировкой, заполненной чернью. Такого типа подвѣски обыкновенно изготовлялись полыми внутри (для помѣщенія тамъ хлопка, пропитаннаго благовонными маслами), и настоящіе колты также полые и, благодаря этому, найдены довольно сильно помятыми.

Большой интересъ, а также отчасти и новинку, представляетъ ожерелье, въ составъ котораго, по всей вѣроятности, входили слѣдующія находящіеся въ кладѣ предметы: 1) 8 серебряныхъ позолоченныхъ круглыхъ медальоновъ, среднія части которыхъ заняты накладными кружками, украшенными растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ чернью,—такихъ орнаментированныхъ кружковъ сохранилось 4; кружки окружены желобками, въ которые помѣщался жемчугъ; такого рода медальоны встрѣчаются впервые; 2) 9 серебряныхъ позолоченныхъ подвѣсокъ въ формѣ лилій—обычный типъ, и 3) 9 продолговатыхъ серебряныхъ позолоченныхъ бусъ. Остальную часть клада составляли:

Четыре золотыя серьги кіевскаго типа съ ажурными шариками.

Часть головного убора, состоящая изъ 9-ти золотыхъ скобочекъ.

Часть шейной повязки, состоящая изъ 4-хъ серебряныхъ полуцилиндриковъ (всѣхъ должно было быть до 20-ти).

Обломки, находившіеся въ кладѣ, составляли въ цѣломъ видѣ различной формы серебряныя вызолоченныя нашивки на матерію—т. н. „дробницы". Изъ обломковъ удалось сложить одну изъ нихъ, имѣющую видъ креста съ лиліевидными концами.

Рабочій, нашедшій кладъ, передалъ его владѣльцу усадьбы, послѣднимъ-же кладъ въ цѣломъ составѣ пожертвованъ Кіевскому Музею Древностей и Искусствъ, гдѣ онъ въ настоящее время и хранится.

—

Въ Кіевѣ-же, на Старомъ Городѣ, осенью настоящаго года найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ той-же эпохѣ. Очень возможно, что предметы эти составляютъ лишь часть исчезнувшаго клада.

Это, прежде всего, очень изящной работы серебряная серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца, на которомъ висятъ двѣ пронизки, иммитирующіе нанизанныя на проволоку бусы; каждая изъ пронизей состоитъ изъ двухъ боковыхъ гладкихъ шариковъ и средняго ажурного.

Затѣмъ, пять дробницъ, въ видѣ золотыхъ розетокъ; три изъ нихъ побольше (діам. 2,3 стм.), двѣ поменьше (діам. 1,8 стм.). Большія имѣютъ среднее гнѣздо для камня и кругомъ 8 меньшихъ гнѣздъ. У меньшихъ, кругомъ центральнаго, только по 6-ти гнѣздъ; здѣсь, какъ гнѣзда, такъ и фонъ украшены зёрнью. Дробницы эти по краямъ снабжены дырочками для прикрѣпленія къ матеріи.

Серьга и дробницы поступили въ собраніе Б. И. Ханенко.

—

Городище Княжа Гора за послѣднее время почти совсѣмъ изсякло. Встрѣчается еще довольно часто желѣзо, изъ болѣе-же цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ можно указать лишь на недавно найденную привѣску изъ горнаго хрусталя, овальной формы, въ серебряной оправѣ—новый видъ привѣсокъ.

—

Вблизи Ананьева, въ долинѣ Тилигула, на глубинѣ 3½ аршинъ, рабочіе наткнулись на человѣческій скелетъ, лежавшій головой на востокъ, ногами на западъ. Судя по длинѣ скелета, покойникъ былъ ростомъ въ 2 аршина, но въ то же время это былъ вполнѣ сформировавшійся человѣкъ; въ каждой челюсти у него по 16 зубовъ. Широкій тазъ показываетъ, что это была женщина. На обѣихъ рукахъ скелета, немного ниже локтей, надѣто было по браслету, каждый изъ нихъ сдѣланъ изъ бронзовой проволоки нѣсколько тоньше гусинаго пера; браслеты не спаяны: концы проволоки расплющены и украшены точечнымъ орнаментомъ. Обращаетъ на себя вниманіе малый размѣръ браслетовъ—всего 5 сантиметровъ въ діаметрѣ; такой браслетъ едва найдетъ на дѣтскую руку. Кромѣ браслетовъ, покойница была украшена двумя мѣдными серьгами; какое-то мѣдное украшеніе было у нея и на шеѣ, но вещи эти по невѣжеству рабочихъ потеряны; одинъ изъ браслетовъ они изломали въ куски. Узнавъ о находкѣ, ананьевскій городской голова А. А. Коняхинъ немедленно выѣхалъ и тщательно изслѣдовалъ мѣсто находки. Скелетъ, уцѣлѣвшій браслетъ и обломки другого г. Коняхинъ принесъ въ даръ Херсонскому археологическому музею. („Югъ“).

—

На поляхъ *д. Самбросовки, Александрійск. у. Херсон. губ.* выоранъ кладъ, состоящій изъ 170 пятаковъ чекана 1761—1787 г.г. Мѣстность эта давно притягивала къ себѣ различныхъ искателей кладовъ, которые ежегодно въ теченіе уже 30—35 лѣтъ ищутъ ихъ въ скалахъ, находящихся на землѣ дер. Самбросовки по теченію р. Ирклея. Въ прежнее время зачастую появлялись разные дряхлые „дѣды“, указывавшіе то въ одномъ, то въ другимъ мѣстѣ скалу, гдѣ долженъ былъ находиться кладъ. Находились охотники взрывать скалы, подкапывать ихъ, но всѣ эти поиски до сихъ поръ были безуспѣшны. Послѣ этой находки одинъ изъ крестьянъ ближайшаго хутора разсказалъ, что онъ помнитъ, какъ во времена его дѣтства являлся какой-то дѣдъ разыскивать въ лѣсу криничку, которой тогда уже не существовало, такъ какъ въ нее, по словамъ того дѣда, была опущена запорожцами „паровица“ мѣдныхъ денегъ (Югъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко.**

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, *съ замѣчательнѣйшихъ произведеній Русской школы* изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями: безъ доставки 8 руб.. съ доставкой и пересылкой **10** руб., за границу **12** руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: *въ Главномъ складѣ художественныхъ изданій Н. П. Собко* (*Почтамтская* 13), въ книжн. магаз. Віоле (М. Конюшенная, уг. Невскаго, 26/16); въ *Москвѣ*—у Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кіевѣ*—у Идзиковскаго (Крещатикъ), въ *Одессѣ*—у Свистунова, въ *Харьковѣ*—у Петрова (Университетская горка), въ *Казани*—у А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ *Томскѣ*—у Макушина, въ *Варшавѣ*—у Віоле (Сенаторская). въ *Юрьевѣ*—у Карова, въ *Парижѣ*—у Boyveau et Chevillet (rue de la Banque), въ *Лейпцигѣ*—у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ*—у Amsler u. Ruthardt (Behrensstrasse), въ *Вѣнѣ*—у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ повсѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

VI годъ изданія.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССѢ

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

—

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

—

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Prehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Simàcek, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

коллегія, наполнившая надеждами обиженныхъ всей гетманщины... Въ числѣ ихъ оказалась и Татьяна „Павлиха“, вдова одного изъ тѣхъ Брагинцовъ, которымъ судъ возвратилъ ихъ „селище“, въ 1671 г. Вдова „Павлиха пожаловалась въ Глуховъ, что С—чи завладѣли уже разъ присужденными имъ землями и—глуховскія власти поспѣшили (такое было время) удовлетворить обиженную... Брагинскія земли присудили „Павлихѣ“, а между тѣмъ на этихъ земляхъ сидѣло цѣлое село... Вдова Андрея С. постаралась уладить дѣло миромъ, при чемъ ей пришлось заплатить 2500 золотыхъ. [1]) Но процессъ съ „Павлихою“ сильно отразился

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь разсказъ самой вдовы Андрея С., какъ о началѣ с. Брагинцовъ, такъ и о процессѣ за нихъ въ 1723 г., съ «Павлихою». «Покойный мужъ мой Андрей С., по изшествіи з М. Россіи непріятеля шведа, одержавши уряди писарства, а потомъ судейства, полковіе Прилуцкіе, для вспарця своего господарства покупилъ былъ в многихъ селянъ сотнѣ Варвинской, а именно въ Озерянцовъ, Оробіовцовъ, Савинцовъ и в другихъ, разные грунты, на которихъ за позволенемъ пок. плк-ка Прлцк. Носа, поселилъ хуторъ и слободку Брагинецъ осадилъ, которая потомъ универсаломъ пок. п. гетм. Скор. зостала мнѣ в спокойное владѣніе ствержена, и владѣла я оною до смерти мужа моего безъ жадной перепони; когда жъ мужъ мой волею Божею умре, помянутою слободкою владѣла я по 1723 г., безперепонно. А въ томъ году Тетяна Павлиха, жителка Бѣлогорѣлская, била челомъ въ енер. в. к—рію, доносячи, что мужъ мой Андрей С. неслушне якобы покупилъ у тихъ Озерянцовъ и другихъ селянъ—грунта, гди жъ они суть не ихъ, але мужа ея умершого Брагинця, и презентовала декретъ з суду в. енералного, за подписомъ рукъ Ив. Домонтовича и Ив. Самойловича, судей енер—хъ, въ року 1671, мѣс. окт. 9 дня, ей, Павлихи, мужу виданный. И по той ей занесенной на мене жалобѣ, велено з оной енер. к-ріи представить мнѣ—одъ кого достались тіе грунта заводцовъ; и я оныхъ Озерянцовъ да и другихъ селянъ, предъ судомъ войск. енер. представляла, и купчіе мнѣ одъ ихъ данные обявляла; но они одъ кого себѣ грунта тие прежде имѣли—слушного доволу не показали, и за тое арматнимъ вязенемъ были карани; а повелено зъ оного жъ суду ен., абы я (рука руку знаючи) своихъ заводцовъ смотрила, а грунтовъ оной Тетянѣ Павлисѣ усту-

на Брагинцахъ, такъ какъ послѣдніе засимъ вовсе не показываются въ ревизіи 1729 г. Мы видѣли уже (с. 357), что вдова Андрея С. въ это самое время (лѣто 1729 г.) жаловались, что старшій сынъ ея „*въ слободѣ Брагинцахъ килканадцять человѣка* и болшую часть Брагинского грунту *до хутора Мормизовского*, самовласне собою завладѣнного, *принялъ во владѣніе*“, изъ чего можно думать, что Брагинское населеніе чуть не все—на время—расходилось... Но критическій моментъ прошелъ и—по ревизіи 1731 г.—въ „слободкѣ Брагинцѣ“ значится 68 хоз. „весьма убогихъ и безгрунтовыхъ“, и кромѣ того—„при дворцѣ (усадьбѣ) С—чей—девять человѣкъ „зъ нагороди (за жалованье) живучихъ хатами порознь“ (войтъ, стадникъ, конюшій, шинкарь, кравець, десятникъ, овчаръ, швецъ и коровникъ). Видно, что потревоженное поселеніе не трудно было вновь собрать, при чемъ у вдовы Андрея С—ча [1]) явились „безгрунтовые“ кр—не, т. е. не имѣвшіе полевыхъ земель, а слѣдовательно, всецѣло подчиненные державцѣ... По смерти вдовы Андрея и сына ея Матвѣя, половина Бр—цевъ была захвачена Иваномъ С. и это обстоятельство, какъ видно ниже, оказало замѣтное вліяніе на уменьшеніе здѣшняго населенія. Кр. А. 34 д. В. 25 д. В. не показаны. Г. 35 д. 35 х. (Ивана С—ча и вдовы брата его Матвѣя. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 22 двора). Д. 79 д. 124 х. Изъ нихъ 47 дв. б. товв. Ивана и Матвѣя Матвѣевичей С—чей, и 22 дв. „княг. капитанши Ор-

---

пила. Тилко же, жебы мнѣ чрезъ тое не прийти было въ крайнее разореніе, мусѣла вновъ у Тетяни Павлихи за полтретѣ тисячи золотихъ суммы готовои грошеи, кромѣ другихъ рѣчей, тие грунти купити, якіе прошлого 1723 году, августа 1, декретомъ зъ суду в. ен. въ спокойное мнѣ, зъ синами, владѣніе ствержени. А въ декретѣ томъ повелѣно, дабы они Озеранцѣ зъ другими селянами, безъ отреченія и болшой себѣ турбаціи, всѣхъ своихъ грунтовъ, подлугъ ограниченя въ декретѣ Домонтовича и Самойловича, судей ен., вираженного, уступили, а сами своихъ заводцовъ глядѣли, любъ если заводци въ кого мѣтъ, уживанемъ прежнимъ своего грунту контентовались».

[1]) Брагинская вѣдомость въ ревизіи 1731 г. подписана вдовою: «къ сему вѣдѣнію вмѣсто матки моей Феодори С—чевой, по ея велѣнію, синъ ея, сотникъ наказный Варвинскій Матфій С—чъ».

беліановой" (должно быть вдовы единокровнаго ихъ брата Владиміра Орбеліана). Козаковъ въ Б. не было.

Слоб. Мормизовка, „рѣки нѣтъ никакой" (Пащ.), поселена Андреемъ С—чемъ на Брагинскихъ земляхъ (см. выше), при чемъ въ 1718 г. здѣсь было уже 10 дв. Затѣмъ М—ка была отсуждена отъ С—чей вмѣстѣ съ Брагинцами, и наслѣдникамъ Андрея С—ча пришлось въ другой разъ покупать Мормизовскія земли (см. Брагинцы). Деньги за эти земли уплатила вдова Андрея С. вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, что̀ и дало поводъ послѣднему присвоивать себѣ эту слободку, при чемъ онъ перевелъ сюда „килканадцать" Брагинскихъ жителей, какъ жаловалась его мать. Но видно, что къ Ивану С. слобожане шли неохотно, п. ч. М—ка въ ревизіяхъ 1729 и 1731 гг. вовсе не показывается, а по ревизіи 1740 г. значится только „футоръ Мормизовскій", принадлежащій *Ивану* С—чу, съ 5-ю хатами подсосѣдковъ. Отсюда видно, что Ив. С—чъ не смогъ возстановить прежней слободки.[1]) Послѣ смерти Ив. С—ча, М—ка

---

[1]) Мы уже видѣли, что сама мать Ив. С—ча свидѣтельствовала о его суровомъ обращеніи съ своими «подданными» (с. 341). Къ этому можно прибавить, что не за одну суровость Ив. С—ча, чуждался его сельскій людъ. Сохранились факты, что «подданные» этого державцы терпѣли еще и отъ развратныхъ его похожденій. Мы уже не разъ упоминали, какъ много «отновлено» было жалобъ вслѣдъ за учрежденіемъ Глуховской коллегіи. Въ числѣ этихъ жалобъ Галаганъ представилъ Полуботку, въ 1723 г., двѣ «суплѣки», одну—«отъ Параски Райкувны, дѣвки, а другую—отъ Вивди Демяновны, молодицы, на п. Івана С—ча, т. войск., что онъ, С—чъ, будто зъ едною зъ нихъ, Параскою, вшетечній грѣхъ пополняючи, дитя прижилъ, а другой, на имя Вювдѣ, паненства позбавилъ". Вѣроятно, что эти жалобы возбуждены были самимъ Галаганомъ, постоянно споривщимъ съ С—чами за Озерянскія земли; но это обстоятельство должно было обратить на нихъ тѣмъ большее вниманіе Глуховскихъ властей. Поэтому, для разслѣдованія жалобъ на С—ча, Полуботокъ послалъ на мѣсто *четырехъ* своихъ чиновниковъ. Главная жалобщица «Вюцка Демяновна» дала слѣд. показаніе слѣдователямъ: «Дѣется тому третій годъ, едного часу Іванова Себастіановичева жена была въ Гурбинцяхъ, а самъ С—чъ пріѣхалъ на Брагинецъ, противъ праздника

перешла во владѣніе наслѣдниковъ Матвѣя С—ча, вдова котораго—какимъ то образомъ—передала эту слободку, сыну своему отъ второго брака, Владиміру Орбеліану, за которымъ она показана по вѣд. 1780 г. Кр. В. 10 д. В. нѣтъ. Г. 5 д. 5 х. Д. 35 д. 53 х. (капитана кн. Владиміра Орбеліана).

Обрѣзанія Господня, и надвечоръ того дня пришолъ до ей, Вюцки, дворовій же С—човъ овчаръ и сказавъ: ходи до двора, плятя прати, старостиха велѣла.—Вюцка по указу и пошла; куда пришовши, сказано ей старостиха (хою?) С—чъ (ча?), мовячи: уже, небого, плятя не пратимешъ; поможи скубти курупята да старостисѣ коло печи поратись.—Она задосить тому чинячи, любо припоравшись, хотѣла пойти додому, тилко жъ старостиха не пустила, повѣдаючи, что панъ тебѣ не велѣвъ пускати.—Того жъ часу, уже позно, вийшла она, Вюцка, в сѣни, води брати, ложки мити, а С—чъ вхопивши ей за руку, скоро повѣвъ в хату пустую, чрезъ сѣни жъ стоячую, где кури, гуси и другая дробина найдовалася, въ которой того жъ часу хтось дверѣ з сѣней завернувъ; и ставъ насиловати до пополненя грѣха, которому хоцяй з плачемъ просячися, далъ би покой, виговорувала, же еще нѣ с кимъ грѣха не мѣла, однакъ С—чъ едно, властю, якъ держявца, другое, увевнивши ей замужъ своимъ коштомъ оддати, силою згвалтовалъ. А одпустивши одъ себе, приказалъ старостисѣ, щобъ исти оной Вютцѣ дала. И якъ скоро хотѣла исти, заразъ Василь Макарукъ, на той часъ бувши села его С—вичового Брагинця десятникъ, викликалъ ей жъ Вюцку з хати, и в сѣняхъ, заразъ С—чъ взявши до себе, за дверми сѣнечними, другій разъ пополнилъ грѣхъ, и приказалъ старостѣ своему Хведору Лозицкому до дому Вювдѣ не пускати, але у коморѣ зачинити. Якъ же такъ и було, бо з старостихою в коморѣ жъ и ночовала... Переночовавши жъ, на другій день, когда Вювдя увійшла у хату грѣтися, застала в хатѣ С—ча, которій тожъ похотѣлъ пополнити грѣхъ, тилко жъ чоловѣкъ села того, Головатій, в хату нагодился, и намѣренному его дѣлу перешкодилъ»... Этотъ допросъ производили въ маѣ 1723 г.,—Павелъ Раковичъ, Якимъ Горленко, Григорій Галенковскій и Илья Александровичъ. Они же произвели дознаніе и по жалобѣ Параски Райковны, тоже подробно разсказавшей о своихъ сношеніяхъ съ Ив. С—чемъ, при чемъ впрочемъ „паненство“ у Райкувны было „позбавлено“—другимъ... Тутъ же „сусѣда“ С—ча, Тацка Прокопиха, „которая будто

Х. Макушиха „протокъ Балабанка“ (Пащ.), поселена во втор. пол. XVIII в., вѣроятно, зятемъ Ив. Себастіановича, Ос. Лысенкомъ, за которымъ въ 1780 г. здѣсь показано 10 дв. съ 19-ю хатами.

С. Озеряне, „въ ярахъ и на косогорахъ, чрезъ село протекаетъ небольш. рч. Озерянка, на которой мельница“ (Пащ.), возникли не позже полов. XVII в., хотя первая здѣсь церковь строилась только въ 1703 г.—Самойловичемъ О. отданы были тогдашнему Варвинскому сотнику Яремѣ Моренцу, по смерти котораго принадлежали къ числу ратушныхъ селъ, но Галаганъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ садить тутъ *своихъ* „подданныхъ“. Случилось это такъ, какъ разсказывали мѣстные люди, въ 1724 г.—„Лѣтъ 20 тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ (с. 63) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Оз—хъ только „аренду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до аренды“, сталъ просить, чтобъ позволили ему тутъ же, въ селѣ, „занять вольную леваду“, надъ Мамотовымъ ставомъ, для постройки хуторка. При этомъ С—чъ обѣщалъ дать намъ за то, на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Оз—хъ была тогда еще не достроена. Получивъ это позволеніе, С. денегъ на церковь не давалъ, да и леваду не долго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай

в зводадъ бувала“, разсказала слѣдователямъ, что она давно уже живетъ въ дворѣ у С—чей, „и едного часу, пришовъ С—чъ до ей, Пронопихи, в хату и сказавъ: пойди, мовитъ, до Ганни, дѣвки швачки, на той часъ в дому его жъ С—човомъ служачой, и скажи, если она позволится зо мною учинити грѣхъ,—по якого веленію, когда той дѣвцѣ Тацка донесла, що панъ требуетъ до пополнена грѣха, одказала: хоцяй мовитъ и службу оставлю и з двора пойду, а грѣха чинити з паномъ не хочу. Що якъ донесла ему, С—чу, давъ ей покой“. Интересно, что когда „Параска“ послѣ рожденія дитяти, должна была уйти отъ С—чей, то въ Гурбинцахъ, гдѣ жили С—чи, она услыхала отъ одной бабы такое предостереженіе: „Лихо тобѣ, Параско, буде! —чула я одъ самой панеи (т. е. отъ жены Ив. С—ча) що если где трафится тебе знайти, велѣла бъ до смерти убити!“...

его позвалъ", и, кромѣ того, онъ въ это же время, по сосѣдству въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать". И запустѣла та левада, пока не насталъ плк-комъ п. Галаганъ. А какъ сталъ Г—нъ плк-комъ, и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Оз—хъ, въ 1718 г., съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полк. судьею. И когда пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ п. плк-къ просилъ п. судію—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Оз—хъ. Судья согласился, говоря, что хоть Озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: „за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я вашецѣ, добродію, дарую!". И тогда же п. плк-къ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ", оповѣстили намъ, Оз—мъ обывателямъ.—Получивъ леваду, Г—нъ года за три, за четыре, поселилъ тутъ нѣсколько подсосѣдковъ, а потомъ попытался подчинить себѣ и остальныхъ Оз—хъ крестьянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностр. дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности, которыми Галаганъ владѣлъ по универсалу гетмана, Г—нъ включилъ въ число этихъ маетностей и Оз—не. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—дѣйствительно ли принадлежатъ Галагану указанныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Оз—хъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ—не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣетъ". Поэтому въ грамотѣ на Оз. Г—ну было отказано. Въ то же время и вдова Андрея С—ча, пользуясь благопріятными обстоятельствами, по случаю учрежденія въ Глуховѣ коллегіи, въ февралѣ 1724 г., подала правителямъ ген. к—ріи такую жалобу: „въ прошломъ 1719 г., п. Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Оз—ми, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою пок. гетм. Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа, но онъ, плк-къ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣетъ ею съ того времени самъ"... Спрошенный по этой жалобѣ, Г—нъ отвѣчалъ: „леваду въ Оз—хъ, а не слободку, покойный судья С—чъ подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ Оз—скихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же при-

лагаю, *а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ Оз—скимъ, не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*". Въ такомъ объясненіи и заключался весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться... Тутъ Г—нъ—какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все село.— Затѣмъ, когда въ 1727 г. Г—нъ попросилъ было—у новопоставленнаго Апостола—дать ему одно изъ Прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ, указавъ при этомъ и 154 двора въ Оз—хъ. Такимъ образомъ, незамѣтно въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ себѣ все крестьянское населеніе Оз—нъ, состоявшее изъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ универсала на Оз. и отъ Апостола, хотя послѣдній, повидимому, уже признавалъ фактъ принадлежности ему этого села. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностр. дѣлъ за царской грамотою на самовольно захваченныя маетности, при чемъ Оз. назвалъ *хуторомъ*; но и на этотъ разъ гетманъ помѣшалъ ему закрѣпить за собою это село. Только въ 1737 г. успѣлъ наконецъ Г—нъ выпросить себѣ на Оз. универсалъ, отъ тогдашняго правителя А. И. Румянцова.

Кр. П. 8 д. А. 8 д. Б. 9 д. и „людей п. полковника" 19 д. В. 135 д. („маетность плк-ка Прлцк. Игн. Г—на") Г. 99 д. 103 х. Д. 150 д. 252 х. пс. 3 д. 5 х. Кз. Б. 16 д. Г. 8 д. Д. 37 д. 109 х. [1])

[1]) Сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ Галаганъ-сынъ относился къ жалобамъ Озерянскихъ подданныхъ на жестокость обращенія «старостъ». Свѣдѣнія эти очень любопытны, указывая, что по такимъ жалобамъ могъ быть и *судъ*. Свѣдѣнія эти касаются жалобъ Озерянскихъ кр—нъ (1757 г.) на временнаго своего старосту Корицкаго. При разслѣдованіи этихъ жалобъ, Корицкій разсказалъ, между прочимъ, и свою прежнюю жизнь, указывающую, что это былъ

С. Гнѣдинцы, „на мѣстѣ низкомъ, при протокѣ Рудѣ“ (Щащ.), возникли во второй пол. XVII в. и „подъ вѣдѣніемъ

одинъ изъ т. наз. *мандрованныхъ дяковъ*. О себѣ К. разсказалъ, что «родился онъ въ м. Яреськахъ, отъ отца Мартына Коваля, козака, и изучившися грамоти, будетъ тому годовъ до 15-ти, отъ отца отлучась, мандровалъ по разнымъ школамъ; между тѣмъ, въ 1748 г. приандровалъ онъ въ с. Озеряне, гдѣ живши въ тамошней школѣ за поддячого, того жъ году, на дочери посполитого Озерянского женился, а на другой годъ тамо, въ Озерянахъ, былъ поставленъ дякомъ. Посля, не пожелавши тамо дяковать, отлучившись, зъ женою свою, зъ оного села Оз—нъ, по разнимъ селамъ дяковалъ же. А прошлого 1753 г. онъ, К—ій, паки въ тое село Оз—не на жителство возвратился, и жилъ до 1757 г., въ должности дяковской; при томъ, по требованію старосты Оз—ского, подлежащіе по экономіи дѣла писалъ. Изшедшого же юня 19 д. (1757 г.), отъ г. полковника (Галагана), чрезъ писменній приказъ, велено ему, К—му, за отлучкою помянутого старости, поколь онъ возвратится, тамошнюю экономію въ надсмотреніе принять; такожъ, въ мимошедшое лѣто, сѣна укосить и пашню знять съ поля»... По этому распоряженію К—ій хозяйничалъ въ Оз—хъ до 2 сентября, пока туда не пріѣхалъ Галаганъ, которому по его пріѣздѣ, и разсказано было—какъ убыточно для него хозяйничалъ Корицкій. Разсказали «пану», что К. много сѣнокосовъ поотдавалъ, чужимъ людамъ, за деньги, въ свою пользу, плохо и несвоевременно убиралъ хлѣбъ и черезчуръ жестоко наказывалъ крестьянъ, за мнимыя ихъ провинности. «Демка Брагунца, будучи весма пяній, билъ нещадно плѣтью и кулаками, такожъ и за волоса таскалъ, при войту Шепетенку да шинкарю Семененку; винности жъ его, Брагинця, толко и било, что, состоя онъ смотрителемъ для обереженя отъ воровства трави господской на Лебединцяхъ, едного времени, тамъ былъ и оную траву объѣздилъ, где и его, К—го, якожъ онъ хотѣлъ туда жъ ради осмотру быть, хотя долго ждалъ, но что онъ тогда запился въ шинку, не дождался, а онъ К., не бувши самъ тамо, сказалъ будто и онъ, Брагунецъ, не былъ, и за то далъ къ побою причину. За якой побой, по иску на его нимъ, Брагунцемъ, у господина, уже предъ нимъ самъ и винился, и за увѣтче, данною отъ себе ему, Брагунцю, саморучною роспискою, обовязался заплатить денегъ рубля и 20 коп.—Федора Кавуна, стадника мирского, винности не мало предъ нимъ, К—мъ, не было, ибо онъ стадо въ под-

сотнѣ Варвинской" находились (*Генер. слѣдствіе*) до 1709 г., когда были отданы новымъ плк-комъ Носомъ, Михаилу Тарнов-

---

лежащое время, и за вѣдомомъ людскимъ, на пастбу, въ стернь яринную, гонилъ; а что безъ Корицкого вѣдома, то и дѣла ему до того не было, занапрасно, з едного самоволства и фастаючи, яко би всему онъ началникъ в селѣ, нещадно билъ плетю и въ колодѣ не токмо его самого, но купно съ нимъ и жену его, чрезъ цѣлый день, держалъ.—Петро Богушенко, самъ не идучи на панщину, просилъ его К—го, дѣвку его, Б—ка, на панщину въ гребцѣ принять; токмо онъ, К., дѣвки не принявши, двома нападами плетю немилостиво, какъ бы скотину, Б. билъ,—да и скотини разсудителний человѣкъ занапрасно такъ увѣтчить не будетъ; и за два рази—поболше 50 разовъ ударилъ, такожъ и за волоса доволно волочилъ, отъ которого увѣтча оной Петро Б. и болѣзновалъ недель болшъ трохъ; а сверхъ того и похвалки онъ, К., чинилъ—гонить его и на домашнихъ его, потоль пока из-свѣта или з-села—зженетъ, якие похвалки онъ, К., и исполнилъ, и з села вигналъ, ибо точію, чрезъ его, К—го, за страхъ онъ, Петро, изъ Оз—нъ перейшолъ и живетъ въ Гурбинцахъ, и тѣмъ онъ, К., господину въ подданствѣ ущербъ издѣлалъ»... Разсказаны были и другіе случаи жестокаго обращенія К—го съ подданными. Какъ только эти жалобы принесены были Галагану, Корицкій немедленно бѣжалъ изъ Оз—нъ и, желая избавиться отъ преслѣдованія плк-ка, «записался въ службу компанѣйскую», когда «команда новонабираючаясь перво-охочекомонного компанѣйского полку близъ с. Безсалъ (Лохвицк. у.) лагеремъ стояла», причемъ при посредствѣ «полковника того компанейского полку, г. Антона Крижановскаго», получилъ отъ генер. к—ріи «ордеръ» къ плк-ку Галагану, — объ освобожденіи отъ ареста жены и имущества его, К—го; но когда К. съ этимъ ордеромъ пріѣхалъ въ Оз—не, «то тамошнимъ старостою плк-ка Галагана взятъ подъ караулъ» и затѣмъ былъ судимъ въ полк. судѣ. Галаганъ искалъ съ К. возмѣщенія убытковъ въ хозяйствѣ, но при этомъ К. судили и за его жестокое обращеніе съ «подданными». Полк. судъ разсуждая объ этихъ К—го дѣйствіяхъ, замѣтилъ: «хотя бы жъ чія с тихъ людей била предъ нимъ К—мъ ослушность, то за оную подлежало ему, *по давному обычаю, наказать на то учрежденною самою только колодою*, а не боемъ, понеже такой чтобъ людей господскихъ бить, власти ему ни отъ кого не давано. Въ концѣ концовъ, судъ присудилъ, чтобы К.

скому, а когда послѣдній въ 1714 г. былъ поставленъ Варвинскимъ сотникомъ, то Скоропадскій подтвердилъ ему Г. на урядъ. Однакожъ и по смерти Михайла Т. Г—цы остались во владѣніи его наслѣдниковъ. Кр. А. 21 д. Б. 57 д. В. 65 д. Г. 26 д. 26 х. (Данила и Андрея Михайловичей Т—хъ. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 18 двор.) Д. 50 д. 92 х. пс. 11 д. 24 х. (б. тов. Петра Дан. Т.—32 д. 57 х. и вдовы Ив. Дан. Т.—18 д. 35 х.) в. тов. Бѣлоцерковца—5 д. 9 х.) Кз. Б. 37 д. Г. 50 д. 55 х. пс. 3 д. 3 х. Д. 68 д. 158 х.

С. **Свѣтличное**, „родники“, образовалось изъ хуторовъ, возникшихъ здѣсь въ к. XVII в., при чемъ значительнѣйшимъ былъ тутъ Варвинск. хуторъ козака *Свѣтличнаго*. Затѣмъ Св. было отдано плк-комъ Стороженкомъ полков. писарю Патокѣ, который и владѣлъ имъ до смерти (*Генер. слѣдствіе*). Въ 1719 г. Св. отдано Скоропадскимъ „маршалку“ своего двора, Андрею Кондзеровскому, при чемъ въ универсалѣ сказано: „мѣючи взглядъ на его, п. К—го, которій при боку нашому отъ начала гетманства нашого жъ вѣрніе и радителніе свои ронилъ услуги и потомъ домовѣ нашему присвоився“... Послѣднее выраженіе значитъ, что К—ій женился на одной изъ сестеръ гетманши Скоропадской. Послѣ Андр. К—го, Св. перешло къ двумъ его сыновьямъ, в. товарищщ. Якову и Петру К—имъ, которые и владѣли этою маетностью вмѣстѣ. Петръ К—ій женатъ былъ на дочери Дан. Мих. Тарновскаго, Марьѣ, и оставилъ четырехъ сыновей и пять дочерей. Кр. А. 21 д. Б. 29 д. В. 25 д. Г. 3 д. 3 х. [1]) (за три года „сошло“ 9 дв.) Д. 50 д. 66 х. (Як. и Петра Кондзеровскихъ) пс. 13 д. 24 х. Кз. Б. 38 д. Г. 32 д. 37 х. Д. 43 д. 78 х. Показанные въ Св., въ 1780 г., подсосѣдки принадлежали Ладинскому м-рю, за которымъ уже въ 1729 г. показана *„подъ с. Свѣтличнымъ*

всѣхъ обиженныхъ вознаградилъ согласно статуту. Какъ приведено было это рѣшеніе въ исполненіе относительно крестьянъ—не видно.

[1]) Эта цифра представляется ошибочною (что нибудь пропущено) п. ч. по вѣд. 1753 г. въ Св. показано 25 д. и 30 х.

слободка монастира дѣвичого Ладинскаго", съ 12 дв. По ревиз. 1740 г. слободка эта не показывается, а по вѣд. 1780 г. она сливается уже съ селомъ.

С. Остановка, рч. Варвица, возникла во втор. пол. XVII в., и до 1740 г. значилась ратушнымъ, а затѣмъ показывается селомъ просто „свободнымъ".

Кр. А. 11 д. Б. 10 д. В. ? Г. 4 д. 4 х. ратушныхъ. Д. 10 д. 17 х. (кол. ас. Галагана), пс. 35 д. 47 х. 19 бд. х. Кз. Б. 30 д. Г. 28 д. 29 х. Д. 28 д. 72 х. У Пащенка показаны слѣд. владѣльцы: кол. ас. Галаганъ—10 дв. 17 х., писарь генер. суда (Василій Высоцкій)—19 бд. х., сотникъ Жила—1 д. 3 х. и пдс. 7 д. 14 х. Владѣльцы эти явились, полагать должно, вслѣдствіе безхозяйнаго положенія О—ки, почему Галаганъ (Григорій?) имѣлъ возможность скупить всѣхъ *крестьянъ*, а Высоцкій могъ накупить здѣсь „грунтовъ" и заселить ихъ подсосѣдками, которыхъ въ О—кѣ, по свѣд. 1779 г., за нимъ считалось 149 „малороссійскихъ душъ". У Высоцкаго тутъ, поблизу была ранговая маетность, м. Куренка, посѣщая которую онъ, конечно, и могъ высмотрѣть удобства Остановки для поселенія въ ней своихъ подсосѣдковъ.[1])

Журавская сотня заключала въ себѣ только пять селъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Удая, за исключеніемъ с. Ладина, земли котораго находились на правомъ берегу Удая.

Журавскіе сотники. Федоръ Вульба, 1689. Матвѣй Выченко, 1672. Степанъ Левченко, 1683. Демьянъ Якубовичъ, 1711—1712. Михаилъ Ягельницкій, 1717—1728. Федоръ Тарасовичъ, 1729—1753. Петръ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1760. Иванъ Яновскій, 1763. Иванъ Степановичъ Лукомскій, 1770—1781.

Якубовичъ Демьянъ. Якубовичи производятъ свой родъ отъ Федора Якубовича, бывшаго при Хмельницкомъ Чигирин-

---

[1]) Занимая урядъ писаря ген. суда, Высоцкій былъ очень вліятельнымъ лицомъ въ Глуховѣ. Онъ былъ женатъ на дочери Сосницк. протопопа Федора Полторацкаго, Марьѣ, и имѣлъ четырехъ сыновей и шесть дочерей. По свѣд. 1779 г., за В. числилось крестьянъ: въ Куренкѣ—115, х. Матюшовкѣ—38, с. Уздицѣ—48 и Остановкѣ—149 «душъ».

скимъ полковникомъ, но въ доказательство этого происхожденія не представляютъ ни документовъ, ни другихъ какихъ либо свѣдѣній о томъ, что сотникъ Журавскій Демьянъ Я. былъ сыномъ этого полковника; дѣлается только ссылка на Рубановъ лѣтописецъ М. Россіи, гдѣ указанъ Федоръ Я. [1]). Вѣрнѣе, что Дем. Я. былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, вышедшій въ люди только блигодаря своей женитьбѣ на одной изъ сестеръ жены Скоропадскаго, которая ставъ гетманшею, помогла зятьямъ своимъ получить войсковые уряды и маетности. При этомъ и Д. Я. получилъ Журавское сотничество, а затѣмъ, въ 1712 г.— двѣ маетности, Мокіевку и Кулешовку. Сотничество Я—ча продолжалось очень не долго; весьма вѣроятно, что Я. не по своей волѣ оставилъ этотъ завидный для людей его положенія урядъ; можно догадываться, что Я., пользуясь своимъ свойствомъ съ гетманомъ, злоупотреблялъ своею властью; на это злоупотребленіе указываетъ напр., тотъ фактъ, что черезъ два года послѣ назначенія Я. сотникомъ, онъ 65 дв. козаковъ с. Антоновки фактически обратилъ въ своихъ крестьянъ (см. ниже с. Антоновку.) Оставивъ сотничество, Д. Я. умеръ въ безличномъ чинѣ бунч. товар. Единственный сынъ его, Яковъ, начиналъ службу тоже въ этомъ чинѣ, но затѣмъ, по какой-то протекціи, былъ поставленъ прямо на урядъ генер. есаульства. Женатъ онъ былъ на дочери *бригадира* Дунина, бракъ съ которою для того времени былъ явленіемъ малообычнымъ. Службы Я—ча перечислены въ слѣд. универсалѣ Разумовскаго: „Объявляемъ... асаулъ в. генер. г. Як—чъ подалъ намъ доношеніе, представляя о службахъ своихъ, которіе де онъ первѣе, въ рангѣ бунч. товарищей обрѣтаясь, по указу... ...Петра Перваго императора... ...съ протчіими бунч. тов—ми, въ низовомъ корпусѣ, тако жъ и въ Полскомъ, Кримскомъ, Днѣстровскомъ и Хотѣнскомъ походахъ, а потомъ пожалованъ будучи въ чинъ асаулства генер., внутрь государства по разнимъ коммисіямъ... А за оніе никакого себѣ не имѣетъ награждзнія, и просилъ о награжденіи... ...деревнями изъ свободныхъ войсковыхъ дворовъ, нашего разсмотрѣнія. И мы, гетманъ, призирая на его, ас. ген. г. Я—ча, вѣрно отправле-

[1]) Дѣло Полтавск. двор. собр. о дворянствѣ Якубовичей, № 41.

ніе службы, по данной намъ отъ ея и. величества власти, опредѣляемъ ему а. г. г. Я., исъ чего бъ онъ и напередъ къ отправленію, по своему характеру, вѣрныхъ службъ къ снабдѣнію билъ въ состояніи, въ вѣчное владѣніе... ...село Алексинцѣ... село Яцини... и село Скибинцѣ, въ коихъ по ревизіи 1751 г. посполитихъ свободныхъ дворовъ и зъ бездворными хатами 44 показано, со всѣми принадлежащими къ онимъ селалъ грунтами и угодіями"... Универсалъ этотъ подписанъ 2 мая 1752 г., какъ разъ въ то время, когда новый гетманъ собирался начать объѣздъ „малороссійскихъ полковъ", при чемъ изъ генер. старшины бралъ съ собою: С. Кочубея, Безбородка и Якубовича (Марк., II, 304). Можно поэтому думать, что Я. выпросилъ себѣ приведенный универсалъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ.—Умеръ Я., повидимому, ок. 1758 г. (Марк. II, 354), оставивъ пять сыновей, Александра, Демьяна, Григорія, Андрея и Александра 2-го, и дочерей Анну и Катерину. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ крестникомъ императрицы Елисаветы [1]); очень можетъ быть, что это обстоятельство было причиною, что старшій изъ сыновей, Александръ, попалъ въ *пажи*. (Дневн. Ханенка, 327 и 454). Почти всѣ Я—чи служили сначала въ великорусскихъ полкахъ: Демьянъ—прапорщикомъ, Андрей—гв. капраломъ и Александръ 2-й—подпоручикомъ. Григорій сначала оставался дома и числился войск. товар., но потомъ тоже поступилъ въ великорусскій полкъ, и въ 1784 г. дослужился до чина подпортчика. Позже, старшіе его братья Демьянъ и Андрей—перемѣнили великорусскіе чины на мѣстные: Демьянъ сначала получилъ урядъ полк. хоружаго, а потомъ, въ 1781 г., произведенъ былъ въ отставку бунч. товар., а Андрей въ 1774 г. получилъ бунч. товар., а въ 1776 г. былъ выбранъ, въ Прилуку, земскимъ судьею. Дочери Як. Як—ча были замужемъ: Анна за гусарск. капитаномъ Вас. Терлецкимъ, а Катерина—за полк-комъ Ильею Яковл. Лизогубомъ (съ 1767 г. [2]). Яковъ Як—чъ оставилъ наслѣдство небольшое,

[1]) Повидимому, Андрей былъ крестникомъ императрицы, крестившей его въ 1744 г. (См. Зап. Марк., II, 214).

[2]) Выходъ замужъ Катер. Яковл. Як—чъ за Илью Лизогуба, въ 1761 г., отмѣченъ у Марк. (II, 373), причемъ у него записано, что

причемъ, умирая, предоставилъ его въ полное распоряженіе женѣ своей, желая конечно поставить сыновей въ зависимость отъ матери; но послѣдняя уже въ 1763 г. подѣлила это наслѣдство между сыновьями, назначивъ: Александру старшему—Мокіевку и Кулешовку, Григорію—Яцины, Скибинцы и Антоновку, Андрею—х. Артополотскій и Александру меньшему—слоб. Артополотскую (при уроч. Росоховатомъ). Къ составу Якубовичевскаго наслѣдства принадлежало также и село Богданы, въ раздѣлѣ матери неуказанное, конечно, потому, что она оставляла его себѣ въ досмертное пользованіе. Тутъ же не указаны и крестьяне, „скупленные“ въ Жоравкѣ. Богданское и Жоравское имѣніе было подѣлено сыновьями Якова по смерти ихъ матери. Хотя въ наслѣдствѣ Як. Як—ча указано нѣсколько селъ, но крестьянское населеніе въ нихъ было очень невелико и богатыми людьми Якубовичи не были.

Ягельницкій Михаилъ—человѣкъ совсѣмъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ потомства не оставилъ, а потому и некому о немъ было говорить. Я. назначенъ былъ сотникомъ вѣроятно послѣ Якубовича и оставался на этомъ урядѣ, пока небылъ поставленъ полк. судьею, при Апостолѣ, въ 1728 г. На открывшійся послѣ Я. сотничій урядъ явилось нѣсколько кандидатовъ, какъ писалъ объ этомъ Носенко, въ Москву, къ Галагану (с. 130), въ декабрѣ 1728 г.,—„въ сотнѣ Журавской, слава Богу, чтирохъ сотниковъ уже имѣемъ: еденъ Горкуша, другій Левенецъ, третій Федоръ Тарасенко, а четвертый Марко Антоновскій (т. е. изъ с. Антоновки); и дѣло сотенное еще Горкуша правитъ, а Левенецъ, зъ суплѣкою Журавчанъ, хочай и ездилъ до Глухова, толко жъ оному отказано, а Тарасенко—по святахъ,—з суплѣкою Журавчанъ, хочетъ еще в Глуховъ ехати“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, какъ видно, успѣлъ въ своихъ исканіяхъ Тарасенко, происходившій изъ людей мелкихъ, но умѣвшій продержаться на урядѣ болѣе 20-ти лѣтъ.

Села Журавской сотни.

М. Журавка, слияніе Удая и Журавки, существовала уже въ 1618 г., какъ это видно изъ спора одного изъ за-днѣпров-

---

эта самая К. Як., семь лѣтъ передъ тѣмъ (1754 г.), была уже разъ сговорена за Александра Лысенка. (П, 321). О ней см. выше, стр. 249.

скихъ владѣльцевъ съ Іер. Вишневецкимъ, за бѣжавшихъ изъ с. Козловки въ Журавку крестьянъ (Zródła Dz., XXI, 233). При спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ", оказалось, что Журавка, какъ и Варва (с. 361), „поставлены были Польскими и Литовскими людьми до перемирныхъ лѣтъ", т. е. до 1618 г. Такимъ образомъ, Ж. поселена въ самомъ началѣ XVII в. По документу Ишездѣцкаго, въ Ж. показано 474 госп. и мельницъ. Въ пол. XVII в. Ж.—въ числѣ сотенныхъ центровъ—не показывается, но по описи 1666 г. значится мѣстечкомъ съ 44 дв. мѣщанъ, изъ которыхъ 10 хозяевъ были настолько зажиточны, что для полевыхъ работъ имѣли по три пары быковъ.[1]) Въ началѣ XVIII в. Журавсвіе кр-не „прислухали до ратуши", причемъ Демьянъ Якубовичъ, повидимому, не трогалъ ихъ; сталъ ихъ „скупать" сынъ Демьяна—Яковъ Як—чъ, который за три года (1736—38 гг.) скупилъ здѣсь 25 двор. изъ общаго количества 62-хъ, какъ объ этомъ точно говоритъ ревизія 1740 г. Черезъ 13 лѣтъ, въ 1753 г., у Якова Якубовича въ Ж. было 62 двора и 8 бд. хатъ, а свободныхъ посполитыхъ здѣсь оставалось только 11 дв. и 2 бд. х. Кромѣ

---

[1]) Нѣкоторыя черты изъ юридическаго быта Ж—ки, во втор. полов. XVII в., даетъ слѣдующій актъ 1683 г.. «Передо мною Стефаномъ Левченкомъ, сотникомъ Жоравскимъ, Матвѣемъ Тараномъ, атаманомъ городовымъ, Васкомъ Вдодомъ, войтомъ на тотъ часъ бывшимъ, и при бытности Яна Жабровского, сотника пѣхотного, (т. е. компанейскаго), зъ мѣщанъ, Гапона Кочерженка и инихъ людей зацныхъ и вѣрн годныхъ при томъ было не мало. Ставши предъ насъ Кондратъ Марченко, ктиторъ церкви Жоравской, и мовитъ тими слови: пане вряде и вся лаво засѣлая, ижъ зознаю явне и доброволне, щомъ продалъ славетне урожоному пану Иану, арендару Жоравскому, лѣсъ свой власный, стоячий въ Сокулліомъ, подле Киселева лѣса, за сумму певную сполна за 40 золотихъ. Тутъ тежъ и я, Григорій Матвѣевичъ, упрохалемъ враду вишъ писанного, на тотъ часъ зостаючого, жеби то было въ семъ же записѣ записано, щомъ продалъ пану Иану лози на ставу Жоравскомъ, за два таляра, на що подаемъ пану Иану сей нашъ записъ, ижъ не повиннисмо сами въ тотъ лѣсъ, яко тежъ и лози, втручатся, грошми откладать, яко тежъ потомки наши, жадний съ кревнихъ нашихъ, вѣчними часи».

того, по вѣд. 1753 г. въ Ж. оказывается и много другихъ владѣльцевъ, у которыхъ было по одному, по два—двора, разумѣется, подсосѣдковъ; крупнѣйшій изъ этихъ владѣльцевъ былъ Журавскій сотникъ Тарасовичъ (17 дв. и 2 бд. х.). Тутъ же записаны и два грузина: Данило Агіяновъ и Михайло Бедауровъ, за которыми значится *по одному двору*, полученныхъ ими значитъ въ 1743 г.

Кр. П. 44 д. А. 153 д. Б. 110 д. В. 103 д. (пс. 12 козачьихъ) Г. 37 д. 37 х. свободн. и 25 д. 29 х. „скупли" Якова Якубовича—Д. 25 д. 30 х. 4 бд. х. (сыновей Якова Якубовича) пс. 43 д. 57 х. и 18 бд. х. Кз. Б. 89 д. Г. 115 д. 131 х. пс. 21 д. 21 х. [1]) Д. 144 д. 279 х. 11 бд. х. пс. 2 д. 2 х. По Рум. описи, Ж. „лежитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ земляной городокъ, коего валъ отъ неподчинки осыпался; изъ города двое воротъ: Прилуцкіе и Лохвицкіе".

С. Ладинъ, Удай, упоминается уже въ 1619 г., когда былъ отданъ Раиною Вишневецкою Ладинскому м—рю (Густ. лѣт., 56). За этимъ м—ремъ Л. и остался. Кр. А. 191 д. Б. 131 д. В. 96 д. Г. 68 д. 71 х. Д. 123 д. 152 х. пс. 1 д. 1 х. Кз. Б. 6 д. Г. 6 д. 7 х. Д. 6 д. 10 х.

С.с. Мокіевка и Кулешовка, Удай, оба села возникли въ полов. XVII в. и оба затѣмъ имѣли одинаковую судьбу. М. и К. принадлежали сначала къ числу ратушныхъ селъ, а затѣмъ, въ 1712 г., отданы Скоропадскимъ Демьяну Якубовичу, вслѣдъ за назначеніемъ его Журавскимъ сотникомъ. При отдачѣ этихъ селъ Я—чу, въ М. было: 32 дв. и въ К. 24 дв. крест. Черезъ пять лѣтъ населеніе это умалилось болѣе чѣмъ *вдвое*. По случаю этого умаленія вдова Дем. Я—ча жаловалась, въ 1726 г. въ ген. к—рію, на излишній постой, причемъ, указавъ на прежнее населеніе М. и К., вдова продолжаетъ: „и тогда положено было имъ давать порцію компанейцамъ—на полтора человѣка; теперешнихъ же

[1]) Изъ этихъ подсосѣдковъ 5 дв. принадлежали отставн. серж. Черниговск. пѣхотн. полка Якову Передѣлову, который значитъ тоже могъ производить «скуплю» и притомъ *козаковъ*.

временъ, есть только въ М. и въ К. *всего 15 человѣкъ*, и то совсѣмъ обнищалыхъ, не имѣющихъ ни грунтовъ, ни тяголъ („ни тежъ жаднаго тягля"), и этимъ 15-ти человѣкамъ положено теперь давать, на пять компанейцовъ,—30 копъ... Поэтому, мизерные люди готовятся разойтись, не имѣя возможности вынести такой налогъ по малолюдству и великому своему убожеству"... Для провѣрки жалобы на трудность положенія кр-нъ, ген. к—рія послала на мѣсто своего к—риста, Ладинскаго, который донесъ, что въ М. оказалось 12 хозяевъ, а въ К. осталось всего 5 хозяевъ, изъ прежнихъ 18-ти, и что остальное населеніе этихъ маетностей, „за трудностью податей, разошлось по разнымъ селамъ". Донося объ этомъ, Ладинскій добавлялъ: „за такимъ малолюдствомъ въ тѣхъ селахъ, въ вистаченю компанейскихъ порцій и другихъ повинностей, великая трудность узнается.. Къ тому жъ и отъ компанейцовъ—осталніе люде въ онихъ селахъ не малую поносятъ трудность, же набѣгши въ село, біютъ ихъ и увѣчатъ напрасно; и отъ многихъ трудностей—и всѣ хотятъ позосталіе жилци прочъ розійтися"... Изъ этого донесенія можно видѣть, что умаленіе населенія въ М. и К. произошло еще до увеличенія компанейскихъ порцій, и явилось значитъ слѣдствіемъ не постоевъ компанейцевъ, а отъ тяжести налоговъ самаго державцы Дем. Я—ча, который несомнѣнно былъ тяжелымъ державцею.

Мокіевка. Кр. II. [1]) 16 д. А. 32 д. Б. 10 д. В. 13 д. („подданства б. т. Як. Якубовича") пс. коз. 6 д. Г. 12. д. 12 х. Д. подсосѣдк. 20 д. 32 х. (тяглыхъ кр-нъ вовсе не показано), Кз. Б. *нѣтъ* Г. 18 д. 22 х. пс. 6 д. 6 х. Д. 12 д. 37 х.

Кулешовка. Кр. П. 7 д. А. 24. Б. 14 д. В. 6 д. („подданство б. т. Якова Яснополского") Коз. пс. 1 д. Г. 9 д. 9 х.

[1]) Хотя въ перепис. книгахъ 1666 г., село, слѣдующее за Антоновкою и предшествующее Кулешовкѣ, названо *Мойсеевкою*, но нѣтъ сомнѣнія, что это ошибка переписчика и что при этомъ разумѣлась сосѣдняя съ Кулешовкою—*Мокіевка*.

(Якубовича). Д. 14 д. 19 х. Кз. Б. *нѣтъ* Г. 19 д. 18 х. и „скупленныхъ“ Якубовичемъ 5 д. 5 х. Д. 24 д. 41 х. 1 бд. х.

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе козаковъ—въ *старыхъ селахъ*—въ 1718 г. и затѣмъ появленіе ихъ въ 1740 г., и притомъ въ такомъ числѣ, которое никакъ не можетъ указывать, что это были *новопришельцы*... Поэтому можно полагать, что Д. Я—чъ, ставъ сотникомъ и получивъ въ свое владѣніе М и К., сразу подчинилъ своей власти козачье населеніе этихъ селъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ с. Антоновкѣ, и что послѣ отставки Я—ча отъ сотеннаго уряда, здѣшніе козаки возстановили свои права при помощи Глуховской коллегіи... Отмѣтка въ ревизіи 1729 г. о принадлежности Кулешовскихъ крестьянъ б. т. Якову Яснопольскому является простою опискою вм. б. т. *Якова* Якубовича, который показалъ Кулешовскимъ державцею какъ въ ревизіи 1731 г., такъ и въ ревизіи 1740 г.

С. Антоновка, Удай, извѣстна съ пол. XVII в., и уже въ 1666 г. заключала въ себѣ однихъ крестьянъ—55 дв.; сначала, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, а при Мазепѣ—перешла во владѣніе Свѣчекъ. Въ ревизск. книгѣ 1740 г., отмѣчено, что А., по царской грамотѣ 1694 г., укрѣплена за старшимъ сыномъ Лубенскаго плк-ка Лук. Свѣчки—Василіемъ, но въ тоже время по завѣщанію Лук. Свѣчки, умершаго въ 1699 г., А. назначена сыну его Василію (К. Стар. 1882 г., № 7, стр. 255). По ревизіи 1729 г. значится въ „подданствѣ“ б. тов. Ильи Александровича, (женатаго на дочери Василія Свѣчки, Домникіи), но черезъ два года, въ 1731 г., А. находилась во владѣніи сына Василія—Ивана, а отъ Ивана перешла къ сыну его Алексѣю, за которымъ Антоновскіе кр—не показаны по ревизіи 1740 г. Въ исторіи А—ки обращаетъ на себя вниманіе судьба тамошнихъ козаковъ, которыхъ въ 1713 г. здѣсь было 63 дв. и о которыхъ въ ревизіи 1713 г. замѣчено: „козаки, которіи нѣgди не бували у войску и не бувають, толко робятъ панщину сотникови своему“. Сотникомъ въ это время былъ какъ извѣстно (с. 379) Д. Якубовичъ, который, значитъ, за два года своего сотничества успѣлъ подчинить себѣ всѣхъ козаковъ цѣлаго села. Это примѣръ исключительный, указывающій какъ на энергію Я—ча, такъ и на благопріятныя для него усло-

вія, заключавшіяся въ его свойствѣ съ гетманомъ. Но Я—чъ пробылъ сотникомъ не долго, и съ уходомъ его—Антоновскіе козаки освободились отъ „панщины". Но вслѣдъ затѣмъ, тѣ же козаки попали еще въ худшія условія, когда державцею сталъ Иванъ Свѣчка. Это видно изъ слѣд. письма гетмана Апостола, писаннаго въ 1732 г. къ ген. хоружему Горленку: „Мой ласкавій пріятелю, пане хор. енер. Пишешь, вмть, въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацствѣ Антоновцовъ, которыхъ бунч. тов. Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство неналежне и не малые имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (разный скотъ). И по разсмотрѣніи вмть довелось (оказалось), дабы означенные козаки, по силѣ указа, были козаками и впредъ п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ имъ не чинилъ обидъ, и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вмть ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу противнымъ явился, въ чемъ требуешъ, вмть, отъ насъ резолюціи, якъ би съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ в. милости: понеже п. Свѣчка, неслушне *тыхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ* и статки у нихъ неналежне позабиравши, не возвращаетъ и, *надъ указъ нашъ*, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради, *пошли, вмть, отъ себе кого исправного, абы столко жъ, сколко би могъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него, Свѣчки, и тотъ грабежъ поотдавай, вмть, напрасно отъ него пограбленный, козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколъ власныхъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ...* [1]) Это странное распоряженіе гетмана, указывающее на полное безсиліе его власти, едва ли могло быть исполнено, потому что требовало насилія, противъ котораго Свѣчка несомнѣнно отвѣчалъ бы тѣмъ же... Кр. П. 55 д. А. 91 д. Б 56 д. В. 37 д. пс. коз. 14 д. Г. 16 д. 16. х. Д. 34 д. 42 х. бд. 2 х. (Лубенск. плк-ка Степана Максимовича) Кз. Б. 128 д. Г. 164 д. 218 х. пс. 32 д. 32 х. Д. 122 д. 281 х. Какимъ образомъ А. перешла отъ Свѣчекъ къ Максимовичу—не знаемъ.

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., августъ, 256.

Прилуцкіе монастыри.

Густынскій Троицкій монастырь основанъ былъ по „желанію“ ревнителя православія кн. Михайла Михайловича Вишневецкаго, [1]), который въ 1612 г. писалъ намѣстникамъ своихъ украинскихъ маетностей: „отецъ Аѳанасій, игуменъ монастыря Межигорского, съ отцемъ Исаіею Печерскимъ, имѣя тое намѣреніе, *ведлугъ желанія моего*, дабы тамъ монастырѣ строили въ маетностяхъ моихъ, где бы имъ пожелалось, обѣщая имъ подлугъ приличности подать и устроити, а такъ не отмѣнно повасъ(?) желаю и приказую, чтобъ по должности христіанской онимъ во всемъ помощни были, инако не чиня“. (Року 1612, іюня 2 д. [2]). Затѣмъ, изъ письма кн. М. В—аго къ одному изъ своихъ намѣстниковъ, кн. Лыко, отъ 2 марта 1614 г. [3]), видно, что въ это время Густынскій монастырь уже существовалъ, и что кн. В. просилъ кн. Лыко „ограничить“ тѣ земли, которыя будутъ отведены м—рю. Исполняя этотъ приказъ, кн. Лыко актомъ 5 мая 1615 г. „ограничилъ“ монастырскія земли, при чемъ говоритъ, что „*островъ Густыня, на которомъ церковь св. Троицы заложена и монастырь фундуется*, увесь—монастыреви быти и належати маетъ“.— Устроился Г. м—рь при вдовѣ кн. М. В—аго, Раинѣ, которая, повидимому, отличалась особою религіозностью и очень покровительствовала „своимъ монастырямъ, которые суть на Украинѣ, за Днѣпромъ, подъ Прилукою, еденъ Густынскій, а

---

[1]) «Густынская лѣтопись» основаніе м—ря относитъ къ 1600 г., приписывая это событіе какимъ-то Афонскимъ выходцамъ. Но это *преданіе* никакими другими данными не подтверждается и, повидимому, родилось изъ одного желанія связать исторію м—ря съ Афономъ...

[2]) Изъ Румянц. описи. Этотъ документъ, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ напечатанъ не былъ.

[3]) Въ копіи этого акта, приложенной къ Рум. описи, *дата* другая, именно—1 мая. Въ этой копіи текстъ письма сообщается съ новленіемъ языка, сравнит. съ напечатаннымъ при *Лѣтоп. Густ. м—ря*. (Напр., вм. «жебы они своимъ ся контентуючы, в чужое не не вчеповали»—«чтобъ они своимъ довольствуясь, въ чужое не вступали».

другій—Подгорскій". Объ этомъ свидѣтельствуетъ актъ Раины 1619 г.—Въ этотъ моментъ игуменомъ обоихъ монастырей былъ Исаія Копинскій, который собственно былъ и устроителемъ ихъ („которые и передъ тымъ во владзѣ и опецѣ своей мѣлъ (и) которымъ онъ (Исаія) и початкомъ былъ"). По смерти Раины В., обстоятельства нѣсколько измѣнились, такъ какъ хозяиномъ за-Днѣпровской Украины сталъ ея несовершеннолѣтній сынъ Іеремія, тъ это время уже принявшій католичество.—Впрочемъ, опекуны его, дядья Юрій и Константинъ, вновь устроеннымъ здѣсь м—рямъ покровительствовали. Вступивъ въ самостоятельное распоряженіе своею за-Днѣпровскою Вишневеччиною, Іеремія относился къ Г—му м—рю довольно благосклонно, какъ это видно изъ двухъ его „привиліевъ" 1636 г. (см. ниже, *лѣтопись*). Измѣнились отношенія В. къ этимъ м—рямъ послѣ того, какъ во время возстанія Остряницы и Гуни, Мгарскіе монахи заподозрѣны были въ единомысліи съ козаками. Суровое разслѣдованіе со стороны Іереміи заподозрѣннаго преступленія Мгарскихъ монаховъ—сильно напугало и Густынскихъ монаховъ, которые еще болѣе встревожились, когда послѣ усмиренія возстанія Остряницы и Гуни и послѣ жестокаго наказанія ихъ соратниковъ, на Украинѣ распространились слухи о томъ, что „король Польскій и паны радные, и ляцкіе арцибискупы приговорили на соймѣ, чтобъ въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть, и христіанскія церкви превратить въ костелы ляцкіе, и книги русскія и *монастыри вывести*"... Объ этихъ слухахъ сообщалъ Г—му игумену не кто иной, какъ самъ Исаія Копинскій [1]). Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, Г—ій игуменъ обратился къ Іереміи В. съ просьбою—подтвердить м—рю его имѣнія, полученныя отъ отца и матери Іереміи. На эту просьбу В. отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ впрочемъ: „а мнѣ цо о васъ,—жійте до ласки моей!" Съ одной стороны, этотъ отвѣтъ, а съ другой—насиліе поляковъ надъ Мгарскими монахами, за заподозрѣнное сношеніе съ козаками, до того растревожили Г—скихъ монаховъ, что они

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, III, 5.

рѣшили совсѣмъ покинуть свой монастырь и—вмѣстѣ съ игуменомъ своимъ Василіемъ—бѣжали въ Путивль, подъ защиту Московскаго царя. По прибытіи ихъ въ Путивль, Г—скіе монахи были тамъ приняты очень милостиво, причемъ изъ Москвы сдѣлано было распоряженіе помѣстить ихъ въ Бѣлевскомъ преображ. м—рѣ. Но это мѣсто почему то Густынцамъ не понравилось, и они, чрезъ строителя своего Иринарха (игум. Василій умеръ вслѣдъ за прибытіемъ въ Путивль), выхлопотали себѣ другое—Нижегородскій Дудинъ монастырь, куда и были тогда же отправлены [1]). Отсюда Густынцы на родину, повидимому, не возвращались, и Г—скій м—рь, послѣ своего запустѣнія въ 1638 г., возобновленъ былъ уже другими. „Густынская лѣтопись" говоритъ, что послѣ ухода игум. Василія съ братіей, этимъ м—ремъ хотѣли было завладѣть Лубенскіе „барнадины", но Мгарскій игуменъ—отправилъ въ Густыню трехъ своихъ монаховъ съ послушниками, которые и не позволили „барнадинамъ" завладѣть „спустошалымъ мѣстцемъ". Къ этимъ монахамъ присоединился какой то старецъ Сильвестръ Губаревичъ, „спасавшійся" поблизу „на послушаніи", и всѣ они вмѣстѣ—рѣшили возстановить Густыню. Петръ Могила, къ которому ново-Густынцы обратились за игуменомъ, назначилъ имъ Илію Торскаго, которому Г—скій м—рь и обязанъ своимъ возстановленіемъ, послѣ годичнаго запустѣнія.

Рядъ **Густынскихъ игуменовъ**, по монаст. лѣтописи, открывается Іоасафомъ, который считается первымъ игуменомъ. Лѣтопись говоритъ, что по указанію этого игумена былъ приглашенъ

---

[1]) Архивныя свѣдѣнія объ уходѣ Г—скихъ монаховъ въ Московскіе предѣлы приведены К. Невоструевымъ въ его статьѣ „О началѣ Алатырскаго Кіево-Николаевск. м—ря", Вѣстн. Зап. Россіи, Говорскаго, 1865—66 г., кн. 8, отд. 2, стр. 129—142. Изъ этихъ свѣдѣній и видно, что для Густынскихъ монаховъ былъ назначенъ Московскимъ правительствомъ Нижегородск. Дудинъ м—рь, «куда всѣ они, со своимъ имуществомъ, и были отправлены, на казенный счетъ, до Калуги сухимъ путемъ, а отселѣ (16 сент.) водою до мѣста». (Стр. 133). Всѣхъ монаховъ ушло изъ Густыни «66 челов. и 11 челов. крест. съ жен. и дѣтьми». (Т. ж., стр. 132).

братіею изъ Кіева Исаія Копинскій... Извѣстіе объ игуменствѣ Іоасафа основано, повидимому, на одномъ преданіи, хотя могло случиться, что онъ и жилъ въ Густынѣ до основанія здѣсь м—ря, „спасаясь въ пустынѣ", какъ это нерѣдко случалось во времена запустѣнія лѣвобережной Украины, при чемъ бывало, что монастыри возникали на такихъ мѣстахъ, уже раньше облюбованныхъ подобными „пустынниками". Но во всякомъ случаѣ первымъ устроителемъ Густыни былъ Исаія, который затѣмъ, по устройствѣ м—ря, въ немъ постоянно не жилъ, а лишь по временамъ наѣзжалъ. Въ его отсутствіе монастыремъ завѣдывали намѣстники, имена которыхъ монастырская память сохраняетъ до сихъ поръ [1]). Послѣ Копинскаго, болѣе извѣстнымъ игуменомъ былъ Василій, бѣжавшій съ своими монахами въ Московское государство. (См. выше). Послѣ Василія игуменствовалъ, какъ видно выше, Илія Торскій, которымъ и начинается нижеслѣдующій, уже достовѣрный, рядъ игуменовъ.

Илія Торскій, 1639—1644. Евфимій Войниловичъ, 1645—1652. Іона Ворщенскій, 1652—1655. Іосифъ Федоровичъ Товстушичъ, 1655—1665. Авксентій Якимовичъ, 1665—1695. Прокопій Каличанскій, 1696—1697. Яковъ Адамовичъ Ждановичъ, 1698—1701. Іовъ Мартыновичъ, 1703—1710. Іоаникій Теодоровичъ, 1710—1715. Варлаамъ Леницкій, 1716. Іосифъ Гугуревичъ, 1717—1721. Діонисій Мартыновичъ, 1722. Леонтій Злотницкій, 1723—1725. Клеопа Сѣлачъ, 1725—1727. Гавріилъ Леопольскій, 1727—1739. Мельхиседекъ Богдановичъ, 1748. Пахомій Витвицкій, 1751—1756. Митрофанъ Горленко, 1757—1758. Іосифъ Миткевичъ, 1761—1763. Кириллъ, 1763—1781 [2]).

---

[1]) См. книжку архимандр. Нектарія—«Святотроицкій Густынскій монастырь». (Лубны, 1892).

[2]) Списокъ этотъ составленъ нами на основаніи брошюры архм. Нектарія и архивныхъ свѣдѣній. Интересно, что м—рь не знаетъ своихъ позднѣйшихъ игуменовъ: Мельхиседека Богдановича и Митрофана Горленка, которыхъ въ спискѣ архм. Нектарія—нѣтъ. Помѣщая на основаніи этого списка, въ числѣ игуменовъ, *Іосифа „Дудуревича"*, мы его называемъ *Гугуревичемъ*, какъ и слѣдуетъ (см. с. 399). (Это прозвище встарину писалось съ помощію *лат.* g, которую затѣмъ, позже, неправильно читаютъ, какъ *русск.* д).

Дальнѣйшую исторію м—ря мы сообщаемъ въ формѣ отдѣльныхъ фактовъ, которые выбраны были Г—скими монахами изъ своего оффиціальнаго архива, при составленіи описи м—ря, въ 1765 г., для Румянцовскихъ чиновниковъ. Упомянувъ о преданіи по которому основаніе м—ря относится къ 1600 г., эта *актовая лѣтопись* сообщаетъ засимъ содержаніе извѣстныхъ уже печатно документовъ кн. Михаила и Раины В—хъ и намѣстника ихъ кн. Лыко, 1612—1619 г.г., а затѣмъ продолжаетъ, начиная съ 1629 г., слѣдующій перечень, который располагаемъ здѣсь хронологически. (У монаховъ хронологія не соблюдена. См. Полт. Еп. Вѣд., 1886 г., №№ 6—7).

— 1629 г., октовр. 22 д. Выпись въ замку Прилуцкого видана чрезъ игумена о. Феодосія, в которой запрещено Прилучанамъ в грунта монастирскіе втручатись.

— 1636 г., мая 16 д. Виданъ привилей чрезъ игм. о. Іринарха, отъ благочест. кн. Іеремѣя Корибута Вишневецкого, позволяючій монастирю всипати греблю на Удаю (где нынѣ зовется сага), на которомъ уже и млинъ былъ поставленъ, о 2-хъ колахъ.

— 1636 г., дек. 13 д. Виданъ привилей чрезъ о. игм. Иринарха, отъ кн. Іерем. Кор. Вишн—го, при томъ млинѣ ступи побудовати.

— 1636 г. Первозбудованній мнстръ Густынскій, со всею покрасою и лѣпотою, погорѣлъ, на первомъ мѣстцу, где нынѣ садъ называется Николскій.

— Въ томъ же 1636 г., игм. Иринархъ на семъ другомъ мѣстцу, где нынѣ Густынскій м—рь стоитъ, первый сдѣлалъ ограду ровомъ, и церковъ теплую Успенія Богоматере, и при ней трапезу з келарнею и протчіими потребностями, также и келіи,—по обоимъ сторонамъ м—ря, и колоколню незгорѣвшую з первого м—ря, перенеслъ и поставилъ.

— Въ 1638 году, наставшей междуусобной брани ляховъ зъ козаками, игм. Иринархъ зъ братіей послишавши, что ігумена Мгарского Каллистрата з братіею взяли было ляхи на страченіе, имѣя подозрѣніе будто они козакамъ порохъ поддаютъ, забравъ все имѣніе церковное и монастирское, бежали въ Московщину, до Путивля, отъ которихъ на пути все имѣніе впалось

в лядскіе и жидовскіе руки, и сами инніе пострадали отъ ляховъ, а инніе разбежались, оставя впустѣ м—ръ, в которомъ болѣе года никтоже живяше отъ человѣкъ, и уже римстіи законницы барнадины, с многолюдствомъ и колесницами, пришли было разграбовати до основанія все зданіе въ ономъ м—рѣ, аще бы Мгарскій игуменъ предреченный не прислалъ братіи и послушниковъ в защищеніе.

— Такоже ставшойся руини м-рю Густинскому, никто бѣ помагаяй, но граждане Прилуцкіе и окрестніе жители устремившися к разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, и кромѣ движимыхъ имѣній, дуброву монастирскую в границѣ монастирской, состоящую отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребелки, зрубали безъ остатка, сплошъ, и тую землю пахатную и сѣнокосную завладѣли, и первіе село Половая, потомъ деревня Левки—селились.

— Посля же предпомянутой руины ставшойся монастирю Густинскому, въ 1639 г., іюня 8-го, преосвщ. мтр—тъ Кіевскій Петръ Могила грамотою повелѣлъ поставленному отъ себя игумену блгч—му Иліи Торскому расточенную собирати братію.

— Въ томъ же 1639 году, самъ преосвщ. мтр—тъ Петръ Могила въ Густинскомъ м—рѣ крестъ водрузилъ и благословилъ дѣлать церковъ болшую во имя св. жвнч. Троицы, и отиде. Умножающейся братіи, начаша разомъ ограду дѣлати болшую въ защищеніе: устрашиша бо ихъ тогда варвари.

— В томъ же 1639 г., іюля 22 д., блжн. о. игум. Ілія Торскій отъ висланнихъ княжихъ испросилъ оборонній листъ.

— 1639 г., сент. 17 д., привилей отъ кн. Іерем. Кориб. В—ого, запрещающій мѣщанамъ Ирлцкимъ и протчіимъ его подданнымъ—жадныхъ би обидъ в пустошенню лѣса и ловляхъ рибнихъ, м—ревѣ не дѣлали, и о протчемъ, въ защищеніе м—ревѣ блж. о. игм. Ілія Торскій виправилъ.

— В 1641 г., блжн. о. игум. Ілія Торскій посилалъ моленіе до г—ря Молдавского Іѡ Василіе, прося ялмужной (милостини) на сооруженіе церкви болшой, иже даде неточію деньгами, но аппаратами и ина вся потребная, и грамоту 1641 г., мая 13 д., в три года приходить инокомъ з Г—го м—ря, по 400 золотихъ.

— Въ 1642 г., іюля 21 д., блж. о. Ілія Торскій поддавшись подъ високо монаршую милость блгч. государя и в. кн. Михаила Феодоровича, получилъ жалованіе и грамоту жалованную—в Москву приездить за жалованіемъ, пятого или шестого года. По изшествіи же о. игумена въ 1645 г., авг. мѣс., бывшіе игумены іермн. Ефимій Войнѣловичъ, іерсхмн. Іона Ивановичъ Боршенскій, іермн. Іосифъ Феодоровичъ и іермн. Авксентій Якимовичъ, по той грамотѣ, ѣздили въ Москву и получали жалованье.

— И в жизни своей блж. о. игм. Илія Торскій, з предявленного жалованя, сооружилъ церковъ деревяную, болшую, прекрасную, во имя св. Жвнч. Тройци (которая стояла 30 лѣтъ) и полать для общого всѣхъ приходовъ спряту, собираемого з м—скихъ угодій и подаемого отъ христолюбцовъ, и прочая благолѣпная зданія устроилъ.

— 1643 г., окт. 29 д., видано право отъ кн. Іер. В—ого, на млинъ на великой греблѣ стоячій, Івану Шкуратовичу, (а) синъ его Тимошъ Шк—чъ, при продажѣ оного млина м—рю, вручилъ.

— В 1644 г., дек. 5 д., господарь Молдавскій писалъ до о. игум. Іліи Т—го, о посилки ялмужной.

— 1647 г., мая 1 д. Привилей отъ кн. Іер. Крб. В—ого, подтвердителній, в млинѣ Максима мелника, на Удаю стоячомъ, подъ м—ремъ, на велик. греблѣ, на двѣ колы, едно мучное, другое ступное, блж. о. игм. Ефимій Войниловичъ виправилъ [1]).

---

[1]) Этотъ актъ, сохранившійся въ Рум. оп., приводимъ здѣсь—«Іеремѣя Михаилъ Корибутъ князь на Вышневцу. — Імѣя призрѣніе на чернцовъ монастира Густынского, а хотя и тож имѣти, дабы тамъ барзѣй хвала Божія за предковъ святыя памяти, тутъ же и княжатъ ихъ мціовъ р. р. (т. е. п. п.) родителей моихъ, отправляема была, почему пред тимъ былъ далъ тимъ чернцамъ Густинскимъ, в млинахъ на рѣцѣ Удаю, под митиремъ ихъ будучимъ, которій Максимъ мелникъ держитъ колъ двѣ, одно мучное, другое ступное, коихъ они уже заживали, такъ и нынѣ потвержаю тотъ листъ мой прежный и даю имъ в посессію тѣ кола вѣчними часи, однакъ

— 1648 г., іюня 17 д. Унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм., приказуючій сотнику и атаману Прлцк.—поймали бы своеволцовъ и покарали, которіи м—ръ разграбовали и чернцовъ окрутне мордовавши, били, а инихъ в смерть побили, тотъ же игм. виправилъ.

— 1648 г., іюня 17 д. Унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм.,—нихто бы в добрахъ м—скихъ жадныхъ кривдъ не чинилъ, тотъ же игм. Ефимій виправилъ.

— 1648 г. іюля 2 д. Унѣверсаломъ гетм. Б. Хмелницкій запретилъ, дабы подданныхъ монастирскихъ в козаки непринимано, лѣсовъ сѣножатей и пасѣкъ непустошено.

— 1649 г. 8 окт. Унѣверсалъ отъ гетмана Богд. Хмелницкого, приказуючій плквнику Прлцк., чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣвскихъ смирилъ, которіе непослушни м—рю, игум. Ефимій виправилъ.

— 1655 г., мая 15 д., ун. отъ г. Б. Хм., приказуючій селянамъ Боршенскимъ, Валковскимъ и Половянскимъ греблю м—скую гатити, безъ отмови и спору, виправ. о. игум. Іосифъ.

— 1655 г., 15 д., ун. отъ. гтм. Б. Хм., позволяючій зъ млина Шкуратишеного мѣрочку на арендаровъ належащую, м—рю отбѣрать, випр. тотъ-же игум. Іосифъ.

— 1655 г., мая 16, село Половую монастирю надалъ гтм. Б. Хм. въ подданство и унѣверсаломъ ствердилъ.

— 1655 г., іюля 15 д., унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм.—нѣхто би въ грунтахъ м—скихъ отъ княжатъ Вишневецкихъ поданныхъ, утѣсненій и обидъ не дѣлалъ, виправилъ о. игм. Іосифъ Феодоровичъ.

— 1655 г., іюля 22 д., унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмелницкой Анни, приказуючій обывателемъ Прилуцкимъ въ грунта би до м—ря отъ княжатъ В—хъ наданніе и унѣверсаломъ молжонка его гетмана Хм—аго конфѣрмованніе, не втруча-

---

тѣ обои кола по отбытіи аренди пана подсудка Кіевского, охранить и пожитковъ за (зъ?) ихъ заживать имѣютъ, а для болшей уваги и певности, даю сей листъ мой з подписомъ руки моей и притисненемъ печати. Данъ в Прилуцѣ, 1 мая 1647. (Видимо—переводъ съ польскаго).

лись и жадныхъ бы перешкодъ нечинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войск. и подъ суровимъ каранемъ, тотъ же игм. Іосифъ виправилъ.

— 1657 г., апр. 16. О деревнѣ Левкахъ гтм. Хм. велѣлъ зслѣдовать и висланніе изслѣдовавъ, отдали оную деревню Левки въ монастирское владѣніе, и писменно ствердили.

— 1659 г., сент. 13 д., унѣверсалъ отъ гтм. Івана Безпалого, оборонній, чтобъ м—ревѣ отъ войск. людей кривдъ не било нанесенныхъ, иг. Іосифъ виправилъ.

— 1659 г., дек. 17 д. Хвеско Терешенко, плк—къ Прлцк., надалъ изъ риболовній на р. Удаи, Демковскій, з села Високого.

— 1660 г., февраля 25. Селцомъ Половою зъ Левками, да мелницею Скурашевою (Скуратовою?), да деревнею Мацѣевкою, з двома мелницямы, блчстивѣйшій государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ, Густинскаго м—ря игумена Іосифа з братіею жаловалъ, и жалованную видалъ грамоту.

— 1660 г., сент. 11., писаніе отъ ближн. бояр. Алексѣя Никитича Трубецкого, намѣстн. Каз., оберегателное м—рю, нихто би з военныхъ людей жадныхъ обидъ м—ревѣ не дерзалъ наносити, игм. Іосифъ виправилъ.

— 1671 г., іюля 1 д., унѣверс. отъ гт. Дем. Игнатовича, позволяючій м—ревѣ на своей греблѣ, зовомой Великой, на Удаи, имѣющійся млинъ побудовати и з оного мѣрочки, на войско належащіе, до м—ря отбирать, игм. Авксентій виправилъ.

1671 г., іюля 1 д. ун. отъ гтм. Дем. Игнат. до плк—ка Прилуцк. писанній, абы приказалъ селамъ Боршной, Дѣдовцямъ, Деймаиовцѣ, Харитоновцямъ, Валковцямъ и Сокиринцямъ м—скіе греблѣ, якъ прійде время, гатити, о. игм. Авксентій Як—чъ виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк-ка Прилуцокго Семена Третяка на купленній млинъ в Процка Капустенка, (которій млинъ достался ему Процку Капустенку отъ отчима его бездѣтного Максима мелника, в котор. млинѣ кн. Іер. Корибутъ В—ій подалъ м—рю еще въ 1647 г., мая 1 д., двѣ колѣ, одно мучное, другое ступное), на Удаи, стоячомъ на Велик. Греблѣ м—ской, з двома колами мучними и з двома ступными и фалюшами, тотъ-же игм. Авксентій виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк—ка Прлцк. Семена Третяка, на купленній млинъ в Тимоша Шкураратовича, на Удаи, на греблѣ Великой стоячій, з двома колами мучними и третимъ ступнимъ и фалюшами, въ которомъ часть войск. м—рю отъ гетм. Б. Хм. в 1655 г., мая 15 д. надана, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1671 г., ноября мѣс., построенная игм. Торскимъ церковь деревяная во имя Живонач. Тройцы и полать, и половина всего зданія монастирского—погорѣло, за игумена Авксентія Якимовича, которій игуменомъ былъ 30 л.

— 1673 г., 5 марта. Въ Дмитра Хвиленка, зъ с. Високого, и синовъ его, купилъ о. игм. Авксентій изъ риболовній на р. Удаи, противъ Демченка, узъ липу Демченкову.

— 1674 г., 10 іюня. Росписка данная отъ священник. Васковскихъ Даніила и Алексѣя Острицкихъ, взамѣну грунтика ихъ, состоящого за Велик. гребл. надъ Удаемъ, подъ горою, за ниву м—скую на поляхъ Валковскихъ обрѣтающуюся, на урочищѣ Гавриловой горѣ.

— 1674—1676 г. Блжн. о. игм. Авксентій, зъ соборными старцами, умолилъ г. гетм. Іоанна Самойловича—каменную церковъ во имя св. Живнч. Тройцы уфундовати, которій началъ здати 1674 г., іюня 8 д., а довершилъ въ 1676 г. августа 1. („*По лѣтописцу*“).

— 1676 г., 19 апр. Унѣв. от гт. Ів. Самойловича—належитое послушенство попрежнему м—рю отдавали би подданніе жители Мацѣевскіе и впредь не бунтовались бы, тотъ же игм. Авксентій виправилъ.

— 1680 г., 10 марта. Листъ отъ нак. полк. Лаз. Горленка, приказуючій атаману Боршенскому, чтобъ по унѣверсаламъ гетманскимъ неотмѣнно гатилъ греблѣ м—скіе, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1681 г., 29 іюля. Унѣверс. отъ гетм. Ів. Самойловича, запрещающій, подъ часъ ярмарку при м—рѣ, горѣлками привозними шинковать, тотъ же Авксентій выправилъ.

— 1683 г., 12 марта. Подтвердительная грамота на грамоту 1642 г., іюля 21 д., пожалована отъ блчст. государей ца-

рей и вв. кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей, игмну Авксентію Якимовичу.

— 1686 году, 20 февраля. Боршенскіе и Валковскіе жители стали было въ м—скую границю вдиратися, о чемъ плк-къ Прилуцкій Лазаръ Горленко, зъ старшиною полковою, вчинилъ розискъ и декретомъ своимъ на томъ спорѣ границю м—рю попрежнему утвердилъ.

— 1687 г., 10 окт. Ун. отъ гетм. Ів. Мазепы, повелѣваючій селянамъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокиринецъ греблѣ м—скіе гатити попрежнему, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1688 г., 24 мая. Унѣверсалъ отъ гтм. Ів. Мазепы непозволяючій навозныхъ горѣлокъ шинковати во время ярмарковъ при м—рѣ бываючихъ, тотъ же игм. Авксентій выправилъ.

— 1689 г., 29 марта. По челобитію Г—го м—ря игм. Авксентія зъ братіею, отъ блчст. государей царей и в.в. кн. Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и в. госуд. благов. царевни и в. к—ны Софіи Алексѣевны, грамотою повелѣно было гетману Мазепѣ—объ отнятой землѣ козаками и мѣщанами Прилуцкими, наданой м—рю отъ княжатъ Вишневецкихъ, и о прочемъ розискать, но какъ гетманъ Мазепа недоброхотъ м—рю явился, потомъ зменникъ, для того при монастирѣ тая грамота осталась.

— Другую церковъ каменную во имя Усп. Богоматере и при ней трапезу, келарню и другую трапезу малую, зъ сѣнми, каменніе жъ, и ліохъ и поварню, и хлѣбню, каменніе жъ, для содержанія варива огородного и хлѣба, сооружилъ гетманъ Мазепа.

— Двѣ брами каменніе и на едной церковъ во имя св. ап. Петра и Павла, на другой церк. свят. Х—ва Николая и ограду каменную, покритую черепицею, и ліохъ полатническій, каменній, сооружилъ плк-къ Прилуцк. Дим. Горленко.

— 1709 г., 23 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ оборонній м—рю.

— 1710 г. 3 іюля. Унѣверсаломъ гтм. Іоаннъ Скоропадскій запретилъ такожъ подданныхъ монастирскихъ, дабы въ ковацство не пріймовано и кто въ козаки вписался, всѣхъ тѣхъ выключить.

— 1710 г., 9 окт. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ, уволняючій млини м—скіе отъ провентовой дачи.

— 1715 г., 12 мая. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., запрещаючій шинкарамъ подъ часъ ярмарковъ при м—рѣ бываемихъ, навознихъ горѣлокъ шинковати, виправилъ о. игм. Іоаникій Ѳеодоровичъ.

— 1716 г., 25 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., повелѣваючій по прежнему жителямъ селъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокирѣнецъ, греблѣ м—скіе гатити, виправ. игум. Варлаамъ Ленѣцкій.

— 1719 г. Колоколню каменную з церквою во имя в. муч. Варвары, коштомъ монастирскимъ, за игум. о. Іосифа Gyгуревича заложено и олтаръ было довершено, а колоколня розвалилась в 1724 г., и поднесь стоитъ розвалена колоколня, а олтаръ вцѣлости, з крайне обетшалою кришкою.

— 1734 г. На мѣстце обетшалой прежней поварнѣ каменной и розвалившейся, вновъ построена поварня и отъ води ограда, каменніе, монастирскимъ коштомъ, за игумена Гавріила Ліеполского.

— 1741 г. Келій всѣхъ въ м—рѣ прежними игуменами было построено 31, но в 1741 г. (?) игм. о. Леонтій Злотнѣцкій келій 14 розломалъ, а на тое мѣсто точію 4 кел. поставилъ.

— 1754 г. Ограду каменную на валу (где прежняя Горленкомъ устроена была и въ обетшалости розвалилась) о. архм. Пахомій Вѣтвицкій вновъ здѣлалъ, и записалъ въ поминникъ, что оной огради вкругъ здѣлалъ саженей троаршиннихъ 262, своимъ коштомъ, которую дѣлать началъ 1754 г., апр. 11 д., а окончилъ 1756 г., сент. 7 д.

— 1754 г. Каменную ограду подвышилъ о. архимандритъ Пахомій Вѣтвицкій.

— 1763 г., 12 ноября. Унѣв. отъ гетм. гр. Кирилла Разумовскаго, потвердителній выданъ на прежніе унѣверсали гетманскіе, запрещающій во время ярмарковъ бываемыхъ при м—рѣ Густ. и скитку Деймановскомъ, на м—скихъ землякъ, никому никакихъ шинковъ заводить и не имѣть.

Изъ приведенной *лѣтописи* видна вполнѣ общественная дѣятельность Г—скихъ игуменовъ, заботившихся, главнымъ обра-

зомъ, о матеріальномъ преуспѣяніи своего монастыря. Интересныя черты той же общественной дѣятельности двухъ замѣтнѣйшихъ игуменовъ—Торскаго и Якимовича—сохранились въ ихъ духовныхъ завѣщаніяхъ [1]). Изъ завѣщанія Торскаго видно, что онъ принадлежалъ еще къ старому типу монаховъ, „спасавшихся“ по внутреннему влеченію къ этому „спасенію“. Говоря о томъ, что всѣ свои средства онъ употребилъ на м—рь, который засталъ въ полномъ запустѣніи, („гроша скарбу, што было, з худости моей, тутъ все расточилемъ, на сырий корень заставши“), Торскій указываетъ, что все его имущество заключается въ книгахъ („такъ словенскихъ, яко и полскихъ“) и отчасти въ одеждѣ („сукнѣ“); и то и другое Т. завѣщаетъ монастырю, а затѣмъ обращается къ братіи съ практическими завѣтами: прежде всего, онъ совѣтуетъ братіи, избрать по смерти его, „старшого“ непремѣнно изъ *своихъ* („не избираючи зъ иншихъ оградъ старшого“), чтобы „мѣстце святое въ запустѣніе не пришло“. Другой совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы братія выпросила у митрополита „благословенный листъ“ „въ сохраненіе св. мѣстца отъ сопротивныхъ“, и, наконецъ, игуменъ завѣщаетъ своимъ инокамъ—елико возможно домогаться отъ „князя“ (т. е. Іереміи В.) „абы могли въ напотомные часы привилеемъ своимъ тое св. мѣстце и живущихъ на немъ—обаровати отъ вшелякого преслѣдованя и утиску, противенства“, причемъ просить, чтобы князь и потомкамъ своимъ рекомендовалъ исполнять ту его волю. Потомъ, хорошо зная слабыя стороны монашескаго житья, Торскій завѣщаетъ, чтобы братія „зрадъ и збѣговъ своволныхъ“ не творила, и чтобы „гомоновъ и раздоровъ не чинила“, а также, чтобы противъ игумена своего,—„любо въ очи, а барзей заочи,—турбацій покутныхъ (т. е. требующихъ покаянія) не дерзала чинить“. Отсюда, между прочимъ, видно, что уже и при Торскомъ монахи, скучая утомительнымъ однообразіемъ своей жизни, разнообразили послѣднюю разными дрязгами, интригами противъ игумена, и, наконецъ,—бѣгствомъ („збѣгами“) изъ монастыря... Въ заключеніе Торскій заповѣдаетъ

---

[1]) Напечатаны въ прилож. къ «Густынск. лѣтописи».

При настоящемъ номерѣ разсылается „Каталогъ малорусскихъ книгъ и нотъ книжнаго и музыкальнаго магазина Леона Идзиковскаго“.